

ИСПОЛИНЫ

Абай Тынибеков

Далайя

FOLIANT

УДК 821.512.122
ББК 84Рус-Каз-44
Т 93

Т 93 Тынибеков А.
ИСПОЛИНЫ: Исторический роман. – Астана: Фолиант, 2018.

ISBN 978-601-338-077-3
Книга 1: Далайя. – 456 стр.
ISBN 978-601-338-076-6

События романа-трилогии «Исполины» развиваются с середины VI века до нашей эры по I век до нашей эры на обширном пространстве, включающем в себя территорию и древней Персии, и античной Греции, и древнего Египта, но в большей степени они касаются земли кочевых племён саков, обитавших на территории нынешнего Казахстана, куда впоследствии вступают войска народа хуннов.

Книга первая «Далайя» повествует о почти двадцати пяти годах жизни сакской женщины Далайи, бывшей воспитанницы царицы Томирис, на протяжении которых происходят всевозможные перипетии в её судьбе, в результате которых она встречает своего будущего супруга – урартского наёмника в персидских войсках Русу, попавшего к ней в плен, от которого появляется на свет их единственный сын Дантал. Далайя спасает наследника, доверив его судьбу своему другу, греку Форкису.

УДК 821.512.122
ББК 84Рус-Каз-44

ISBN 978-601-338-076-6 (Кн. 1)
ISBN 978-601-338-077-3

© Тынибеков А., 2018
© Издательство «Фолиант», 2018

A decorative border surrounds the text, featuring intricate Kazakh ornamentation. The border consists of a central horizontal and vertical band, with ornate corner pieces at each of the four corners. The ornamentation includes stylized floral and geometric patterns.

Абай
Тынибеков

ИСПОЛИНЫ

Исторический роман

Книга первая

ДАЛАЙЯ

Астана – 2018

О Т А В Т О Р А

Произведение, которое вы, уважаемый читатель, держите в руках, является литературным сочинением, написанным в жанре исторического романа.

Однажды, ещё в далёкую юношескую пору, в библиотеке мне на глаза попала небольшая книжица – как оказалось чуть позже, я впервые взял в руки исторический рассказ. Именно с той поры я и начал зачитываться книгами, содержащими подобные повествования: романами и рассказами о древней истории человечества, оставившими в моей душе неизгладимое, чарующее впечатление.

Так же как и многих молодых людей, события давно минувших лет, удивительные приключения древних героев уводили меня в совершенно незнакомый мир. Мир, полный тайн и загадок, открывавший для меня неисчерпаемый кладёз знаний, дарящий новизну и истинные сюрпризы.

Не покривлю душой, если признаюсь, что и сейчас в свободное время я отдаю предпочтение литературе, связанной с далёким прошлым людей и всевозможными превратностями в судьбах героев, порой пусть даже никогда и не существовавших в реальном мире, но получивших свои жизни на страницах книг и не оставивших равнодушными к себе ни меня, ни других читателей.

Человек, на мой взгляд, это единственное существо на земле, вокруг которого всегда разворачиваются значимые, но, к сожалению, зачастую не очень гуманные и довольно трагические события. Ко всему этому он весьма интересен сам по себе ещё и своей непредсказуемостью, происходящей, безусловно, от его

разума. Стереотип в мышлении человека, как и в поведенческих проявлениях, во все времена был скучен и неинтересен и не мог являться ни признаком, ни преддверием каких-либо открытий, ни тем более динамичного развития и прогресса.

Прежнее обычно-буквальное значение слова «исполин», применяемое многими при описании внешнего облика великана (существа, обладавшего громадным телом), в моём личном понимании когда-то давно было вытеснено иным смыслом: понятие «исполин» может в равной степени относиться и к сути человеческого существа, но уже служа своеобразным определителем величия его души и поступков.

Очень надеюсь на то, что отдельные герои данного романа сообразно с их помыслами, деяниями и поступками по праву соответствуют тому, чтобы их называли исполинами.

Желание сотворить нечто подобное не раз посещало меня и в годы прохождения службы на Балтийском флоте, и в годы студенчества в одном из самых замечательнейших высших учебных заведений – в Свердловском юридическом институте, и даже в годы работы в органах прокуратуры и юстиции. Но лишь теперь, с некоторых пор, в моей жизни всё сложилось именно так, что я имею возможность посвятить себя ставшему любимым делу.

Моё близкое окружение, моя семья есть тот самый важный стимул, что окрыляет меня в этом непростом творчестве.

Отдельные идеи настоящего романа подсказаны моим сыном Ауэзом, выпускником казахско-турецкого лицея, фактически являющимся моим соавтором. Всё, что в этом романе, во всех трёх книгах, связано как с великанами, так и с меньшими нашими братьями, представителями животного мира и, в частности, с самым преданным другом человека – собакой, и есть добрая и посильная его лепта, нежный вклад в это произведение. Я надеюсь, что со временем он наполнит моё творчество множеством прекрасных идей и замыслов и однажды сам возьмётся за перо.

За исключением реальных исторических личностей, известных в мире, все остальные персонажи романа, равно как и события, связанные с ними, являются вымыслом автора.

П Р О Л О Г

Древние кочевники саки, как и все другие народы, всегда были богаты удивительными и своеобразными людьми, скромно ведшими свои обычные жизни в будни и проявлявшими себя в своих наилучших качествах при исполнении общих намерений сородичей и повелений властителей.

Многогранная и разнообразная жизнь своим течением во все времена вдыхала душу в нарождённые человеческие тела и одаривала их разными судьбами, оставляя при этом каждому из них равную возможность влияния на свой земной путь.

Осознание обладания таким выбором никогда не покидало человека, но зачастую оно так и оставалось с ним до его самого последнего вздоха, не проявляясь по причине его слабого духа ни в одном из его действенных порывов, словно ему и не было предоставлено такое право, и обрекая его идти по определённой кем-то другим дороге.

Тот же, кто не мирился с таким устоем и изыскивал в себе силы найти своё истинное предназначение, добирался и до славных венцов, и до памятных могильных холмов.

Но так или иначе он всё же успевал, пусть и недолго, пожить в полной гармонии с самим собой, словно получая эту возможность в дар от Всевышнего за пережитые муки и боли.

Однажды именно он, бунтарь по духу, встречался с тем единственным, подобным себе человеком, для кого был создан в пару, как задумано в природном естестве.

Нечто такое случилось, может быть, и довольно редко, и не со многими людьми, но обязательно с теми, кто был по-своему твёрд и особо отмечен судьбой.

Так, осиротевшая в раннем детстве обычная массагетская девочка с красивым именем Далайя, ставшая волею судьбы воспитанницей славной царицы Томирис, большую часть жизни проводит в строгом соответствии с существующими традициями, устоями и обычаями, пока однажды не происходят характерные для того времени трагические перемены.

Будучи совершенно не готовой к таким житейским превращениям, она впервые сталкивается с одиночеством, оказавшись за пределами родимой земли, в чуждом для неё краю.

В её жизни наступает пора для удивительных событий и открытий, неожиданных для неё важных знакомств, благодаря появлению которых постепенно возрождается её истерзанная душа, и однажды она всё-таки обретает столь желанное и долгожданное ею умиротворение.

Далайя, конечно же, не может знать о том, что ожидает в будущем и её единственного сына Дантала, и её последнего правнука Дассарию, но, если бы узнала, то гордилась бы своими удивительными потомками, прожившими хотя и трудные, но достойные, очень интересные, яркие и насыщенные всевозможными событиями жизни.

Часть первая

**«...И В МИРАХ ВСЁ СТРЕМИЛОСЬ
КУДА-ТО»**

523 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

Иониец Форкис был нарождён пятым младшим сыном в многодетной семье в небольшом рыбацком селении на самом юге острова Самос, расположенном в Эгейском море, у западного побережья Малой Азии.

С самого раннего детства вместе с молчаливым престарелым отцом он часто выходил на небольшой лодчонке в море, что плескалось в приливы почти у самого порога их скромного жилища, и всегда возвращался домой, хоть и с небольшим уловом, но очень довольный тем, что удавалось помочь родителю.

Трое старших его братьев, о которых доводилось слышать ему от матери в отсутствие отца, не желавшего ничего знать о них, когда-то тоже помогали ему в промысле рыбы, но однажды, забросив надоевшее занятие, тайком покинули дом в не известном никому направлении. С тех пор от них не было ни одной весточки.

Сестра, что была на пять лет старше его, имела прескверный характер. Он побаивался её и старался не оставаться в жилище с ней наедине.

Всегда чем-то занятая, быстрая на руки и вообще вся какая-то стремительная, она разительно отличалась от спокойной и уравновешенной матери. Ничто на всём белом свете не могло заставить её улыбнуться. Порой юноше казалось, что не она дочь своих родителей, а все они – её дети. Ему не доводилось видеть, когда она засыпает и встаёт, или хотя бы заметить, как

она ест и просто, присев, отдыхает. Даже при трапезе её не было за столом, но он точно знал, что всю эту еду чаще всего готовила именно она.

В делах она всегда опережала всех, в том числе и его. При такой её активности он чувствовал себя неумехой, и ему становилось стыдно в первую очередь перед отцом.

Но всё же с годами он стал ценить в ней два её удивительных качества. Во-первых, в семье она никогда никого ни за что не упрекала. Во-вторых, ни при каких обстоятельствах она не нуждалась ни в чьём внимании. Это было довольно странно, особенно в первом случае и, как он полагал, по отношению к нему, почти бездельнику и уж точно нахлебнику.

Единственной работой среди всех семейных хлопот, которой она не касалась, была ловля рыбы. Наверное, поэтому он желал поскорей уходить в море и как можно дольше не возвращаться. Там, в морских просторах, он забывал о ней и от этого чувствовал себя свободным и полноценным человеком.

Море было всепоглощающей его страстью. Ничто во всём мире не радовало его так, как это великое, божественное творение. От прохладных солёных брызг при частых ударах волн о борта у него захватывало дыхание, замирала его душа. Каждый раз, отойдя далеко от берега, когда его уже не было видно и всюду, сливаясь с небом, простиралась вода, он словно заново рождался. Он знал, что такое возвышенное чувство невозможно испытать на суше, на твёрдом земном побережье.

Глядя на увлечённого промыслом сына, старый рыбак широко улыбался щербатым ртом, утирая мозолистыми, узловатыми пальцами то ли капли воды, то ли скупые слёзы радости.

* * *

Рыбу ловили на верши и небольшие сети, хотя всегда брали с собой и удочки. Чаще попадалась всякая мелочь, но были и превосходные уловы. Особую радость доставляли макрель, каракатица и осётр, но когда изредка попадались угорь и усач, торговле не было предела. Эти два вида рыбы были в большой цене и поставлялись на столы богачам. На добычу тунца выходили

совместно с другими рыбаками, так как в одиночку ловить их было почти невозможно.

Пойманную рыбу женщины варили, солили, коптили, вялили и вместе со свежей при хорошем улове, выплатив часть в виде налога, продавали торговым людям – скупщикам, которые, в свою очередь, доставляли её на рыбные рынки. Тем и кормились.

В те редкие дни, когда не выходили в море, немногословный хозяин семейства, занимаясь починкой лодки и снастей, сам того не замечая, начинал предаваться воспоминаниям. Скрипучим, протяжным голосом под тихий всплеск прибрежных волн он каждый раз сызнава приступал к повествованию о своём прошлом и о былой жизни своего народа, и юноша в который уже раз слушал его слова очень внимательно, не перебивая его и не отрываясь от работы. Он понимал, что вот таким незамысловатым способом его престарелый отец старается помнить о своих корнях и передать эти знания ему, своему сыну, дабы и он не забыл о том, откуда он родом.

Из рассказов отца юноша знал, что род, из которого вышла их семья, принадлежит к ионийцам – одному из четырёх наиболее крупных греческих племён. Помимо них были эолийцы, дорийцы и ахейцы. Часть его предков когда-то давно, ещё при вторжении родственных им дорийцев, переселилась на этот остров, и с тех самых пор они, их потомки, и обитали здесь. Многие их соплеменники расселились по другим островам или же остались в приморских материковых землях.

Когда старец умолкал, юный Форкис позволял себе задавать вопросы. Прошое, безусловно, являлось важным, но то, что творилось сейчас, для него всё-таки было гораздо интереснее.

– Отец, а кто самый главный теперь на нашем острове? – начинал он.

– Зачем тебе это, сынок? – нехотя бурчал тот.

– А кто такой Поликрат? – не унимался любопытный юноша.

– Уж лучше бы кто другой был, чем этот самозванец, – попавшись на хитрую приманку сына, начинал старик.

Видя, что отец уже почти готов к рассказу о властителе, Форкис подстёгивал его другой уловкой:

– Скажи, отец, а правду говорят, что это он построил храм Геры и все эти красивые гавани и большие корабли?

– Он, сынок, он. Кто же ещё-то. Теперь все мы под ним ходим. Убили бы твоего Поликрата, что ли. Да простят меня боги, – отец с досадой махал рукой.

Больше он ничего не говорил.

Устало поднявшись, он внимательно осматривал работу сына, затем, пошаркивая ногами, направлялся в дом.

* * *

Если что-нибудь и изменялось в жизни острова, то происходило это, прежде всего, в его главном городе Самосе. Здесь же, на окраинах, всё узнавали в последнюю очередь. К тому же все эти перемены не очень отражались на жизни простого бедного рыбака, решавшего извечную проблему: что, наконец, придумать такого, чтобы всегда был хороший улов?

Островитяне, проживавшие в срединной части, были гораздо богаче. Множество их овец и коз паслось на обширных и сочных лугах, что раскинулись среди густых зарослей виноградников и садов с плодовыми деревьями. Шерсть и вино очень ценились у скупщиков на огромном городском рынке.

Но всё же основными занятиями, приносящими настоящее богатство, являлись кораблестроение и выплавка руды, получившие бурное развитие при деспотичном хозяине острова Поликрате, бывшем в недавнем прошлом торговцем и ставшем тираном – человеком, захватившим власть и установившим на острове единоличное, довольно жестокое правление.

Всякие слухи ходили о нём среди простого народа. Одни поговаривали, будто бы он вовсе и не был таким злым, иначе для чего, резонно подмечали они, при его дворе находились учёные умы и разные мастеровые? Видя его отношение к богам, коим он щедро воздвигал храмы, другие не считали его жадным, стараясь оправдать такими его поступками всё возрастающие побои и не замечая его пристрастия к роскоши.

Форкис часто видел в море военные корабли. Он восторженно замирал, стоя посреди своей лодки, и провожал их долгим взглядом. Отец при этом задумчиво поглядывал на сына, выбирая из воды сети.

– Эх, сынок, сынок, – вздыхал он тихо. – Где-то там на них твои братья. Они тоже, как и ты, мечтали попасть туда. Жаль, не доглядел. Ничего теперь не поделаешь.

Лёгкие волны от мощных гребков на ближнем судне добежали до их лодчонки, раскачивая её и креня на бок. Старец тут же брался за вёсла и разворачивал своё хрупкое судёнышко носом к волне, боясь опрокидывания.

В такие вечера, вернувшись к дому, юноша подолгу сидел на песчаном берегу у костра, обхватив колени и упершись в них подбородком, и не сводил глаз с морского заката.

Однажды Форкис, разделявая большую рыбину, сильно порезал руку и по настоянию отца остался дома. Родитель в одиночку ушёл на промысел и больше не вернулся. Юноша несколько дней подряд выходил с соседями в море, но всё было тщетно, даже лодку не удалось найти. Пучина поглотила старца. Такое среди рыбаков считалось хорошим концом жизни.

Отца помянули, как смогли, сдержанно, пригласив лишь троих его старых товарищей.

Семья лишилась не только отца. Теперь у них не было и того, что кормило и давало средства к существованию, – не было лодки. Поначалу сердобольные рыбаки приносили им часть своего улова, но со временем они перестали это делать, на что были разные причины, и главная из них заключалась в их собственной нищете.

Вскоре слегла мать, тихо ожидая своей смерти.

Сестра была неизменна. Как прежде, она находила какое-то занятие, ухаживала за матерью, не забывала заботиться и о нём, Форкисе, обстирывая и латая его изрядно прохудившуюся одежду. Продукты, обменянные на снасти, быстро закончились. Другого в доме ничего не было.

Наступали мучительные голодные дни. На удочку с берега ничего не ловилось, и тогда Форкис решил на то, что назойливо вертелось в его голове последние дни. Он подался к ближайшему от их селения богатому дому, где, выждав наступления темноты, проник во двор, желая поживиться хотя бы птицей. Всё закончилось довольно печально: его схватили и бросили в отстойную яму.

В тот же день в их доме появился прислужник богача, общивший обо всём случившемся. Сестра, выведя его из жилища, стала умолять отпустить глупого брата, но тот, безразлично выслушав её, пожал плечами и предложил обратиться к хозяину. Набросив на плечи длинный старый плащ, она направилась к богачу.

Уже к полудню Форкис был дома, не понимая, почему его отпустили, но радуясь вновь обрётённой свободе и купаясь в море, чтобы смыть зловонный запах. К вечеру сестра не появилась. Мать спала, попив принесённой сыном воды. Эту ночь они впервые провели вдвоём. Он не сомкнул глаз, выбегая из дома на каждый шорох.

Лишь с рассветом вернулась сестра. Она тихо прошла к своей лежанке и легла, свернувшись клубком.

Форкис, не понимая, где она была, в душе радовался её возвращению, и, хотя и видел странные перемены в её поведении, не стал мешать её отдыху, ушёл к морю. Тёплые лучи восходящего светила быстро пригрели его, и он уснул, растянувшись на мягком песке.

Ближе к полудню его разбудил то ли чей-то крик, то ли стон, поначалу непонятный ему и казавшийся каким-то очень далёким. Он вскочил на ноги, оглядываясь по сторонам. На берегу ничего не было. Прислушавшись, он вдруг понял, откуда доносились звуки, и тут же помчался домой. Вбежав с яркого солнца в тёмное помещение, он едва различил мать, лежавшую на животе на полу.

Она, словно рыба, выброшенная на сушу, бессловесно открывала рот, тараша страшно выпученные глаза и протягивая дрожащую руку куда-то в глубь жилья. Форкис бросился к ней, пытаясь поднять её и уложить обратно, но она яростно замотала косматой седой головой, смотря мимо него. Он оглянулся и в ужасе замер.

Прямо посреди дома, медленно вращаясь, как-то очень естественно склонив к плечу голову, высунув кончик языка, на верёвке, привязанной к толстой потолочной балке, висела его сестра. В страхе попятившись, не сводя с неё глаз, юноша упёрся спиной в стену, вцепился дрожащими пальцами в её шероховатости и стал сжимать кулаки, царапая камень ногтями, сдирая их и оставляя тонкие кровавые полосы. Всё живое в нём, подкатив к самому горлу, вдруг застряло там комом, сперев дыхание, туго пульсируя и наполняя рот горькой тягучей массой. Судорожно схватившись одной рукой за горло, другую прижав к губам, он перевёл почти невидящий взгляд на мать. Она по-прежнему лежала, но больше не двигалась и даже не стонала, уткнувшись лицом в пол. Его, едва успевшего выскочить из дома, тут же за углом вырвало. Низко склонившись, он долго стоял у стены, то задыхаясь, то натужно кашляя. Пустой желудок, сжимаясь до колющей боли, выделял лишь тягучую горьковатую слизь. Выступившие на его глазах обильные удушливые слёзы заслонили всё своей прозрачной пеленой, стекая по щекам, перемешиваясь на подбородке со слюной.

Вскоре он устало присел, часто дыша, прижимаясь к прохладной стене ноющим затылком, с облегчением вытягивая онемевшие ноги. В голове сильно шумело, а перед глазами долго наплывали и исчезали блёклые круги.

Придя в себя через некоторое время и только лишь теперь осознав всё случившееся, Форкис поднялся и, пошатываясь, вошёл обратно в дом. Мать была мертва. Взяв со стола нож, он забрался на лежанку, перерезал верёвку и, с трудом удерживаясь на ногах, опустил тело сестры на пол.

* * *

Вечером в дом к Форкису, держа в руках две рыбины, заглянул по-соседски старый рыбак. Довольный хорошим уловом и возможностью угостить семью покойного друга, он переступил порог и в ужасе замер, выронив дары. Посреди жилья в полумраке спиной к входной двери на полу сидел сам Форкис. Слева и справа от него находились тела матери и сестры. Юно-

ша медленно раскачивался из стороны в сторону, тихо и жутко подвывая. Старик, опершись подрагивающей сухенькой рукой о дверной косяк, чуть замешкался, потом развернулся и что есть сил на полусогнутых ослабших ногах побежал к себе.

Уже через мгновенье он едва поспевал за своей старухой.

Форкис, заботливо уложенный ими на лежанку, всю ночь обливался холодным липким потом. Его то знобило до дробного зубного стука, то бросало в жар, и дом наполнялся стоном и громким скрежетом крепко сжатых зубов.

* * *

Покойников хоронили всем селением без осиротевшего Форкиса.

Юноша не пришёл в себя и на следующий день, и ждать его прихода в чувства не стали, так как знали, что в жару нельзя оставлять тела без погребения.

Довольно скоро люди уже молча разбрелись от свежих могил, над которыми, громко крича, иногда пролетали чайки.

* * *

По прошествии трёх дней Форкис исчез.

В ту же ночь всех рыбаков разбудило страшное зарево. Что-то сильно горело возле дома местного богача, находившегося на небольшой возвышенности невдалеке от их селения.

* * *

Форкис, никогда ещё не бывавший в главном городе родного острова, очень долго бродил по нему среди людской толпы, открыв от удивления рот в восхищении перед строениями и площадями. Здесь всё для него было новым и необычным. Поднявшись по мощёной улице к одному из холмов, он присел на камень, с восторгом взирая на огромный храм.

– Ты знаешь, как называется это сооружение?

Юноша вздрогнул, услышав сбоку от себя чей-то голос. Рядом с ним, опершись двумя руками на обычную, но обструганную палку, стоял молодой человек, возрастом лет на пять старше него. Поверх нового голубого хитона у него была набро-

шена белоснежная шерстяная хламида с серебряной пряжкой на правом плече. На его красивом лице светились умные, добрые глаза. Он почему-то сразу показался знакомым, но в то же время юноша точно знал, что они никогда прежде не встречались. Форкис почтительно встал, уступая ему своё место.

– Это гекатомпедий. Здание только такого размера может называться так. В нём храм в честь нашей верховной богини, царицы богов волоокой Геры. Ты слышал о ней? – сам же ответив на свой вопрос, вновь спросил незнакомец.

Юноша кивнул.

– Ему уже около трёхсот лет. А его длина ровно сто футов, – любуясь величественным храмом, тот ненадолго замолчал.

Форкис тоже перевёл взгляд на храм.

– Богиня Гера – дочь покровителя урожая бога Кроноса и богини Реи, – незнакомец присел, вытянув одну ногу.

Кожаные сандалии тонкими ремешками удобно обвивали его щиколотки.

– Ты должен знать о ней как можно больше. Она сестра многих богов: Деметры – богини земледелия и плодородия, Аида – бога подземного мира, Гестии – богини каждого домашнего очага, Посейдона – бога морей, всех источников и вод и её супруга Зевса – бога неба.

Станный собеседник посмотрел в лицо юноше, улыбнулся и замолчал. О чём-то подумав, он продолжил:

– Тебе нужно знать и всех их детей: Ареса – бога войны, Гебу – богиню цветущей юности, Гефеста – бога огня и кузнечного ремесла. Да, и Илифию – богиню родов, ты тоже должен знать.

Форкис смутился. Конечно же, он слышал о некоторых из них от отца, но всё же многого из того, о чём говорил этот незнакомый человек, он не знал.

– Вон, видишь тот храм? – собеседник указал рукой чуть правее, туда, где в отдалении также на возвышенности белело удивительное здание. – То строение называется диптер. Пойдём туда, поближе к нему. Я давно не был там.

Он поднялся, выпрямил спину и зашагал вниз по улице, увлекая за собой удивлённого юношу.

Вблизи храм был великолепен. Сдвоенные ряды высоких колонн тянулись по всему его периметру. В отличие от прежнего храма он был почти новым.

Вновь присев на тёплый плоский камень, проведя ладонью по лицу и лёгким прикосновением пальцев протерев глаза, незнакомец, восхищённо взирая на красивое строение, с удовольствием цокнул языком и произнёс:

– И в наше время умеют творить чудеса. Ведь этот храм был завершён незадолго до моего рождения. Да, да, – он утвердительно покивал головой, посмотрев на юношу. – Я лично знаком с его творцами. Это удивительные люди. А знаешь, как их зовут?

Юноша мотнул головой, давая понять, что этого он не знает.

– Ройк и Феодор.

Он замолчал.

– Я не сказал тебе название храма? – вдруг, будто забыл что-то важное, нахмутив брови, спросил он.

Форкис вновь отрицательно покачал головой.

– Надо же! Не сказал ещё. Так вот, это третий Герайон – храм Геры, – выпятив нижнюю губу, снова кивая головой, ответил незнакомец.

– А где первый? – тихо поинтересовался Форкис.

– Какой первый? – не понял тот.

– Ну, если тот храм, где мы были, второй, а этот храм уже третий, то должен же быть первый. Или тот был первый? Тогда где второй? – юноша объяснил свой вопрос.

– Ах, вот ты о чём! Нет. Всё обстоит несколько иначе. Только вот этот храм выстроен на месте двух прежних. Поэтому он третий. Но есть самый древний храм богини Геры. Ему, наверное, семь сотен лет или даже больше того. Он находится не здесь. Там, далеко на западе, – собеседник непонятно махнул рукой, уставив себя себе под ноги и задумался.

Форкис молча рассматривал его.

– Как твоё имя? – неожиданно подняв голову, спросил тот.

– Форкис, – ответил юноша.

– Кто тебе дал его? – улыбнулся собеседник.

– Отец, – смутился он.

– Да. Очень интересно. Очень. Имя твоё действительно удивительное. Я бы сказал, даже весьма необычное, – вглядываясь в его глаза, размышлял незнакомец. – А ты знаешь, что оно означает?

– Нет.

– Ну да ладно. Когда-нибудь ты узнаешь всё о нём, – собеседник перевёл взгляд в сторону. Глядя куда-то в низину, указав палкой, он вновь спросил: – Вон, видишь, множество людей занято работой.

В небольшом отдалении, внизу, сквозь деревья виднелось скопление народа. Там всё пребывало в каком-то быстром движении. Оттуда по узкой дорожке в сторону этого храма тянулись повозки с различным строительным материалом. На подступах к холму они исчезали и вновь появлялись в стороне от здания, на самой возвышенности, снова скрываясь, но уже за ним.

Форкис кивнул.

– Там, в том месте, Поликрат начал подготовку всего необходимого для возведения нового, очень большого и красивого храма, – как обычно, со знанием толка во всём, что он говорит, произнёс незнакомец.

Услышав имя хозяина острова, юноша замер, широко открыв глаза, с трудом сдерживая желание расспросить о правителе. Он был уверен в том, что этот человек знаком с ним и может многое о нём рассказать, но вместо этого совершенно неожиданно для него самого вырвался совсем другой вопрос:

– А где будет новый храм?

– Он ещё не решил. Вернее, решил, но, я думаю, неверно, – спокойно ответил странный собеседник. – Повернув к юноше голову, он спросил: – А знаешь, почему? Нет. Ты, конечно же, пока не можешь этого знать. Поликрат возжелал выстроить новый четвёртый Герайон на месте третьего. Вот этого.

– Зачем? – Форкис был искренне удивлён.

– Представь себе, он считает, что этот храм уже слишком мал и нужен другой, гораздо больший по размерам и по-настоящему достойный богини Геры, – иронично ответил незнакомец, поднимаясь с камня.

Он ненадолго задумался.

– Что ж. Может, он и прав. Спрошу-ка я у него, что всё-таки с этим будет? Как он намерен с ним поступить? Хотя всё и так уже мне известно. Коль третий храм заменил второй, а тот когда-то заменил первый, то что должно произойти? – улыбаясь, шутливо спросил он юношу.

– То четвёртым будет заменён третий, этот, – Форкис сам не поверил в то, что сказал.

Он не мог представить, что скоро такой красоты не станет.

– Вот именно. Правильный ответ. Стало быть, и спрашивать мне его об этом уже не стоит, – весело произнёс незнакомец, склонившись к нему.

Юноша серьёзно посмотрел ему в глаза, затем с сожалением взглянул на храм.

– Прощай, Форкис. Мне уже пора идти. Нужно много трудиться, чтобы о тебе узнали люди, – подчеркнув его имя, тот стал разворачиваться.

– А как же имя моё, что оно означает? – не сдержался юноша, видя, что незнакомец собирается уходить.

– Об этом мы с тобой поговорим как-нибудь в другой раз. Хорошо? – странный собеседник направился вниз по дороге.

– Когда? – почти с криком вырвалось у Форкиса.

– Через три дня я буду свободен. Найди меня. Моё имя Пифагор, – не оборачиваясь, почти пропел тот.

* * *

Весь остаток дня Форкис продолжал бродить по улицам, но, где бы он ни был, а таких величественных сооружений больше не увидел.

Ближе к вечеру, постоянно вдыхая ароматные запахи различной еды, густо пропитавшие воздух и витавшие по всей округе от огромного рынка, расположенного на красивой площади в самом центре города, он сильно захотел есть. Ещё никогда юноша не испытывал такого голода.

Торговые люди уже увозили и уносили оставшиеся продукты. Народ разбредался по домам, но некоторые из них, видимо

прибывшие сюда из селений, оставались на ночлег недалеко от города, прямо под открытым небом.

После дивного заката, ненадолго покрывшего землю бледно-розовым цветом, мазнувшего золотистыми лучами по белоснежным стенам храмов, наступила ночь.

Пристроившись у одного из костров, Форкис раздумывал над словами странного собеседника по имени Пифагор: «Почему он не сказал сразу мне о значении моего имени? Странно это. Он знает самого Поликрата! Надо же! Интересно, кто он сам?».

Отсюда, с этого места, была видна рыночная площадь. Наверное, поэтому, подумал он, эти люди устраивались на ночлег именно здесь.

Юноша взглянул туда и вновь залюбовался. Сейчас, при разожжённых там огнях, всё выглядело иначе, красивее и таинственнее. К площади вели две главные улицы города, пересекаясь прямо на ней. Сама же площадь со всех сторон была окружена высокими колоннами, и лишь на входах с улиц располагались пропилеи – крытые ворота с выступающими вперёд стенами.

Кто-то тронул его за руку. Повернувшись, он увидел старика, протягивающего ему небольшую вяленую рыбу. Быстро и с удовольствием съев её, юноша растянулся на мягкой траве и уснул.

Наутро, узнав, где находится гавань, Форкис направился туда, желая поскорей увидеть корабли.

Вскоре он вышел к берегу. Море было спокойным и искрилось в лучах восходящего солнца. Лёгкий ветерок, пробегая над самой водой, оставлял на ней мелкую ослепляющую рябь. Вся набережная, покрытая гравием, была защищена от бурь каменной насыпью мола, протянувшегося далеко в воду. Мол окаймлял большую бухту, оставляя широкий проход для кораблей. Крепкие деревянные мостки, по бокам от которых стояли суда, ровными рядами уходили вдаль от плоского берега. Справа от них находилась верфь. Там повсюду трудились люди. Вся гавань была наполнена различными звуками: громкими голосами, стуком, скрежетом и криком чаек. Невиданное доселе зрелище было восхитительным.

Форкис сбегал вниз, на набережную. Мелкие острые камушки не давали ему идти быстро, больно врезаясь в мозоли-

стые стопы. Но он не смотрел под ноги. Его внимание захватили боевые корабли, стоявшие в бухте в большом количестве. Приблизиться к ним не позволяла вооружённая охрана, выставленная вдоль берега и на мостках. Но даже с того места, где он находился, они выглядели неимоверно внушительными, длиной почти двести футов и шириной около двадцати. Юноша стал рассматривать самый ближний из них.

Единственный большой светлый парус, имевшийся на корабле и прикрепленный к широкой верхней рее, был поднят и удерживался при помощи многочисленных канатов, свисая нижним краем параллельными складками.

Вёсел у большинства кораблей, как и у этого, не было, но маленькие оконца, куда их втянули, чернели тремя ярусами по каждому борту, причём в каждом ряду их было около тридцати. На одном, самом дальнем от берега, вёсла ещё не убрали, и от этого он был гораздо красивее остальных. Вся гавань была заполнена множеством открытых лодок, сновавших между кораблями и берегом и доставлявших различные грузы и такелаж.

Форкис направился в правую сторону, туда, где строились суда. Здесь всё было иначе, и даже запах был совершенно другим. Подойдя поближе к почти завершённой остоу какого-то корабля, установленному прямо на берегу, он присел на бревно, внимательно рассматривая его и следя за работой строителей.

Там, в гавани, где корабли стояли на воде, их донных частей не было видно. Это же судно выглядело совсем иначе. При первом, поверхностном осмотре корабль, весь опутанный деревянными подпорками и разными канатами, больше походил на толстого гигантского жука с тонкими ножками, будто пойманного в сеть и подвешенного на её нитях. Но при пристальном рассмотрении уже казалось, что он выше и как бы стройнее тех, что в бухте. Поначалу юноша лишь смутно уловил, что в верхней части не хватало чего-то важного, имевшегося на других кораблях. Уже через миг он догадался: на нём не было мачты.

Множество мастеровых, облепив остов судна, копошились внутри и снаружи корпуса, стуча топорами, что-то прибывая, постоянно принимая бесконечно подносимые к ним различные ма-

териалы, в огромной массе поглощаемые его ненасытным нутром. Вместе с запахом древесины от корабля веяло ещё и свежестью. Он был каким-то светлым и от этого воздушным в отличие от тех, что стояли на воде, чернея бортами. Сквозь маленькие вёсельные оконца с того места, где сидел Форкис, виделось синее небо.

Форкис окинул взглядом корпус и тут же ощутил лёгкую оторопь. Из носовой части корабля, обращённой к нему, мощно выступал невероятно огромных размеров заострённый деревянный шип. Страшный, хищного вида, он производил удручающее и очень даже пугающее впечатление, вмиг изменив в юной душе отношение к постройке. Сразу исчезло доброе и светлое восприятие этого судна, только что так восхищавшего его. Воистину это был боевой корабль, создаваемый для войны на море, о чём почти забыл впечатлительный Форкис.

– Что, нравится тебе он? Это истинная мощь, – вдруг рядом с ним кто-то неожиданно произнёс громоподобным голосом, сильно напугав его.

Юноша вскочил на ноги, готовый бежать. Но бесшумно подошедший человек вовсе не выглядел враждебно и спокойно присел на бревно. Это был худощавый мужчина средних лет, очень высокого роста, с чёрной копной кудрявых волос и такого же цвета усами и бородкой. Одет он был просто и обычно. Белый льняной хитон с короткими рукавами аккуратно подпоясан и закреплён бляшками на плечах. Поверх него накинута белая же хламида, застёгнутая железной пряжкой на правом плече. На ногах старые, затёртые и оттого бесцветные сандалии.

– Сиди. Не бойся, не трону, – вновь пробасил он.

Форкис присел чуть поодаль, не сводя с него глаз.

– Что-то я тебя раньше не видел. Ты в первый раз здесь? – взглянув ему в лицо, спросил тот.

– Я просто смотрю, – растерявшись, невпопад ответил юноша.

– Я тоже иногда смотрю на него со стороны, а то всё больше как-то наоборот приходится, – не очень понятно произнёс незнакомец и перевёл взгляд на строящийся на стапели корабль.

Видя, что этот великан ничего не имеет против его нахождения на этом месте, Форкис успокоился и, посмотрев туда же, спросил:

– А что это там у него за штука впереди острая?

– О! Это главное оружие на этом корабле, передняя часть форштевня, а называется оно таран. Его позже обошьют железом. Им пробивают корпус вражеского судна, и оно тонет, – с восторгом ответил мужчина. Затем, вновь взглянув на юношу, он с интересом спросил: – Ты хоть знаешь, как называется этот корабль?

– Нет.

– Хочешь узнать?

– Да. Я видел их часто, когда с отцом выходили в море.

– Выходит, ты из рыбацкой семьи. Что ж, значит, море тебе знакомо. Это хорошо. Нет ничего прекраснее моря.

Прищурившись, взглянув вдаль, он недолго помолчал, вздохнул и продолжил:

– Такой корабль называется триера. Вон, видишь, в три ряда ярусы, вёсельные оконца на бортах? Поэтому и триера. Знаешь, что такое палуба? Это как бы горизонтальный помост, пол внутри корабля. Он разделяет его слоями от борта до борта. Так вот, триера – корабль трёхпалубный. Верхняя палуба открытая. Понял?

– Да. А этот скоро будет построен?

– Скоро. Очень скоро. Теперь нужно строить быстро и много, – вмиг посерьёзнев, ответил тот.

– Почему?

– Война, юноша. Опять война.

– А с кем? – не унимался он.

– С Персией. Есть такая страна, там, на востоке от нас.

Незнакомец в раздумьях замолчал. Форкис не мешал ему. Сегодня он снова услышал много нового и удивительного. Теперь ему казалось, что его вчерашнее прошлое было долгим сном и что все свои годы он даже и не жил. Там, где он существовал, всё было однообразным и тихим, каким-то закрытым и отдалённым от того, что творилось в мире. Здесь же всё было гораздо интереснее. Вот только его голод был прежним – знакомым и неуёмным.

Становилось жарко. Наступал полдень. Незнакомец встал, отряхнулся, взглянул на остов судна и направился в сторону

города. Форкис тоже поднялся, развернулся и посмотрел ему вслед. Тот, пройдя пару десятков шагов и словно почувствовав его взгляд, остановился, повернулся к нему и громко произнёс:

– Эй, тебя, наверное, заждались дома? Смотри, не огорчай отца.

Форкис тут же сник, с горечью вспомнив об опустевшем доме. Он обессиленно присел обратно на бревно, отвернувшись к морю. Только теперь он по-настоящему ощутил одиночество. На всём белом свете у него не было ни единой родной души, кому он был бы нужен. Ему очень хотелось, чтобы старшие братья нашли его и забрали с собой. Но их, к его сожалению, как не было раньше, так и теперь не было рядом с ним.

«Может быть, они где-то здесь, среди этих людей? Но никого из них я уже не узнаю. Да и они меня тоже», – тоскливо подумал он.

– Ты что, сбежал из дома? – спросил вернувшийся незнакомец, вновь напугав юношу.

– Нет. Я не сбежал. Я просто ушёл, – не вставая, ответил он.

– Это одно и то же. Не так ли? Или я чего-то не понимаю? – продолжал спрашивать тот.

Форкис встал. Ему было неловко сидя разговаривать со стоящим человеком, причём старшим по возрасту. Он молчал, тупо уставившись себе под ноги.

– Тебя, что, выгнали?

Незнакомец по-дружески слегка потормошил кудрявые волосы Форкиса. Его голос не был осуждающим.

Не дождавшись ответа и понимая, что юноша не может сказать всего, он неожиданно предложил:

– Ладно. Не хочешь говорить, не говори. Пойдём со мной, а то я что-то проголодался. Не бойся, я не питаюсь взрослыми мальчиками.

И это шутивное приглашение, и обращение незнакомца с ним были приятны Форкису, и он искренне захотел пойти с ним, улавливая его доброе расположение к себе.

На самой окраине города, в стороне от улицы, ведущей к гавани, в тени раскидистого дерева стоял приземистый камен-

ный дом. Из-за угла, виляя хвостом, выбежала лохматая собака. Пригнувшись и потрепав её по шее, хозяин подошёл к низкой двери, отворил её и вошёл внутрь. Форкис зашёл следом.

Дом состоял из одной просторной комнаты. В ней было прохладно и поначалу немного сумрачно. Мужчина прошёл к очагу, расположенному у левой стены, и чем-то занялся. В дальнем углу находилась лежанка. Посреди комнаты стоял деревянный стол, возле которого стояли два табурета. У дальней стены размещался большой ларь, а другой, чуть поменьше, – в левом углу, за очагом. Больше ничего не было.

Пообвыкнув после яркого солнца, Форкис заметил много разного оружия на стене возле лежанки, подошёл туда и стал рассматривать. Прямой обоюдоострый меч висел на кожаной перевязи. Рядом с ним также свисали кинжал, лук и колчан со стрелами. Здесь же были прислонены к стене длинные и короткие копья, а прямо над изголовьем лежанки повешены два железных щита – большой овальный и маленький круглый. Так близко, причём столько оружия сразу Форкис видел впервые.

Вскоре затрещал огонь в очаге. Дом стал наполняться аппетитным запахом еды, от которого у юноши невольно потекли слюни, и ему приходилось их часто сглатывать. Через некоторое время мужчина пригласил его к столу.

Такого изобилия Форкис не видел никогда. На тарелках клубились горячие куски мяса, лежали поджаренные лепёшки, было много сыра, зелени и фруктов. Почему-то не было рыбы. Видимо, радушный хозяин, как подумалось юноше, счёл её излишним блюдом, полагая, что она поднадоела ему, рыбацкому мальчишке.

Ели молча, с огромным аппетитом. Форкис не стеснялся сотрапезника, но всё же старался не спешить, боясь поперхнуться. Еду он запивал холодной родниковой водой, осторожно наливая её из глиняного кувшина-ойнохой с одной ручкой и горлышком с тремя стоками в такой же глиняный кубок-канфар на высокой ножке с двумя ручками. Хозяин же, сытно икнув, потянулся за бронзовой ойнохой с виноградным вином и, ловко наполнив из неё стоящий перед ним бронзовый же канфар, стал с удовольствием потягивать прохладный напиток. Осушив

его до дна, он встал, собрал кости, подошёл к двери и бросил их ожидавшему там псу. Затем, открыв большой ларь, он достал оттуда шерстяное покрывало и подал Форкису:

– Приляг. Отдохни.

Сам он улёгся на лежанку. Юноша, расстелив покрывало в другом углу, тоже прилёг и тут же крепко уснул.

Пробудился он поздним вечером. Лежанка была пуста. Сложив покрывало, он вышел из дома. Хозяин сидел у стены.

Увидев юношу, он спросил:

– Не хочешь пройти со мной к морю? Или тебе пора идти?

– Мне хотелось бы знать, как отблагодарить тебя за всё? – в свою очередь спросил гость.

– Пойдём, я покажу тебе одно место. Мне кажется, оно самое красивое на всём побережье, – словно не услышав его, произнёс незнакомец, вставая.

На землю уже опустилась ночь. Небо светилось множеством больших и малых звёзд. Спутники прошли вверх по тёмной улочке, встревожив во дворах собак, повернули вправо, обошли небольшой холм и вскоре оказались над прибрежным песчаным обрывом. Внизу, охватываемая с боков почти ровным полукругом суши, плескалась морская лагуна, блестя отсветами звёзд. Зрелище мгновенно захватило их души. Оно было потрясающим и очаровывало своей невиданной красотой. Где-то вдали, сверкая мириадами искорок, небо сливалось с водой, отражавшей яркими бликами его отблески, не давая возможности понять, где заканчивается одно и начинается другое.

Это видение очень сильно будоражило сердца своим неопишмым величием, невольно подчёркивая собой всю мизерность и никчёмность человеческого существа, способного лишь на суетливую возню в довольно ограниченной среде.

Казалось, что огромный, прозрачный, сияющий полушар своим одним округлым краем касался дальнего, невидимого горизонта, а другим заходил им за спины, накрывая куполом всё пространство вокруг.

– Там, где ты живёшь, есть что-нибудь подобное этому? – тихо спросил мужчина.

– Такое я вижу впервые! – заморожено, будто пребывая в дивном сне, также тихо ответил юноша.

– Такого нигде нет. Поверь мне. Уж я-то повидал всякое, – опускаясь на тёплый песок, восхищённо прошептал тот.

Они ещё долго любовались заливом.

Со стороны города всё реже доносился собачий лай. Всё живое засыпало, погружаясь в ночь.

* * *

Ранним утром Форкис, привыкший за долгие годы просыпаться ещё до зари, бесшумно вышел из жилища и присел у стены. Он не знал, как вести себя дальше с этим странным, но очень добрым и приветливым человеком. Лишь одно, главное, он осознавал довольно уверенно: нельзя было оставаться у него, подвергая его опасности и тем более не принося какой-либо пользы. Следовало дожидаться утра и пробуждения хозяина и, поблагодарив его, удалиться.

Вернувшись обратно и тихонечко опустившись на пол, на покрывало, он задумался: «Куда мне идти дальше? Чем кормиться? Где жить? Может быть, вернуться в свой дом, попробовать построить лодку и, как прежде, заниматься рыбной ловлей? Выходить в море. Да, но там, наверное, мне уже не стоит появляться. Если тот богатый скупщик не сгорел и остался жив, то наверняка уже ищет меня. Что делать? А вдруг он найдёт меня, что тогда будет со мной? Но находясь здесь, я могу невольно навредить этому доброму человеку».

Тяжёлые мысли, словно булыжники, медленно переваливались в его голове. Поворочавшись с боку на бок, устав от дум, он все же уснул, так и не приняв никакого определённого решения относительно своего ближайшего будущего, утвердившись лишь в одном – не быть дармоедом в этом доме.

* * *

Проснулся он поздно, к полудню. Хозяина жилища уже не было. Его не оказалось и во дворе. Лишь пёс, приветливо вильнув хвостом, улёгся в тени дерева. Полагая, что мужчина может находиться у гавани, Форкис направился туда.

Едва он сделал несколько шагов по дороге, как вдруг, оглянувшись, замер. По улице, широко ступая, шествовал человек по имени Пифагор. Через плечо его был перекинут плащ, в руке он держал ту же палку.

– А, старый знакомый по имени Форкис! Как твои дела? – пророкотал он, приветливо улыбаясь, но не остановился, а прошёл мимо него.

Юноша растерянно молчал.

– Я очень спешу. Если хочешь, то можешь пройти со мной до гавани, – не оборачиваясь, предложил ему Пифагор. – К тому же мы должны были завтра встретиться с тобой, не так ли?

Форкис поспешил за ним, удивляясь тому, что он помнит его имя.

– Если бы ты, Форкис, не повстречался мне сейчас, то мы бы больше не увиделись, – повернув на ходу к нему голову, вновь удивил мужчину.

Они быстро спускались к набережной.

– Я уплываю с этого прекрасного острова. Наверное, даже навсегда. Вон, видишь корабль? – он указал палкой на судно, что стояло ближе всех у мостка. – Вот на нём. Всё уже погружено, остался только я.

Форкис почти бежал возле него.

Они подошли к началу мостка, где стояла охрана.

Пифагор остановился, повернулся к юноше, по-доброму взглянул ему в глаза и с теплотой в голосе произнёс:

– Прощай, юноша. Думаю, тебя ожидает удивительная судьба. Больше ничего не спрашивай, я всё равно не успею ответить. Если ты по-прежнему хочешь узнать значение своего имени, то завтра поутру появившись в доме Поликрата и спроси Демокеда. Он предупреждён мной о твоём приходе.

Пифагор стремительно зашагал к кораблю. Вскоре небольшое судно вышло из гавани в открытое море.

Форкис ещё долго стоял бы на этом месте, провожая его взглядом, но бдительный стражник прогнал его, громко топнув ногой о доски, при этом пугающе нахмутив густые брови.

Бронт возвращался с рынка, неся различную еду. Прежде для него такое хождение не было особо приятным занятием, но сегодня он спешил с искренним желанием, ведь ему следовало хорошо накормить своего молодого гостя.

Много лет проживая в одиночестве, большую часть времени проводя в походах на кораблях, он давно забыл того, кто был последним посетителем его скромного жилища, и лишь вчера вновь ощутил приятное человеческое соседство.

Не застав дома юношу, он слегка огорчился, но решив, что тот может находиться в гавани, спешно направился туда. С высоты, взглядом окинув берег и не увидев его у строящегося корабля, Бронт спустился ближе к верфи и присел на своё излюбленное место.

«Может быть, он ушёл в город и скоро вернётся? Так было бы лучше, нежели он отправился к себе домой. Хотя дом есть дом. Наверняка его заждались там. Мало ли что бывает среди родных. Не убегать же от них по всякому поводу. Что ж, раз так случилось, то ничего страшного. Кто я ему, чтобы оставаться долго у меня? Так, случайный человек, угостивший разок и приютивший на ночь. Всё правильно. Жаль, не спросил его имени. А может, это и к лучшему?» – размышлял он, оглядывая набережную. Его внимание привлекли трое мужчин. Они явно не вписывались в обычную картину, царившую здесь. Сгрудившись над чем-то, с трудом передвигаясь да ещё при этом что-то злобно приговаривая, они поднимались в направлении города, но не по основной дороге, ведущей к нему, а в значительном отдалении от неё, по узкой крутой тропинке, терявшейся в кустах на прибрежном склоне. Всмотревшись пристальнее, он вдруг понял, что они тащили человека, сильно отбивавшегося ногами и норовившего вырваться.

Быстро поднявшись и подойдя ближе к ним, Бронт окликнул их:

– Эй! Что вы делаете? Сейчас же прекратите!

– Шёл бы ты отсюда, – недовольно процедил сквозь зубы один из них, с трудом удерживая ноги захваченного.

Пот заливал его лицо.

– Тебе не следует грубить. Ну-ка, отпустите его, – пророкотал Бронт, поднявшись к ним.

– Да пошёл ты! Чего привязался? Не понимаешь, что ли, по-хорошему? – взревел здоровяк, с ненавистью взглянув на него.

В этот момент тот, кого тащили, сильно взбрыкнул, ударил обидчика прямо в лицо, и он, не удержавшись на ногах, полетел прямо на стоящего ниже Бронта. Едва успев зацепиться рукой за кусты, Бронт вовремя отскочил в сторону, и здоровяк, поднямая пыль, кубарем полетел вниз.

Только теперь Бронт смог рассмотреть схваченного ими человека. Это был его гость. Тот самый юноша.

Воспользовавшись замешательством среди напавших на него людей, юноша вырвался и стал быстро карабкаться наверх, на ходу срывая повязку со рта.

– Ах ты, гадёныш! Ну-ка стой! Сейчас я тебе покажу, как убегать, – заорал один из троицы и стал преследовать его.

Третий же из них, что остался на тропе, не мешкая, кинулся на Бронта, замахнувшись на него кулаком. Но тот ловко отстранился, и драчун полетел вниз.

Забравшись наверх, Бронт увидел, как юноша, пробежав до деревьев, скрылся среди них. Преследователь стоял невдалеке, слегка наклонясь вперёд, упершись руками в полусогнутые колени и тяжело дыша.

– Послушай, что он натворил? – спросил Бронт, подойдя к нему.

Мужчина молча взглянул на него, затем оглянулся назад на тропинку, выпрямился и уставился в сторону сада.

Отдышавшись, он зло бросил:

– А, это ты, заступничек. Чего лезешь, коль не знаешь? – Окончательно придя в себя, он добавил: – Этот сопливый разбойник хотел спалить дом моего хозяина. Только мы нашли его, а тут ты влез. Тебе что, делать больше нечего?

– Ладно, не гневайся на меня. Я же не знал ничего этого, – несколько растерянно ответил Бронт и направился в другую сторону.

Вечером, сидя в одиночестве, он услышал сиплый лай старой собаки. Отворив дверь, он увидел юношу. На миг они замерли,

вперившись глазами друг в друга. Первым, не заметив страха во взгляде гостя и не уловив в нём ни обиды, ни хитрости, отвернулся хозяин. Он вернулся в дом, не затворяя за собой двери, тем самым приглашая гостя войти. Еда, так и не тронутая никем, находилась на столе. Форкис молча присел, зажав ладони между колен и опустив голову. Бронт нервно плеснул себе немного вина.

– Это правда. Я поджёт дом скупщика. Вернее, какую-то пристройку, – дрогнувшим голосом начал юноша, и на одном дыхании рассказал всё, что случилось в его семье.

Он не знал того, что произошло с его сестрой в доме богача, но был уверен в том, что причиной её кончины был именно он, этот человек, чем-то очень обидевший её. Бронт внимательно слушал, изредка пригубляя напиток. Юноша замолчал.

– Ешь, – хозяин пододвинул еду. – Кстати, как твоё имя?

– Форкис.

– Да ешь ты. Небось проголодался. Я, признаться, тоже голоден.

С этими словами Бронт взял большой кусок мяса, отрезал дольку и стал аппетитно жевать её.

– А как твоё имя? – спросил юноша.

– Моё имя Бронт, – отпив вина, ответил хозяин.

– Никогда не слышал такого имени. А что оно означает? – надломив лепёшку и отправляя ломтик в рот, поинтересовался юноша.

– Говорят, так звали одного из троих сыновей Урана и Геи. Они были непобедимыми великанами с одним глазом во лбу. Заточённые отцом в земных глубинах, освобождённые самим Зевсом, они щедро отблагодарили спасителя, подарив ему молнию и гром.

Форкис внимательно слушал.

Мужчина улыбнулся:

– Ты ешь, ешь. Разговорами сыт не будешь.

Закончив трапезу, они вышли из дома. Уже потемнело. Бронт разжёт небольшой костёр, у которого они и присели.

– Тебе нельзя возвращаться домой. Оставайся у меня. Хотя и здесь они тоже могут найти тебя. То, что ты совершил, карается очень жестоко, – тихо произнёс мужчина.

– Я не должен был этого делать. Отец поучал меня, что нельзя творить плохого. Может быть, мне самому явиться к ним? – спросил юноша.

– Теперь не следует этого делать. Поздно. Они не простят тебя. Меня беспокоит другое. Скоро я уйду в море. Достроят корабль – и всё. Наступит пора для похода. Что тогда ты будешь делать? – вздохнув, Бронт поковырял палочкой в огне, взметнув кучу искр.

– А мне нельзя с тобой уйти? – Форкис взглянул на него с затаённой надеждой.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Я думал, ты старше.

– На сколько старше? – глаза юноши вспыхнули, словно два огонька.

– Ишь ты! Торопится повзрослеть! – усмехнулся Бронт.

– Я знаю, что ты воин. Столько оружия не бывает у простого моряка. Научи меня сражаться и возьми с собой, – не унимался Форкис, видя, что Бронт не отказал ему сразу.

– Рано тебе воевать. Тебе учиться нужно.

– Я всё равно стану воином, – слегка обиженно, тихо буркнул юноша.

Бронт посмотрел на него и задумался.

– Ладно, нам пора отдыхать. Пойдём в дом, – поднимаясь, он завершил беседу.

* * *

Наутро юноша вновь не застал в доме хозяина. Вскоре тот появился. Он был каким-то возбуждённым и радостным.

– Больше никто тебя здесь не тронет, – сообщил он Форкису.

В это утро сбережения Бронта уменьшились ровно наполовину.

Форкис, не желая покидать доброго покровителя, к дому Поликрата не явился и с человеком по имени Демокед так и не повстречался.

Все последующие дни, вплоть до спуска достроенной триеры на воду, Бронт, уступив просьбам юноши, обучал его возле дома в тени дерева воинскому искусству: стрельбе из лука, владению мечом, щитом и длинным копьём, метанию короткого копья и вязанию морских узлов.

Несколько раз, наняв лодку, они выходили в море, где Бронт объяснял Форкису премудрости абордажа – рукопашного боя, целью которого является завладение судном неприятеля. Также он много рассказывал и о других тонкостях морских сражений, в том числе и о проходе кораблей вплотную друг к другу, борт о борт, для поломки весёл противника, дабы тот потерял свою боеспособность и не сумел больше атаковать.

В часы отдыха они спускались в гавань и со своего излюбленного места наблюдали за ходом работ на корабле. Его уже конопатили.

Однажды, придя пораньше на набережную, юноша впервые смог наблюдать волнительный момент спуска готового корпуса триеры со стапели на воду. При помощи многочисленных воротов и полиспастов, подъёмных устройств, в которых канаты пропускались через неподвижные верхние блоки и подвижные нижние ролики, по каткам судно было стянуто к пристани, после чего началось его снаряжение.

В этот вечер мужчина и юноша всё больше молчали, переживая за предстоящее расставание. Каждый из них понимал, что иначе поступить нельзя, но от этого им было не легче.

Бронт подошёл к большому ларю, открыл его и стал доставать оттуда своё снаряжение: металлический шлем с тканевым шеломником, кожаный панцирь, кольчугу и наручи с поножами. Форкис с трепетом принимал защитное оснащение, с нескрываемым интересом рассматривая его и раскладывая на лежанке. Затем они вместе приводили всё в порядок, сидя возле дома и вдыхая приятную прохладу вечера. До выхода кораблей в море оставалось два дня.

Точно в указанный ему срок Бронт явился к командующему флотом Пиндару, назначенному самим правителем Поликра- том. Здесь же находились и его военачальник и все остальные воины, с кем доводилось служить ему на прежнем корабле.

Напомнив всем присутствующим о том, что воинская служба является гражданской обязанностью каждого, сообщив верховное веление о выходе в поход в составе пяти кораблей, Пиндар, по заведённому на флоте правилу, испросил причины, по которым тот или иной воин не мог нести службу. Таковых не оказалось, но ему было сообщено о недавней кончине одного человека из их постоянного состава, получившего тяжёлые ранения.

Исполняя строгое указание командующего о необходимости срочной доукомплектации корабельного отряда, военачальник поинтересовался у своих подчинённых, не желают ли они предложить ему какое-либо лицо для подходящей замены. В ответ на это к нему обратился Бронт с просьбой взять в отряд своего племянника.

– Ты же знаешь, что к воинской службе пригодны только граждане от восемнадцати до шестидесяти лет. От во-сем-на-д-ца-ти, – растягивая последнее слово, особо подчеркнул командир, выслушав Бронта. – А ты мне кого предлагаешь? Твоему юноше лишь шестнадцать. Бронт, я давно знаю тебя и очень ценю наши с тобой отношения. Уж лучше бы ты не говорил правды о его возрасте, тогда и мне не о чем было бы волноваться. Ну а теперь, как я смогу пойти на такое нарушение? К тому же ты знаешь, что это не прогулка по морю, а боевой поход, где может случиться так, что важна будет каждая единица, каждый воин. Настоящий воин, а не ребёнок.

Беседуя, они отошли в сторону.

– Послушай, Теофил, ты хотя бы взглянул на него. Я ведь сам готовил юношу к служению на флоте, – Бронт коснулся плеча товарища.

– Бронт, я знаю, что ты одинок, и у тебя, насколько я помню, никогда не было никакого племянника, – взглянул ему в глаза собеседник.

– Ну хорошо, он мне никем не доводится. Но что это меняет? Я ведь не прошу тебя освободить кого-то от службы. Я прошу взять на службу, – объяснял Бронт. – Да к тому же вот, – он протянул небольшой кожаный мешочек, туго набитый серебряными драхмами.

Теофил взглянул на деньги, улыбнулся, задумчиво посмотрел ему в глаза и проникновенно произнёс:

– Дружище, ты и впрямь не в своём уме. Предлагать мне, старому вояке и товарищу по мечу, деньги! Плохо же ты думаешь обо мне, а? Так нельзя. Ты почти оскорбил меня. Будь на твоём месте кто другой, я бы ответил иначе.

– Не обижайся. Я ведь вовсе не это имел в виду и никогда бы себе не позволил такого отношения к тебе. Они пригодятся на содержание юноши, если ты согласишься. Ну а если нет, то эти деньги мне не так уж и нужны. Ты правильно сказал насчёт моего одиночества, – Бронт растерянno кивнул, отвёл глаза, собираясь уйти.

– Ну вот. Что за день сегодня? Теперь я невольно обидел тебя. Прости, – Теофил тронул его за руку и весело спросил: – Здесь, похоже, все твои сбережения, за всю службу, а?

– Так мне позвать его сюда? – не принимая шуток, но уловив перемену в настроении командира, в свою очередь спросил Бронт.

– Позови, – серьёзно и тихо ответил тот, уступая просьбе друга. – Но знай и помни, что ему для всех, кто будет интересоваться, – восемнадцать лет. Ты понял меня? Кстати, он хоть выглядит на эти годы?

Бронт не ответил, махнув кому-то рукой. Тут же из-за дальнего дерева выскочил юноша, бегом направился в их сторону и предстал перед ними.

– Как твоё имя? – с интересом рассматривая его, спросил Теофил.

– Форкис, – твёрдо ответил тот.

– Хочешь служить на флоте?

– Да.

– А если буря или вражеские корабли?

– Я буду очень стараться.

– Что ж, выглядишь ты действительно подобающе. Думаю, что из тебя, Форкис, получится хороший, а со временем и настоящий могучий морской воин, – довольный увиденным, искренне произнёс военачальник.

Бронт молчал. Он строго смотрел на Форкиса, внешне не выражая никаких чувств, но душа его была переполнена одновременно и радостью за одобрение друга, и сильными переживаниями за судьбу юноши.

– Ученик Бронта не может быть плохим воином. Запомни это!

Теофил пристально взглянул в глаза юноши, затем повернулся и, утвердительно кивнув Бронту, зашагал по своим делам.

– Он не взял денег! – восхищённо произнёс Форкис, провожая взглядом командира.

– Он никогда этого не делал. Боюсь, что я очень обидел его, – Бронт, вздохнув, обнял юношу. – Пойдём, мне ещё нужно подготовить тебя.

Они дружно зашагали по улице, направляясь в сторону мастерской оружейника.

Уже на следующий день никто из тех, кто ещё недавно видел Форкиса, не узнал бы его в молодом, статном воине, облачённом в сияющие доспехи.

* * *

Сто семьдесят невольников-гребцов, все закованные в цепи по рукам и ногам, нескончаемым потоком поднимались по сходням на борт триеры.

Двадцать вооружённых воинов во главе с военачальником Теофилом и шесть матросов за исключением такого же их числа, занятого на судне рабами, выстроились на пристани для встречи командующего кораблём. Тот не заставил себя долго ждать и прибыл сразу после размещения гребцов, стремительно поднявшись на борт в широко развевающейся за спиной пурпурной хламиде.

Вскоре все пять триер под опущенными парусами, ошестившись вёслами, выходили друг за другом из гавани, удаляясь в открытое море.

Г Л А В А В Т О Р А Я

Иллириец Рупилий был пиратом в третьем поколении. Его родной дед Батикл, выходец из далёкой и бедной местности Эпир, расположенной за горной цепью Пинд, к западу от плодородной Фессалии, когда-то ещё по молодости доведённый до отчаяния страшным нищенским существованием, что влачили его родители, не выдержал и примкнул к горстке отъявленных головорезов.

Совершив с ними несколько разбойных нападений на местных мелких торговцев, преследуемый властями, он бежал на большой остров Керкира, что расположен в Ионическом море к северо-западу от берегов Греции, где затерялся среди множества народа. Ощувив вкус лёгкой добычи, он не желал менять начатого образа жизни. С его стремлением продолжить подобные занятия, а также отменными физическими данными и недюжинным умом он вскоре был замечен владельцем униремы – боевого корабля – и принят к нему на службу. Не бывавший в своём прошлом даже простым рыбаком Батикл поначалу с интересом изучал небольшое судно. Оно, по обыкновению, было беспалубным, с двенадцатью парами вёсел, расположенных по бортам в один ряд, на каждом из которых было по два гребца раба. Помимо вёсел на нём был парус.

Команда состояла из шести матросов и десяти воинов, среди которых теперь оказался и он, сумевший уговорить хозяина взять к себе на службу ещё четверых его товарищей. При пер-

вом же выходе в море владелец корабля был зарезан Батиклом и его людьми и выброшен за борт вместе с двумя матросами и одним воином, вступившими за него.

Именно с этого похода началась удивительная, полная приключений жизнь прямого предка Рупилия, признанного новым хозяином судна и всей команды, принявшей с восторгом такие перемены. Под его умелым командованием они стали часто и успешно нападать на торговые корабли, быстро разживаясь различным добром и неимоверно богатея. При этом разбойничий флот расширялся.

Рабы, от которых зависела скорость передвижения универсы, отныне получали хорошее питание и более человеческое обхождение, и были весьма довольны своим изменившимся существованием, усердно его отрабатывая.

Поскитавшись по морям, долго и тщательно выбирая подходящее для себя удобное, потаённое и надёжное пристанище, однажды они остановились на непродолжительное время на маленьком острове Эфира, расположенном в Миртосском море между Пелопоннесом и островами Киклады, да так и остались там навсегда, довольно скоро обзаведясь семьями, плодя детей, но продолжая своё опасное ремесло. Там же появился на свет отец Рупилия, наречённый именем Эреб, а через много лет и он сам.

Расположение острова было очень удобным для пиратов, так как в непосредственной близости от него проходили морские торговые пути, а во множестве разбросанные среди воды островки не позволяли возможным преследователям угнаться за ними и вообще обнаружить их.

Так, в достатке и сытости прошло детство Рупилия.

Крутой характером и очень властолюбивый Батикл упорно приучал его к разбойничьей жизни, гордясь ею и не желая слышать об иной судьбе для своего единственного внука.

Отец не был таким многословным и громким, как дед, но имел свои особенные качества, из-за которых, как казалось юному Рупилию, дед где-то в душе побаивался его. И этим качеством была необузданная жестокость Эреба. За малейшую про-

винность он страшно карал любого, тут же отрубая ему голову, при этом хладнокровно поднимал её и подолгу рассматривал, оценивая точность своего удара. В сражениях, что зачастую случались при abordage торговых судов, ему не было равных. Он сметал всех на своём пути, почти не оставляя работы для своей команды, за что одни сильно уважали его, другие побаивались, но так или иначе они все беспрекословно исполняли любое его веление, помня о том, что он сын их хозяина.

Теперь же, к двадцати годам, Рупилий имел и свой корабль с крепко сбитой, сплочённой вокруг него командой. Предусмотрительным дедом к нему был приставлен престарелый и многоопытный пират Феогнид, всюду тенью следовавший за ним.

Весь разбойничий флот состоял из четырёх унирем, одной из которых командовал его отец.

В море выходили нечасто, но все вместе. Шли под парусами, не утруждая до поры гребцов. Атаковали на вёслах, сильно ускоряясь и быстро маневрируя. Захваченные корабли с собой не уводили, а, лишь слегка повредив их, оставляли вместе с матросами, зная, что те вскоре устранят неполадки и вновь с грузом пойдут по морю. Военную охрану всегда уничтожали.

В этот день по велению Батикла пираты вышли на свой очередной опасный и страшный промысел.

* * *

Имевший во все времена сильный и многочисленный флот, Египет, завоёванный жестоким и деспотичным персидским царём Камбисом II, теперь направлял свои боевые корабли в интересах нового властелина, стремившегося расширить морские границы державы.

Прежние добрососедские отношения, возникшие между Поликратом и фараоном Амазисом и поддерживаемые ими длительное время, были уже нарушены. Отныне распоряжения последнего, согласно которым он предоставил некую торговую монополию грекам в их колонии Навкратисе в дельте реки Нил, были отменены новым фараоном персидских кровей.

По всему морскому бассейну, простиравшемуся от Греции до Египта, воцарилось напряжённое противостояние, очень невыгодное для торговли.

Шесть египетско-персидских унирем под командованием флотоводца карфагенянина Гамилькара обошли с востока большой остров Крит, прошли всё Критское море и, войдя в воды Эгейского моря, на десятый день похода приблизились к маленькому островку Анафа.

Наступившее утро, совершенно не схожее с предыдущим, ясным и солнечным, было пасмурным и чрезмерно ветреным. Небо, сплошь затянутое серыми тучами, предвещало бурю. Идти дальше по ненастью, как понял Гамилькар, не следовало.

Было решено бросить якоря в небольшой бухте невдалеке от берега, дабы в случае штормовой угрозы успеть избежать столкновения со скалами и иметь возможность уйти в море.

К полудню слегка распогодилось.

Корабли, вновь опустив свои одиночные паруса, двинулись по курсу к Иосу, одному из Кикладских островов, расположенному между островами Наксос на севере и Фера в южной стороне.

Гамилькар, получивший приказ охранять торговые суда и атаковать любой греческий военный корабль, всегда помнил об извечной вражде на море между греками и его народом и был не зря назначен главным в этот поход. Его неприязнь к греческим мореплавателям да к тому же отменный опыт в корабельном деле и флотовождении были весьма выгодны новому правителю Египта.

Ночь, вопреки ожиданию, прошла довольно спокойно. Море не волновалось. Изредка набегал низкий сильный ветерок, поднимая одиночную волну и плавно раскачивая корабли. Ближе к рассвету над водой, полностью скрывая её от глаз, лёг удивительный покров – туманная кисея, обволакивающая всю округу бело-дымчатой пеленой. По небу, то обнажая, то вновь прикрывая собой яркие близкие звёзды, небольшими клочками медленно тянулись серые облака. Лёгкие мелкие волны, набегая, тихо ударялись о борта, напоминая людям своими слабы-

ми всплесками о том, что они находятся на открытом морском просторе.

Бесшумно сменились матросы. Воины отдыхали, дружно расположившись на корме. Рабы, особо не потревоженные в эти дни, также ещё спали, укрывшись старыми, дырявыми плащами.

Корабли медленно двигались по заданному курсу.

С первыми солнечными лучами был замечен греческий военный флот, состоящий из пяти триер. Он шёл прямо на них по направлению с севера-востока, пройдя между островами Наксос и Аморгос. Скорое сражение становилось неизбежным.

Внезапно усилившийся западный ветер стал тут же нагонять огромные волны, от соприкосновения с которыми опасно накренились все египетские суда. Их продвижение строго на север значительно затруднилось.

По команде гребцы взялись за вёсла, изменяя галс. Опустив лопасти в воду, держа их неподвижно по правому борту и подгребая по левому, они стали разворачиваться к противнику. Вскоре Гамилькара уже умело использовал попутный ветер в паруса и повернул все свои корабли навстречу вражеской армаде.

Ослабшая накануне буря теперь надвигалась по-настоящему, яростно набирая силу с каждым мгновением и внося свои безжалостные коррективы в действия двух небольших противоборствующих флотов, из-за чего их сближение шло не по планам командующих.

Встречный шквальный ветер вынудил Пиндара убрать паруса. Используя всю мощь своих гребцов, он повернул триеры на запад и стал быстро продвигаться на вёслах.

Расстояние между кораблями стремительно сокращалось. Небо заволокло свинцовыми тучами. Стало темно. Пошёл дождь. Видимость значительно ухудшилась.

У обеих сторон невероятно возросла опасность столкновения своих же судов. Огромные волны поднимали их высоко на гребни и тут же бросали в свои низины, пронося на довольно большие расстояния.

Первыми, по удивительному стечению обстоятельств, сблизились корабли двух командующих. Унирема Гамилька-

ра, имевшая сорок восемь гребцов на двадцати четырёх вёслах, так и не сумев совершить быстрого манёвра перед стасемидесятивёсельной триерой Пиндара, была тут же насажена правым бортом на его почти трёхфутовый таран. Очередная сильная волна мгновенно разъединила суда. Вода хлынула тугом потоком в пробоину, и уже через миг корабль устремился в морскую пучину.

Гамилькар, оказавшись в открытом море, с трудом успел ухватиться за опущенное весло на вражеском судне и чудом удерживался на поверхности.

Буря не утихла.

Форкис, заметив человека за бортом, бросил ему конец спасательного каната и вместе с подоспевшим к нему Бронтом вытащил его наверх.

Других кораблей поблизости не было видно.

Теперь же основной задачей для всех стало удержание судна поперёк волны во избежание бортового крена и опрокидывания. Рабы трудились весь день. Только к закату, при относительно успокоившемся море, по команде втянув вёсла, они обессилено отвалились от них.

Ближе к полуночи небо прояснилось и посветлело, освободаясь от туч, быстро убежавших на восток.

Значительно ослабшие волны уже были не так опасны для корабля, но теперь командующего Пиндара тревога охватила от другого. Нигде не было видно ни одного судна, ни вражеского, ни своего. Повсюду простиралась пустынная водная гладь. Предоставив гребцам непродолжительный отдых, он вновь поднял их. Навалившись на вёсла, они выправили корабль курсом на запад. Пиндар очень надеялся обнаружить свой флот, хотя бы одну триеру.

* * *

Пираты, которых шторм застал вблизи острова Иос, среди разбросанных многочисленных клочков земли, переждали его в небольшой уютной бухте и сразу после наступления затишья вышли в море. Пройдя под парусом до самого утра, они заме-

тили одинокий корабль, идущий на вёслах навстречу к ним. Это была мощная греческая триера.

Эреб, обычно никогда не вступавший без особой надобности в бой с военными кораблями, был искренне удивлён: до сих пор ему не доводилось встречать одиночное военное судно, тем более такого вида. Представив на миг, что среди его унирем может оказаться и этот удивительный корабль, да к тому же ещё предвидя радость отца от такого приобретения, он принял решение атаковать неприятеля и взять триеру на абордаж.

Рабы тут же налегли на вёсла, мгновенно увеличив скорость всех четырёх пиратских судов.

* * *

– Это не мои корабли. Это пираты, – прохрипел пленённый Гамилькар, видя, как внимательно всматриваются в сторону приближающихся четырёх судов греческий командующий и его воины.

Услышав это, Пиндар быстро взглянул ему прямо в глаза, но, ничего не сказав, отвернулся.

– Разделиться по бортам, – скомандовал Теофил.

Двадцать воинов равномерно распределились за каждым из бортов, закрепив к ним перед собой большие щиты.

Бронт находился рядом с Форкисом ближе к корме с правого борта. Напряжение нарастало. Юноша тревожно вглядывался в сторону подплывающих кораблей, сильно сжимая в руках лук и стрелы. Ему было очень страшно, да так, как не случалось ещё никогда.

По команде Пиндара триера стала разворачиваться, описывая большой круг и поднимая парус. Это означало, что они отступали, ложась на обратный курс. Манёвр был завершён, но скорость судна упала, и быстрые униремы настигали их, заходя попарно с двух сторон. Вскоре триера оказалась посреди них.

Началась перестрелка. Низкие борта пиратских кораблей не могли спасти их людей от копий и стрел, летящих сверху, и они слегка отделились, пока не решаясь на абордаж. Уставшие гребцы триеры не задали хорошего темпа, отчего Пиндар не сумел

воспользоваться возникшим небольшим преимуществом для отрыва от противника.

В какой-то момент ему удалось резким манёвром взять правее и пройти очень близко к одной из унирем, при этом втянув свои вёсла и переломав все вёсла по её левому борту. Повреждённое судно сразу потеряло скорость. Шедшая следом за ним вторая унирема тут же налетела на него. Оба судна стали отставать. Теперь два пиратских корабля под командованием Эреба и Рупилия шли по левому борту триеры.

Догадавшись о том, что могло произойти с выбывшими из строя пиратскими судами, Рупилий стал заходить справа.

Наступил жаркий солнечный день. Испарявшаяся влага обильно поднималась над поверхностью моря. Если наверху лёгкий ветерок хоть как-то освежал своим дуновением, то всё стеснённое пространство под обеими нижними палубами триеры наполнила нещадная бездвижная духота. Гребцы выбились из сил окончательно. Их не могли поднять ни окрики, ни удары плетей. Онемевшие тела не чувствовали боли, а кисти рук, от неимоверного напряжения сведённые судорогой, уже не могли сжимать древки вёсел.

Вдобавок ко всему наступило полное безветрие, и парус мгновенно обвис. Корабль, проскользив недолго по водной глади, замер.

Больше не теряя времени, пираты, прячась под щитами, подошли вплотную к бортам триеры и начали абордаж. Почти равные по количеству силы сошлись в ближнем бою за этот корабль, ставший вдруг столь нужным для наживы одних и бывший выстроенным для чести других. Битва была упорной.

Разошедшийся по своему обыкновению Эреб схватился с Теофилом и был сражён им. Рупилий, не подоспевший вовремя к отцу, но всё же добравшийся до его убийцы, ударом меча снёс ему голову, однако получил ранение в руку и рухнул без сознания на палубу. Окровавленный Пиндар, отступая шаг за шагом от наседавших на него двоих пиратов, рубанул мечом одного из них, замахнулся на второго, но поскользнулся на крови и, не удержавшись, упал за борт. Гамилькар, схвативший кем-то

оброненный меч, яростно сражался с захватчиками, отступая к корме по правому борту.

Довольно быстро ряды обеих противоборствующих сторон почти вдвое уменьшились числом. К ужасу защитников триеры, с подошедшей униремы к ним на борт поднялось ещё полтора десятка пиратов, что и решило исход битвы.

Раненные Бронт и Гамилькар стояли на самой корме, прикрывая собой Форкиса. Ещё трое воинов находились чуть в стороне от них, по левому борту. Остальные воины и матросы погибли. Вся палуба была завалена телами и залита кровью. Повсюду слышались людской стон и хрипы. Высоко в небе кружили чайки, дополняя пронзительными криками и без того жуткие звуки на корабле.

– Смотри, – вдруг шепнул на ухо Бронта Форкис.

С востока к ним быстро приближались две униремы.

– Кажется, твои, – Бронт слегка задел мечом по ноге Гамилькара.

Тот оглянулся и посмотрел в их сторону. По его лицу уже было понятно, что всё обстоит именно так, как и предположил Бронт.

– Ну что ж. Это неплохо. Весьма кстати. Выходит, мы ещё поживём, – улыбнулся Гамилькар, вытирая рукой окровавленное лицо.

– Ты, может, и поживёшь ещё, – с трудом усмехнулся Бронт, морщась от боли от полученной раны в левом боку.

– Эй, вы, сдавайтесь, пока не поздно! Вам не уйти! – неожиданно для стоящих рядом, во всё горло выкрикнул Гамилькар.

В этот миг в их сторону бросилось несколько пиратов, которым тут же преградили путь трое оставшихся воинов.

Ещё мгновение – и они были бы сражены, но Гамилькар, не мешкая, бросился им на помощь. Следом за ним побежали и Бронт с Форкисом. Бой возобновился.

Рупилий, уже пришедший в себя и наблюдавший за приближением вражеских кораблей, перевёл взгляд на сражающихся. Видя, что его люди вот-вот изрубят горстку окружённых смельчаков, он повелел им остановиться. Подойдя к оставшим-

ся в живых защитникам корабля, придерживая раненую руку, он внимательно всмотрелся в их лица.

Гамилькар, пошатываясь, стоял на одном колене. По его правой щеке от самой макушки обильно стекала кровь. Держась рукой за левый бок, бросив меч, склонившись, стоял Бронт. Форкис лежал рядом с ним, пытаясь поднять окровавленную голову, раз за разом делая это всё слабее, со стуком роняя её на палубные доски.

Египетские униремы были уже на расстоянии полёта стрелы, когда Рупилий по совету опытного Феогнида скомандовал одной группе пиратов идти на своём корабле навстречу врагу и задерживать его приближение. Тут же с двух других пиратских унирем на борт триеры были подняты все рабы, быстро заменившие брошенных в воду измождённых гребцов с нижней палубы. Триера стала вновь набирать ход, сокращая расстояние до одной из вражеских унирем, и очень скоро пронзила её борт огромным тараном. Участь второго египетского судна была также вскоре решена. Ему не удалось избежать потопления пиратами.

Теперь на воде оставались три пиратские униремы и захваченная ими греческая триера.

Морское сражение завершилось к самому закату. Из всех защитников триеры в живых осталось всего три израненных человека, один из которых был совсем ещё юн.

Бросив якоря на ночь на месте прошедшего сражения, пираты наводили порядок на всех кораблях, готовясь провести на рассвете обряд похорон Эреба и других погибших собратьев.

* * *

Гамилькар, Бронт и Форкис находились на корме триеры. Ближе к полуночи юноша пришёл в себя. Все трое чувствовали себя прескверно. Полученные ими раны, со слов Бронта, осмотревшего их, оказались не очень опасными для жизни, но сильно кровоточили и были болезненны.

Частые всплески воды возвещали о сбросе за борт тел всех убитых защитников корабля, что действовало на пленников угнетающе.

Вскоре всяческие движения на судне затихли. Команда после тяжёлого дня расположилась на отдых. Мысли пленённых были весьма горестными. Каждый из них думал о том, что ожидает его с наступлением нового дня.

Ночная прохлада обдавала уставших людей свежестью, помогая им превозмочь боль и отвлекая от неприятных мыслей о предстоящем будущем. Плавное раскачивание корабля и тихий размеренный плеск редких слабых волн постепенно убаюкивали их, укачивая и заволакивая сознание мягким податливым туманом, забирая всё глубже в дремоту, заслоняя её густеющей пеленой страшную реальность, избавляя сердца от тягостных переживаний, расслабляя души спасительным сном. Прижавшись друг к другу, чтобы согреться телесным теплом, вскоре они уже крепко спали.

Рупилий, обессиленный долгим напряжением и болью в руке, также уснул, отбросив до утра все свои планы. Даже мысль о гибели родителя отодвинулась в нём куда-то вглубь под натиском ужасного измождения. «Прости, отец, но во мне сейчас нет сил скорбеть по тебе. Я всё знаю, всё понимаю, но ничего с собой пока поделать не могу. Дай мне немного отдохнуть», – бормотал он, погружаясь в царство Морфея.

* * *

– Форкис, просыпайся. Только тихо, не шуми, – услышал юноша шёпот Бронты в самое ухо.

– Что случилось, Бронт? – также прошептал он спросонья, не понимая происходящего.

Звёздное небо низко нависало над мачтой, отбрасывая тусклый свет по всему кораблю.

Гамилькар сидел у самого борта, глядяваясь за него.

– Ты можешь плыть? – спросил Бронт.

– Да, – Форкис повернулся на бок и пополз за ним.

Приподнявшись над бортом возле Гамилькара, юноша чуть не ахнул, но его рот вовремя был зажат ладонью Бронты. Две триеры, чернея мощными корпусами, словно призраки, бесшумно стояли в небольшом отдалении.

- До них доплывёшь? – шепча, спросил Гамилькар.
- Да, – вновь ответил Форкис.
- Главное, нужно очень тихо спуститься в воду и как можно дольше держаться под ней, – взглянув ему в лицо, произнёс мужчина.
- А где эти, остальные? – спросил юноша, кивая назад, имея в виду другие корабли пиратов.
- Они там, сзади. Отошли немного. Насколько я помню, из них только на одном есть гребцы, – ответил Бронт.
- А почему наши не атакуют? – удивился Форкис.
- Бояться навредить, – непонятно прошептал старший товарищ.
- Ну, всё. Нам пора. Сперва ты. Это ваши корабли, и тебя с них должны сразу узнать, – Гамилькар посмотрел на Бронта. Быстро переведя взгляд на Форкиса, он добавил: – Затем ты. Я замыкаю. Вперёд.

Бронт, зацепившись за борт, перелез через него и повис над водой на высоте в три своих роста. В этом месте не за что было держаться, и он, стараясь быть как можно тише, соскользнул в воду. Следом за ним, не мешкая, поочерёдно покинули судно и Форкис с Гамилькаром. Всё удалось без лишнего шума.

Вынырнув на довольно большом расстоянии от корабля, они все трое размашисто поплыли к триерам, стоявшим по-прежнему неподвижно. Их заметили и тут же бросили спасательные канаты. Военачальник Саул был несказанно рад, узнав в одном из троих поднявшихся на борт людей своего старого товарища Бронта. Они крепко обнялись.

Тёплые шерстяные плащи быстро согревали продрогшие тела пловцов. Промытые и перевязанные раны уже не так садили и беспокоили. Вино и пища мгновенно восполняли силы.

Определив на отдых двух других беглецов, Саул присел возле Бронта. На его вопрос о судьбе остальных триер он лишь пожал плечами. Стало понятно, что Саул не нашёл их, так же, как и не встретил ни одной вражеской униремы. В свою очередь Бронт рассказал ему обо всём случившемся с его кораблём, о гибели Пиндара, Теофила и всех воинов.

– Кто этот воин, что прибыл с тобой? – спросил военачальник.

– Мне кажется, это командующий вражеским флотом. Он не перс и не египтянин. Скорее всего, он финикиец на службе фараона. Хорошо владеет нашим языком, – ответил Бронт. На миг задумавшись, он взглянул в лицо Саула и добавил: – Он настоящий воин и крепко сражался за нас против пиратов.

– По-моему, у него просто не было другого выхода, – резонно подметил Саул.

– Один выход уж всегда есть. Смерть. Я видел, как он хотел погибнуть в последней схватке, но главарь разбойников разгадал его планы и почему-то не дал ему умереть. Впрочем, как и нам с Форкисом. Мне трудно сейчас здраво судить обо всём случившемся. И всё же, мне кажется, есть в нём что-то настоящее, да такое, что достойно уважения, – поделился своим мнением Бронт.

– Я знаю и всегда помню о благородстве твоей души, Бронт. Я верю тебе. Ну а что представляет собой вожак пиратов? Можешь сказать? – поинтересовался Саул.

– Ты не согласишься, но он произвёл на меня неплохое впечатление. Нет, не подумай, что я так говорю из-за того, что он оставил меня в живых. Просто я видел и его глаза, и глаза всех других пиратов. Они совершенно разные. Нет в нём слепой ярости, присущей остальным. Он не поглощён всецело тем, что совершает. Мне показалось, что он безразличен к наживе и почему-то вынужден заниматься этим диким промыслом.

Бронт вновь посмотрел в лицо товарища. Тот внимательно дослушал его.

– Ладно, я всё понял. Мне пора. Нам следует немедленно отбить корабль и уничтожить пиратов. Если мне доведётся пленить их главаря, то я обещаю отдать его тебе. Будешь сам вершить его судьбу, – Саул дружески хлопнул его по плечу и поднялся.

* * *

Греки атаковали внезапно, тихо подойдя к триере с боков. Не ожидавшие нападения пираты, расслабленные до состо-

яния полной безответственности, были быстро уничтожены при abordage, практически не оказав никакого сопротивления. Лишь старый Феогнид исполнил свой долг до конца – бросился на защиту своего подопечного, сразив двоих воинов, и рухнул у ног Саула, пронзённый в грудь его острым мечом.

Вожак пиратов был пленён.

Из находящихся невдалеке трёх унирем одна стремительно удалялась на запад. Но это были её последние мгновения. Быстрая триера настигла её, с ходу протаранила её корпус и отправила на морское дно. Несколько пиратов беззащитно бултыхались на поверхности воды.

Всего за одну ночь, казалось бы, изначальная благосклонность судьбы к морским разбойникам обернулась для них погубелью, в который раз продемонстрировав её непостоянство относительно заблудших людских душ.

Потеряв в походе две триеры, командующего флотом и более двадцати воинов, уничтожив две из четырёх пиратских унирем со всеми их людьми, потопив три униремы персидско-египетского флота, захватив в плен его командующего да к тому же завладев двумя их униремами, три боевых корабля Поликрата возвращались к родным берегам.

Войдя в гавань, все были немало удивлены, увидев стоящие там среди других военных судов две триеры из своего флота, считавшиеся ими пропавшими в море.

* * *

На третий день после возвращения из похода в дом Бронта прибыл сам военачальник Саул, торжественно сообщивший о похвале Поликрата и передавший ему и Форкису денежное вознаграждение. Ещё через день он вновь посетил этот дом, сопроводив Гамилькара и Рупилия, отданных правителем в полное распоряжение Бронта, их нового хозяина. Благосклонности властителя не было предела.

Отныне в небольшом доме, расположенном на самой окраине Самоса, стали проживать четверо мужчин, сведённых волею судьбы из разных земель под одну крышу.

Если для многих война становится разлучницей, то для этих людей, вопреки всем её суровым правилам, она впервые свершила исключение, зародив меж ними мужскую дружбу.

Форкис, кого в детстве покинули трое старших родных братьев, через много лет, минувших с той поры, в первом же своём морском походе обрёл столько же братьев, но иных, не по крови, а по духу.

* * *

Прошла зима. Полученные в боях раны давно зажили.

Дружную четвёрку часто видели и в гавани, и в ружейных мастерских, и на рынке, и у строящегося огромного храма богини Геры.

В соседней персидской державе вступил во власть новый царь, Дарий I, развивший бурную деятельность, в том числе и в области торговли.

В один из дней Бронт был срочно приглашён в дом Саула. Вернувшись, он сообщил о предстоящем походе с самим правителем Поликратом в город Эфес, находящийся в подданстве персидской державы, на восточном побережье Эгейского моря. Оттуда, как он пояснил, они должны подняться вверх по реке Каистр и, уже в срединном её течении сойдя на берег, прибыть в город Сарды на встречу с персидским сатрапом Лидии Оройтом для ведения переговоров, связанных с торговлей.

По настоянию Бронты и по прошению Саула все – Рупий, Гамилькар и Форкис – вошли в отряд сопровождения Поликрата.

В поход направлялись три корабля: одна унирема и две триеры. Но более лёгкий первый корабль дальше Эфеса вверх по небольшой реке должен был идти один.

* * *

Тем временем на берегу далёкого пиратского острова Эфира старый Батикл, целыми днями сидя у самой воды, вглядывался подслеповатыми глазами в морскую даль в надежде увидеть корабли сына и внука, не обращая внимания на истечение

всех отведённых для их возврата сроков. Он приходил на своё излюбленное место с раннего утра и возвращался оттуда почти с закатом. Отменный аппетит и крепкий сон уже давно покинули его. Так продолжалось до самой весны, пока однажды в один из вечеров он по какой-то причине не вернулся домой. Его престарелая жена, почувствовав неладное, что есть сил бросилась к нему. Ещё издали она увидела его, сидящего на небольшой возвышенности в розовых закатных лучах. Подойдя ближе, с трудом отдышавшись, она тронула его за плечо. Вопреки её ожиданию, он не повернул к ней головы. Обойдя его спереди, она присела перед ним и к своему ужасу вдруг поняла, что он мёртв. По его щекам катились мелкие, искрящиеся на свету капли. Было трудно понять, чем они были на самом деле: то ли последними горькими слезами старца, то ли прощальными брызгами так любимого им моря.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Несмотря на смену подданства от лидийского царя Креза, покорённого персидским владыкой из династии Ахеменидов Киrom II Великим, до вступившего ныне в господство царя Дария I, город Эфес по-прежнему был заселён греками-ионийцами, являя собой крупный деловой центр на самом западном побережье Персии. Его просторный порт был на редкость переполнен разными судами, преимущественно торговыми.

Оставив здесь для ожидания обе триеры, Поликрат даже не ступил на берег и не стал задерживаться в гавани, а прошёл на униреме по каналу через весь город, попутно любуясь величественными храмами и другими, не менее изящными сооружениями, и вошёл в русло Каистра. Неглубокая посадка судна и сравнительно небольшие его размеры давали возможность довольно быстро продвигаться на вёслах вверх по течению этой почти несудоходной реки. Скалистые берега, порой достигавшие значительных высот, были сплошь покрыты яркой, сочной зеленью. Всюду, выступая к воде витыми корнями, росли деревья и кустарники.

Подойдя к концу второго дня к небольшому городу Ларисе, Поликрат велел пристать к одинокому мостку слева по ходу и высадился на берег. Его ожидали конные посланцы сатрапа Лидии. Захватив с собой четверых военачальников и оставив на корабле Саула с его людьми, он направился в Сарды.

Бронт, Гамилькар, Рупилий, Форкис и ещё трое воинов расположились невдалеке от корабля на песчаном побережье. Пятеро матросов по команде Саула выводили по сходням на землю закованных в цепи гребцов.

Наступила ночь. Выставив парный дозор, все приступили к приёму пищи, устроившись у разожжённых костров. Утомившиеся за время похода рабы, насытившись едой, растянулись на тёплом песке и быстро заснули. Решили отдохнуть и воины.

Где-то в прибрежных зарослях долго щебетала встревоженная птица, но и она, вскоре утомившись, умолкла. Небо было на редкость тёмным, неприветливым. Тихий поток реки лишь изредка нарушался звуками всплесков воды при накатывании к бортам судна мелких волн. Вдали виднелись огни небольшого города, имевшего такое странное и необычное название – Лариса.

Следующие три дня прошли как один – однообразно и уныло.

– Интересно, как долго изнемогать нам здесь от жары? – Бронт, отойдя на невысокий холм, вглядывался в сторону города.

– Думаю, за это время мы успеем съесть все наши запасы пищи, – как-то печально и в то же время с лёгкой иронией ответил стоящий рядом с ним Саул.

Яркое солнце нещадно палило с самого утра. Дни становились длиннее и всё жарче. Начавшееся лето обещало быть знойным и сухим. Люди старались меньше двигаться, дабы не потеть и не терять влагу. Матросы часто поочередно обливали весь корабль речной водой, не допуская опасного рассыхания древесины.

Прошло ещё три дня. Всё было по-прежнему, без перемен.

Теперь было трудно отличить одного человека от другого. Бронзовый загар одинаково покрывал почти обнажённые тела. Раскалённые цепные колодки оставляли сильные ожоги на ногах и руках рабов. Под постоянным и пристальным присмотром команды им разрешалось окунаться в реку во избежание попадания грязи в свежие раны. К тому же в воде железо немного охлаждалось, уменьшая боль.

Потеря гребцов была бы крайне нежелательна в сложившейся ситуации. Обратный путь, хотя и не был далёким, но проходил по чужой, оттого, возможно, враждебной земле.

Рупилий и Форкис в эту ночь находились в дозоре, расположившись под высоким деревом на небольшой возвышенности примерно в ста футах от реки по направлению к городу.

Всё пространство от них до берега было открытым, как на ладони, и напоминало собой неглубокую плоскодонную чашу, равномерно заросшую слоем тёмно-зелёной травы, посреди которой, разделяя её на две половины, тянулась местами виляющая тропинка. По окраинам долины густели леса, за которыми виднелись невысокие скалистые горы.

Желтоватый рожок полумесяца, окружённый туманным бледно-синим ореолом, нависал почти над самым селением, рассеивая по округе такой же причудливый, неестественный свет, и от всего, что было выше травы, падали чёрные неясные тени.

Ближе к полуночи от воды потянулась долгожданная прохлада. К этому времени успокоилась и птичка в кустах. Теперь, в эту ночную пору, лишь стрекотание цикад напоминало о продолжении неуёмной жизни среди этой дивной, отдыхающей природы.

– Взгляни-ка туда, – шепнул Рупилий Форкису, указав рукой в сторону спящего города, взяв чуть левее от тропы.

Форкис всмотрелся, но поначалу ничего не заметил. Быстро взобравшись по ветвям на дерево и заслонившись ладонью от светлого осколка луны, он стал вглядываться вдаль и вскоре тоже увидел странное перемещение нескольких всадников. Все они, вместо того чтобы продвигаться по удобной тропе, огибали долину по окраине леса и явно следовали в их сторону.

– Может быть, это сам Поликрат возвращается? – неуверенно спросил Форкис, мягко спрыгнув на землю.

– Вряд ли в такое время он двинулся бы в путь, – с сомнением ответил Рупилий и вновь спросил: – Сколько их там?

– Не меньше десятка.

– Буди наших. Я отсюда послежу за ними, – теперь уже Рупилий взобрался на дерево.

Саул со всеми воинами вскоре появился возле Рупилия.

– Вон они, – показал тот рукой.

Отсюда было видно, как этот отряд, численностью не менее полутора десятка всадников, неспешно, но очень скрытно приближался к середине расстояния, разделявшего город и их расположение.

– Бронт, возьми троих и выдвинься им навстречу. Только незаметно. Думаю, они, раз так затаённо приближаются к нам, скоро оставят лошадей где-нибудь недалеко. Мы будем сзади вас, – тихо скомандовал Саул. Дождавшись ухода Бронта, он продолжил: – Остальные за мной, вон к тому леску. Всем приготовить луки.

* * *

Быстро и бесшумно преодолев около пятидесяти футов по открытой местности, четверо воинов вбежали в лесную гущу и исчезли в ней. Бронт, ловко огибая деревья, вскоре подал сигнал поднятой рукой. Все, сдерживая дыхание, замерли, притаившись за стволами.

Впереди послышались приглушённые голоса. Стало понятно, что люди сходят на землю.

Бронт прислушался. Кто-то на чистом греческом языке произнёс слова, резанувшие слух:

– Сейчас покончим с этими, получим награду и заживём так, как ещё не жил никто. А? Чего молчишь? Хочешь хорошо жить? То-то. Поликрат своё пожил на славу. Хватит ему мешать другим. Всё правильно. Тебе что, жаль его? Глупец ты. Он бы пожалел тебя, как же! Персы не сегодня, так завтра весь мир подомнут под себя, а ты всё сомневаешься. Не видел, что ли, как они с ним обошлись? Так даже с паршивой овцой не поступают. Вжик – и полетела головушка. Вот только зря они его распяли на воротах. Ни к чему это. Да и вонь такая пошла.

Бронт понял, что самое худшее свершилось, но не мог пока поверить в такое. Этот мерзкий голос стал всё больше раздражать его, а сказанное им распяляло гнев и презрение к нему, предавшему своего собрата по крови.

– Пошли. Только тихо, – вновь послышался голос предателя. Заложив стрелы, Бронт и трое воинов присели.

Среди крайних деревьев, отчётливо выделяясь на фоне светлеющего неба, появились крадущиеся в сторону корабля вооружённые люди.

– Первых четверых пропускаем. Отстреливаем следующих за ними, – шёпотом скомандовал Бронт.

Тут же четыре стрелы с лёгким свистом рассекли воздух и мгновенно впились в тела врагов. С небольшим опозданием повалилась на землю и первая их четвёрка. Выставив копья, оставшиеся быстро сгруппировались, ничего не понимая и озираясь по сторонам. Вновь восемь выпущенных стрел настигли свои цели, и теперь среди противников уже никто не стоял на ногах. Убрав лук и выхватив меч, Бронт со своими воинами помчался к ним. Справа приближались Саул и остальные. Пришедшие люди были окружены.

Для прояснения ситуации следовало быстро выявить раненых и допросить их.

Неожиданно услышав стук копыт, все оглянулись в сторону, где находились лошади пришельцев, и лишь теперь заметили, как быстро, низко пригнувшись к шее коня, удалялся одинокий всадник.

– Поликрат убит, – нарушив тишину, произнёс Бронт.

– Что-о?! – взревел Саул, не веря сказанному.

– Среди этих есть греки, – Бронт кивнул в сторону лежащих людей. – Я слышал их разговор. Они пришли сюда за нами.

Саул метнулся к ним, внимательно рассматривая убитых и раненых. К своему удивлению, он увидел тех, о ком говорил Бронт. Это были двое из четверых военачальников, что ушли с Поликратом. Один из них был ещё жив. Он лежал на боку, держась слабыми руками за стрелу, вошедшую ему в середину груди, и в ужасе таращил глаза на подошедшего к нему Саула.

– Где Поликрат? – зло прошипел Саул, пригнувшись над ним.

– Распяли, – захлёбываясь кровью, прохрипел тот.

Саул вздрогнул, порывисто выпрямился и коротким быстрым ударом отрубил ему голову.

– Рупилий, грузи корабль. Этих всех добить. Собрать оружие и всю конскую упряжь. Уходим, – распорядился он.

Ничего не понимающие спросонья рабы, поёживаясь, занимали свои места на сиденьях. Сёдла, сбруи и оружие были брошены на корме. Корабль разворачивался на обратный курс.

– Не туда. Идём вверх, – грозно скомандовал Саул.

Гамилькар бросил на него удивлённый взгляд.

– Нам теперь нельзя идти обратно. Наверняка, там уже ждут нас для расправы, – тихо объяснил ему свои доводы командующий и тут же обратился к Бронту: – О чём вели разговоры те двое?

Бронт передал всё услышанное от них слово в слово.

– Так, значит, это правда, – вздохнул Саул.

Недолго постояв в раздумьях, он мотнул головой и с досадой добавил:

– Заманили всё-таки в ловушку.

Воцарилась тишина. Вёсла шлёпали лопастями о поверхность воды. Один из матросов начал было выбивать на огромном барабане ритм для гребцов, но Саул окликнул его, запретив всяческий шум. Рабы, напуганные такими переменами, гребли и без того слаженно и дружно.

К следующему полудню они дошли до места, где русло реки сильно сужалось и круто поворачивало на север. Дальше идти на корабле не представлялось возможным. Побережья на изгибе были каменистыми и пологими, хотя невдалеке виднелись горы.

Пристав к правому берегу, Саул по сходням быстро сошёл на сушу, но, задумчиво осмотревшись, вновь вбежал на корабль.

– Бронт, выбери из рабов с десятков самых рослых и крепких. Освободи от цепей, – повелел он.

Затем, окинув всех жёстким взглядом, коротко добавил:

– Выгружаемся.

Всё, что могло пригодиться, вскоре находилось на земле. Все в ожидании дальнейших распоряжений молча стояли в стороне. Саул поднялся на корабль. Тридцать восемь прикованных к судну рабов с тревогой взирали на него.

– Ты, – командующий указал пальцем на сидящего переднего правого загребного, – поведёшь корабль обратно в Эфес. Нигде не останавливаться. Дойдёте – всем будет дарована свобода.

Ни на чьи расспросы не отвечать. Таково веление Поликрата. Уходите немедленно.

Он сошёл на берег. Подоспевшие двое матросов стянули на землю сходни.

Корабль, стеснённый узостью реки, но умело управляемый гребцами, медленно развернулся и плавно заскользил вниз по течению, провожаемый в последний путь последней его командой.

К исходу дня, не подчиняясь окрикам персов, как и велел Саул, у того самого мостка, где совсем недавно они провели множество беспокойных дней и ночей, рабы вместе с судном загорелись от запалённых стрел, но не остановились, а продолжали своё движение, факелом освещая берега. Пройдя какое-то расстояние по речной глади, остов униремы, прогоревший до самого днища, плавно погрузился в воду, унося с собой скрюченные, обуглившиеся тела невольников.

* * *

Всю эту ночь Саул и его люди провели на берегу, не разжигая костров. Пятеро матросов были полностью вооружены трофейным оружием. Десять отобранных рабов, сразу освобождённые от оков и, получившие тёплые шерстяные плащи, преданно ожидали команды хозяина. До самого утра никто не сомкнул глаз. Сильное возбуждение, охватившее всех людей, постепенно проходило, уступая место нарастающей тревоге.

Гамилькар, в отличие от остальных, не был глубоко потрясён смертью незнакомого ему Поликрата. Он восхищался тем, что сделал командующий Саул, так как тот, отправив на верную гибель рабов вместе со своим кораблём, спас от неминуемой смерти и его, и всех находящихся здесь людей и, более того, убедил персов в уничтожении судна с командой, тем самым предотвратив возможное преследование. Такое незаурядное поведение, как понимал Гамилькар, было присуще не каждому военачальнику, коих повидал он в своей жизни немало. Его удивляла и сама быстрота мышления Саула, принявшего в такой короткий срок, почти в одно мгновение, единственно правильное решение. Саул, по мнению Гамилькара, был действительно достоин истинного уважения и почитания.

Места были совершенно незнакомыми. До сих пор никому из отряда не доводилось здесь бывать. Теперь следовало определиться в дальнейших действиях, прежде чем начинать движение.

Всем им было понятно, что вокруг них простиралась земля персидской державы, а это, в свою очередь, означало только одно – их окружали враги.

– Если нам и доведётся вернуться к себе, то ничего хорошего нас там уже не ожидает, – начал Саул. – Вернее всего, нам придётся держать ответ за смерть Поликрата, и никому не будут нужны наши доводы и объяснения. Нет правителя, но почему-то жива почти вся его охрана, то есть все мы. В нашу преданность при таких обстоятельствах поверит разве что скудный умом или малое глупое дитя, но, к сожалению, больше никто. Все наши прежние заслуги отныне просто тлен. Главное наше предназначение нами же и не исполнено. Для всех в родной земле мы ничем не лучше тех двоих, что предали Поликрата и пришли за нашими душами. Стало быть, перед всеми людьми нет для нас никаких оправданий на всём белом свете. Одно утешает. Перед богами мы не повинны в смерти правителя. Но они – немые свидетели, и помощь от них не так уж и велика. Не знаю, как вы, а я принял решение. Для меня обратной дороги нет.

Воцарилась гнетущая тишина. Все впервые задумались всерьёз о своём будущем.

– Вот только знать бы, куда дальше идти? – после долгого молчания он дополнил вопросом сказанное и, прищурившись, уставился немигающим взором вдаль.

– Ты прав, Саул. Я согласен с тобой и тоже остаюсь, – бросив в воду камень, решительно произнёс Бронт. Взглянув на сидящего рядом юношу, он спросил: – Ну а ты, Форкис, как? Чего призадумался?

– Я с тобой. Ты это знаешь, – твёрдо ответил тот.

– Гамилькар, Рупилий, вы свободные люди и имеете свой выбор, – не поворачивая головы, подчеркнул Саул. – Так что решайте сами, как быть.

– Морей я насмотрелся вдоволь. Наверное, для меня наступила пора познать и земную твердьню, – с улыбкой произнёс Гамилькар, тем самым давая понять, что он остаётся.

– Мне дорого и интересно всё, что случается со мной в моей же жизни. Так угодно богам, и не стоит противиться судьбе. Не думаю, что она зря однажды свела нас всех и привела сюда лишь для расставания. Посмотрим вместе, что ожидает нас за той излучиной реки, – Рупилий откинулся на горячие камни, с наслаждением вытягивая длинные мускулистые ноги.

– Ну а вы что скажете нам? – Саул, повернувшись, взглянул на троих воинов, сидевших рядом за его спиной.

– Мы всегда шли за тобой, позволь и теперь быть рядом, служа тебе, – с достоинством ответил за всех один, тот, что был чуточку старше годами.

– Что решили вы? Говорите, – командующий повернул голову туда, где находились пятеро матросов.

– Нам хотелось бы быть полезными тебе не только на кораблях. Если ты позволишь, то мы тоже будем с тобой, – встав, тихо ответил старший.

– Что ж, теперь настало время определиться, куда следовать нам и к чему мы все готовы, – Саул поднялся и повернулся к отряду.

– Позволь спросить, для чего ты оставил всех этих рабов? – Бронт также поднялся и подошёл к нему.

– Я полагаю, хозяин может освободить лишь тело невольника, сбросив с него оковы. Настоящей, полной волей одаривает себя только сам человек, доказывая преданность ей своими достойными поступками. Посмотрим на деле, прав ли я, – Саул с иронией посмотрел в глаза старому товарищу. Чуть помедлив, он добавил: – Дорога наша не изведена никем из нас, оттого и опасна. К тому же нас мало, и может наступить время, когда пригодится каждый из оставшихся. Ценою жизни тех невольников, которые разделяют печальную участь нашего корабля, я предоставил этим рабам шанс стать свободными людьми. Они должны это понять.

– Ты хочешь доверить им оружие? – удивился Бронт.

– Нет. Пусть сами добудут. А случай наверняка им скоро представится.

Распределив груз поровну на всех, отряд двинулся в путь на восток.

Для начала следовало перебраться через горы и осмотреться.

* * *

Прошло двадцать дней. Обходя небольшие селения, проводя ночи в отдалённых расщелинах в стороне от многочисленных дорог, свидетельствующих о нахождении в этих местах оживлённых торговых путей, наблюдая со скальных вершин за проходящими караванами, отряд Саула продвигался по наметченному им направлению.

Обширная гористая местность чередовалась то с безжизненными отрогами, то с небольшими, но травянистыми долинами, пестревшими яркой зеленью, где паслись отары овец, ближайшие из которых по ночам теряли по несколько голов, подкармливая скрывающихся путников. Изредка в довольно неожиданных пустынных местах они замечали большие вооружённые конные группы, доходившие числом до сотни. Вероятно, как полагал Саул, это были персидские дозоры, охранявшие знатных людей, караваны и дороги.

Чем дальше он продвигался со своими людьми, тем оживлённее становилась местность. Селения появлялись всё чаще, причём они были гораздо крупнее тех, что прежде попадались на их пути.

Идти становилось опаснее, и отряд повернул на юго-восток, стараясь обойти эту густозаселённую область.

– Куда мы идём? – однажды, пройдя очередной день пути, спросил у Саула Бронт, присев возле него к костру.

– Нам нужно дойти до реки Евфрат, а там, если нам удастся, следует постараться попасть на какое-нибудь судно, следующее к южному заливу, и оттуда к морю. По нему, пройдя на восток, можно попасть в воды далёкой реки Инд, побережья которой несказанно богаты. Мы все могли бы именно там начать новую жизнь. Я слышал об этой земле из уст Поликрата.

– Думаешь, получится у нас?

– Теперь мы не сможем быть незамеченными. К тому же здесь труднее добывать пищу. Вон сколько народа вокруг. А нас двад-

цать три человека. Придётся брать еду силой, а это больше по части Рупилия, – то ли пошутил, то ли всерьёз ответил ему Саул, намекая на пиратское прошлое Рупилия.

– На лошадях было бы быстрее продвигаться всем нам. Там, недалеко отсюда, был целый табун. Может, вернёмся сейчас, пока темно, и добудем их? Не зря же мы тащим с собой эти сёдла и всю конскую упряжь. Ты ведь сам велел захватить их, – предложил Бронт.

– Не думал я, что однажды вдруг стану самым обычным разбойником, – с досадой процедил сквозь зубы военачальник. – Но, видимо, такое угодно судьбе. Да и было бы глупо умирать нам на половине пути от голода, когда кругом столько разной обильной пищи. Надеюсь, боги простят нам такие поступки. Без нужды не стали бы брать чужого.

– В таком случае я возьму с собой всех рабов. Пусть они докажут, что не зря ещё живы. Ну а если всё сложится не так, как надо, то нашей вины в их гибели не будет, – Бронт решительно поднялся.

– Хорошо, Бронт. Иди. Но всё же возьми с собой Рупилия. Он, похоже, удачлив в таких делах, – вздохнув, одобрил Саул.

Вскоре Бронт, Рупилий и все десять невольников тихо исчезли в ночи, унося с собой только верховые сбруи. Вернулись они к рассвету. Их первый крупный воровской шаг был успешным. Без потерь и без пролития чужой крови им удалось увести тридцать лошадей, при этом ещё и разжиться свежей бараниной и кое-какой другой снедью.

Главное же открытие было в другом. О нём с восторгом Саулу сообщил Бронт. Оказалось, что двое из рабов были мидийцами. Они довольно сносно понимали греческий язык и даже могли, хотя и с трудом, но всё же изъясняться на нём. Ну а самое важное заключалось в том, что они в совершенстве владели родственным им персидским языком. Помимо этого, их родные земли, прежде завоёванные Лидией, а затем и Персией, находились на северо-востоке от этих краёв и простирались почти до берегов Каспийского моря. Такая новость была очень кстати, так как пребывание в персидских землях без знания их языка сулило большие проблемы для всего отряда.

Теперь для Саула возникал другой вопрос: насколько можно было доверять этим людям? К его большому сожалению, для их проверки пока не было никакой возможности. Он решил идти по другому пути, дабы из осторожности обезопасить себя в случае их предательства. Предварительно пообщавшись с ними, он повелел одному из них находиться всегда возле Бронта и обучать его персидским словам. Второго же он стал держать рядом с собой по той же причине.

За четырнадцать последующих дней познания в персидском языке, хотя и с большим усилием, но значительно продвинулись. Особенно легко это давалось Форкису, всё время находившемуся с Бронтом. Никак внешне не выказывая интереса к обучению, он внутренне с удовольствием впитывал значение каждого слова. Бронт старательно запоминал слова, но уже через короткий промежуток времени или забывал, или путал переводы, при этом злясь на свою никчёмную память.

В один из дней похода совершенно неожиданно для Саула и его людей закончилась гористая местность. Впереди внизу простиралась бескрайняя долина, сочная от буйной зелени лесов и полей, на которой вдали, блестя сине-серебристым гибким телом, несла свои воды пока не полноводная река Евфрат. Они дошли до неё.

Это было радостным и в то же время тревожным событием.

Не вступая в благодатные земли ночью, решили провести время до утра наверху, на окраине плато в небольшой уютной расщелине, в стороне от возможных дорог.

– Там, ниже по течению, думаю, в пяти, может, семи днях пути должен находиться город Вавилон, – Саул вполголоса вещал сидящим у костра. – Чуть более пятнадцати лет тому назад он был завоёван персами. С тех пор, говорят, он не раз поднимался против них, но всё безуспешно. Они пришли навсегда. Я слышал, что это огромный город, каких ещё не было на земле. Там полно всякого люда, что для нас было бы очень удобным. Никто бы не обратил внимания на такую группу людей, как наша.

Все учтиво, не отвлекаясь, слушали рассказ старшего. Он многое знал и был интересен. Ему верили без малейшего сомнения, не задумываясь над тем, где он почерпнул всё то, о чём уверенно говорил.

По тому, как сидели люди, сгрудившись ближе друг к другу, было заметно их волнение от предстоящего посещения первого на их пути столь большого персидского поселения. Тревога за будущее, не так остро ощущаемая во время пути, сейчас достигла своего пика. Только теперь до каждого из сидящих дошло истинное их положение. Они были далеки от родной земли, где хоть и с трудом жилось, но дышалось вольготно. Там кругом были свои. Здесь же любой человек, что появлялся на их пути, был чужим для них и мог даже беспричинно навредить им. Но самое страшное заключалось в том, что им не у кого было искать защиты. От осознания того, что где-то под боком, совсем близко, находился пугающий их город, схожий с каким-то ненасытным всепоглощающим чудовищем-великаном, им становилось жутко. Хуже всего при этом было, что они на рассвете сами, добровольно последуют в его пасть, словно заворожённые им жертвы. Такого не могли понять ни простые воины, ни тем более рабы, но о том, чтобы спросить у Саула, для чего это нужно, у них не было даже малейшей мысли. Такое поведение считалось непозволительным.

Новый день, вопреки всему задуманному накануне Саулом, внёс свои неожиданные коррективы в действия греческого отряда.

С первыми лучами солнца они увидели внизу, на самых подступах к подножью их горы, продвигающиеся по окраине долины пешие персидские войска. Шли они нескончаемым потоком, размеренно и уверенно. Такого большого числа воинов никто среди греков до сих пор ещё не видел.

– Куда их столько? – припав к большому валуну, шёпотом произнёс Форкис.

– Идут на юг. Стало быть, беспокойно в Вавилоне, – высказал догадку Саул.

Помолчав, следя за войсками, он добавил:

– Там, на северо-востоке, – он взглянул сперва на небо, затем на дерево и поправился, – вернее на востоке, есть мидийский город Экбатана, теперь он персидский. Видимо, оттуда они идут. Хотя могут быть посланы откуда угодно. Скорее всего, от-

куда-то из северных сатрапий. Зачем им совершать такой обход, огибая Тигр?

Саул развернулся, прислонился спиной к скале и в задумчивости тихо сполз.

– Выходит так, что мы, хоть и не ко времени подошли к этой долине, но вовремя остановились, – Бронт опустился рядом с ним.

Было заметно его сильное волнение.

– Это верно. Спустились мы вчера туда – и всё для нас было бы кончено. Сейчас лежали бы все до одного в той густой травушке, – согласился с ним Саул. – Ну, дела. Видать, боги ещё не отвернулись от нас. Как ты думаешь? – он посмотрел в лицо товарищу.

– Похоже, что ещё нет. Они пока благоволят нам в дороге, – поддержал его тот, в душе не переставая удивляться таким существенным переменам, случившимся в течение всего лишь одной ночи.

– Что теперь будем делать? Куда нам податься? – вновь спросил он.

– Одно ясно, Бронт, не в Вавилон. Туда нам уже нельзя идти, – твёрдо ответил Саул, продолжая размышлять, покусывая травинку.

– Такое большое войско, наверняка, будет усиленно охранять и все их корабли. Нам придётся искать другой путь, – резонно подметил Бронт.

– Обойти всю эту долину по течению реки до самых её низовий мы не в состоянии. Это попросту несбыточно. Мы не сможем совершить переход. Слишком много народа обитает здесь, да к тому же и войск прибавилось. Положа руку на сердце, я должен признаться, что совершенно не ожидал ничего подобного. Предусмотреть всё это заранее не смог бы никто. Ну а теперь, даже если нам и удастся раздобыть для себя целый корабль, то всё равно нам невозможно будет бесконтрольно миновать укреплённые берега, не говоря уже о том, чтобы спокойно пройти на нём вниз и выйти в море, – с сожалением покачивая головой в такт произносимым словам, был вынужден признаться Саул.

Наступила тишина. Внизу продолжали шествовать войска. Были слышны приглушённые голоса, топот ног и бряцание оружия. Иногда, обгоняя ряды пеших воинов, проскакивали небольшие конные отряды. Зрелище продолжалось до самого вечера. С последними лучами солнца миновали оставшие воинские обозы.

Саулу и его людям на ночь пришлось остаться на прежнем месте. Приготовили пищу. В небольшом ручейке, протекавшем за их спинами среди деревьев, напоили коней.

Оттого, что теперь уже не нужно было идти в этот ужасный город, поначалу всем стало спокойнее на душе. Но возникшая неопределённость в действиях постепенно брала своё, так как таила в себе не меньше тревог. Мысли о ней стали всё сильнее нарастать, захватывая людей в свою власть.

– Бронт, послушай меня, – когда все уснули, Саул дотронулся до его плеча. – Ты спишь?

– Нет, – откинув плащ, тот присел, разминая с хрустом спину.

– Есть ещё один путь, ведущий к Инду, – опустившись рядом с ним, тихо произнёс Саул.

Костёр отбрасывал дрожащий свет, искажая вокруг все виды. Искры, взлетая высоко вверх, тут же подхватывались лёгким ночным ветерком, разметались им в стороны и угасали в его порывах.

Бронт внимательно взглянул на Саула.

– Если нам пройти через долину, преодолеть Евфрат, а затем и потоки Тигра, обойти Экбатаны, мы окажемся на пути многочисленных караванов, идущих из Персии на восток, – он смотрел в глаза товарищу, пытаясь определить, понял ли тот сказанное.

– Караваны-то следуют, это верно. Но при чём тут мы, не пойму? У них своя охрана, к тому же состоящая из персов. Ты что, думаешь, они доверят нам оберегать свои бесценные грузы? – удивился Бронт, не понимая до конца предложение товарища.

– Да нет же, не доверят. Я о другом говорю. Мы можем захватить один из них. Среди погонщиков всегда есть опытные

проводники, те, что знают многие дороги. Есть и знатоки в торговых делах. Всё так же, как и на море. Вот что я предлагаю, – наконец объяснил Саул.

– А что, кажется, неплохо всё придумано. Можно сказать, даже умно и толково. Вот только их хозяева, наверное, умеют оградить свои богатства от таких как мы? Что скажешь? – с иронией произнёс собеседник.

– Мне не до шуток, Бронт. Сидеть здесь или в каком другом месте без дела для нас означает бессмысленную гибель, – Саул отвернулся к огню.

– Послушай меня, я не шучу, не то время. Давай разбудим Гамилькара, Рупилия и Форкиса и посоветуемся с ними. Будем решать все вместе. Дело серьёзное и очень опасное. К тому же оно касается всех нас. Как считаешь? – изменив тон, спросил Бронт.

– Буди. Нужно определиться, – согласился Саул.

Выслушав его, все задумались. Форкис первым нарушил молчание, выразив своё согласие. Иного никто от него и не ожидал. Бывалый флотоводец Гамилькар как-то грустно улыбнулся, оглядел всех сидящих и твёрдо и коротко бросил:

– Я принятых решений не меняю. Мне по-прежнему интересен мир.

– Ну а что скажешь ты, Рупилий? То, что предлагает Саул, в большей степени связано с твоим бывшим ремеслом. Прости меня, но, может быть, пришло твоё время? – Бронт незлобиво пошутил, по-братски положив руку на плечо сидящего рядом товарища.

– Дело знакомое. Что верно, то верно, – зная характер доброго воина, не обижаясь на него, начал тот и замолчал.

Ковырнув веткой уголки, он продолжил:

– Правильнее всего держаться нам всем вместе. Особенно сейчас. И идти к намеченной цели тоже сообща, что бы ни случилось. К чему я это говорю? Так, пришло в голову. Дед, помнится, учил, да и жизнь показала многое. Мы просто должны учитывать то, что нас мало. В походе на восток и земля наша будет дальше, и нас станет меньше.

Он вновь замолчал.

Сказанное им, словно камень, брошенный в воду, пустило круги и по сознаниям, и по душам товарищей, будоража их своей глубокой точностью и жестокой правдивостью.

– Допустим, мы дойдём до тех земель, – вдруг опять продолжил он. – Увидим их. Возьмём всё, что нужно. А что потом? Ведь нам лишь сейчас кажется, что мы там осядем и продолжим жизнь. Сколько раз такое бывало со мной. Так мыслит каждый, кому вдруг стало плохо там, где он почему-то не был понят или оказался отвергнут. Но всё это со временем проходит, и каждый начинает осознавать всю нелепость таких затей. Сами всё скоро увидите.

Рупилий окинул всех спокойным взглядом.

– Что ты предлагаешь? К чему это говоришь? – спросил Бронт.

– Обратно нам нужно идти морем. Вот что я предлагаю. Тому много причин, и вы все догадываетесь о них, – объяснил Рупилий, вновь ковырнув веткой в углях, взметнув пучок искр.

– Хорошо. Всем нужно отдохнуть и с зарей выдвинуться в долину, – завершил беседу Саул.

* * *

Перейдя на другой берег неширокого в этом месте Евфрата, пройдя долину в общей сложности за одиннадцать дней, люди преодолели и воды Тигра. На левом берегу этой реки вдали были расположены руины Ниневии, бывшего главного города Ассирии, её столицы. Оставив их далеко позади, отряд вновь вступил в горную местность, направляясь к Экбатанам. Держались южнее всех попадающихся дорог.

То, что опасность для них всех с каждым днём только возрастала, они понимали, так как узнали от Саула о том, что этот город является одной из резиденций самого персидского властителя Дария.

По мере приближения к нему они стали чаще замечать конные разъезды и дозоры.

Шли довольно медленно, спустившись ещё южнее, направляя вперёд многоопытных Бронта и Гамилькара.

Опасаясь любой случайной встречи даже с одиночными па-
стухами, овец не крали. Для пропитания закололи одну из ше-
сти свободных лошадей. Иного выхода не было. Но и при этом
им долго не удавалось сварить мясо хотя бы один раз.

Слегка подсолив его и разделив между всеми поровну, они
неспешно продвигались дальше, на ходу посасывая маленькие
кусочки мякоти.

То, как охранялся этот город даже на таком, довольно без-
опасном отдалении, поразило всех. Войск было очень много.
Конные персидские сотни попадались на их пути в самых пу-
стынных и, казалось бы, никогда не обитаемых или же давно
заброшенных местах. Благополучно обогнув эту ужасную тер-
риторию, пройдя всю дорогу без отдыха и пропитания, на
восьмой день они впервые расположились у долгожданных ко-
стров, заварив в небольших котлах конину. Безмерно уставшие
люди, не имея сил для насыщения, засыпали тут же, сжимая в
руках недоеденные куски мяса.

* * *

Лето было в самом разгаре. Стояли сухие, безоблачные дни.
Над каменистой землёй дрожало марево, искажая видимость и
обманывая зрение.

Отойдя дальше на восток ещё на четыре дня пути, отряд
расположился в небольшом урочище, следя за округой. Судя
по всему, именно здесь проходили караванные дороги. Никто
не знал, что за земли простирались дальше. Даже Саул отмалчи-
вался, не желая вести разговоры на эту тему.

Все поняли, что и его познаниям наступил конец. Они за-
канчивались здесь, в этом совершенно чуждом краю. В дозоры
попарно выставлялись все, кроме рабов. Саул по-прежнему не
спешил вооружать их.

Он выжидал подходящей для этого поры и всегда помнил,
что оружие в достатке осталось после разгрома персидского от-
ряда на берегу реки Каистр.

На третий день стало меньше ещё на одну лошадь.

Отдохнувшие люди были сыты, но бездействие и однообраз-
ное существование в такую жару сильно утомляло их.

Ближе к полудню показался всадник, спешивший к урочищу. Это был Форкис, посланный из дозора Бронтом.

С запада, находясь в однодневном переходе от них, в их сторону под сильной охраной двигался большой караван. Такая новость в один миг изменила настроение людей. Все враз нашли себе занятие, готовясь к захвату.

Направив на смену Бронту двоих опытных матросов, Саул в волнении ожидал возвращения товарища, дабы поподробнее узнать из его уст всё о столь желанном караване. Бронт вскоре прибыл. Он подтвердил слова Форкиса, но его рассказ был малоутешителен: охрана каравана насчитывала не меньше целой сотни персидских конных воинов. Только теперь решили вооружить и рабов, иначе всё для отряда могло обернуться бедой. О нападении на караван отныне уже не думали.

Главным было остаться незамеченными и по возможности избежать столкновения с персами.

Урочище следовало срочно покинуть.

Небольшие передовые отряды персов уже находились на полпути от них.

Саул, поручив Гамилькару и Форкису срочно отвести всех людей за скалистую возвышенность, совместно с Бронтом и Рупилием направился навстречу каравану.

Отправив повстречавшихся двоих дозорных к остальным, они втроём, оставив лошадей у подножья, осторожно поднялись на высокий холм. Десяток персов был уже недалеко. Отсюда можно было рассмотреть их довольно хорошо.

– Всё. Уходим, – Саул поспешил вниз, стараясь не поднимать пыли.

Отряд в ожидании находился на указанном месте.

Приближаясь к нему, военачальник выкрикнул поравнявшемуся с ним Бронту:

– Если останемся в живых, нужно будет сменить всем одежду. Смотри, какие мы приметные. Ну а если не доведётся, то наше белое одеяние будет как нельзя лучше для последнего пути.

Гамилькар и Форкис тронулись навстречу к ним.

– К сожалению, этот караван не наш, – остановив разогрячённого коня, произнёс Саул. Развернув скакуна, он добавил: –

Мы с Бронтом остаёмся. Нужно следить за ними. Гамилькар, уводи остальных вон за тот холм и ожидай там.

Он указал рукой на виднеющуюся вдаль возвышенность.

Дождавшись ухода отряда, Саул и Бронт, скрытно обогнув урочище, вновь оставили внизу лошадей, взобрались на высоту и прилегли, наблюдая за появившимися персами. Те неспешно въехали в заросли, недолго побыли там и появились на их дальней окраине. Не последовав вперёд, они пустили своих коней шагом и направились в сторону каравана.

– Похоже, решили здесь заночевать, – шёпотом предположил Саул.

– Подождём их подхода тут, – предложил Бронт.

– Да, верно. Иначе потом уже не сможем подобраться сюда. Вот только кони бы не подвели, – согласился Саул, оглянувшись назад.

Было жарко. Раскалённые камни сильно обжигали кожу. Караван всё не появлялся. Терпеть такое пекло становилось невыносимым.

– Если они не появятся до заката, от нас останутся одни кости, – печально пошутил Бронт, облизывая пересохшие губы.

– Смотри. А это кто такие? – почему-то прошептал Саул.

Бронт перевернулся на живот. Не увидев никого, он недоумённо посмотрел на товарища.

– Ты не туда смотришь. Вон. Взгляни, – Саул показал пальцем вправо.

Только теперь Бронт понял, о ком говорил тот.

За таким же холмом, расположенным примерно в двух с половиной стадиях от них, неизвестно откуда вдруг появилась конница численностью не менее сотни всадников.

– Похоже, не одни мы ожидали подхода этого каравана, – Саул был сильно взволнован.

– Нужно уходить отсюда, пока не заметили нас. Эти явно не союзники персов, – Бронт с тревогой посмотрел в лицо Саулу.

– Да. Уходим. Иначе будет поздно, – сползая вниз, согласился тот.

Едва они опустились к подножью и сели на лошадей, как с диким воем из-за этого же холма вылетела конница. Саулу и

Бронту сразу стало понятно, что всадники подобрались к ним с восточной стороны и были частью обнаруженного ими формирования. Налетев словно ураган, они окружили их плотным кольцом. И здесь была целая сотня.

Ловко наброшенные арканы в одно мгновение стянули Саула и Бронту на землю. Они ещё не успели опомниться, как их тут же разоружили и крепко связали по рукам колючей верёвкой.

Со стороны возвышенности, за которой должен быть притаиться их отряд, также выдвигалась конница. Впереди неё на длинных арканах вели связанных людей. Это был крах.

Непонятно чьи внезапно наскочившие сотни сноровисто, быстро и умело захватили греческий отряд, так тяжело, но довольно благополучно дошедший до заветных земель. Собранные в одно место, там, где совсем недавно ожидали из дозора Бронту, они, связанные и избитые, были оставлены под охраной полусотни захватчиков. Теперь их стало на двоих меньше. Тела тех рабов, что были сразу сражены меткими стрелами, лежали за дальним холмом.

Всё случившееся было настолько неожиданным для всех, что они ещё долго не могли поверить в такой поворот судьбы. Состоявшее с ними было похоже на страшный сон. Лёжа на горячей пыльной земле, постепенно приходя в себя, озираясь по сторонам и видя, к своему ужасу, связанных собратьев, люди каменели, тараща друг на друга наполненные страхом глаза. От охватившего их оцепенения никто из них не мог пошевелить даже языком.

* * *

До заката охрана каравана была разгромлена превосходящими силами напавших конниц.

Спешно покончив со всеми персидскими воинами, проводниками и старшим каравана, не оставив в живых ни одного человека, тщательно проверив поверженных и убедившись в их смерти, захватчики без промедления двинулись на северо-восток, ведя позади гружёных мулов и лошадей. И ещё случайно пленённых иноземцев.

* * *

Шли очень долго. Пара глотков воды трижды в день, что позволялись пленным, являли собой настоящее издевательство над ними, отчего они были на грани сумасшествия. Распухшие языки едва вмещались в пересохшие рты. Никто уже не мог сообразить, жив он или нет.

Не выдержав таких пыток жаждой, один за другим, тихо опускаясь на ходу на землю, умерли все рабы. Из-за своих неимоверно тяжких былых судеб они оказались гораздо слабее остальных. Но им впервые завидовали те, кто прежде были вольными людьми и оставались пока в живых. Каждый из них теперь проклял всё на этом свете, желая потухающим сознанием скорейшего избавления от страшных мук.

* * *

Форкис с большим усилием приходил в себя от льющейся ему на лицо прохладной влаги. Разлепить загноившиеся веки без помощи рук он не мог.

«Вот этого уже совсем не нужно. Меня нет. Я ничего не чувствую. Или пока ещё не чувствую, или уже не чувствую», – пронеслось у него в голове.

Но вода текла сквозь губы, наполняя рот. Он стал захлёбываться. Сильно и натужно закашлявшись, он всё же сумел открыть один глаз, но тут же в него попала вода. Самое приятное для него заключалось в том, что вода прошла в горло, чудом минуя плотную заслонку языка. Желудок ощутимо наполнялся увесистой прохладой, но долго не мог погасить свой жар и утолить жажду во всём теле, словно существовал сам по себе.

Лишь через два дня, когда они пришли в себя окончательно и могли с трудом, но говорить, они узнали, что находятся в Кяте – главном городе персидской сатрапии Хорезм.

Ещё через день их руки и ноги заковали в цепи. С этой поры потянулись долгие годы рабства. Первые восемь лет они с множеством таких же невольников работали за городскими стенами, выкапывая глубокие и протяжённые каналы от реки Окс по всей хорезмийской земле. Им также приходилось возво-

доть многочисленные дамбы, прорывать арыки, строить мосты и укреплять берега.

Однажды, на шестой год такой жизни, при весеннем разливе, когда в подготовленном котловане ещё находились люди, от бурного паводка, не выдержав сильнейшего натиска потока, прорвалась недавно возведённая дамба, и тут же, сметая всё на своём пути, холодная вода мгновенно поглотила рабов. В этот день из тринадцати пленённых греков в живых остались лишь трое: Бронт, Рупилий и Форкис. Остальные морские души нашли свою погибель в речной пучине за тысячи стадий от родных земель и морей.

На следующие четыре долгих года, освобождённые от оков, они, как наиболее терпеливые, уравновешенные и не опасные для общества, были переведены в город на лёгкие работы, где каждый день с раннего утра и до позднего вечера под присмотром охраны очищали уличные арыки. После поистине нечеловеческих условий и невыносимых трудов эти занятия были для них настоящим подарком судьбы.

Владея персидским языком, они вскоре довольно сносно стали знать и некоторые другие.

Форкису несколько раз выпадала честь расчищать красивые фонтаны во внутреннем дворе дворца правителя Хорезма сатрапа Ардавы, где ему доводилось издали украдкой созерцать этого полубога. Прежде чем ввести рабов на территорию двора, их вновь заковывали в цепи. Это была единственная неприятная процедура.

Так проходили дни, сливаясь в годы.

Именно там Форкис познакомился с довольно интересным человеком, таким же, как и он, рабом, но почему-то, несмотря на недавнее пленение, допущенным к этому почётному труду. Из коротких бесед с ним Форкис узнал, что его род происходит из земли Кармании, персидской сатрапии, находящейся далеко на юге, и что имя его Фардас. Как он попал сюда и почему к нему было такое снисходительное отношение, Форкис не знал. Сам же карманиец на эту тему ничего не говорил.

Обитали греки совместно с остальными сорока рабами в небольшом помещении, расположенном на окраине города.

Здесь же, недалеко от них, за высокой каменной стеной находились казармы военных, чья численность не на шутку удивляла их. Невольники часто видели, как те под покровом ночи целыми сотнями покидали свои расположения и по прошествии нескольких дней, также ночами, шумно возвращались, сопровождая захваченные караваны.

Поначалу греки не могли понять происходящего, ведь сатрап Хорезма был подданным персидского царя, и караваны тоже были персидскими, но, прожив здесь достаточно длительный срок, они разобрались в этих хитросплетениях.

Всё было гораздо проще, нежели казалось прежде. То, что творили военные люди, исходило от самого Ардавы, с его высочайшего негласного одобрения. Местные купцы, действуя от его имени в дальних восточных странах, получали огромные прибыли за товары, совершенно не принадлежащие ни им, ни повелителю Хорезма, после чего вновь наживались, но уже на западе, возвращаясь оттуда и щедро пополняя его личную сокровищницу. При этом во избежание скандального разоблачения и немилости царя царей, властителя всей Персии, они полностью заменяли сопровождение караванов своими людьми, не беря в плен и не оставляя в живых ни одного свидетеля творимых ими безобразий.

Справедливости ради следовало отметить, что такие их невиданные и неслыханные дерзновенные своеволие и самоуправство происходили не всегда, и многим иноземным караванам удавалось благополучно миновать хорезмийские земли.

Однажды, ещё задолго до того, как в зимнюю пору среди невольников появился странный человек по имени Фардас, до них донеслись слухи о разорении кочевыми сакскими племенами соседней сатрапии Бактрии. И вновь грекам было непонятно, почему же Хорезм не вступился за единодержавников, а молча, словно ничего не произошло, воспринял такое дерзкое свершение дикарей.

Но с той самой поры в главном городе стало беспокойно. Всё реже стали доноситься звуки веселья из воинских казарм, и всё чаще и надолго они покидали свой стан. Затевалось что-то серьёзное.

Обычно молчаливый Фардас в один из вечеров обмолвился о гонце, спешно прибывшем во дворец из сатрапии Согдианы, но больше он ничего о нём не знал. Вскоре этот визит стал понятен.

Правитель Хорезма в окружении свиты и в сопровождении личной гвардии двинулся навестить соседнюю Согдиану. Накануне в ночь все войска покинули городские стены, оставив в нём лишь небольшой гарнизон. Рабов с этого дня из помещения не выводили.

– Послушай, что я хочу сказать тебе, Бронт. Это очень важно, – Форкис шёпотом обратился к старшему товарищу, тихо придвинувшись к нему на лежанке. – Самое подходящее время для нас наступило. Думаю, мы можем сбежать отсюда навсегда. Нужно убрать охрану. Это не составит большого труда. На днях я присмотрел одно местечко, недалеко от этой казармы, где можно разжиться лошадьми. Что думаешь?

– Ну ты и сказал! С чего это ты вдруг всполошился? Надо же, ты такое придумал, что прямо дух захватывает! Ложись и спи, – недовольно буркнул тот, поворачиваясь к нему.

– Время подходящее. Вот чего. Война. Все ушли в поход. Мы вроде как и не нужны никому теперь, – объяснял Форкис.

– А дальше что? Куда подадимся? Забыл уже, как все мы сюда попали? Или ты по рытью канав соскучился? А может, ты и у кочевников в неволе побывать хочешь? – Бронт резонно остужал пыл собеседника.

– Ты что, собрался до самой старости быть рабом? Не понимаю я тебя. Ведь столько лет мы мечтали о побеге отсюда, и вот на тебе – он ударился в воспоминания. Тут жизнь, может быть, только начинается у него, а он даже слушать ничего не хочет, – искренне возмутился Форкис.

– Это для тебя она начинается. Тебе и тридцати лет нет. Сравнил тоже. Куда я такой? Вон с Рупилием и убегай, если он согласится, – откидываясь на спину, произнёс старый воин.

– При чём тут годы? Ты что, не хочешь увидеть родную землю? Старый он стал, как же! Ладно. Так и быть, я тебя лично там похороню. Согласен? – примирительно проговорил Форкис, поняв, что тот его раззадоривает.

– Ты толком говори, чего надумал. А то заладил: лошади, похороны, – наконец серьёзно сказал Бронт.

– Вот это уже другой разговор. Значит, так. Я привожу лошадей. Вы с Рупилием, устранив охрану, будете ждать меня у реки. Ты знаешь, где это. Да, обязательно захватите их оружие. Ну а дальше, как судьба пошлёт, – присев и страстно потирая ладони, поделился планом Форкис.

– А остальные чего? Вдруг захотят с нами, тогда как? – озадачил Бронт.

– Что ты предлагаешь? Взять и всем сейчас обо всём объявить? Цепи вон, наготове лежат, только пожелай – враз окольцуют, – Форкис замолчал, понимая, что Бронт прав.

– Этого не нужно бояться, – неожиданно произнёс приближившийся к ним в темноте Рупилий. – Мало кто из них хочет оставаться здесь до самой смерти. Если и найдутся такие, то их сразу будет видно. Но и они уже не помешают нам. Потому как не успеют.

– Тогда я пошёл. Нечего тянуть время. Коней приведу, сколько смогу, а там, дальше, пусть сами решают, что да как, – Форкис поднялся, сжимая в руке верёвочную связку.

– Смотри, будь осторожен. Может, мне пойти с тобой? – тихо спросил Рупилий.

– Нет. Одному сподручней.

Темнота сомкнулась за бесшумно ступающим Форкисом.

Поглощённая беседой охрана даже не взглянула в его сторону. Мало ли кому захотелось справить нужду.

* * *

Чей-то загон для лошадей располагался совсем недалеко. Обычно, как иногда невольно подмечал Форкис, в нём находилось не меньше двух десятков голов. Сколько сейчас их там было, Форкис не знал.

Тёмная, безлунная ночь приближалась к своей середине.

Ещё издали он услышал знакомый конский запах и тихий топот копыт.

Три десятка рабов, наиболее молодых возрастом, во главе с Бронтом и Рупилием что есть сил бежали к берегу небольшой реки, расположенной вблизи от городской окраины с южной стороны.

Форкис ждал. Лошадей оказалось девятнадцать. Повязав на скакунов кто верёвочные, а кто ременные уздечки, вброд переведя их через воду и забравшись на них попарно, рабы устремились к границе Хорезма. Светало. Фардас, оставший со своим напарником от остальных, первым увидел появившийся вдали справа и следующий за ними небольшой отряд.

В какой-то момент сидящий сзади него беглец ослабил хватку и вскоре слетел с коня. Метко выпущенная стрела сразила его наповал. Лошадь, освободившаяся от лишнего груза, ускорила бег, благодаря чему довольно быстро Фардас настиг скачущих впереди людей. По тому, как стали отставать преследователи, беглецы поняли, что хорезмийские земли закончились. Отойдя на более безопасное расстояние, все спешили, давая передых натруженным скакунам. Слева от них простирались пески. Справа же находились бескрайние долины.

Отдохнув почти до полудня, они двинулись шагом на запад, в надежде найти воду и что-нибудь для пропитания. Теперь для них самым важным было не выйти на врагов. Их на пути не оказалось, впрочем, как и воды с пищей.

На ночлег остановились посреди долины. После дневной изнуряющей жары наступила холодная ночь, отнявшая жизни у шести человек, ставших лишь вчера вольными как ветер.

Наутро одна лошадь также не поднялась. Она не выдержала нагрузок предыдущего дня. Её успели заколоть.

Тела людей предали земле.

Первая через многие годы рабства свободная заря окрыляла людей, так неожиданно обретших волю благодаря трём грекам, пришедшим однажды сюда, в этот край, совсем с другой, к их сожалению, несбывшейся мечтой. Для них начиналась новая жизнь, полная иных надежд и более земных желаний.

На следующий день, когда отряд косматых, измождённых оборванцев продолжил путь, дорогу им внезапно преградила сотня диких кочевников, стремительно выскочивших из-за холма и в один миг охвативших их плотным кольцом.

Воля, едва успев зародиться в сердцах и душах рабов, вновь сжалась в маленький дрожащий комочек, оттесняясь куда-то вглубь неожиданно постигшей бедой.

Бронт, Рупилий и Форкис, вооружённые мечами, захваченными у казарменной охраны, струдившись чуть в стороне, решили не сдаваться и принять этот неравный, наверняка, как полагали они, свой последний в жизни бой. Огромный сотник с интересом молча рассматривал их, видимо, не понимая, с кем он имеет дело. Поправив волосатой рукой островерхий головной убор, коснувшись пальцами густой бороды, он слегка кивнул. В тот же миг, просвистев в воздухе, на окружённых людей полетели арканы. Ловко наброшенные петли туго стянули тела и сдёрнули их на землю.

– Они без оружия. У этих троих мечи, – услышал чей-то голос Форкис.

Сказанное было на сакском языке.

– Что за воинство такое? – удивлённо произнёс кто-то другой.

– У них у всех на руках и ногах следы от оков. Похоже, это беглые рабы, – вновь послышался голос первого.

– Поднимите их, – повелел второй.

Подбежавшие к пленённым спешенные воины быстро поставили их на ноги, подтащили к сотнику и сбили грубыми толчками в плотный круг.

– Чьи вы? Куда идёте? – спокойно, прищулив левый глаз, спросил сотник, подавшись вперёд и опершись локтем на лук седла.

Неожиданно для всех, протиснувшись между окружившими его людьми, Фардас твёрдым голосом произнёс:

– Мы уходим из хорезмийского плена. Я когда-то служил Далайе и верховному правителю массагетов царю Турпану. Да продолятся их дни! Ваш великий вождь Дахар, да будет вечен он под этим небом, сокрушил бактрийцев в совместном походе с массагетами. А эти люди, так же, как и я, были невольниками у Ардавы.

Изумлённый сотник спрыгнул с коня и подошёл к говорившему. Бронт, Рупилий и Форкис в недоумении переглянулись. Одно для них было теперь совершенно ясным. Из поверженных они превращались в гостей. Через мгновение все захваченные люди были освобождены от пут. А ещё по прошествии очень короткого промежутка времени они во главе с сотником уже следовали в северо-западном направлении, к ближайшему селению кочевников.

* * *

Пробыв у радушных хозяев три дня, получив в дар лошадей, оружие и одежду, снабжённые пищей и водой, освободившиеся рабы с почётом были препровождены обратно до границы владений хаомаваргских племён, к одному из которых принадлежала сотня.

О том, что творилось в соседних землях, беглецы ничего не узнали. Молчаливые саки не вступали в беседы с ними, покорно исполняя веления своего старшего.

Тепло попрощавшись с сотником, отряд прошёл недалеко на юг и, скрывшись за холмами, остановился. Следовало решить, куда направляться дальше.

– Мы уходим на запад. Тебя благодарим за помощь, – произнёс Бронт, спрыгнув с лошади, оглядев всех и подойдя к Фардасу.

– Не стоит. Я ведь наёмник и служу тому, кто платит. Если есть для меня подходящее занятие, согласен идти с вами, – улыбувшись, ответил тот.

– Что ж, хорошо. Такой спутник никогда не бывает лишним в дальней дороге, – Бронт коснулся его плеча и запрыгнул на коня.

– Те, кому с нами не по пути, прощайте! – он развернул скакуна и в сопровождении Рупилия, Форкиса и Фардаса двинулся строго на запад.

Никто из остальных за ними не последовал. Хотя и были они родом из разных стран, но их земли находились на юге и востоке, а там, куда направились эти люди, простиралась чужбина.

Часть вторая

«...И БЫЛА ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ...»

514 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

К вечеру похолодало. Решили остановиться на отдых чуть в стороне от дороги, за невысоким холмом.

Небольшой караван из десяти вьючных лошадей и двадцати четырёх всадников шёл уже седьмой день. Старший каравана, седобородый сак, спешился первым, помог сойти с лошади женщине.

Все воины охраны вновь стали заниматься привычным для кочевников обустройством ночлега.

Царившая вокруг тишина изредка нарушалась лишь похрюпыванием почуявших отдых животных и бряцанием оружия.

Люди молча, без суеты, исполняли каждый свою работу, и во всех их движениях угадывались опыт и сноровка.

Вскоре был разбит небольшой лагерь. Потрескивая сухим хворостом, запылали два жарких костра. Потянуло запахом нехитрого варева. Выставив дозоры, старший присел к костру, у которого уже расположилась женщина.

Ночь опустилась мгновенно, без плавного заката, как это бывало всегда в их родной степи.

Третий день от такого внезапного наступления темноты на душе у женщины появлялась тревога и что-то ещё, до сих пор не изведанное, но очень неприятное, сковывающее жутким холодком всё её сознание. Весь день она желала скорейшего отдыха, но с наступлением заката ей уже очень хотелось зари. Усталость,

вопреки её ожиданию, не валила в сон, а странным образом исчезала, вытесняясь разными думами. Тяжелее всего ей было от неизвестности, ожидавшей их впереди, к тому же её одолевала тоска по родному очагу. Эти беззакатные вечера, этот вкус воды и даже запах этих костров – всё свидетельствовало о том, что они в чуждой земле, где всё не так и кажется каким-то враждебным. Именно из-за таких ощущений ещё ближе и роднее были все эти люди, простые молчаливые воины. Даже лошади, родные сакские кони, своим жаром пахли кочевьем.

«Неужели больше никогда нам не вернуться в родные края?» – думала женщина, и теперь её всё чаще обжигала эта мысль. Только здесь, вдали от степи, она впервые в жизни ощутила себя беззащитной. Ещё никогда в её сердце не было столь гнетущей тоски по человеку, который своей душевной мощью и простым, благородным величием вселял тепло и уверенность как в неё, так и во всех саков. Только сейчас она поняла, как хорошо жилось, дышалось, творилось рядом с этим человеком, какой покой был всегда на душе... Там... Уже очень далеко...

Но самое страшное заключалось в том, что, даже развернув караван, пролетев обратный путь, вернувшись в ставку, войдя в шатёр, она уже не увидела бы приветливого взгляда, под его сводами не зазвучал бы родной ей голос, её не обняли бы нежные руки и, как прежде, не прижали бы к груди...

Томирис, её царица и подруга, умерла...

* * *

Седоусый воин молча взирает на огонь, подталкивая веткой головёшки в костёр, и лишь изредка поглядывал на сидевшую в задумчивости женщину, стараясь пока не мешать течению её мыслей.

– Нам пора немного отдохнуть, – его низкий, густой голос прозвучал довольно тихо, но в нём чувствовалось тепло и даже нежность.

– Мне кажется, весь день нас кто-то сопровождает, – голос женщины хоть и с хрипотцой, но на слух приятный и сильный.

– Я усилил дозоры. Тех человек двадцать, не больше. Думаю, что это отбившиеся персы не могут найти свои войска.

– Сколько ещё осталось пути?

– Не знаю. Вчера казалось, что сегодня к вечеру мы будем на месте, но ты видишь, что здесь ничего нет и никто нас не встретил. Может быть, завтра. Если до вечера их не будет, значит, мы сбились с пути.

– Я всё больше убеждаюсь в том, что с детьми мы поступили очень правильно. В такой дороге всё может случиться, а им уже ничего не угрожает. Да, Томирис права, там будет надёжней для них.

– Что ж, дети пристроены, осталось исполнить другое её желание.

– Я только сейчас поняла её вторую просьбу. Томирис, поручив нам всё золото и драгоценности передать именно здесь, вовсе не думала о нём, она отводила нас подальше от беды, чтобы и мы остались живы. Ведь там, где дети, нас узнали бы заезжие саки.

– Значит, за нами следят не только персы, но и собратья, признавшие о нашем уходе.

– Нет. Те были вовсе не враги, и после передачи детей они весь день сопровождали нас по велению царицы. Потом они вернулись обратно к ним. Это воины, посланные для охраны и нахождения с детьми. С ними были вьюки детей с таким же грузом.

– Я думал, что ты по-своему усмотрению решила оставить их именно там.

– Нет. Всё это было задумано заранее. А тем, что мы везём, Томирис, похоже, наградила нас, зная, что больше некому будет о нас позаботиться.

– Значит, никто не будет встречать нас, и Томирис увела наш отряд подальше от возможной погони?

– Да. Выходит, так. Но куда нам теперь податься?

– Определимся утром. От этих сложностей гораздо больше усталости, нежели от битвы. Знал бы, что так всё повернётся, остался бы с ней.

– Нам нельзя возвращаться ни в кочевья, ни к детям. Мы должны где-то осесть, схоронить груз, следить издали за детьми и при малейшей необходимости прийти к ним на помощь.

– Наверное, ты права. Так и сделаем. Теперь нам нужно перебрать всех наших недругов-соседей и держаться от них как можно дальше, существовать очень скрытно.

* * *

К полуночи все в лагере, кроме дозорных, казалось, крепко спали. Но старый воин, повидавший многое в своей жизни, не мог заснуть. Из его головы не выходили слова этой славной женщины, верной подруги Томирис. Ведь даже ей, самой преданной из всех приближённых, ей, с которой разделяла повсюду и горести, и радости, Томирис не изложила всех планов этого похода. Желание царицы знать в последние мгновения жизни о том, что самые близкие люди избежали неминуемой кары от недовольных вождей племён, было теперь понятно и ему, ведь они жаждали скорейшей её кончины, дабы наконец захватить власть в степи в свои руки.

«Жаль, очень жаль, что Томирис на исходе своей жизни осталась одна. Может быть, ей и было легче умирать, веря в то, что её дети не будут обречены на муки сородичами, не желавшими простить ни ей, ни её доблестным предкам власти над собой и всегда горевшими лютой завистью к великим их походам и свершениям. Может быть...»

То ли от дум, или же от накопившейся за эти дни усталости, но сон плавно окутал его сознание, и, сам того не заметив, старый воин крепко заснул у тлеющего костра, не ведая, что не спал не только он.

Огоньки от слабеющего, затухающего пламени играли, как в росинках, в наполненных слезами глазах женщины...

* * *

– Похоже, в ночь они подходили довольно близко к нашим дозорным, – старый воин, присев на колени, рассматривал оставленные на земле чьи-то следы.

Сотник и четверо молодых саков также внимательно всматривались в примятую местами траву.

– Мы находились вот за тем кустом, – показал рукой один из воинов на заросли в нескольких шагах от них, – и ничего не слышали.

– Это хитрый люд. Посмотрите-ка за тем взгорком, не там ли они провели ночь? – старший махнул рукой в сторону невысокого холма, и двое воинов, запрыгнув на лошадей, спешно отделились.

Вскоре один из них вернулся и доложил:

– Там были люди, но ждали без огня. Кострищ нет.

Вслед за ним подъехал и второй воин, оглядываясь по сторонам, сдерживая горячего скакуна.

Старший направился к лагерю, на ходу оглядывая окрестности цепким, быстрым взглядом.

Караван был готов следовать дальше.

Женщина встретила спутника, напряжённо вглядываясь ему в глаза.

– Да, они где-то рядом, но почему не напали ночью, не могу понять, – ответил он на безмолвный её вопрос. – Нам не следует больше идти в этом направлении. Мы не знаем, что находится там, дальше.

Старший помог женщине взобраться на лошадь. Сам же, по-молодецки запрыгнув на подведённого к нему скакуна, стремительно взлетел на холм и стал осматриваться окрест, при этом то поднимаясь в рост, то опускаясь и прикладывая руку ко лбу, чтобы прикрыться от солнца. Широкий в плечах, он будто сливался со своим мощнотелым конём во что-то единое целое. Он не поворачивал головы в островерхом головном уборе в нужном направлении, а разворачивался туда всем телом, словно у него не было шеи. Отменный рубака и силач, он всегда имел при себе длинный меч и два акинака, чем удивлял незнакомцев, но больше поражал их, когда со звериным оскалом бросался на врага, сражая всех на своём пути одновременными ударами с двух рук. Возраст не брал верх над его телом и разумом, и только лишь серебро в его густой бороде, бровях и усах свидетельствовало о его почтенных годах.

– Четверым воинам следовать позади каравана, на расстоянии полёта стрелы. По трое – держаться с боков от него, находясь у всех нас на виду, – распорядился он, подозвав к себе сотника.

– Нам нужно идти к морю. Ничего другого в голову не приходит. К тому же только там остались родичи царицы, – возвратившись к спутнице, поделился он принятым решением.

Женщина молча повернула лошадь на запад.

Караван двинулся в путь.

* * *

Ещё один день подходил к концу. Уже было выбрано место для ночлега. Дозорные в пути не заметили преследователей. Все, как всегда, были предельно внимательны, держа наготове луки с заложенными в них стрелами. Пока всё обходилось без неожиданностей.

Остановились у небольшого ручья, в урочище. Взяв с собой сотника, старший объехал с ним тихим шагом вокруг всего леса, убедился в правильности расположения лагеря и вернулся к ручью.

Ночь наступила так же внезапно. Тишину нарушали лишь журчащая вода да лёгкий шелест листвы на деревьях. Набегавший изредка ветерок своим шорохом в ветвях настораживал воинов, напрягая их и без того обострённый слух.

Женщина казалась спокойней обычного. Старший изредка бросал на неё внимательный взгляд.

«Такое может быть и от чрезмерной усталости, и от какой-то ясности или внезапного озарения. Трудно понять её состояние», – подумал о ней старший и решил в эту ночь не смыкать глаз. Что-то сегодня тревожило его больше обычного, причём он отчётливо ощущал, что нервный трепет нарастал в нём всё сильнее, захлёстывая всё его нутро. Он был знаком ему. Такое с ним происходило всегда перед сражением. Подкинув ещё охапку хвороста в костёр, плотнее укрыв ноги спящей спутницы, он тихим шагом направился к соседнему костру, у которого, прильнув спиной к дереву, сидел сотник.

Все, кроме дозорных, спали. Неровный свет взметнувшегося пламени то выхватывал из темноты силуэт сидящего воина, искажая красно-тёмным оттенком весь его облик, то своим дрожанием создавал причудливые тени от него на чернеющем стволе дерева. При лёгких порывах ветерка тихий огонь начинал бесноваться, и в эти мгновения каждый раз казалось, что всё вокруг наполняется движением.

Сегодня всё раздражало старого воина, и от этого ему было не по себе. Он не находил места, чтобы присесть и успокоиться. Ему очень хотелось вскочить на коня, выхватить акинаки, найти и изрубить всех, кто их преследует и не даёт покоя. Он чувствовал их присутствие, вглядывался в темноту и ещё сильнее ощущал их приближение. Завидев старшего, сотник легко вскочил на ноги. На его лице появилась тревога, но он молчал.

– Не сиди слишком близко к огню, тебя отовсюду видно, – старший обошёл костёр и остановился, скрываясь за деревом.

Сотник кивнул, быстро оглянулся по сторонам и порывисто отпрянул от яркого пламени в глубь деревьев.

– Ну-ка, подними всех. Я проверю дозорных. К кострам не подходить никому, – старший бесшумно исчез в темноте.

* * *

Первый дозорный появился перед старшим внезапно, на месте, где и был ему отведён пост. Он молча стоял, и лишь по тихому его дыханию можно было определить, что он смотрит прямо в лицо.

– Что? – старший почти шёпотом спросил у него.

– Где-то рядом. Ближе к ручью, у второго дозора. Двое или трое, но их может быть и больше, – также шёпотом ответил воин.

– Хорошо, – старший коснулся его плеча и вновь тихо исчез в темноте.

Дозорный у ручья возник сбоку от старшего, и только лёгкое движение воздуха свидетельствовало о том, что он приблизился справа.

– Где? – очень тихо, чуть склонив к нему голову, спросил старший.

– За ручьём. Пока не переходят, – почти на ухо, склонившись, шепнул огромного роста молодой сак.

– Жди, – почти прошипел ему старший и вновь удалился.

У притаившегося третьего дозорного было тихо. Никто не нарушал его участка.

Лошади, изредка пофыркивая, спокойно отдыхали под бдительной охраной четвёртого дозорного, и только лишь конь самого старшего был чем-то встревожен. Постукивая оземь копытом, раздувая ноздри, задрав высоко голову, он в полный глаз метнул на хозяина чёрно-огненный взгляд, с отражённым в нём блеском костра. «Чует он врага», – подумал старший, поглаживая и успокаивая своего верного друга.

– Ближе к полуночи начал, – тихо пояснил творящееся с жеребцом стоявший рядом с ним воин.

– Отведи лошадей подальше, к третьему дозору, – старший направился к месту, где отдыхала женщина.

Она спала. Впервые за всё время похода. Ей постелили не вдалеке от костра, за небольшим кустом, дабы со стороны не было видно её при свете огня.

Сотник бесшумно появился за спиной старшего.

– Здесь оставь троих воинов. Столько же у вьюков. По одному добавь всем другим дозорным. Со мной троих к дозору у ручья. Где, по-твоему, они оставили лошадей? – тихо спросил старший, не оборачиваясь.

– За ручьём есть высокий холм, думаю, за ним, – отозвался сотник.

– Ты с остальными отбей и приведи их, – распорядился старший.

Скорым, но мягким шагом он направился к дозорному у ручья. За ним тенью юркнули трое воинов.

* * *

Перейдя с воинами в полной тишине журчащий ручей, сотник по дуге обогнул место возможного нахождения противника, очень осторожничая, приблизился к правому склону холма, затаившись, припал к земле и стал прислушаться. Вскоре до

него отчётливо донёлся тихий людской говор. Костров не было. Послав трёх воинов дальше в обход холма, он с остальными стал дожидаться их возвращения. Прошло немного времени, прежде чем вернулся один из них.

Охранников возле вражеских лошадей было четверо. С ними уже покончили.

Всего же, судя по количеству скакунов, преследователей было около двадцати.

– Кто такие? – спрашивал сотник, быстрым шагом направляясь вслед за своим воином.

– Непонятно, очень темно. Кажется, персы, – на ходу, не поворачивая головы, шептал тот, ведя всех к нужному месту.

Из темноты, когда уже было слышно конское дыхание, возникли двое саков, ведя на поводу лошадей.

– Уводим всех. Идём, как пришли, но забираем чуть в сторону, – ловко запрыгивая на коня, распорядился сотник.

* * *

Тем временем старший, расставив воинов по ближнему берегу ручья, ожидал нападения врага. И он, и его люди понимали, что взоры преследователей обращены к их кострам и что они устремятся в первую очередь именно к ним в расчёте на внезапность своей атаки.

То, что сегодня должно произойти столкновение с противником, не вызвало сомнений ни у кого. Но время шло, а напряжённый слух пока не улавливал посторонних звуков от ручья.

От неподвижности стали затекать ноги и особенно спины, но любое движение могло выказать их врагу. Приходилось терпеть.

В какой-то миг старшему показалось, что он уловил шорох, но не со стороны ручья, а за спиной. Он прислушался, но было тихо. Там не могло быть неприятеля.

Внезапно возле него кто-то присел в одно ловкое мягкое движение, и вновь наступила прежняя тишина.

– Их двадцать или около того. Похоже, что персы. Теперь на четверых меньше. Лошади у нас, – очень тихо, но достаточно чётко доложил сотник.

- Все твои целы? – также тихо, почти на ухо спросил старший.
- Да. Они уже расставлены за нами.
- Что в тех дозорах?
- Пока всё спокойно.

Как прежде, в томительном ожидании шло время.

– Без лошадей их ожидает смерть. Значит, сражаться они будут как в последний раз. Нам бы самим напасть и опередить их, но очень темно, – старший с досадой всматривался в сторону ручья.

Лёгкий ветерок по-прежнему изредка набегал от прохладной воды, шелестя листвой и исчезая где-то среди деревьев. К нему уже привыкли, и теперь он не настораживал находящихся в засаде воинов так, как это было вначале, по прибытию в это место.

Закипевшая было в предчувствии скорой схватки кровь постепенно остывала, успокаивая людей, остужая боевой азарт. То ли от этого, то ли от бессонной ночи, но ближе к утру им уже не верилось, что рядом притаился враг. Всем им очень хотелось прилечь, вытянуть затёкшие ноги, забыться ненадолго в сладком сне.

Чуть посветлело небо. На его фоне стали вырисовываться неясные контуры холмов.

«Вот сейчас всё и начнётся», – ещё не успела промелькнуть мысль, как старший отчётливо расслышал всплески воды.

Противник ринулся в атаку через ручей. Он рассчитал правильно. Именно в это время суток расслабляется даже находящийся в дозоре воин.

Персы, выбравшись из воды, молча бежали между деревьями в ту самую сторону, где уже почти потухли костры сакков, но ещё слабо тлели бледные угольки, тускло отражаясь на полотнах их мечей.

– Кажется, все они здесь. Пора, – решительно и жёстко командовал старший, обнажил оба акинака и метнулся вслед за нападающими.

Пропустив их ближе к кострищам, где была хоть какая-то видимость, саки с диким воем ударили со всех сторон. Схватка была яростной, но короткой.

Трава на небольшой поляне была обильно орошена людской кровью, отчего гладкая кожаная подошва сакских сапог всё больше скользила по ней, и воины падали, натыкаясь на тела сражённых врагов, пачкаясь в их крови, и от этого имели ещё более зловещий вид.

Всё закончилось неожиданно быстро. Разгорячённые воины в растерянности озирались по сторонам, не веря в такой скорый исход.

Небо ближе к горизонту заметно посветлело. Кто-то подбросил хворост в костры, и они ярко возгорелись, сильно и сухо треща. Всё вокруг обрело цвета, перестав быть однотонно серо-чёрным.

Воины стаскивали тела ближе ко второму костру. Их оказалось шестнадцать.

Старший, вытирая акинаки пучком сорванной травы, оглядел стоящих саков и подошёл ближе к убитым врагам, внимательно всматриваясь.

– Колчаны у всех пусты. Вот этот, кажется, жив? – он ткнул рукой в сторону воина, лежащего с краю.

Двое саков мгновенно подняли окровавленного человека. Рана была в области его правого плеча. Других повреждений не было видно.

Освободившись резким движением от поддержки, он выпрямился, преодолевая боль, придерживая раненую руку здоровой, метнул полный ненависти взгляд на старшего, но промолчал.

«На перса не похож. Наверняка, наёмник. Не молод. Для начала надо бы остановить ему кровь. Рана, видно, нетяжёлая, но крови много, долго не продержится. Ведёт себя достойно», – оценил старший, а вслух повелел сотнику заняться им.

Подошедшая к нему женщина довольно спокойно взирала на лежащих изрубленных людей. С интересом взглянув в лицо пленённого воина, она в задумчивости направилась к своему костру.

Наступил день. Тела убитых отнесли подальше в сторону и укрыли ветками в небольшом логоу. Потерь среди своих воинов не было. Только двое из них получили незначительные ранения. Трофеев, кроме лошадей и оружия, захвачено не было.

Сотник доложил, что пленный жив, но упорно молчит.

По всему было видно, что напавшие случайно повстречали их караван и решили поживиться.

Ближе к полудню, продвигаясь на небольшом расстоянии от ручья, остановились также в маленьком урочище. После бессонной ночи, да к тому же не зная, что ожидает их впереди, старший решил дать людям время на отдых.

Пленного подвели к ручью. Едва присев на ослабевших ногах, он осторожно повалился на правый бок, зачерпнул здоровой рукой холодную воду и стал жадно пить. В его взгляде не было ни злобы, ни страха, ни отчаяния, он просто наслаждался вкусной влагой.

Заметив такие перемены в его поведении, старший решил поговорить с ним, предварительно повелев накормить его. Вопреки ожиданию, тот не стал запираяться и охотно пошёл на разговор.

Старший оказался прав в своей догадке. Пленённый был наёмником в персидской армии царя Дария I.

После недавнего бесславного похода владыки Персии, Мидии и Лидии в земли саков, где он без битв едва избежал собственной смерти в бескрайних песках и гибели всей своей трёхсоттысячной армии, потеряв среди пустыни огромное число воинов, отдельные части его войск разбрелись по земле, желая скорей уйти от ненавистных саков-массагетов. Среди них был и этот небольшой отряд, гонимый дозорами кочевников и оказавшийся в этих краях, избегая столкновений с врагом. Стало понятным, что именно по этой причине он не мог найти обратного пути.

Сам же пленённый воин был родом из далёкой горной страны Урарту, завоёванной Мидией, ставшей теперь частью Персии. Это был его первый в жизни поход на кочевников. Ему доводилось бывать в Лидии, Вавилоне и Египте. Среди погибших в ночной схватке были ещё трое горцев. Остальные были персами.

Передав его охране, старший решил обсудить с женщиной дальнейшее продвижение каравана, так как до сих пор они не приняли решения в отношении драгоценного груза. Было совершенно неясно, как поведут себя соплеменники в приморских землях, узнав о содержимом их вьюков. Всё могло закончиться

довольно печально в родственном по крови краю, где проживают такие же саки, но где они никогда не бывали.

Великий прадед царицы Томирис бывал в южных прибрежных землях Каспийского моря. Там же довольно долго находился и её дед. Даже Кир, предшественник Дария, первый царь из династии Ахеменидов, пятнадцать лет назад, идя на них войной, не стал входить в те земли, заполучив себе на службу отряды саков и исполнив их условие – не вести их в поход на сородичей.

Старший поделился с женщиной услышанным от пленённого и своими тревогами за будущее.

– Я думаю, они чтят славных предков нашей царицы и не посмеют творить бесчинства по отношению к нам. Но никто не может быть в этом уверен. Ты прав. Нужно постараться найти среди них надёжных людей, знающих в своей земле такие места, где до нужды можно сокрыть наши грузы. Мы не можем в этих краях ни схорониться, ни оставить всё это, – после недолгих раздумий высказалась она.

– Тогда нам остаётся пройти три дня пути. Может быть, выслать людей вперёд, пусть хотя бы узнают, что там творится? – предложил старый воин.

– Вышлем, когда останется один день. Людей мало. Нужно беречь их, – женщина взглянула на собеседника.

Тот одобрительно кивнул, поднялся и, как-то грузно и тяжело ступая, направился отдавать распоряжения воинам.

«Он сильно устал. Ему нужно отдохнуть. Очень нужно. Да сохранят его небеса!» – глядя ему в спину с благодарностью, тепло и нежностью подумала она.

Остаток дня и всю ночь люди отдыхали, набираясь сил. Старший к утру был свеж, его движения были точны, шаги уже не были тяжеловесными.

Все понимали, что им предстоит долгий переход, но, видя уверенность в своём вожаке, они были бодры и готовы следовать дальше, каким бы трудным ни был этот путь.

Недавняя победа, пусть всего лишь над небольшим отрядом врага, и довольно продолжительный отдых хорошо отра-

зились на молодых саках. Они были не так мрачны, как прежде, и даже не скупились на слова, как это делали обычно, подражая взрослым, а уже тихо подшучивали друг над другом, видимо, вспоминая свои ночные подвиги во время боя.

Обойдя небольшой лагерь, оглядывая воинов, старший явно ощущал спад напряжения среди них. Вновь уверенность в себе и товарищах царила в отряде. По всему было видно, что впервые, с самого начала этого похода, люди расслаблены именно до той степени, какова желательна и нужна для воинов в обстановке войны. Она давала возможность в случае необходимости мгновенно собраться и быть готовыми ко всему без замешательств и суесть. Старый воин был доволен происходящими переменами.

На рассвете караван вновь двинулся в путь. Хорошо отдохнувшие кони, чувствуя приподнятое настроение своих хозяев, ощущая их лёгкое, точное и уверенное управление, двигались игриво, едва сдерживая порывы ринуться вперёд, обгоняя друг друга.

* * *

Высланный вперёд отряд из трёх воинов, с которым ушёл сотник, решили дожидаться здесь же, разбив лагерь на берегу Каспийского моря. Особо подходящим для размещения это место нельзя было назвать, но и менять его до возвращения разведки не следовало.

Никто в караване, кроме старшего, никогда не видел этого моря и теперь все, помимо дозорных, устремились к его берегу, но подойти к воде в наступающих сумерках, не зная удобных спусков, они не могли.

Огромные пласты из затвердевшего песка и известняка громоздились слоями высоко над морской гладью. Стоя на их краях, невозможно было понять, как далеко внизу под ногами находится вода. Кто-то со всего размаха бросал туда камни, но грохот волн не давал ему услышать всплески.

Несмотря на суточный переход, свежий морской ветер своей сыростью и прохладой очень быстро взбудрил людей, настраивая их на решительные действия.

Пленник расположился недалеко от костра, прислонившись спиной к небольшому валуну, вытянув ноги и безвольно опустив голову.

Огонь от сильных порывов ветра порой почти затухал, но через мгновение вновь вспыхивал и стелился языками низко над землёй, выбрасывая в стороны яркие искры. Он то ненадолго впускал мрак в ближнее пространство, то вновь освещал его причудливыми тусклыми всполохами.

Неподвижная поза пленного насторожила женщину, она подошла к нему и поначалу лишь попыталась взглянуть в его лицо, присев перед ним на корточки. В темноте за густой бородой, разросшейся почти по всему лицу, рассмотреть толком ничего не удалось. Коснувшись пальцами жёстких густых волос на его подбородке, она слегка приподняла ему голову и постаралась прислушаться к его дыханию. Он никак не отреагировал. Его веки были опущены и не разомкнулись даже при её прикосновении. Пленник пребывал в забытьи. Взяв его за руку, она сразу ощутила исходящий от него жар.

– Видимо, из-за раны, – услышала она голос старшего. – Сильно ослаб при переходе. Нужно положить его ближе к теплу, промыть рану солёной морской водой. Если перетерпит и протянет ночь, то будет жить.

* * *

«Странно, нигде нет дозорных», – сотник напряжённо вглядывался с небольшой возвышенности в расположенное в низине спящее селение. От него до моря, оставшегося правее, было довольно далеко.

Костры слабо мерцали у жилищ, но людей не было видно. Приземистые войлочные шатры чернели на небольшом расстоянии друг от друга. Возле них при неясном свете огней были различимы кибитки. Чуть дальше от всех, но ближе к сотнику одиноко стояла одна из них. Костра возле неё не было.

– Ждите здесь. Что бы ни случилось со мной, не смейте появляться, – распорядился сотник. – Если враги, то оставьте моего коня и отходите в лагерь, – добавил он, боком, аккуратно спускаясь в сторону селения.

Под его ногами теперь оказалась непривычно жёсткая растительность, неприятно ощущаемая стопой сквозь подошвы сапог.

Небо от множества звёзд было светлым и низким.

Приблизившись к кибитке, сотник припал к земле, прислушался, затем слегка приподнялся и огляделся.

«Даже собак нет. Это хорошо», – мелькнуло у него в голове.

Он бесшумно коснулся войлока. Почти в тот же миг, откинув с двух сторон пыльные пологи, из кибитки выпрыгнули четверо мужчин. Сотник мгновенно отскочил в сторону и выхватил меч. Окружить его и прижать к кибитке им не удалось. Видя его быструю реакцию и не ведая того, кто он, что ему нужно и сколько с ним людей, стражники стояли безмолвно и растерянно, ничего не предпринимая.

– Ты кто? – наконец спросил один из них на сакском языке.

– Чьё селение? – готовый к бою, тихо, но жёстко спросил его сотник, понимая, что перед ним не воины, а простые люди.

Видя, что пришелец не бросается на них, знает их язык, и сообразив, что он им не чета, а настоящий воин, старший из них, тот, что задал вопрос, вновь заговорил:

– Мы простые кочевники, остановились здесь на отдых, держим путь в родные степи. А эти юноши со мной стоят сегодня в охране. – Чуть помедлив, он нелепо добавил: – С этой стороны.

Убрав оружие, сотник в знак мирных намерений слегка поднял руки и приблизился к говорившему. Тот стоял неподвижно и как-то обречённо склонив голову к узкому плечу. Остальные также не трогались со своих мест и не выказывали какой-либо решительности.

Внимательно осмотрев стражников, сотник убедился в своей правоте относительно их отнюдь не воинского вида. Говоривший был средних лет, щуплого телосложения и ростом едва доходил ему до плеча. В том, что он сказал правду, сомнений не было. Одежда на нём хоть и потрёпанная, но была явно сакской, выделанной из конской шкуры. Из неё же был и островерхий убор на голове. Обувку не удавалось рассмотреть, но, судя по всему, это были сапоги из грубой воловьей кожи. Только теперь сотник увидел в его руке сжатый акинак. У остальных же были лишь дубины.

– Почему подались в дорогу? – спокойно спросил он.

– Так персы, – тихо и с досадой ответил старший. – Повсюду были они. Пришли. Случилось сражение. Но их было очень много, а у нас воины как ушли им навстречу, так никто и не вернулся.

– Как долго идёте? Кто старший у вас? Где остальные? И где персы? – почему-то раздражаясь, стал спрашивать сотник.

– Идём мы второй день, – задумавшись, тот тут же поправился: – Уже будет третий. Но это вся наша дорога. Вчера среди ночи у нас увели всех лошадей. Убили двух наших стражников. Старейшина после этого и слёг. Умер. Стар был, не перенёс такой беды. Теперь все здесь сляжем. А персы? Они ушли к себе. Как пришли, так и ушли ни с чем. Зря войну затеяли.

Он замолчал, затем взглянул в лицо сотнику и предложил ему:

– Чего тут стоять. Пойдём к людям, сам всё увидишь.

* * *

Едва забрезжил рассвет, сотник вернулся в лагерь. Обо всём увиденном и услышанном во временном селении саков он в подробностях доложил старшему. Женщина также внимательно слушала его рассказ.

Неожиданное известие поразило всех.

– Здесь нам нельзя оставаться. Нет корма лошадям, – после недолгого раздумья произнёс старший.

Было решено выдвигаться к обречённым сородичам. К полудню караван приблизился к холму, где их ожидали два оставленных сотником воина.

В пробудившемся с зарёй селении каких-либо перемен не было.

– Вьючных коней с охраной в десять воинов оставь здесь, – взглянув на сотника, распорядился старший.

Остальные двинулись вперёд.

Завидев приближающийся отряд, все в стане вышли ему навстречу. Их измученный вид и неуверенность, сквозившая даже в позах, являли до боли жалкое зрелище.

Впереди встречавших находился тот самый ночной стражник. Теперь он был старейшиной в этом временном поселении беженцев. За ним стояли женщины с детьми. Дети цеплялись за

материнские ноги и с опаской выглядывали из-за них. Юноши расположились как-то обособленно ото всех, чуть в стороне, сбившись в тесную группу, словно волчата в стаю.

Все молчали. Даже дети напряжённо всматривались в подступающих всадников.

От разожжённых костров потянуло дымком. Иногда слышался запах мяса, что варилось в котлах.

Старых войлочных шатров было всего пять. В одном из них приняли гостей. К их приходу были готовы. Подали мясо, чёрствые лепёшки и ледяную, слегка солоноватую воду.

Новоиспечённый старейшина вопросов не задавал. А всё, что он излагал скуными фразами, уже было известно старшему.

При всей трагичности ситуации что-то неуловимое всё же было приятно старшему. Поначалу ему показалось, что это связано с внутренней обстановкой шатра – почти родной, по которой скучали и он, и все его люди. Но постепенно он убеждался, что ощущение вызвано чем-то другим.

В какой-то момент, когда в шатре вдруг затихли все звуки, он взглянул на молчавшего старейшину и тут же понял, отчего нахлынули на него такие чувства. Просто за всё время трапезы он не слышал от старейшины ни жалоб, ни стенаний по поводу переносимых ими бед, а это было очень по-сакски, по-родному.

Привыкнув довольствоваться малым и видя удручающее положение хозяев, прибывшие быстро насытились, хотя казалось, что вся еда была ещё не тронута.

Закончив трапезу и поблагодарив всевышние небеса, землю, воду и хозяина, гости вышли из шатра. Воздух был свеж и приятен.

– Я возьму людей и осмотрюсь вокруг. Приведи сюда всех остальных. Сам отдохни, – распорядился старший.

Сотник кивнул и удалился.

* * *

Невдалеке от стана старший легко обнаружил место, где не так давно находились лошади. Бурые пятна подсохшей крови темнели на земле и свидетельствовали о расправе, учинённой нападшими над охраной. Тел не было, их предали земле.

Пройдя по следу в ту сторону, куда увели лошадей, старший понял всю бессмысленность попытки нагнать грабителей.

В остальном же ничто не указывало на присутствие людей. Изредка, но почти везде вокруг селения попадались свежие звериные следы. Это было хорошим признаком, так как напуганный человеком зверь долго не появлялся.

Вернувшись в селение и выставив дозоры, старший вдруг вспомнил о пленнике. Тот пережил прошедшую ночь и находился у одного из шатров. По его виду старый воин понял, что жить он будет. Об этом свидетельствовали его глаза: они были ясны, а взгляд – осмыслен, наполнен силой и даже твёрдостью.

Вокруг пленника вилась детвора, пытаясь, повизгивая, заигрывать с ним. Будучи обессиленным, он не мог поднять даже здоровой руки, но их не отвергал, а смешно тарачил на них свои огромные глазища, отчего они пребывали в особом восторге, отпрыгивали от него, изображая испуг, и вновь наседали, с каждым разом всё чаще дотрагиваясь до него ручонками и даже забираясь ему на колени. Похоже, ему было приятно их внимание. Он изредка улыбался, открывая ровные ряды белоснежных зубов.

«К плохому человеку дети не подойдут. Особенно сакские», – подумал старший и направился к отведённому им шатру.

* * *

Прошло три дня.

По велению старшего старейшине беженцев были переданы все кони, захваченные в ночной схватке с персами.

На протяжении этих дней воины каравана обучали юношей селения, вооружённых трофейным оружием, навыкам владения им и искусству ведения боя. За столь короткий срок, казалось бы, невозможно обучить всем премудростям воинского искусства, но молодые люди были саками, и достаточно было одного показа, чтобы они достойно повторяли увиденное.

Навыки приобретались ими в изнуряющих тренировках, но главное, что вело их к быстрому успеху, всё же было заложено в

их крови и передавалось от родителей к детям в течение многих сотен лет. Оно заключалось в неизменных качествах каждого сакского воина: свободолюбии, терпеливости, вольности души и телесной подчинённости, благородстве помыслов и гордой покорности, непоколебимой крепости духа и чистосердии.

За то короткое время, что прибывшие воины провели в маленьком селении, простолюдины привязались к ним всей душой. На суровых лицах женщин всё чаще появлялись улыбки, отчего в них угадывался истинный, более молодой возраст. Не редкостью стал и их смех. А в их движениях появилась лёгкость и даже воздушность.

Наблюдая за переменами в поведении людей, хозяйка каравана понимала их причину. Она была проста и объяснима. Только с прибытием её отряда все обитатели этого селения, особенно женщины, почувствовали себя уверенными под защитой воинов, родных саков.

Но ей было ясно и другое. Чем больше те привыкали к такому состоянию души, тем горче для них становилось предстоящее расставание. А оно неминуемо подступало.

Было решено пробыть ещё два дня.

Всё, что за такой сжатый срок успели сделать для собратьев старший каравана и его воины, было поистине бесценно в это тяжёлое время и в том положении, в каком оказались они, простые, добрые люди.

Что говорить о них, если сама женщина за это время незаметно для себя отвлеклась от постоянных тяжёлых дум, бередивших её душу. Ей легче дышалось среди родного народа. Дни, прожитые здесь, были как добрый сон. Пусть ненадолго, но забылись события минувших дней. В сознании куда-то далеко отодвинулись мысли о войне и неопределённости судьбы её отряда.

Станные, доселе незнакомые перемены происходили у неё в душе и ещё от чего-то другого, что настораживало её и даже пугало. Поначалу она не могла понять, что было их истинной причиной. Всегда непримиримая к любой неизвестности, она, стремясь разобраться в непонятных ощущениях и чувствах, всё больше предавалась размышлениям.

Однажды, прогуливаясь не遠далеке от стана, она наблюдала за состязаниями, устроенными в очередной раз для юношей селения. Те на полном скаку стреляли из луков, бились на мечах, затем вместе с воинами каравана устремлялись вдаль, поднимая клубы пыли и пытаясь обогнать друг друга.

Зрелище было настолько интересным, что полностью захватило её.

В какой-то момент, когда все они возвращались, сбившись в плотный стройный ряд и сдерживая разгорячённых коней, при этом что-то громко и бурно обсуждая, она увидела среди них его и не поверила себе, своему внезапному озарению. В одно мгновение всё в ней будто бы куда-то стало проваливаться, но тут же наполнило её ещё больше, вернувшись полыхающим жаром.

Её лицо горело от внезапно прилившей крови. Дыхание перехватило. Прижав ладони к щекам, не имея сил тронуться с места, ощущая неимоверный стыд, словно ей довелось стоять на всём миру обнажённой, она оглянулась вокруг, и если бы увидела кого-то рядом, то была уверена, что тут же провалилась бы сквозь землю. Но, к её радости, возле неё не было ни души.

Всадники въехали в селение.

Пошатываясь, сделав неуверенный шаг, тихо охнув, женщина плавно опустилась на землю.

Весь вечер она провела в шатре. Впервые в жизни в его мягких войлочных стенах она нуждалась, как в броне, за которой теперь находилось то, отчего ей становилось не по себе. Оно было невраждебным, но и знакомым не было. Оно просто заполнило собой всё её утро и весь окружающий мир.

Ночь была бессонной и долгой. Мысли мелькали какими-то обрывками, изматывая тягучей путаницей в голове.

Проворочавшись до самой полуночи, изнемогая то от дурхоты, то от охватывавшего озноба, она решила выйти из шатра. Лёгкий свежий ветерок тут же пробрал её до костей. Укутавшись плотнее в плащ, она немного постояла у шатра, а потом, сама того не заметив, оказалась на том самом месте, где днём с ней произошло нечто неимоверное, непонятное, но перевернувшее всё её сознание и всю её душу, засевшее чем-то ноющим в глубине сердца.

Его образ всё чаще представал перед её глазами, всплывая в памяти. Всякий раз при его появлении она упорно отгоняла его, иногда даже встряхивая головой, словно пытаясь освободиться от чего-то назойливого.

Вконец обессилив от такого странного состояния, она вернулась в шатёр и забылась тревожным сном.

* * *

«Ну надо же, какой удивительной красоты эта женщина!» – всё чаще, издали заглядываясь на неё, мысленно восхищался он.

Когда она находилась в шатре, он томился ожиданием скорейшего её появления, а увидев её, уже не мог отвести от неё взора. Но если кто-то находился поблизости от него, он старался уединиться, чтобы вновь смотреть на неё, и делал это торопливо, боясь её возвращения в шатёр. Теперь он засыпал с мыслями о ней, желая, чтобы быстрее пролетала ночь.

* * *

– Я догадываюсь, о чём ты думаешь всё это время, – после недолгого молчания произнесла женщина. – Мне не жалко для них ничего. Вот только пригодится ли им это серебро или золото? Не навредит ли?

Она находилась в шатре наедине со старшим.

– Они должны дойти до степи. Их примут, но как? – высказался он в раздумьях.

– Мы могли и не повстречать их... Но всё это не то. Нельзя, чтобы кто-то знал о том, что мы везём. К сожалению, даже они. Ты ведь понимаешь, что может произойти? Эти женщины и юнцы не выдержат пыток. За нами вслед сразу ринутся недруги Томирис. Ещё неизвестно, что ожидает нас впереди. Надеюсь, не все наши сородичи в этой стороне вот так разбрелись по земле. Верю, что не зря мы выбрали этот путь.

– Они видят выюки, но думают, что в них мы везём оружие. Об этом я дал понять их старейшине. Он поверил.

– Мы помогли им, чем могли. Теперь у них есть и лошади, и оружие, и, главное, обученные воины. Большого им не дал бы никто.

– Да. Ты права.

Наступил день расставания. Караван был готов двинуться в путь.

Вновь, как пять дней назад, при их встрече, все селяне молча взирали на отбывающих.

Но теперь всё было иначе. Детвора не пряталась за матерями, а юноши не стояли стайкой в стороне и выступили вперёд, как подобает воинам.

Лишь женщины как-то сразу сникли и едва сдерживали слёзы, нервно перебирая жилистыми пальцами кто одежду, кто длинные косы.

Не было старейшины. Он почему-то запаздывал. Но вот появился и он. Все уважительно расступились, пропуская его к старшему каравана.

Подойдя к нему, старейшина бережно, словно чашу, обеими руками протянул ему небольшой свёрток из тонкой кожи. Старший также обеими руками принял его и сразу ощутил довольно тяжёлый вес. Старейшина молча смотрел на него, и лишь краешки его губ чуть тронулись то ли в улыбке, то ли с досадой.

Окружающие приблизились к ним.

Старший, помедлив, стал аккуратно разворачивать края свёртка. В нём лежали два слитка серебра. У него мгновенно перехватило дыхание. Он не мог оторвать взгляда от тускло-холодных неровных брусков дорогого металла. Судорожно сглотив подступивший к горлу ком, он медленно перевёл взгляд на женщину, стоявшую рядом. Она смотрела ему прямо в лицо. Её удивительно красивые с поволокой глаза наполнились влагой. Она прикрыла веки.

Старший, как можно незаметнее вздохнув, успокаивая себя, взглянул на старейшину.

– Вам оно нужнее, – тихо произнёс тот. Затем, помолчав, добавил: – А мы почти дома, и... – по привычке склонив голову к узкому плечу, нервно дёрнув кадыком, прошептал: – ...прости, что мало...

Происшедшее было таким неожиданным и так поразило всех своим величием и значимостью, что никто из них не мог и не смел даже слегка шелохнуться и нарушить воцарившуюся тишину.

Кто-то тронул старшего за рукав, и он молча, не поворачиваясь, также обеими руками передал драгоценный дар в сторону. Его бережно приняли.

* * *

Под гнетущим впечатлением и от пережитого при расставании, и от совершённого старейшиной и его людьми все в караване ехали молча.

Воины не ведали о том, что на самом деле находилось в некоторых вьюках, но были поражены не менее остальных. Сотник догадывался о содержимом поклажи, но не мог даже предположить, насколько велика его стоимость.

И женщине, и старому воину, знавшим, как никто, сколько золота, серебра и иных драгоценностей содержится в этих вьюках, было до такой степени стыдно, что они не могли смотреть друг другу в глаза и какое-то время даже ехать рядом.

Обоих надсадно одолевали одни и те же тяжёлые и неприятные мысли, щемящей болью пронизывающие их души. Люди отдали им единственную ценность, что имелась у них, и, может быть, вместе с ней попрощались с последней своей надеждой.

Не знали ни старший каравана, ни женщина, что сотник, принявший подношение, добавил к нему имевшийся у него небольшой слиток серебра и незаметно для всех положил свёрток в кибитку, которая стояла у шатра старейшины.

* * *

В том, что они вступили в земли собратьев, уже никто не сомневался. Об этом свидетельствовали не только сроки продвижения, но и то, что довелось им увидеть здесь.

Повсюду, куда они приближались, на месте стоянок были лишь давно остывшие пепелища и множество могильных холмов. От такого жутковатого зрелища липкий холодок, проникнув в людские души, больше не покидал их.

Продвигались по-прежнему настороже. Малые отряды, по три-четыре воина, рассылались в разные стороны на небольшие расстояния. Они возвращались, докладывали обо всём увиденном ими в округе и вновь отбывали в других направлениях.

Так продолжалось весь день, пока не решили остановиться у родника, в стороне от которого раньше был небольшой стан.

Ничего утешительного разведка не принесла. Людей в округе не было.

Следующие дни напоминали предыдущие.

На исходе третьего дня один из высланных вперёд дозоров сообщил, что вдали был замечен огонёк. Решили продвигаться в том направлении, но прежде направили в его сторону усиленный отряд из десяти воинов во главе с сотником.

* * *

Смеркалось. Из-за россыпей острых камней под копытами всё чаще приходилось сдерживать лошадей.

Привычная равнина сменилась скалистой местностью. Иногда невысокие островерхие скалы, очень напоминавшие сакские головные уборы, сближались до ширины звериной тропы, затем вновь расступались, открывая просторы. В таких расщелинах всадники замедляли ход до осторожного шага, выстраиваясь вереницей.

Ни одного огонька пока не виднелось.

– Где он был? – подозвав воина, спросил сотник.

Впереди в быстро наступавшей темноте простиралась равнина, но её границ уже невозможно было различить.

– Мы пришли верно, но его почему-то не видно, – взгляды ваясь вдаль и пытаясь успокоить вертящуюся на месте лошадь, растерянно ответил ему молодой сак.

Сотник промолчал. Все ожидали его решения. Вновь метнув настороженный взгляд в сторону темнеющей долины, он развернул коня и повёл отряд обратно.

* * *

У подножья невысокой скалы, прикрываясь ею от неизвестной для них стороны, откуда недавно явился сотник, был разбит лагерь.

Старший и женщина, выслушав его рассказ, пребывали в раздумьях.

– Там, где ты побывал с дозором... – начал старший, но тут же замолчал на полуслове, оторвал взгляд от костра, выдержал паузу, посмотрел через пламя в лицо сотнику и коротко завершил: – ...закончились те земли, куда мы шли.

Было заметно, как вздрогнула женщина.

Глаза сотника, в которых отражались трепещущие огненные язычки, при последних словах старшего в ужасе расширились. Он судорожно сглотнул и прикрыл веки. Сказанное поразило обоих. В таком оцепенении они пребывали довольно долго, пока сам старший вновь не прервал тягостное безмолвие:

– Нам нужно было уходить к братским тиграхаудам.

Продолжения не последовало. Вновь воцарилась тишина, лишь изредка нарушаемая потрескиванием сгорающего сухого хвороста.

– Думаю, нам всем нужно отдохнуть. – Старший, поднявшись на ноги, мельком взглянул на женщину.

Понимая, что им не следует дальше вести разговоры, он направился в сторону от костра.

Сотник молча и недолго постоял, растерянно взирая на огонь, и, ощутив навалившуюся вдруг неимоверную усталость, тяжёлым шагом побрёл к расположению воинов.

«Как всё бессмысленно! Какой толк от этих богатств и от всего этого похода? Кому всё это нужно, когда на всей земле нет маленького родного клочка, где было бы всё как прежде, своё, настоящее. Уж лучше покинуть этот мир. Почему я не осталась с Томирис и не ушла из жизни вместе с ней? Зачем послушалась её? Дети? А что дети? Их мог сопроводить любой воин. Какая была необходимость во мне? Что такого я сделала в этом походе? Кому легче от моего присутствия здесь? Сплошная бесполезность и ненужность. Наверное, даже обуза. Будь проклято всё! Как я устала! Сколько ещё скитаться в таких мучениях? Для чего?» – в отчаянии думала женщина, не имея сил отогнать жалящие сознание мысли.

Она лежала на расстеленной кошке, свернувшись по-детски клубком, впервые не скрывая рыданий, всхлипывая, шепча сквозь слёзы одну и ту же безответную фразу:

– Для чего?

До полудня следующего дня её никто не потревожил. Только однажды, как ей показалось, кто-то бережно укрыл её, но она не была уверена в том, что это было на самом деле. Она не могла понять, спала ли она или была в каком-то забытии, но чувствовала себя разбитой и до тошноты обессиленной.

Лишь одна мысль назойливо стучала в её голове: «Это всё... Это всё...» В какой-то миг она вдруг смутно уловила, что в такт словам она, сидя, раскачивается из стороны в сторону, и ей тут же стало очень страшно за себя.

«Наверное, именно так человека покидает разум», – очень отчётливо и спокойно подумала она. И вместе с этими думами тотчас же слетела пелена с её глаз, она словно прозрела и вновь ясно увидела всё вокруг себя. Ей сразу стало легче на душе. Одновременно она ощутила и прилив сил во всём теле.

Подойдя к журчащему ручейку, женщина осмотрелась по сторонам. Вдоль обоих его пологих бережков росли небольшие кусты, чередуясь с лежащими валунами. Воздух здесь был свежим и прохладным. Чистая водица, искрясь в солнечных лучах, повторяя изгибы неглубокого русла, игриво убегала, теряясь где-то за камнями. Зачерпнув руками студёную, но мягкую влагу, поднеся к лицу и прижав её ладонями к щекам, она долго наслаждалась её холодком. Мелкими струйками вода по шее сбегала вниз к груди, удивительно освежая тело. Прислонившись к одному из валунов и ощутив спиной его тепло, она вытянула шею и подставила лицо палящему светилу, зажмутив глаза от его яркого света, сквозь тонкие веки улавливая проникающий жар. Какой-то приятной пустотой на душе воцарился покой.

Пребывая в такой неподвижности, медленно, будто боясь вспугнуть что-то трепетное, лишь одним движением руки, чуть склонив набок голову, она стянула с неё островерхий головной убор из тонко выделанной кожи, от которого по бокам и сзади свисала под собственной тяжестью защита из очень мелких переплетённых металлических колечек. Чёрные как смоль волосы пышными тяжёлыми локонами скатились к плечам. Свет синевой блеснул по волнистым прядям. Слегка встряхнув головой,

чтобы удобнее разложить их, она впервые за последнее время вновь почувствовала себя женщиной.

Ей вспомнились молодые безмятежные годы, когда весь мир, как казалось ей, был создан для неё. Когда не были ещё известны страх и тревога. Когда сны были лёгкими и сладкими и всё вокруг состояло из тепла и заботы. Вот и сейчас, в воспоминаниях, кусочек той жизни сотворил чудо, и она, хоть всего на миг, но побывала там, в своём прошлом, почерпнув из него что-то неизменно-сердечное, то, что никогда больше не должно было покинуть её.

Теперь она твёрдо это знала и верила, что с ней однажды, скоро, должно случиться нечто замечательное. И оно обязательно будет другим, где-то и в чём-то очень похожим на всё доброе, оставшееся в тех далёких годах, но по своей значимости станет также очень близким её душе, новым и важным для её сердца в будущем.

* * *

«Наверняка, враги покойной царицы уже направили по нашему следу свои отряды. По времени беженцы давно должны были прийти до кочевий. Ну а для нас обратного пути нет. Впрочем, и впереди идти нам не к кому. Остаться здесь – значит обречь себя на неминуемую смерть. Мне нужно срочно принять какое-то решение и что-то сделать, ведь должен же быть хоть какой-то выход из этого нелепого положения, в какое мы **утодили?**» – в раздумьях пребывал старший, присев на камень у ручья, несколько ниже по течению от места, где располагался лагерь. Как он ни старался, а ничего стоящего в голову ему не приходило.

Невдалеке от него, раздевшись до пояса, умывались воины, шала и сильно разбрызгивая воду, капли которой, искрясь на солнце переливами разноцветья, растворялись в воздухе.

Старший отвлёкся от своих гнетущих мыслей и стал просто наблюдать за воинами. Среди них был пленённый горец. За все дни, что он находился среди отряда, люди привыкли к нему, и порой казалось, что он всегда был с ними.

«Странно как-то получается. Он совсем чужой нам человек, а никому из нас не мешает. Может быть, это происходит оттого,

что все мы равны перед опасностью выбранной нами дороги, и именно она объединяет нас своей постоянной неизвестностью?» – теперь другие мысли как-то сами по себе потекли в его в голове под размеренное журчание ручья.

Жаркий дневной воздух стал наполняться вечерней прохладой.

«Зачем его-то я взял с собой?» – поднимаясь, подумал он. Недоумённо пожав плечами себе же в ответ, старый воин направился в сторону стана.

* * *

– Полсотни. Наши. Племена не знаю. Прошли от меня очень близко, на расстоянии полёта стрелы. Нас они не заметили. Видимо, высланный ими вперёд дозор ушёл немного раньше нашего подхода к этому месту. Идти без разведки они не могли. Находятся отсюда всего лишь в полудневном переходе, – докладывал неутешительную новость прибывший сотник.

– За нами они направлены. За тем, что мы везём, – не отрывая взгляда от пламени костра, как бы размышляя вслух, тихо произнёс старший. Чуть задумавшись, он добавил: – Беженцы не знали об истинном грузе. Они поверили, что мы везём оружие, поэтому отдали нам последнее серебро. Но их рассказам не очень вняли в степи. Вожди решили проверить.

Он вновь задумался, затем, взглянув на женщину, коротко завершил свою мысль:

– Выходит, мы правильно поступили, не одарив их старейшину тем же.

– Посланный за нами отряд уже находится здесь, а это значит только одно: о местонахождении детей царицы никто не знает. Это важнее всего, – посмотрев ему в глаза, произнесла женщина. Переведя взгляд на сотника, она продолжила: – То, что они идут по нашему следу, вполне объяснимо. Они желали убедиться в том, что это действительно мы. Как они поступят дальше, мы не знаем. Иные вожди всегда подчинялись Томирис только из боязни и при всяком удобном случае пытались показать истинное своё отношение к ней. К сожалению, время настало смутное, и неудивительно, что следом за нами пришли именно свои, а не чужие.

При этих её словах сотник потупил глаза. Он как-то сразу сильно осунулся, почувствовав себя неуверенно под её взглядом.

– Что-то ещё? – заметив перемены в его поведении, спросил старший.

– Да, – с решительностью встряхнувшись, сотник посмотрел ему прямо в лицо. – Они преследуют нас только по моей вине. Я оставил подношение старейшины, те слитки серебра, в его же кибитке. К ним добавил свой, что был у меня. – Он на какое-то мгновение опустил голову, но тут же выпрямившись, взглянул на женщину и добавил: – Не знаю, почему так сделал. Наверное, пожалел их. Простите.

Воцарилась тишина.

Старший переглянулся с женщиной. На её лице он не увидел ни упрека, ни сожаления, и, более того, оно излучало понимание и даже радость.

– Ну что ж, так вышло, что ты невольно, сам не зная о том, освободил каждого из нас от душевных мук, что так долго терзали нашу совесть. Ну а то что нам предстоит скорая встреча с братьями, жаждущими её, не так уж и страшно. На всё воля небес, – переведя взгляд на сотника, дружеским тоном произнесла женщина.

* * *

Эту ночь и старший, и женщина провели в раздумьях. Каждый из них на своём жёстком ложе думал об одном и том же: о превратностях судьбы, приведшей их, саков, в земли, где обитали такие же, как они, саки, и куда за ними по пятам пришли тоже саки, сородичи, но уже преследователи, с кем, наверняка, произойдёт скорая и для многих последняя встреча.

Потоком вязкой горечи по их сознаниям разливалась мысль о том, что им, пережившим столько трудностей в этом походе, доведётся встретиться в бою с теми, кто был совсем недавно рядом с ними, к кому, в числе прочих, им очень хотелось скорее вернуться, с кем всегда совместно приходилось бить врага, защищая друг друга.

«Если спросить каждого из воинов, пришедших следом за нами, хотят ли они такой встречи с братьями и крова-

вого её исхода? Наверняка ответ будет один – нет», – думала женщина.

«Всегда, во все времена, есть веление тех, кого нельзя ослушаться ни при каких обстоятельствах. Именно этим сильна великая степь», – впервые с сожалением размышлял старший.

Разница в думах женщины и старого воина была лишь в том, что она воспринимала всё, что делала теперь, как исполнение последней просьбы подруги. Он же относился к своим действиям и поступкам как к выполнению последней воли царицы.

Но и то и другое было связано с одним и тем же человеком и являлось святым долгом для обоих.

* * *

В полдень следующего дня, оставив с караваном женщину, придав ей двух сильных воинов и пленного горца, старший выстроил свой отряд у небольшой возвышенности, недалеко от лагеря.

Уходить от преследователей не имело смысла, равно как и пытаться скрыться от них и выждать их ухода.

То, чему предстояло свершиться, старый воин воспринимал с облегчением, так как для него это был выход, пусть даже такой, но выход, и с ним наступал конец всем его бесполезным скитаниям и, главное всего, мучительным раздумьям о будущем.

Преследователей было вдвое больше. Они выстроились в одну ровную линию. Вглядываясь в безмолвно стоящие ряды и пытаясь разглядеть лица, старый воин в душе вовсе не желал поворачивать взглядом с кем-то из знакомых ему людей, если таковые и были, и делал это больше по привычке, нежели сознательно.

Хотя их численность и была больше, но во всём остальном они были полным отражением его отряда.

В середине построения, слегка выступив вперёд, на гарцующем коне восседал их сотник. Он не был знаком старшему. От того, что он не пытался вести переговоры, а молча ожидал начала битвы, было легче на душе.

Всё было предельно ясно. Со стороны противника не допускалось ни коварных хитросплетений в действиях, ни никчёмных

пустословий, и такое его поведение было явным выражением почтения или хотя бы уважения. Именно за это старый воин был благодарен тому незнакомому сотнику.

Солнце палило нещадно. Всё в округе было залито ослепительным светом, отчего до рези в глазах вся земля до горизонта казалась одного золотистого цвета, и лишь небо отличалось белёсо-дымчатой синевой.

Взглянув в бездонную высь, старший мгновенно выхватил оба своих акинака, молниеносно вскинул их вверх, по-молодецки вздыбил коня и резво развернул его в полный круг. Тут же разорвав тишину, подобно разъярённому барсу издав низкий душераздирающий рык, он во весь опор помчался на противника. Такого, похоже, не ожидал никто, даже его воины. Быстро опомнившись, взвыв, вслед за ним помчались сотник и все остальные.

Зная, с кем вступили в бой, отчётливо понимая, что теперь уже нет иных путей кроме смерти либо победы, воины отряда больше не видели в противнике своих сородичей, как это было несколько мгновений назад. Теперь перед ними находился враг.

Сотник преследователей, выхватив длинный меч, двинулся навстречу. Но сделал он это как-то замешкавшись, неуверенно. И даже конь под ним, похоже, не понявший команд хозяина, слегка ступив вперёд, подался назад, осев мощным крупом и едва не опрокинувшись. Он быстро выправился, но встал боком к нападающим, удерживаясь лишь тем, что часто и неловко перебирал передними копытами, чем невольно напугал всех всадников, стоящих рядом и за спиной сотника. Драгоценное время было потеряно.

Налетев прямо на сотника, седой воин лишь на миг взглянул в его лицо, на котором успела отразиться лишь растерянность, и тут же сразил его ударом акинака с правой руки, почти одновременно рубанув другим акинаком находящегося возле него воина.

Опомнившись, противники полумесяцем ударили по нападавшим. Завязалась жестокая резня.

Битва была упорной и продолжалась с переменным успехом.

Всюду, где появлялся старый воин, весь забрызганный кровью, под копыта взбешённых лошадей валились сражённые враги. Но они всё же брали числом и окружали кольцом его

редеющий отряд. Вращаясь на своём мощнотелом скакуне, он, приподнявшись в седле, цепким взглядом выделил своего сотника и ринулся к нему.

Доставать до воинов противника, а тем более наносить удары по ним короткими акинаками становилось всё труднее, так как под копытами, на земле, всюду лежали тела. Между всадниками, не покидая их ни на шаг, крутились, то вздыбливаясь и напуганно тараща глаза, то опустив низко гривастые головы и лягаясь, потерявшие наездников кони.

Старый воин заменил один акинак длинным мечом.

Видя, что противник сжимает кольцо, он, развернув скакуна, прорвал его и, сгоряча проскакав по дуге в сторону холма, за которым был караван, вновь повернул его, быстро рассматривая всё поле битвы.

– Прошу тебя, потерпи ещё немного, – пригнувшись к липкой от крови конской гриве, прохрипел он и помчался обратно.

Когда до самого крайнего всадника оставалось небольшое расстояние, он услышал топот настигающих его лошадей. В спешке не имея возможности оглянуться, он повернул скакуна в сторону, пытаясь хоть одним глазом заметить скачущих за спиной людей, но увидеть кого-либо из них ему не удалось.

С наскока сразив попавшегося на пути воина, он с большим усилием, но развернул разгорячённого коня и, взглянув в сторону новоявленных конников, поразился увиденному. На полном скаку в спины окруживших врагов врезалась четвёрка всадников: первой, подавшись всем телом вперёд, выставив над головой коня вытянутую руку с мечом, летела женщина; чуть отстав от неё, прикрывая её справа, словно её тень, мчался горец; почти вровень с ними пронеслись ещё двое воинов.

От неожиданного натиска, а более того от появившейся свежей силы, об истинной численности которой преследователи не могли знать, они дрогнули. Потеряв сотника, не получая никаких команд, обессиленные воины, мгновенно перестав сражаться, стали отступать в разные стороны.

Продолжая рубить тех, кто находился слишком близко к нему, старый воин не заметил, как оказался в отдалении от сво-

их людей, между двумя вражескими всадниками. Один из них был уже на расстоянии вытянутой руки от него. Он потянулся к нему. Оставался совсем небольшой промежуток, как вдруг передние ноги его коня подкосились, и он всем телом подался вперёд и припал к гриве.

Старый воин не видел, что второй всадник, наскочивший слева, со всего нижнего замаха рубанул по ноге его коня. Выронив акинак, он тут же левой рукой ухватился за гриву, скользя по липкой крови, густо пропитавшей её. Конь судорожно пытался вскочить, но никак не мог сделать это и всё сильнее заваливался на левый бок, всей мощью подпрыгивая на коленях, помогая себе частым вскидыванием головы.

В какой-то миг старому воину показалось, что они поднимаются, но в этот самый момент сильный удар меча отсек ему голову. На землю одновременно и бездыханно упали оба: и он, и его верный друг.

* * *

Подлетевший с небольшим опозданием сотник, издали на скаку видевший страшную кончину старого воина, грудью своего могучего коня опрокинул замешкавшегося врага и тут же коротким замахом отрубил ему руку.

Круто развернувшись на месте, понимая, что жожаку уже ничем не помочь, он спешно направил скакуна обратно.

* * *

Женщина умело отбивала вражьи наскоки, при этом успевая вовремя уворачиваться, ловко управляя послушным конём и нанося точные ответные удары.

Поначалу растерявшийся противник теперь бился отчаянно, но его активность была какой-то запоздалой, безысходной и явно без стремления повергнуть врага, взять над ним верх.

Несколько раз угроза неминуемой гибели нависала над женщиной, но в эти страшные мгновенья горец успевал отразить врага, вовремя врезаясь клином между ней и наскочившим на неё всадником, отважно вступая в поединок и выходя из него

победителем. Ещё не восстановившись от прежней раны, он заметно слабел, быстро теряя силы.

Всё было закончено незадолго до наступления заката.

Над всей равниной воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь похрапыванием лошадей, стоявших небольшими группами по всему полю битвы. Низко склонив головы, изредка обмахиваясь хвостами и пофыркивая, встряхиваясь и прикасаясь друг к другу мордами, они втягивали раздутыми влажными ноздрями едва посвежевший вечерний воздух. Между ними повсюду лежали тела убитых воинов.

Сон одолел живых, как только они ступили на землю, сойдя с коней.

* * *

В течение всего следующего дня оставшиеся трое воинов, сотник и горец, преодолевая неимоверную усталость, предавали земле погибших в прошедшем бою.

Раненых не оказалось. Минувшая ночь отняла у них едва тлевшие жизни.

В такую жару тела нельзя было оставлять на солнце, иначе они сразу раздувались и начинали смердеть. Под общую могилу использовали небольшую расщелину в стороне от ручья. Большую часть дня, подтаскивая на шкурах землю, над ней возводили невысокую насыпь.

Старшего каравана, старого воина и вождя, похоронили здесь же, но отдельно от остальных, согласно древней сакской традиции, насыпав холм немного выше первого.

Ночь с долгожданной прохладой вновь своими объятиями мгновенно окутала землю, погрузив в крепкий сон натрудившихся за день людей.

Разведя небольшой костёр, оберегая покой спящих, у огня находилась лишь женщина. Только теперь она была способна мыслить, осознавая случившееся, пытаясь понять и оценить ситуацию, в которой оказалась.

Накануне вечером, даже у могил погибших, отдавая им дань уважения, доведённая до полного изнеможения, она пребывала в полусознании, в полузабытьи.

«Я понимаю, ты больше не мог находиться рядом со мной, оберегать меня и этот караван. Видно, действительно наступил твой последний день. Ты понял это, но уже ничего поделать не мог. Мне трудно, как никогда, но я благодарна тебе за всё. Больше, чем сделал ты, никто бы не смог сделать на целом свете», – женщина мысленно обращалась к старому воину.

В какой-то миг ей показалось, что он сидит по другую сторону огня и, как всегда, молчаливо, но очень внимательно слушает её.

«Я всегда думала, что давала тебе советы, когда ты спрашивал о чём-то меня. Какая глупость! Ты просто бережно вдохновлял меня, уже зная всё наперёд. Наивная женщина возомнила себя кем-то что-то значащим... Я в огромном долгу перед тобой, мой старый верный друг. Вот только не знаю, как и когда верну тебе его... Но теперь и я уже знаю, что мне делать и как поступить... Ты уж не обессудь меня», – думала она с горечью.

От нахлынувшей тоски всё её нутро заклокотало болью. К горлу подступил ком, не давая вздохнуть. Сердце разрывало грудь своим учащённым биением. Она не выдержала и зарыдала. Плакала она долго, словно девчонка, всхлипывая и вздрагивая всем телом. Слёзы, враз вырвавшись наружу, уже текли не переставая, медленно освобождая дыхание, успокаивая сердце и облегчая душу.

Далеко за полночь, вконец обессилев, она уснула.

* * *

Пробудившись незадолго до рассвета, больше по привычке, нежели от бодрящего отдыха, не сговариваясь меж собой, с трудом переставляя ноги, воины потянулись к ручью.

Сотник, подойдя к спящей женщине, бережно укрыл её и направился к лошадям.

Почувствовав чьё-то прикосновение, ещё не отойдя ото сна, она на мгновение подумала, что это он, старый воин, но тут же вспомнив всё, не размыкая век, присела, приходя в себя, вновь ощутив тяжесть во всём теле.

В полдень, когда все расположились на отдых вокруг огня, каждый в своих думах, она, взглянув на сотника, поднялась и направилась к грузу. Вскочив на ноги, он последовал за ней.

Вернулись они с мешком, который он нёс на себе. Бережно положив его у ног женщины, он отступил в сторону. Все поднялись с мест и стояли вокруг костра.

– Братья мои, – женщина окинула всех спокойным взглядом, не пропустив и горца.

– Здесь нет чужих. Здесь все равны, – уловив, что он подался назад, она вернула его. – Мы долго шли в эти земли, но не нашли того, к чему стремились. В том нет ничьей вины. Так было суждено. Теперь нас всего шестеро. Мы всегда были свободными, свободными и покинем этот мир, подобно ушедшим братьям. По велению небес в этой далёкой земле нам довелось сойтись в смертельной схватке с родственными саками. Они исполняли приказ новых правителей степи, мы же, преданные сердцем своей царице, исполнили её последнюю волю. Я не знаю, что ожидает каждого из вас дальше, но теперь я знаю, как поступить мне. Прежде чем объявить своё решение, я хочу свершить то, что считаю нужным. Так поступила бы Томирис.

С этими словами она присела, аккуратно перерезала ножом завязки мешка и стала вытаскивать из него войлочные свёртки, раскладывая их перед собой на земле.

Воины молча, но явно с нарастающим напряжением наблюдали за происходящим, не смея даже пошевелиться. Разложив содержимое мешка, она выпрямилась.

Успокоив дыхание, взглянув прямо каждому в глаза, она попросила приблизиться сотника. Тот, шагнув в её сторону, встал возле неё.

– Помогите мне. Они тяжёлые, – прошептала она. Затем громче добавила: – Примите это, доблестные воины. Оно ваше по чести.

Все по-прежнему стояли в оцепенении. Никто не решался подойти первым.

Сотник посмотрел на женщину. Увидев её одобрительный лёгкий кивок, он стал по очереди подзывать стоящих воинов, поднимая с земли долю каждого из них и вручая в руки.

Остался горец. Он встретился взглядом сперва с женщиной, затем с сотником. Они оба смотрели на него спокойно, очень душевно и даже как-то почтительно. Он принял дар.

Последним женщина сама наградила сотника, развернув сначала свёртки и коснувшись рукой их содержимого. Грудка тускло-серых слитков серебра неровными гранями сверкнула на солнце. Прижав правую руку к сердцу, сотник почтительно склонил голову.

– Теперь каждый из вас вправе сам решать свою судьбу. Отныне никто из вас не должен задерживаться здесь. Вы исполнили свой долг до конца. Возьмите сколько нужно лошадей. Поделите еду между всеми. Да помогут вам небеса в ваших дорогах!

Все продолжали молча взирать на неё. Уловив в их взглядах немой вопрос и недолго постояв в задумчивости, она, собравшись с духом, тихо, но твёрдо произнесла:

– Я остаюсь здесь.

* * *

Она покинула воинов и, как несколько дней назад, пришла к ручью, на то же самое место, к валуну.

От принятого решения и от исполненного долга перед оставшимися людьми ей стало легче на душе. Только сейчас она поняла, какой тяжёлый груз, какая непосильная ноша довела над ней весь этот поход. Отныне всё это закончилось.

Думать о будущем ей не хотелось. Мелькнула лишь одна мысль: «Будущее, каким бы оно ни было, теперь уже не страшит, потому что, оказывается, не боязно лишь за себя, когда ты ни за кого не в ответе».

Как и в первый раз, вода своей прохладой освежила её. Она долго пригоршнями бросала её себе в лицо, отчего замирало сердце и трепетно прерывалось дыхание. Это было прекрасно.

Вдоволь насладившись, она подошла к валуну, ладонью погладила его тёплые плавные выступы, словно нечто живое и нежное, прислонилась к нему спиной, вновь прикрыв веки, представляя лицо жарким лучам солнца.

И так же, как в первый раз, сняла головной убор.

Среди смоли тяжёлых волнистых волос, тускло блеснувших синевой на свету, по правому плечу струилась тонкая белоснежная нить...

* * *

В этот день никто не покинул лагеря.

Возвращаясь, она увидела, что костёр по-прежнему мерно полыхает, треща сухим хворостом. Вокруг него, не занимая её места, расположились воины.

Вечерело. Присев к огню, только теперь она почувствовала сильную усталость. Веки сразу отяжелели, глаза стали смыкаться. Бороться со сном не было сил. Она уснула впервые за эти дни легко и безмятежно.

* * *

Пробудившись раньше всех и подкинув хворост в за-
тухающий костёр, она прошла к лошадям, мирно пасущимся
невдалеке, осмотрела все оставшиеся вьюки и, взяв из одного
небольшой кожаный мешок, направилась прямо к ручью, туда,
где чуть ниже по течению от её валуна находилось большое ча-
шевидное углубление. Предрассветное звёздное небо излучало
столько света, что его было достаточно для того, чтобы разгля-
деть нужное место.

Она подошла ближе к нему, оглянулась по сторонам, прислу-
шалась к тишине, быстро сняла с себя все одежды и, поёживаясь
от утренней свежести, медленно ступая, вошла в холодную воду.

Дойдя до середины чаши и на миг задержав дыхание, она
погрузилась в её глубину.

Поначалу ей показалась, что вода слишком студёная. Пре-
одолев желание выскочить, она вдруг ощутила, что её тело уже
стало привыкать к прохладе, и когда она всё же поднялась, то
лёгкий ветерок показался ей ледяным, и она вновь присела.

Подобного наслаждения она не испытывала уже очень
давно. Несколько раз подряд она, окунувшись с головой, тут
же выпрыгивала из воды, фыркая от удовольствия, разметав
мокрые волосы, разбрызгивая во все стороны стекающую по
лицу хрустальную влагу. Сотни и тысячи переливчатых пё-
стрых капелек-искорок, разлетаясь от неё, подобно морозящему
дождю с лёгким шумом ниспадали на волнистую поверхность
затона. Стройное, сильное тело упруго извивалось, блестя бу-
синками воды в звёздном сиянии.

Вдоволь насладившись купанием и выйдя на берег, она облачилась в принесённые с собой чистые одеяния. Удобная, мягкая одежда своей лёгкостью и новизной придала ещё больше уверенности как её душе, так и телу.

«Наверняка, все уже приняли решения, и сегодня я узнаю о них», – направляясь к костру, думала женщина.

Ей не хотелось, чтобы кто-то остался с ней. Она была настроена решительно и не допускала мысли впредь за кого-то, кроме себя, нести ответственность.

Всматриваясь в лица спящих, она невольно задумалась о причинах, по которым остались живы именно эти люди. Кроме сотника и горца, все трое воинов были молоды и семей не имели.

«Никто из них не искал смерти, как это сделал старый воин и вождь, не вынесший больше тяжести жития ради других. Во все времена простому человеку, пребывающему в подчинении у кого-либо и исполняющему его волю, живётся без терзаний в душе. Только мыслящий и творящий за других страдает больше всех. Но такова судьба. Для одного жизнь – это неизменная участь, для другого – возможность выбора. Никто не повинен в своём предначертании. Только тот подвластный люд достоин уважения, кто не мешает стоящему над собой собрату вершить своё, ниспосланное небесами назначение, и послушно и без сомнений исполняет до конца его повеления, – мысленно рассуждала она. – Насколько я помню, у него есть дети, – вспоминала она, вглядываясь в лицо спящего сотника. – Благородный, чуткий человек, помог беженцам, не задумываясь, отдав им свой единственный слиток серебра. Ему обязательно нужно вернуться к семье, поднять детей», – подумала женщина о нём с теплом.

Переведя взгляд на безмятежно спящего урартца, раскинувшего руки во всю ширь, она впервые внимательно всматривалась в его черты. Первое, что бросалось в глаза, была его ужасная худоба. Выглядел он гораздо измождённее, нежели был в день пленения. И даже густая растительность на его лице не могла скрыть собой его впалых щёк. Резкие, глубокие морщины лучами расходились в стороны от глаз, под которыми темнели отвислые полукруги кожи. Две чёткие борозды, отступая от

крыльев ноздрей, терялись в его усах, вычерчивая припухлость над верхней губой. Высокий лоб также был испещрён морщинами, лёгкие порывы ветерка полностью сдували с него пряди черных вихров. На худой, но жилистой шее, выпячиваясь под кожей упругой тёмной прожилкой, ритмично пульсировала кровь.

«Ведь он сам вызвался идти в битву с пришедшими за нами саками, желая помочь нашим воинам», – впервые подумалось ей.

Словно почувствовав на себе её взгляд, он повернулся на бок, заложив под голову свои худые, но словно витые из одних жил руки.

В один миг поток её нежных воспоминаний, тепло бередящих душу, остудила своей внезапностью хлёсткая мысль: «Но ведь он с такой яростью сражался с саками! Пусть они и были нашим противником в том бою, но противостояли нам, таким же сакам. Неужели он, убивая их, мстил нам за своё пленение, за смерть своих товарищей?»

Ей стало не по себе. Она даже отодвинулась от него, утирая вспотевший лоб. Ей не хотелось верить в то, что он поступал именно так.

«Но тогда почему же он не покинул нас вчера? Ведь я наградила его равно со всеми, и этого богатства хватит ему на всю жизнь, – успокаиваясь, она продолжала размышлять. Но следующая нахлынувшая мысль вновь тут же наполнила её душу неприятным холодком: – Может быть, он не уходит от нас и ждёт удобного случая, чтобы покончить и с нами? Насколько я поняла из сказанного им, его страна находится где-то в этих краях».

В какой-то миг ей показалось, что она угадала и поняла его истинные, враждебные намерения. Ничего другого ей просто не шло на ум.

– Так оно и есть, – сама того не заметив, вслух произнесла она.

В следующее мгновение у неё в руках блеснул нож.

Зарождался рассвет. Звёзды потускнели и ближе к светлеющему горизонту вовсе пропали.

Не решаясь свершить то, что казалось ей единственно правильным и спасительным для всех остальных, она замерла, подавшись вперёд, по привычке пробуя пальцем острое лезвие.

Сотник, шумно засопев во сне, повернулся на бок. Взглянув на него, женщина вдруг резко поднялась и отошла в сторону от костра.

«Если даже так, мне не следует поступать опрометчиво. Его судьбу должны решить все. Это будет справедливо, – вновь успокаиваясь, думала она. – Да и как я объясню им причину такой жестокости? Зачем награждала его днём, чтобы свершить над ним казнь среди ночи? Не воспримут ли они мой поступок как сумасшествие?»

Она вложила нож в ножны и взглянула на горца. Он спал, как прежде, безмятежно, по-детски подтянув худые колени к груди.

Решив пройтись и немного успокоиться, она направилась в сторону пасущегося табуна. Отойдя на несколько шагов, она вдруг подумала: «Так не спят убийцы. Так могут спать только люди с чистой душой».

* * *

Молодые воины, запив холодной водой вяленое мясо и чёрствые, но вкусные лепёшки, занялись обычными делами. Приведя своих коней к ручью, они стали поить и купать их.

Остальные лошади, следуя стадному инстинкту, также находились у ручья. Не имея уже хозяев, они не разбредались, а держались всё это время вместе, сбившись в один табун.

Горец, прислонившись спиной к валуну, чинил свою одежду, изредка поглядывая в сторону ручья, и когда лошади вдруг затевали какие-то свои нехитрые игрища, он подолгу заглядывался на них, любуясь их величавой красотой, радуясь таким их повадкам и сияя открытой улыбкой.

Сотник, осмотревшись по сторонам, направился было к женщине, одиноко стоявшей у свеженасыпанных могильных холмов.

Он ещё поутру уловил происшедшие в ней перемены, связанные не столько с её облачением, сколько с её поведением вообще. Теперь она была какой-то другой, свободной, раскрепощённой, и даже сейчас, видя её с распущенными волосами, он чувствовал, что её внешний вид отражает внезапные изменения её душевного состояния.

Не решаясь потревожить её, он остановился на подходе.

День был не очень жарким. Сменившийся ветер стал прохладным и сырым. Впервые за эти дни он дул с севера, от моря.

Покусывая травинку и ощущая во рту кисловатый привкус сочного стебелька, сотник присел на землю.

Когда-то давно, очень давно, в шатре у царицы появилась она, весёлая худенькая девочка. Он не знал, откуда она взялась, но, как и другие, замечал, как нежно и внимательно относилась к ней Томирис. Везде, где бы ни появлялась царица, в её свите всегда была она.

Шли годы. Он стал воином и принял участие в битве с савроматами. Изредка бывая в ставке Томирис, он всегда видел её подле царицы. Она выросла, превращаясь в статную особу. Со временем к ней стали относиться как к младшей сестре Томирис. Дружба с царицей не повлияла на её добрый нрав. Изменившись внешне, она, как и прежде, оставалась доброжелательной и чуткой к людям. Он хорошо помнил, как встревожились многие, не видя её в стане довольно продолжительное время. И, как бывает в таких случаях, в кочевьях стали появляться различные слухи. Но всё стало понятным, когда она появилась вновь во время сражения с персидским царём Киrom.

Прямо накануне той великой битвы по велению самой царицы он впервые возглавил целую сотню. Он помнил тот замечательный день. Тогда в нём всё возликовало от счастья. До начала битвы ему казалось, что за его спиной раскрылись два белоснежных крыла. Вспоминая позже, как он в тот день украдкой поглядывал себе за плечи, и впрямь надеясь увидеть их, ему становилось смешно от такой наивности. И сейчас, вспомнив то своё поведение, он мотнул головой и усмехнулся, прыснув в густые усы.

То сражение с персами было кровавым и долгим. Превосходящее их почти втрое воинство Кира уже к закату стало одолевать. В битву были введены последние силы саков... Мечта каждого воина служить в них! Это была гвардия царицы. Отборные десять тысяч воинов. Но вскоре в бой вступила и личная гвардия Кира. Надвигался крах. И в самый, казалось бы, последний миг, когда уже не было сил, произошло поистине удивительное

действие, до сих пор потрясавшее его душу и сознание. В битву вступили юные воспитанники царицы.

Он, как это было с ним всегда при думах о том давнем и удивительном событии, ощущал неимоверный трепет.

Ему тогда казалось, что все замерли на поле сражения от удивленного. Зрелище было потрясающим. Никто не ведал о них. В великой тайне хранилось создание и существование этой конницы. Но самое главное и воистину поразившее сакских воинов заключалось в том, что эту спасительную лавину возглавляла и вела в бой она, женщина, стоящая сейчас в одиночестве у холмов.

То ли от резкого порыва ветра, хлётко ударившего по лицу, то ли от разбредивших душу воспоминаний глаза сотника повлажнели. Выплюнув изжёванную травинку, он жёсткими пальцами протёр их.

Прошло ещё какое-то время, и она, развернувшись, направилась прямо к нему.

Поднявшись с места, он невольно залюбовался ею. Её волосы слегка развевались на ветру. Красивая, ладно сидящая на ней одежда была стянута на тонкой талии широким поясом, к которому сбоку были прикреплены ножны. Поступь её была упругой и очень женственной.

Она подошла к нему, пристально, но с теплотой посмотрела ему в глаза и пошла дальше, в сторону костра.

Сотник, проводив её взглядом, почувствовал какую-то неловкость и вдруг понял, что ему уже давно нужно было привести в порядок свою одежду. Укорив себя за небрежность, он решительно направился к ручью, где, словно дети, плескались трое молодых саков.

* * *

Присев у костра, женщина ощутила, что голодна. Нарезала ножом тонкие кусочки сыра и лепёшки и с удовольствием стала их жевать, словно никогда не ела ничего вкуснее. Быстро насытившись, протёрла нож и вложила его в ножны.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, она обернулась и увидела горца, сидящего у валуна. Он быстро отвёл глаза и продолжил начатую работу.

Она приблизилась к нему и стала с интересом наблюдать, как он почти ровным брусом известняка подтачивал клинок длинного меча. Делал он это искусно, умело водя камнем по самой грани лезвия, ловко и точно подставляя стороны полотна.

Горец прервал работу и встал, не решаясь посмотреть ей в лицо. От его неподдельного смущения и почти несурзной, как бы юношеской позы с опущенными руками и потупленным, словно у провинившегося озорника, взором, ей стало забавно.

Она молча присела невдалеке от него, так же, как он, прислонившись спиной к камню, и тем самым дала ему понять, что всё нормально и не стоит взрослому мужчине так смущаться перед ней.

Он вновь опустил на своё место и, чуть помедлив, продолжил своё занятие, временами пробуя ногтем остриё и подправляя шероховатости. В конце концов, напоследок ещё раз тщательно проверив всю заточку меча, он аккуратно стряхнул крошево с колен и бережно положил оружие и точило у ног.

Просидев недолго в молчании, они оба, словно по команде, задрали вверх головы и взглянули на небо. Высоко над ними парила едва видимая одинокая птица. В попытке заслониться от ослепляющего, яркого солнечного света, опять же словно заранее сговорились, они ладонями одновременно прикрылись от лучей, желая получше рассмотреть её.

Заметив свои совпавшие дважды одинаковые движения, они взглянули друг на друга с нескрываемым удивлением, улыбнулись и всего через миг уже легко и безудержно смеялись.

Смех был долгим, чистым и облегчающим. Всем со стороны было заметно, что его частые наплывы сотрясали их и заставляли то откидываться, освобождая дыхание, то вновь пригибаться к коленям. У обоих от смеха обильно выступили слёзы, крупные капли стекая по щекам.

Постепенно приходя в себя, успокаиваясь, горец провёл пару раз широкой ладонью по лицу, утирая с него влагу, вновь взглянул в высь и тихо, как бы возобновляя свои прерванные размышления, прошептал:

– Это орёл. Там, где я родился, в горах, есть и его гнездо. Птица не может быть без гнезда. – Чуть помолчав, он посмотрел женщине в лицо и с грустью добавил: – Гнездо может быть без птицы.

Не успев опомниться да и не зная, как отреагировать на такой поворот в его поведении, увидев тоску в его глазах, а в словах уловив печаль, она опустила голову.

Они долго сидели в безмолвии, не смея нарушить тишину, каждый думая о своём.

Когда обоим показалось, что молчание слишком затянулось, женщина, поднимаясь, словно продолжая и свою мысль, также тихо произнесла:

– Здесь будущее очень быстро превратилось в прошлое.

Горец внимательно посмотрел на неё.

* * *

День завершался прохладным вечером. Все находились у костра. От усиливающихся порывов ветра огонь горел всполохами. Необычно громко трещал быстро поглощаемый им хворост. Пламя волнами бросалось в разные стороны, сильно разбрасывая жаркие искры.

Однообразие последних дней действовало на всех как-то особенно. Они привыкли существовать в постоянном движении, лишь изредка имея свободное время, не задумываясь о будущем, быть всегда готовыми к исполнению воли старших, а в этот вечер заметно приуныли.

Молодые воины сегодня были какими-то растерянными, чрезмерно чуткими и настороженными по отношению к женщине. Они нервно ёрзали, сидя у огня, слишком часто меняли позы, не находя удобного положения.

Горец же, напротив, был собран и очень серьёзен. В нём не было прежнего тихого смирения и отчуждённости. Гордо расправив плечи, выпрямив спину, он расположился на своём месте, был неподвижен и не отводил взгляда от костра.

Сотник сидел, широко расставив ноги, свесив руки поверх согнутых колен, опустил голову, и ковырялся веточкой в земле.

Во всём их облике ощущалось некое ожидание.

«Чего они все ждут от меня? Я всё уже сказала им. Больше мне нечего добавить к своим словам, да и сделать для них я ничего другого не могу. Неужели они не понимают, что я для себя всё уже решила? Или им жаль покидать меня? В таком случае мне остаётся повелеть им так поступить. Но и этого, похоже, делать не нужно. Дважды повторять одно и то же у нас не принято. Если они всё же решили остаться со мной, то как мне быть? – она в недоумении окинула взглядом сидящих людей. – А, будь что будет. Больше я не пророню ни слова», – окончательно определилась она.

– Я уйду от вас на заре, – глаза горца сверкнули отражённым в них пламенем.

Скользнув по воинам блестящими угольками зрачков, он остановил свой взор на женщине.

От его низкого и твёрдого голоса, впервые неожиданно прозвучавшего в полную силу и оттого бывшего незнакомым ни для кого из них, все вдруг встрепенулись.

Ровным тоном он продолжил:

– Мне пока не дано понять, почему вы не пошли в родные степи с уходящими туда сородичами, хотя уже увидели, что здесь, куда вы все так стремились, никого не осталось. Не знаю и причин вашего сражения с такими же, как вы. Теперь, когда вас осталось совсем мало и вы в такой дали от своей земли, вы почему-то расходитесь по одиночке. Но одно, думаю, я понял правильно. Вам некуда идти, или даже если и есть куда, то уже нет желания, а может быть, и сил.

Поначалу сказанного им никто, кроме женщины, не понял.

Он ненадолго задумался.

Понимая, что его слушают, он завершил:

– Когда-то, очень давно, враги пришли в мою землю. Вместе с другими детьми они забрали и меня. С той поры мне не довелось увидеть её. Пусть на чужбине, но я выжил. Остался ли кто-то из моих сородичей, я не знаю, но очень хотел бы... Хотя как я узнал бы их? Прошло много времени, может быть, миновала вся моя жизнь, и я вдруг оказался так близко к тем местам, где раньше была моя страна... Мне не нужны богатства. Вижу, и вы не трепещете перед ними. У нас не принято

оставлять в пути того, с кем провёл хотя бы одну ночь у костра и поделился глотком воды. Не знаю, что вы решили, но хочу предложить вам идти со мной и не оставаться здесь, где даже ваших могил никто никогда не найдёт. Я не покинул вас раньше лишь по этой причине.

Вновь наступила тишина.

От сказанного этим человеком, к которому все привыкли и даже не вспоминали о том, что он пленённый чужеземец, на всех повеяло теплом.

Не знавшие как поступить, молодые воины вновь ощутили подобие надежды. Их, как никого, тяготила дарованная свобода. Не ведая того, что с ней делать, воспитанные в подчинении старшим и исполнении их воли, они были готовы идти куда угодно и жить где угодно, но только везде и всюду очень нуждались в чьём-то покровительстве. Ими должны были повелевать и руководить. Иного существования они даже не представляли. Важнее всего для них было служение кому-то, но этот кто-то обязательно должен был быть своим человеком, а не чужаком, и поэтому они не отрывали глаз от хозяйки каравана, единственно способной принять решение и сделать выбор.

* * *

В ущелье они вошли в полдень третьего дня похода. Обступившие их высокие горы пропускали солнечный свет только к своим вершинам, тускло рассеивая его и едва освещая подножья, не давая лучам светила согреть их своим теплом.

Местами скалы подступали настолько близко друг к другу, что между их вершинами синева неба становилась подобием самой настоящей реки с причудливыми ребристыми и гранёными берегами, отчего при движении с задранной вверх головой и долгом её созерцании она как бы оживала и несла свой ровный поток навстречу смотрящему. Часто взирать в высь никому не хотелось: от этого кружилась голова.

Воздух в низине был густым и плотным, и людям казалось, что его можно потрогать. Порой их не покидало чувство, что они его толкают и раздвигают своими телами.

В какой-то момент едва различимая тропа повела наверх. Начало подъёма все ощутили по своим лошадям. Мышцы на их загривках заметно взбугрились от напряжения.

Возглавляемый горцем караван, ведомый в известном только ему направлении, растянувшись длинной вереницей среди скал, стал медленно подниматься к перевалу.

В пути, как воины ни старались отогнать ставший ненужным табун скакунов, тот продолжал двигаться за ними. Не видя со стороны старших особых возражений против этого, они прекратили тщетные попытки и больше не обращали внимания на идущих следом животных.

Царивший здесь холод взбодрил приуставших путников.

Гористая местность поражала не видевших ранее такого пейзажа кочевников своим безмолвным величием, сковывая сознание каждого из них, сжимая до немыслимого предела всё его существо, привыкшее к равнинным просторам.

С большим трудом одолев, как казалось им, бесконечный подъём, на подступах к которому тропа заметно расширилась, а скалистые вершины отступили далеко в стороны и стали значительно ниже, люди были потрясены увиденным.

Перед ними в низине находилась долина, вся покрытая лесами, зелень которой была необычайно тёмной в предзакатных лучах. Подавшись вперёд, горец молча всматривался в неё, впиваясь во всё внимательным взглядом, глубоко вдыхая свежий, чистый воздух.

Они долго стояли ровным рядком, наслаждаясь невиданным доселе зрелищем и не смея нарушить величественную вечернюю тишину. Изредка все мельком поглядывали на своего проводника. Каждый из них понимал, что этот странный горец привёл их туда, куда стремился попасть всю свою жизнь.

Впервые им доводилось спускаться с гор. Продвигались медленно, с особой осторожностью. Лошади ступали тяжело, иногда скользя и притормаживая задними копытами, при этом низко осаживаясь.

Лес принял их в свои объятия с последними лучами света. Охватившая всё вокруг темень остановила продвижение.

Подошедшие сзади кони, наткнувшись на стоящих всадников, стали обходить их с двух сторон, шумно пофыркивая и уверенно углубляясь в чащу. От их близкого присутствия и спокойного поведения, а главное, от родного запаха, терпко исходившего от них и перебивавшего ударивший в нос незнакомый аромат разнотравья, молодые саки воспрянули духом и вновь были готовы смело встретить любую неожиданность.

Имея от природы зоркое зрение и быстро пообвыкнув к темноте, они уже отчётливо различали друг друга.

Горец приблизился к ним, поравнялся с женщиной и тихо сказал:

– Если я не ошибаюсь, то здесь недалеко должен находиться родник. Следуйте за мной.

Развернув коня, он стал медленно продвигаться по окраине леса. Все тронулись за ним. Вьючных лошадей, как прежде, на поводу вёл сотник.

Благодаря цепкой детской памяти горца и его острому чутью, уже скоро они были на месте: до слуха людей донеслось тихое, размеренное журчание воды.

В эту ночь по совету своего проводника костёр не разжигали.

Определив очерёдность охранения, освободив от вьюков лошадей, все крепко уснули у родника, на мягкой душистой траве.

* * *

Пробудившись с первыми рассветными лучами на удивление отдохнувшими, вдоволь насладившись вкуснейшей родниковой водой, бьющей из-под земли в небольшой чашеобразной ложбинке, кем-то бережно обложенной камнями, саки с изумлением огляделись.

Вопреки их ожиданию, местность вокруг была далеко не равнинная, как показалась с высоты. Повсюду, розовея каскадами, возвышались невысокие плосковерхие скалы. На них небольшими группами росли причудливые деревья с золотисто-коричневой шершавой корой, покрытой сплошной чёрной паутиной трещин. Все они, как на подбор, были одного вида и у самых макушек имели густые, разлапистые тёмно-зелёные кро-

ны. Корни этих деревьев, переплетаясь словно жилы, выпячивались тугими канатами на ребристых каменистых склонах.

Там же, где между удивительными скальными островками оставались клочки равнины, среди деревьев буйствовала ярко-зелёная растительность, больше напоминавшая разостланные ковры, нежели живую траву.

Но более всего люди были поражены не дикой природой, а творением рук человеческих, которое находилось прямо над ними и не сразу было замечено ими. У подножья высокой скалы, сливаясь с нею, возвышалась крепость. С того места у родника, где они провели ночь, им сложно было определить её истинные размеры, но в том, что данное сооружение огромно, не сомневался никто.

Приблизившись к крепости, они увидели, что по краям от неё, влево и вправо вдоль горного отрога тянутся почти бездонные пропасти.

* * *

Покосившиеся, местами изрядно прогнившие деревянные крепостные ворота были распахнуты настежь и заунывно поскрипывали при изредка набегавшем ветерке.

Стены крепости, довольно широкие, особенно у оснований, высотой в рост десяти человек, были выложены, как и все внутренние сооружения, из шероховатого пластинчатого камня и на первый взгляд казались не очень прочными.

Дальние от ворот нагромождённые строения тыльной стороной упирались в высокую отвесную скалу.

От них по бокам, образуя в середине почти ровный квадрат площади, тянулись две постройки, больше напоминающие собой обычные навесы, задние части которых образовывали боковые стены крепости. Слева под навесом, в его срединной части, находился обложенный камнями колодец.

Только возле ворот не было никаких пристроек.

Воздух во дворе был прохладным и чистым.

Вся внутренняя площадь была выстлана плоским камнем, по которому гулко зацокали копыта лошадей, которых ввели в крепость на поводу: дорога, ведущая к её воротам, больше

напоминала заросшую тропу и была очень крутой, из-за чего люди не стали даже пытаться взбираться по ней верхом на конях. Пройдя в прохладу навесов, лошади встали на отдых.

Осмотрев внимательно подступы к крепости и оставив одного воина у ворот, сотник последовал за остальными к дальнему строению. Каждое из его помещений имело отдельную островерхую крышу, но на стыках надёжно соединялось с другими под единым покровом, основой которого, равно как и у навесов, были деревянные конструкции из брёвен и жердей. Сверху они, вплоть до боковых стен, накрывались плитами из тонкого плоского камня, при этом нижний край каждой из них накладывался на плиты предыдущего ряда.

Пол везде также был каменный, и от света, проникающего из узких окон, больше похожих на бойницы, на нём виднелся толстый слой пыли.

Поначалу людям показалось, что помещений в строении слишком много и что в них можно запутаться, но, осмотрев его и пройдя обратно, они вскоре поняли незамысловатость всех проходов и удобство их расположения.

Первую ночь в крепости путники встретили во дворе у костра под навесом, пока не желая размещаться по отдельности.

Из короткого повествования горца они узнали, что эта крепость была построена очень давно, ещё при правлении царя всех урартцев Аргишти, и оберегала границу страны от прихода врага через ущелье, по которому они сюда и добрались. Других сведений о ней, как понимали все, он, скорее всего, не знал.

Будучи совсем мальчишкой, он с отцом приводил в крепость волов и овец, которых должны были постоянно поставлять из их селения. Возле родника, к которому они пришли прошлым вечером, ему и его родителю доводилось отдыхать перед обратной дорогой.

* * *

Утром следующего дня, взяв с собой с разрешения сотника одного воина и по две лошади каждому, горец отбыл осмотреть округу.

Следом за ними выпустили пастись всех лошадей, оставив ворота открытыми.

Люди понимали, что горцу хотелось как можно скорее увидеть своё бывшее селение и узнать обо всём, что там творилось.

По совету урартца привезли родниковую воду: из колодца не брали, боясь отравы. Обживать помещения не стали, ожидая его возвращения.

Прошло три дня. В полдень охранявший ворота воин сообщил сотнику о замеченных им всадниках, продвигающихся по окраине леса в сторону крепости.

Все были настороже, в полном вооружении. Из-за густых зарослей деревьев им долго не удавалось рассмотреть идущих, но после того как первым из чащи выехал горец, все вздохнули с облегчением.

Увиденное дальше было не очень понятным. Верхом на коне, окриками подгоняя нескольких овец, за ним следовал какой-то незнакомый человек в одежде из косматых шкур. Сидя на одной лошади, появились ещё двое в таких же, как у него, накидках. Они на привязи тянули огромного навьюченного вола. Последним продвигался молодой сак, за которым молча бежали две большие лохматые собаки.

Только после того как они все спешили к крутому подъёму, все обратили внимание на притороченные вьюки на лошадях горца и воина.

Вереница стала медленно подниматься к крепости. Женщина и сотник встречали их на середине двора. Два воина стояли по сторонам от ворот.

Войдя во двор, горец приостановился возле женщины и, взглянув на неё, последовал дальше под навес, ведя своего скакуна. За ним прошли остальные.

Молодой сак, передав коня одному из воинов, приблизился к старшим. Молча постояв перед ними, как бы предоставляя им возможность удостовериться в том, что с ним всё в порядке и заметив одобрение на их лицах, он побежал на помощь к горцу.

Прибывшие незнакомцы замерли у ворот. Возле них, плотно сбившись, стояли овцы.

Два лохматых огромных пса, обнюхав воина у ворот, подбежали к женщине и сотнику, часто принюхиваясь, обошли вокруг них и тут же, повиливая куцыми хвостами, направились дальше.

Первой к чужакам тронулась женщина. Ещё на подходе к ним она заметила, как двое из них, пониже ростом, прячась от неё, подались за спину мужчины. Подойдя ближе, она стала с интересом рассматривать одежду на нём. Доходившая почти до пят широкая косматая накидка наглухо завязывалась на шее грубым шнурком. Очень низко надвинутый головной убор был сшит тоже из шкур и закрывал половину его лица.

Только теперь, вблизи, она поняла, что стоящий перед ней человек был юношей. Широко расставив ноги, он крепко сжимал в руках поводья коня и вола, внимательно следя за её движениями.

Что-то необычное в его лице сразу привлекло её внимание. Лишь пристальнее всмотревшись, она поняла, что он слеп на левый глаз, где вместо зрачка было мутное пятно чуть темнее белка. Глубокий багровый шрам, рассекая левую бровь, тянулся по щеке до верхней губы.

Осмотрев его, она взглянула на тех двоих, что продолжали прятаться за ним. Прижавшись к нему, они, в свою очередь, с интересом и опаской рассматривали её. Ростом они были значительно ниже юноши, в таких же, как у него, накидках, только их лица до глаз были закрыты чёрной тканью, и, хотя и не было видно всего остального, женщина поняла, что перед ней стояли две девочки, причём одна была чуть выше и постарше другой.

Взглянув на сотника и подошедшего горца, она развернулась и пошла к костру.

Ближе к вечеру, когда солнце наполовину скрылось за горами, громко пофыркивая, размахивая гривами и хвостами, дробно цокая копытами, во двор влетел табун. Псы с сиплым лаем, вздыбив шерсть, бросились к нему. Могучий, широкогрудый жеребец, бежавший впереди табуна, втянув раздувшимися ноздрами воздух, умерил шаг, затем, высоко задрав голову, метнул на них огненный взгляд и, как прежде, направился под навес. Псы, отступили, прекратив лай, пропустили всех остальных лошадей, успокоились и улеглись у колодца.

Для вновь прибывших, как и для воинов, был разведён отдельный костёр.

Впервые в этом пристанище беженцев в котле варилось мясо, распространяя аромат по всему двору. От этого запаха, от тихого блеяния овец в загоне, от лежавших в стороне чутких собак, от огня, полыхавшего теперь в трёх кострах, женщине показалось, что она находится в родном кочевье. Пусть ненадолго, всего на миг, но она ощутила всем нутром необычайно лёгкий покой и умиротворение.

К еде приступили молча, наслаждаясь горячим, хорошо проваренным мясом. Ели непривычно долго, тщательно пережёвывая каждый кусок мякоти, похрустывая хрящиками, получая от этого огромное удовольствие. Было видно, что люди соскучились по такой пище.

Псы обглаживали кости, изредка рыча и иногда поглядывая на людей.

Женщина, как и сотник, догадывалась о том, что довелось увидеть горцу в своём бывшем поселении, но разговора на этот счёт не затевала, а задавать вопросы у саков принято не было.

От соседнего костра к воротам, набрасывая на ходу на плечо колчан со стрелами, направился воин, сменяя своего товарища на посту.

– Там никого не осталось, – нарушил тишину горец. – Если б не собаки, мы бы не встретили их.

Он кивнул в сторону дальнего костра, где отдыхали приведённые им люди, на мгновение замолчал и продолжил:

– Они находились в пещере, расположенной невдалеке от селения. О ней чужие люди не могли знать. Когда приходили враги, все, кроме воинов, уходили туда и пережидали войну. Здесь много таких потаённых мест. Там эти девочки и пережили зиму. Они нашли и выходили юношу. Пришедший враг не пощадил никого. Никто, кроме них, не успел укрыться. В той пещере на случай войны даже в мирное время держали немного скота. В ней всегда по установленной очереди находились селяне. В тот раз наступил черёд их семьи. Мать этих девочек увела за собой преследователей, но сама так и не вернулась.

Больше он ничего не сказал.

Среди ночи, когда все уже спали и лишь у ворот бодрствовал и молча возился с собаками стражник, женщина тихо подошла к костру, у которого расположились дети.

Лица девочек были открыты. Дети были очень похожи друг на друга. Подложив под головы свои мохнатые головные уборы, они дружно посапывали во сне.

Слабое пламя тускло освещало близкое пространство, едва отбрасывая подрагивающие тени от упоров навеса, но его всё же вполне хватало для того, чтобы разглядеть спящих.

Из-под тёмных лоскутов ткани, что туго обтягивали изящные головки обеих девочек и концами которых днём они прикрывали свои лица, выбивалось множество длинных тонких косичек.

Поправив сползшие с девочек накидки, женщина присела и долго смотрела в их лица.

Также бесшумно вернувшись обратно, она прилегла.

Псы, прекратившие было возню, проследив за ней, вновь продолжили игру, тихо и беззлобно рыча.

* * *

Весь следующий день, начиная с рассвета, был полон неожиданностей, приятных для поселенцев.

Пробудившись, и женщина, и остальные саки обнаружили, что укрыты мохнатыми длинными накидками. Такая же была и на стражнике у ворот. Несмотря на диковинный внешний вид, накидки оказались лёгкими и тёплыми. От такого внимания горца всем было очень приятно.

Хорошо отдохнувшие, сытые люди в заметно приподнятом настроении увлечённо занялись обустройством помещений.

Вновь почувствовав себя детьми, окружёнными защитой и заботой взрослых, девочки с удовольствием всюду наводили порядок. Иногда был слышен их звонкий смех.

Их старший сородич несмотря на свой суровый вид был самым обыкновенным юношей. Без пушистой козьей накидки, худой и долговязый, смешно, словно на ходулях, переставляя ноги и раскачиваясь всем телом из стороны в сторону, он с радостью бежал по разным их поручениям.

Напоив одну овцу из колодца и убедившись в его чистоте, перестали носить воду из родника, где теперь утоляли жажду только лошади.

Среди привезённых из пещеры вещей, помимо раздаренных накидок, выделанных конских и овечьих шкур и верёвок, была ещё и всевозможная утварь, изготовленная из глины и дерева.

Несколько дней подряд все мужчины, кроме дозорного, отправлялись с волом в лес и доставляли оттуда хворост, жерди и брёвна, из которых при помощи верёвок они соорудили ворота и нехитрые лежанки, покрыв их шкурами. Излишки сложили под навес.

Всем были отведены отдельные помещения, но, больше по привычке, они продолжали коротать вечера во дворе у костров, где, притомившись за день, и засыпали.

В эти дни, с утра помогая всем остальным, в послеполуденное время женщина была сильно увлечена каким-то своим занятием, расположившись в стороне от кострищ, на свету. Никто ей не досаждал, сдерживая нарастающий интерес.

Девочки не решались приближаться к ней, но всё чаще заглядывались на неё не столько из любопытства, сколько любуясь её красотой.

Мельком поглядывая на них, она продолжала свою работу.

Так было до тех пор, пока однажды, выйдя за ворота, она не поманила их идти за ней и, не дожидаясь, направилась вниз по тропе, на которой отчётливо были видны следы волокуши. В руке у неё был небольшой кожаный мешок.

Последовавшего было за ней воина она отослала обратно, заверив, что ему не нужно беспокоиться и что скоро они вернутся. Рядом с ней по обе стороны, высунув языки, шли собаки.

Родниковая вода, переливаясь через камни, убегала вниз, становясь невидимой под травой. Ощущая под ногами влагу, слыша журчание ручейка, женщина медленно пошла по его течению, внимательно осматриваясь по сторонам. Девочки двигались за ней на некотором отдалении.

Наконец она увидела то, что искала. У основания дерева, где сильно примятая трава отступила в стороны, оголяя каме-

нистую землю, ручей выбегал из-под зелени и до самых краёв наполнял небольшой котлован, из которого чуть ниже он вновь вытекал прозрачной тоненькой струйкой.

«Видимо, здесь бывают наши лошади», – подумалось женщине. Отойдя на несколько шагов, среди деревьев она сразу заметила свежую тропу, на которой склонившиеся стебельки трав, не надломившись, вновь выпрямлялись. Повсюду на тропе лежал почти свежий конский помёт.

Присев у края затона, ощутив его влажную прохладу, она зачерпнула воду обеими ладонями и бросила её себе в лицо. Обе девочки, тихо опустившись под деревом, иногда переглядываясь, с интересом наблюдали за ней.

Она сняла с себя всю одежду, вошла в воду и тут же ощутила огромное удовольствие, истинное наслаждение.

На время забыв о присутствии девочек, она стала по-детски плескаться, то приседая в воде, то вставая из неё во весь рост, вертя головой и во все стороны разбрызгивая волосами стекающие с них капли. Только после того как она почувствовала лёгкое утомление, учащённо дыша, она взглянула на девочек.

Те, поёрзывая, продолжали сидеть, но уже освободили лица от прикрывавшей их ткани. По их глазам было видно, что они пребывали в изумлении и даже в восторге от всего увиденного.

Женщина слегка наклонилась, зачерпнула обеими ладонями пригоршню воды и, откидываясь назад, бросила её на них. Взвизгнув от неожиданности, прикрываясь от брызг, девочки забавно попадали в стороны.

Выйдя из воды, она подошла к детям и, взяв за руки, подвела ближе к затону. Затем присела перед ними и стала по очереди раздевать, начав снимать одежду со старшей. Опустив руки, они послушно стояли, не отрывая от неё глаз.

В последнюю очередь она развязала узлы на лоскутах тканей, покрывавших их головы, сняла их и лишь после этого внимательно осмотрела худые тельца девочек. Неожиданно для себя она почувствовала к ним одновременно и жалость, и нежность, и ещё что-то, доселе неизведанное, но повергшее её нутро в волнительный трепет. Взяв детей за руки и осторожно заведя в воду, она приступила к их купанию.

Когда девочки начали расплетать свои косички, женщина вышла на бережок и, присев на их место у дерева, греясь в тёплых солнечных лучах, с упоением стала наблюдать за ними.

Обе девочки были подростками, причём разница в возрасте между ними была небольшой.

Одна из собак, подойдя к воде, немного полакала, отошла обратно и улеглась в траве.

Обсохнув, женщина подошла к лежащему мешку и стала вытаскивать из него содержимое.

Девочки закончили купание, вышли из воды и побежали на своё место. Чёрные прямые волосы, прикрывая их лица, рассыпались мокрыми длинными прядями, отливая на солнце синевой, оттеняя узкие белые плечи и обнажая маленькие острые грудки.

Женщина, взглянув на них, уловила перемены в их облике, но не сразу догадалась, отчего именно они вдруг произошли, и лишь внимательно всмотревшись, она поняла, что без косичек они выглядели иначе, несколько старше.

Пока девочки обсыхали, она неспешно облачилась в чистые одеяния, взяла в руки то, что готовила все эти дни, и, подойдя к ним, протянула каждой из них чистую одежду из тонко выделанной кожи.

Подшитые штаны и длиннополые рубашки пришлись им впору. Как бы оценивая свой труд, женщина осмотрела их со всех сторон, оставшись вполне довольной. Затем собрала старую одежду и направилась к воде.

Ближе к вечеру, когда они были на полпути к крепости, под лай собак, сильно обдав пылью, их обогнал табун.

Впереди, как всегда, лёгкой рысцой шёл жеребец.

* * *

Ночью заморосил дождь. Люди впервые разошлись на ночлег в обустроенные помещения, где повсюду в небольших чашеобразных углублениях посреди каменных полов развели огонь.

Женщине не спалось. До сих пор ей не доводилось в это время находиться у костра одной, тем более в таком странном каменном жилище, совершенно необычном для кочевников,

привыкших к своим уютным войлочным шатрам, почти всегда наполненным людьми, особенно вечерами.

Отвлёкшись от нахлынувших мыслей, она стала осматриваться.

Помещение было небольшим, с невысоким сводом, характерным для всех здешних строений. У дальней стены с единственным узким, словно большая щель, окном-бойницей поставили низкую деревянную лежанку, обтянутую сверху хорошо выделанной мягкой овечьей шкурой. Лежанка была накрыта подаренной горцем накидкой. В углу, касаясь её подножья, возвышались принесённые сотником выюки. Вокруг небольшого костра на полу лежали мягкие шкуры.

На плосковерхом невысоком камне, стоявшем справа от входа, была расставлена часть привезённой утвари. Глиняный кувшин был наполнен холодной водой. За ним в углу были сложены сухой валежник и хворост.

На таком же камне слева лежало её оружие: меч, кинжал, лук, колчан со стрелами и небольшой круглый щит из толстой слоёной воловьей шкуры с пришитыми к нему круглыми железными бляхами.

Низкий входной проём от верха до самого порога был завешан мягко выделанной, аккуратно вырезанной конской шкурой. Больше ничего не было.

Лёгкий дымок от огня струился ровной лентой и, отрываясь от пламени, поднимался вверх, частью растворяясь под сводом, частью же скользя к окну.

Отстегнув крючки тонких бляшек, сняв с себя пояс с прикреплёнными к нему ножнами и положив его к остальному оружию, уставшая за день женщина присела у огня.

К звукам потрескивающего костра примешивался и доносящийся со двора шум дождя.

«Может ли чужая земля стать родной, а совершенно незнакомые люди стать вдруг близкими? Наверное, да. Но для этого должно пройти очень много времени. В таком случае, хватит ли одной человеческой жизни, чтобы понять всё это? Может быть, достаточно произойти каким-нибудь важным событиям, и

люди, все те, кто пережил их совместно, уже невольно обретают единение? И только тогда среди них и возникает именно то, что сейчас нарождается между нами в этом месте», – как-то сами собой потекли её размышления.

Появившиеся мысли об одном тут же плавно переливались в другие. Она не прерывала их течения, не пугалась таких их быстрых перемен и продолжала свои раздумья.

«Нет доблести и чести у того, кто совершает намеренное убийство или свержение сильного человека, ведущего за собой всех своих подданных. Ведь сами того не замечая, люди находятся под его защитой, и когда его вдруг не стало, они остаются одни перед всеми земными бедами, от которых он всегда оберегал их. Вот тогда и наступает их запоздалое прозрение и раскаяние, но глупое и бессмысленное дело уже сделано. После него, истинного вожака, остаётся лишь жалкое и недолгое подражание бездарностей... Всё, что можно видеть, слышать, чувствовать и ощущать, обязательно имеет свою неотъемлемую противоположную пару, и всегда одно из них по душе, а другое ненавистно. Так происходит оттого, что всё живое тленно. Нет смерти только лишь там, где нет жизни. Никогда не умереть не родившемуся. Всем очень сладка жизнь, даже если она самая захудалая и никчёмная, но её неразлучная вечная напарница смерть во все времена проклинается всеми, и, может быть, поэтому она так страшна для всех? Одни люди наносят раны, другие их исцеляют, и если первых ненавидят как зло, то вторых восхваляют как добро. Но если бы не было первых, то откуда тогда взяться вторым? Не познав явь, никогда не понять её изнанку».

Утомившись от нахлынувших дум, она вскоре прилегла на лежанку, закутавшись в тёплую накидку.

* * *

Шли дни. Повседневная жизнь складывалась так, что каждый в крепости имел занятие, полезное для всех. Постепенно стали заводиться нехитрые бытовые устои. Люди вставали поутру и отходили ко сну в одно и то же время. Также все вместе они принимали пищу.

Обе девочки занимались готовкой еды и уборкой. Мужчины, ожидая прихода зимы, утепляли строения, косили сено, выделывали шкуры и заготавливали древесину.

Мирная, размеренная жизнь нравилась всем. Радовались приплоду овец, на что раньше, в прежние времена, никто из них даже не обратил бы внимания. Подолгу наслаждались запахом свежескошенной травы, разложенной на просушку здесь же во дворе.

Привыкшие брать воду на поверхности земли из озёр, рек и родников, молодые саки поначалу удивлялись колодцу, подолгу заглядывали в него, прислушиваясь к всплескам от опускаемого на аркане кожаного мешка, приспособленного для этой цели.

Также в диковинку им были нехитрые инструменты горцев: и сильно изогнутые длинные ножи, похожие на полумесяц, при помощи которых косили траву, и тяжёлые железные болванки с затупленными сторонами и отверстиями в середине, со вставленными в них деревянными держаклами, которыми было удобно раскалывать камни.

Немногословные по жизни, все понимали друг друга по взглядам и жестам. Но большее общение у них происходило через работу, совершаемую вместе. Именно она была для них общим и самым доступным языком.

Молодой горец по своей воле стал заступать на стражу вместе с саками и в свободное время всегда был занят с ними. Сказывался почти равный возраст.

Девочки всё чаще и дольше находились рядом с женщиной, чувствуя исходившее от неё душевное тепло, нутром угадывая её добрые стремления во благо всех. Она узнала, что старшую из них зовут Зела, младшую – Мире, а юношу – Рушти.

Хотя у кочевников и не было принято проявлять к кому-либо интереса, но молодёжь уже знала имена друг друга. Двух младших саков-ровесников звали Габу и Дуару, а их старшего товарища – Бурчэ.

Имя сотника женщина знала давно. Оно нравилось ей, так как было созвучно с чем-то стремительным и мгновенным и, как она считала, очень подходило ему. Его звали Даг.

Саки знали и её имя, но никто из них не произносил его вслух. Лишь имени старшего горца не знал никто, даже его соплеменники.

* * *

В один из дней, на рассвете, когда женщина находилась возле ворот и стражник выпускал лошадей, горец подошёл к ней, ведя на поводу свою и её лошадь. Приняв его молчаливое приглашение, она, ловко забравшись на коня, двинулась из крепости вслед за ним.

Пройдя неспешным шагом уже знакомые места, они углубились в лес, где она ещё не бывала.

Солнечные лучи едва начали освещать верхушки деревьев, а под их кронами ещё царил полумрак. Было прохладно и влажно. Откуда-то со стороны долго доносилось лошадиное похрюпывание, но со временем оно утихло, и наступила тишина.

Они заходили всё дальше в чащу. Иногда им приходилось преодолевать невысокие скалистые холмы. В такие минуты они оказывались на уровне макушек деревьев, и тогда всё вокруг становилось ярким и сочным в цветах.

Дивясь чарующим её видам, любуясь красотами округи, она придерживала коня, чтобы как можно дольше наслаждаться увиденным, ощущая при этом свежее дыхание наступающего дня.

Крепость осталась слева позади, а впереди с каждым пройденным шагом приближались горы, проглядывающие островерхими скалами среди деревьев. Воздух становился суше и жарче. Ароматы трав и деревьев стали сменяться запахом пыльных камней.

Вскоре лес закончился. С последним деревом исчезла под ногами и трава. Сразу стал громче слышен стук копыт.

На небольшой ровной возвышенности почти у подножья скалы горец, спрыгнув с коня, поднёс ей воду в небольшом глиняном сосуде в кожаном мешочке. Утолив жажду, они продолжили путь, забирая вправо от скалы, огибая её и двигаясь в её тени.

Лес дутой обступал гору и простирался справа, оставаясь всё ниже и ниже.

За очередным поворотом внезапно закончилась тень. В лицо ударил яркий солнечный свет, на миг ослепив путников. Заслонившись от него рукой, сильно зажмурив глаза, женщина сразу остановила коня.

Стало жарко. Дышать становилось всё труднее.

Не опуская руки, она взглянула вправо, но отсюда уже не было видно леса. Только груды камней будто бы сами плавно двигались мимо неё. Пытаясь привыкнуть к такой перемене, она медленно убрала руку и, всё ещё прищуриваясь, взглянула вперёд.

Горец, спешившись, стоял перед ней, поглаживая гриву её коня и не отрываясь смотрел на неё. Она вновь закрыла глаза. Яркие круги мгновенно поплыли с нарастающей быстротой. Сильно закружилась голова, и она стала безвольно запрокидывать её назад. В тот миг, когда ей показалось, что она уже падает, крепкие руки подхватили её и бережно куда-то понесли. Она почувствовала лёгкое парение. Силы плавно покидали её.

Теперь у неё не было ни единой мысли. Она не понимала происходящего, ощущая лишь опустошённость и покой.

Как долго она пребывала в забытии, она не знала, но прозрение стало понемногу наступать. Она услышала какие-то звуки. Они то удалялись, то вновь наплывали. Где-то глубоко в сознании что-то смутно подсказывало ей, что звуки очень знакомы и исходят от лошадей. Цепляясь ускользающими мыслями за появившуюся догадку, она всё же сумела напрячь свой слух, и почти в тот же миг ей удалось увидеть и некое подобие света, проникавшего сквозь прикрытые веки, и лишь после этого к ней стало возвращаться ощущение собственного тела.

С трудом открыв глаза, женщина поначалу не могла понять, где она и что с ней произошло, но память по крупицам возвращала ей последние события, пока она не вспомнила всё. Такое с ней было впервые в жизни, но она так и не поняла, что случилось.

Солнце уже не слепило. Она догадалась, что находится в тени. Под её головой было что-то мягкое и удобное. Вновь слегка закружилась голова, и она сомкнула веки.

Словно угадав её желание, спутник, бережно приподняв ей голову, поднёс к её губам сосуд с прохладной водой. Сделав

несколько глотков, она только теперь по-настоящему ощутила прилив сил, приподнялась и присела спиной к скале.

– Так бывает от высоты, – спокойно произнёс он, опустившись рядом. Посмотрев на неё, он продолжил: – Не тревожься. Это скоро пройдёт, нужно отдохнуть. Я хочу показать тебе одно место. Уверен, оно тебе понравится, и ты сама решишь, для чего оно может пригодиться тебе. Здесь, уже рядом. Слышишь шум воды? Там прямо из горных глубин вытекает небольшая река. Нам нужно добраться до неё.

Женщина прислушалась. Она действительно расслышала едва доносящийся звук воды, больше напоминающий какое-то бурление.

От простого объяснения горца ей стало значительно легче на душе, так как прояснилась истинная причина её внезапного недомогания.

Он не торопился. Она заметила, что ему, так же как и ей, трудно давался этот подъём, отчего отдых был необходим им обоим.

Прямо перед ними вдали, уходя вправо, сплошь были горы. То, что находилось левее, из-за камней не было видно, но она знала, что там внизу оставался лес.

Слегка приподняв голову и посмотрев в небо, она увидела в вышине парящую кругами птицу. «Может быть, это тот самый орёл, которого мы видели когда-то, сразу после сражения, перед уходом в эти далёкие края?» – подумала она и, прикрыв глаза, вспомнила своё первое общение с этим человеком. У неё невольно возникло сравнение, которым можно было бы описать то ощущение, что она испытала при самом первом разговоре с ним: «Оно было лёгким, как перо, и тёплым, как ладони матери».

Угадав её мысли, горец, вновь будто продолжая прерванный рассказ, произнёс, поднимаясь:

– Высоко над той рекой должно быть орлиное гнездо. Может, это и есть его хозяин.

Он взглянул на небо, наблюдая за полётом птицы, и после недолгого молчания добавил:

– Я покажу его тебе. Там должна быть его семья.

Женщина поднялась. Ей было гораздо легче, дышалось свободнее, и уже совсем не было ощущения тяжести в теле. Подняв

сложенную на земле накидку, отряхнув её от пыли, она с благодарностью протянула её спутнику.

Поскольку дальше вверх вела едва различимая узкая тропа, лошадей оставили здесь, придавив поводья небольшим камнем.

Мелкие камушки под ногами лежали так, словно были убраны кем-то чуть в стороны, обозначая проход.

Увидев, что горец взял с собой воду, связку верёвок, меч и лук со стрелами, она впервые за всю дорогу обратила внимание на то, что совсем забыла вооружиться. При ней был только нож. Она с досадой укорила себя за такую оплошность, с лёгким раздражением подумав о недопущении впредь подобной опрометчивости, и, вздохнув, направилась вслед за проводником.

Не смотря по сторонам, разглядывая только землю под ногами, она продвигалась вперёд, доверившись этому странному, но уже не чужому человеку.

Ступая за ним шаг за шагом, она вдруг поймала себя на мысли, что рядом с ним чувствует себя легко. Её уже не покидало ощущение надёжной защищённости. Ей впервые не нужно было выглядеть сильной и держаться настороже. Её совсем не тревожило происходящее. В её душе не было ни удивления, ни страха. Всё то, что раньше вызвало бы в ней негодование и множество вопросов, теперь казалось ей вполне естественным.

Она не хотела знать, как долго продлится такое её состояние. Для неё важнее всего сейчас была эта разумная безответственность, которой она поддалась с огромным желанием. Ей было очень приятно от того, что не нужно забивать голову размышлениями о принятии каких-то решений, о необходимости что-то предпринимать. Впервые кто-то думал за неё, взяв заботу обо всём на себя. И это нравилось ей.

Не привыкшая к долгим пешим переходам, а тем более к подъёмам, она вскоре запыхалась. В тот момент, когда, ступив ещё шаг, она хотела остановиться и перевести дыхание, она едва не наскочила на горца. Он стоял, широко расставив ноги, не оборачиваясь к ней.

Поравнявшись с ним, она поняла, куда внимательно он вглядывался, и только теперь, освободившись от дум, расслышала рокот воды.

Увиденное восхитило её. С этого места начинался спуск. Подобие тропы вело прямо к подножью горы, из расщелины которой на небольшой высоте ниспадала вода, пенно бурля и вливаясь в маленькое озерцо. Противоположная сторона водоёма была сплошь покрыта густой порослью ярко-зелёных кустарников. Они радовали глаз, так как вокруг видны были одни серо-коричневые скалы да красноватые камни.

Цвет воды отсюда был неразличим, но ей очень захотелось, чтобы он был иссиня-голубым в своей прозрачности.

Они стали спускаться. Идти поначалу было легче, но, сделав с десятков шагов, она поняла, что, вопреки ожиданию, подниматься гораздо удобнее. Стали неметь лодыжки, с непривычки заныли плечи и шея, отчего смотреть вниз у неё не было никакой возможности.

Дважды, не удержавшись, она больно присела на мелкие камни. Чтобы горец не увидел её в этой нелепой позе, она сразу же поднималась и продолжала движение, при этом с трудом одолевая желание посидеть и отдохнуть.

Ещё издали от воды повеяло прохладой и свежестью, но шум от её падения всё нарастал. Такие громкие звуки не были знакомы женщине, и от этого после царившей до сих пор тишины они наполнили её тревогой и неприятным трепетом, будто что-то огромное и враждебное надвигалось одновременно со всех сторон. С приближением к воде ей становилось не по себе, на задний план отошли усталость и прочие неудобства.

Появился страх, и в тот момент, когда они подошли почти к самому берегу, она не выдержала и зажала уши руками. Звуки поутихли и уже не имели столь грозной силы, вместе с этим возвращалась прежняя уверенность.

Постояв так, успокаиваясь, и несколько раз незаметно похлопав по ушам ладонями, то пропуская в них звуки, то вновь заглушая их, она наконец опустила руки, и рокот воды теперь воспринимался ею как нечто обыденное и безобидное.

Спутник, стоявший невдалеке, спокойно наблюдал за ней. От этого взгляда ей стало неловко, но, видя в его глазах понимание, она взбодрилась. Тут же представив, как она выгляде-

ла со стороны несколько мгновений назад, она улыбнулась, а вспомнив свои недавние падения при спуске, уже не имея сил сдержаться, рассмеялась.

Он по-прежнему стоял и смотрел на неё. На его суровом лице также всё больше проявлялась улыбка. Через миг его глаза уже искрились по-особенному тепло и нежно.

* * *

У берега вода была очень чистой, но там, где поток обрушивался с высоты, расплывалась белая пена, тут же исчезающая, не достигая даже середины озера. Лёгкие волны, плавно затихая, накатывали на почти отвесные, но невысокие скалистые берега.

В том месте, где находилась женщина, был пологий узкий откос вровень с поверхностью водоёма. Присев и зачерпнув ладонями студёную воду, она с наслаждением сделала несколько глотков, после чего стала плескать воду себе в лицо, получая от этого огромное удовольствие. Усталость тут же сменилась невероятной бодростью. По всему её телу стала разливаться приятная свежесть.

Вдоволь наплескавшись, отчего даже озябли лицо и руки, она отошла недалеко и, удобно присев на тёплый валун, покрытый ровным мягким слоем мха, осмотрелась по сторонам.

Спуск, по которому они пришли, оказался довольно крутым, и только с этого места была видна его истинная высота.

Других подходов не было. Похоже, как поняла она, это был единственный путь сюда.

Вода падала с высоты в рост пяти-шести человек. У самого верха, выбрасываясь из расщелины, поток был узким, но мощным и тугим. словно нечто живое, он стремился раздвинуть сжавшие его скалы. Вылетая из них под сильным напором и обрушиваясь вниз, он тут же раздавался вширь, освобождаясь из теснины на простор, замедляясь в своём движении, усмиряя свою ярость.

Вода, искрясь сплошной прозрачной пеленой, ниспадала на озёрную гладь, бурля, вспенивая её, скрывая от взора за белыми бурунами своё превращение в почти тихую заводь, мягко плескавшуюся у берегов, и лишь в звуках на всю округу продолжала выражать всю свою мощь, эхом отражаясь в высоте от отвесных горных склонов.

На противоположном берегу, там, где сплошным зелёным рядом росли кустарники, только теперь она разглядела вытекавший из озера маленький ручеёк, пробивший себе неширокое русло в каменистом берегу.

Её спутник что-то мастерил, находясь у самого водопада. Закончив своё занятие, он также присел отдохнуть, очень внимательно рассматривая своё творение.

Подойдя поближе, женщина увидела бревно, цветом и шероховатостью похожее на камень. Оно было переброшено у самого подножья горы от крутого берега до падающей воды, прямо под её поток, исчезая в нём. В этом месте отвесная стена уходила в озеро, не давая приблизиться к водопаду. На что крепился другой, дальний конец бревна там, за потоком, отсюда невозможно было рассмотреть.

Женщина понимала, что горец привёл её сюда не ради вида водопада, но не торопила события. Более того, ей было приятно осознавать, что этот человек ничего и никогда не делает зря и их присутствие здесь вызвано какой-то необходимостью.

Взглянув на неё, он подошёл к бревну, опробовал ногой надёжность его крепления, сделал пару аккуратных шагов по нему, касаясь рукой скользкой от брызг стены, и остановился. Уловив в его взгляде приглашение, она подошла к сооружённому им своеобразному мосту и осторожно ступила на него.

Шум от низвергающейся воды здесь достигал своего пика.

Они сделали несколько шагов, не без труда удерживаясь на скользком бревне, и, едва дойдя до его середины, оба были уже мокрыми с головы до ног. Ледяные брызги летели на них со всех сторон: и с боку, и сверху, и снизу, почти не давая разомкнуть глаз.

Приходилось подолгу примеряться, прежде чем окончательно и твёрдо поставить ногу. От грохота они не имели возможности общаться между собой. Всё чаще отворачивая лица, задыхаясь от летящей отовсюду воды, они пытались перевести дыхание и набрать в себя побольше воздуха.

Идя полубоком, с зажмуренными глазами, упираясь ладонями в холодные и скользкие от влаги камни, женщина неожиданно наткнулась на протянутые к ней руки и, ухватившись за

них, была легко перенесена на надёжную опору. На неё больше не лилась эта до жути холодная, пробирающаяся всюду вода. Ещё не разомкнув век, она уже ощутила, что здесь дышится гораздо спокойнее.

Она провела по лицу ладонями, смахнув капли, открыла глаза и осмотрелась. Они находились по другую сторону водопада, на небольшой площадке, расположенной в скальной нише.

Поток прозрачной голубоватой ширмой закрывал собой вход в это потаённое место, и сквозь него невозможно было увидеть хоть что-нибудь, кроме дрожащего от постоянного движения воды света.

Оглянувшись, она с удивлением увидела в нескольких шагах от себя зияющий чернотой проём в каменной стене. Его высота была небольшой, а шириной он был в размах рук взрослого человека.

– Он ведёт в небольшую пещеру. Там сухо, но темно, – почти на ухо прокричал ей спутник.

– Что там находится? – также громко спросила женщина.

– Думаю, ничего. Раньше там было пусто, но нужно посмотреть. Жди меня здесь, – ответил он, направляясь в глубь пещеры.

Подойдя ближе к проёму, она заглянула внутрь, но из-за непривыкших к темноте глаз ничего рассмотреть не смогла. Прикрыв веки, постояла так некоторое время и вновь заглянула в проём. Теперь уже отчётливо были различимы уходящие вдаль шероховатые стены и своды.

Не желая больше находиться в неведении, она, осторожно ступая, стала продвигаться вслед за вошедшим внутрь спутником. Пройдя всего несколько шагов и вновь постояв с закрытыми глазами, она почувствовала, что после этого её зрение стало ещё более острым, и, не задерживаясь, продолжила движение.

За небольшим поворотом вправо находилась сама пещера. Хотя и невозможно было полностью рассмотреть её, женщине стало понятно, что небольшая пещера напоминает размерами и формой её родимый сакский шатёр.

Едва проникающий от входа свет не доходил до дальних стен, но его было достаточно, чтобы различить тёмный силуэт горца, стоявшего в нескольких шагах от неё.

Он не спеша подошёл к ней.

– Здесь ничего нет. Пусто. Нужно возвращаться, – вновь прокричал он, пропустил её вперёд и направился за ней к выходу.

Прежде чем начать переход, горец проверил на конце бревна крепкий верёвочный узел.

Обратный путь до берега они проделали уже более уверенно.

Смахнув ладонями воду с лица и оглянувшись, она увидела лишь поток воды и отвесную стену скалы. О том, что туда можно пройти и обнаружить там пещеру, ещё недавно она не могла даже подумать, такое просто не пришло бы ей в голову.

Было далеко за полдень. Через некоторое время под палящими солнечными лучами от них стал исходить пар. Было неприятно от мокрой, потяжелевшей одежды. Не обращая на это внимания, спутник вновь принялся за работу.

Лишь теперь, наблюдая за его занятием, она задумалась над тем, как ему удалось соорудить этот мост. Бревно было очень плотным и длинным и от этого имело большой вес. В том, что здесь его не было, она не сомневалась.

Внимательно следя за всеми действиями горца, она заметила, что и с ближнего края к бревну была привязана верёвка, за которую он теперь потянул. Бревно стало потихоньку скользить. Его противоположный конец сорвался в воду, а ближний взметнулся высоко над береговым откосом, но быстро подтягиваемый верёвкой вниз и одновременно от берега, он вновь опустился под ноги. Захватив вторую верёвку, горец на одном дыхании натужным рывком вытянул бревно на берег.

Теперь она поняла, что вначале для сооружения мостка ему пришлось спуститься в воду, переплыть к водопаду и забраться туда, чтобы дальний конец бревна затянуть верёвкой на камни.

Завершив часть работы, горец оглянулся по сторонам. Затем подошёл к ней, опустился рядом на тёплый валун, перевёл дыхание и взглянул вверх.

– За теми кустами должна быть узкая звериная тропа, ведущая наверх, и если сумеешь по ней забраться чуть выше водопада, то можно увидеть у вершины горы орлиное гнездо. Если оно ещё сохранилось, – громко на ухо произнёс он.

Женщина, взглянув на него, кивнула в знак понимания и посмотрела на вершину.

– Нам пора возвращаться, – добавил спутник, поднимаясь с камня.

Волоком оттащив подсохшее бревно в незаметную расщелину, густо поросшую низким кустарником, куда оно закатилось не оставив и следа, смотали верёвки и, набрав холодной воды, двинулись в обратный путь...

Когда деревья вновь обступили их со всех сторон, одарив своей прохладой, они спешили для недолгого отдыха. Лошади тут же принялись пощипывать сочную траву.

Просохшая одежда теперь была по-прежнему приятной и удобной. Они опустились в тени раскидистого дерева, прислонившись спинами к его мощному шершавому стволу и, с наслаждением вытянув ноги, с удовольствием вдыхали чистый, ароматный воздух.

Солнечные лучи освещали кроны деревьев, едва пробиваясь сквозь них и падая причудливыми клочками на верхнюю часть стволов. Близился вечер.

– Я поняла, для чего ты показал мне то место, – словно продолжая прерванный разговор, тихо произнесла женщина.

Горец молчал.

Она продолжила:

– Более подходящего укрытия, думаю, не найти.

– Признаться, мне не верилось, что мы так быстро его обнаружим. Я ведь впервые был там. Помню о нём только со слов отца. Он доверился мне перед уходом на сражение. Наверное, понял, что больше не увидимся. Но всё оказалось именно так, как он рассказал. Это было тайной нашего наира, рода. Тогда я не совсем понимал, для чего он меня посвятил в неё, но почему-то всё же запомнил на всю жизнь. Выходит, было для чего. Уверен, что есть и звериная тропа, и гнездо.

– Почему ты доверил её мне?

– Похоже, из своего рода остался только я один. Хотя всякое могло случиться. Для меня многое ещё неизвестно. Но я вместе с вами уже здесь, и мало ли что может произойти и со мной,

и с тобой. Ты доверилась мне, и мы пришли сюда, в этот край. Теперь и я доверяю тебе то, что есть у меня. Другого ничего нет.

– Ты знаешь, кто я? – повернувшись к нему, совершенно неожиданно для себя спросила она и пристально посмотрела ему в глаза.

– Я знаю лишь твоё имя, – ответил он, повернув к ней голову.

Их взгляды встретились.

Он уверенно добавил:

– Далайя.

Она отвернулась.

Не считая нужным проявлять интерес к такой его осведомлённости, понимая, что он мог узнать её имя от сотника Дага, после недолгого раздумья, вновь взглянув ему в глаза, она спросила:

– Хотя у нас не принято этого делать, я всё же хотела бы знать, как обращаться к тебе. Назови своё имя.

С едва уловимой улыбкой, не отводя взгляда от её вопрошающих глаз, он также твёрдо произнёс своё имя:

– Руса.

* * *

На следующий день все драгоценности были перевезены ими на новое, надёжное место.

На обратном пути Руса указывал Далайе на те приметы, по которым она сама могла бы найти туда дорогу.

Г Л А В А В Т О Р А Я

Осень была дождливой и длинной. Серые тяжёлые тучи подолгу зависали прямо над долиной, пока там, в вышине, налетавший внезапно сильный ветер не разрывал их на части и не прогонял за вершины гор.

Ясных дней становилось всё меньше, и однажды утром выпал первый снег. Он шёл весь день, падая большими хлопьями. Воздух заметно посвежел. Но холод не был студёным, пронизывающим до костей, как это было в степи.

Здесь, внизу, царило безветрие.

Удивительно красив стал лес. На широких ветвистых кронах деревьев, по-прежнему зелёных, лежал белейший, словно маленькие, густо разбросанные облака, снежный покров.

Саки ещё долго любовались этим поистине дивным зрелищем, пока не привыкли к нему.

Табун, как прежде, выпускали утром, и к вечеру он возвращался, возглавляемый вожакom. Несколько лошадей пустили на мясо, обеспечивая запас на зиму.

Четыре щенка, появившиеся на удивление всем, считавшим до сих пор, что их охраняют два кобеля, забавно разбрелись по всему двору и лезли под копыта лошадей, заставляя молодых всадников быть осторожнее.

Дни проходили в обычных хлопотах. Добавилась работа по постоянному очищению двора от снега.

Незадолго до наступления зимы Руса навестил тайник. Там всё было в порядке, без каких-либо перемен.

Людям выходить из крепости уже не было надобности, и хотя теперь все подступы к ней и всё подножье с единственной дорогой очень хорошо просматривались, охрану у ворот продолжали выставлять.

* * *

Долгими вечерами, сидя в одиночестве в своём помещении, Руса всё чаще задумывался над превратностями судьбы. Уведённый почти ещё мальчишкой в далёкую Персию, приученный с самого детства к суровой воинской службе и очень рано познавший войну, смерть и кровь, он, не ведавший ничего, кроме тяжких, изнурительных походов, кровавых битв и щедрых наград и не представлявший иного существования, однажды стал таким же, как сотни тысяч его сверстников, сведённых из разных стран под начало властителя всех миров, царя царей и владыки четырёх сторон света – великого и всемогущего Кира.

Он отчётливо помнил и завоевание Лидии, и пленение её невероятно богатого царя Креза, имевшего тогда одну из многочисленнейших армий и самую лучшую в мире конницу.

Руса не переставал удивляться тому, как великодушно отнёсся к пленённому правителю Лидии повелитель мира Кир.

До сих пор с огромным волнением он вспоминал взятие Вавилона, его поразительные стены, улицы, площади и храмы. Такого огромного города ему не доводилось видеть никогда. Он даже не мог представить, что такое бывает на свете.

Где-то в глубине души он всегда понимал, что не случись с ним всего этого в детстве и не приди персы в их землю, он бы не увидел мира.

Ему очень жаль было своих родных. Если кто-то из них и остался в живых, думал он, то наверняка они уже не встретятся, и даже если такое произойдёт, то не узнают друг друга.

Теперь, когда он оказался здесь, в родной земле, о чём всегда мечтал, в нём впервые за всю жизнь возникло чувство отчуждённости.

Везде, где бы ни доводилось ему бывать, он свято верил в то, что всё происходящее с ним обязательно однажды закончится, подобно ужасному видению, долгому и кошмарному сну.

Он всегда выживал после страшных битв. Полученные раны заживали и затягивались на нём довольно быстро, впредь о себе не напоминая. Причиной такого везения была его непоколебимая вера.

В один из вечеров, наблюдая, как костёр пожирает с лёгким треском подброшенный в него хворост, он понял, что она, эта вера, хранившаяся в нём столько лет и всё-таки приведшая его в родные края, покинула его, словно выполнив своё предназначение, и он наконец пробудился.

Но не такую явь так долго ждала его душа. Увиденное было похоже на горькую насмешку судьбы.

В той, прошлой жизни, когда ему приходилось с зарёй перед битвой делить глоток воды с воинами, которых узнал с вечера, а к полудню уже предавать их тела земле, однажды он дал себе зарок не привыкать ни к кому, дабы не терзаться по ним болью в сердце, и с той поры стал одинок среди огромной массы подобных себе людей.

Со временем он окончательно убедился в том, что этот выход был единственно правильным. Он понял, что нельзя расслабляться даже на миг, если хочешь выжить. Так вели себя те, кто был внимателен к происходящему, но, главное, во что-то верил и имел определённую цель. Именно они держались дольше всех в кровавых сечах.

Теперь же он с горечью осознал, что земля, даже родная, становится чуждой, если нет на ней хотя бы одного человека, пусть не обязательно родного по крови, пусть не знакомого, но просто живущего здесь всегда, с которым можно помолчать и знать, что он тебя понял, как никто другой.

Ему было стыдно признаться перед самим собой в том, что девочки Зела и Мире и юноша Рушти пока не пробудили в нём каких-либо тёплых чувств. Каждый раз, пытаясь разобраться, отчего в нём такая чёрствость, он натывался лишь на одно объяснение: для него они были людьми из другого мира. Он за-

ведомо внушил себе, что они ещё не способны понимать что-то зрелое и серьёзное, и по этой причине он особо не нуждался ни в своих откровениях с ними, ни в их отзывчивости по отношению к нему и в соответствии с этим размышлял: «Ведь на самом деле, что они могут мне дать сейчас? Какое общение и понимание? В них нет ещё познания жизни. И воспринимать их следует как нечто существующее рядом. Да и я не смогу с ними объясняться. Не привык и не умею».

Но одно по отношению к ним он знал совершенно точно: что бы ни случилось, он будет о них заботиться.

– Заботиться? – произнеся вслух это слово, он удивился его смыслу.

Поднимаясь с места, он с досадой подумал: «Я могу лишь защищать их. Они дети, и заботиться о них может только женщина».

Испив воды и присев на лежанку, он задумался о Далайе и вдруг вспомнил, что все последние дни он очень хотел думать о ней, но почему-то откладывал это желание, будто боялся чего-то, что могло помешать мыслям о ней, вспугнуть их. Теперь же ощущения страха не было, на душе стало легче, сознание мгновенно освободилось от всех тягостных размышлений и заполнилось образом этой удивительной женщины.

Ему ещё не были знакомы те чувства, которые он впервые испытал к ней, находясь во временном селении уходящих на родину саков. Они возникли внезапно. Именно с их появлением он по-другому, иначе увидел её.

До той поры он никогда не думал, что можно так относиться к чужому человеку и вообще испытывать нечто подобное. Удивительно и ново было и то, что он даже не знал о таких затаённых возможностях своей души. Эти неожиданные перемены в себе вначале повергли его в смятение, и он был не в силах объяснить происходящее. Затем неизведанное ранее состояние и пробудившаяся тяга видеть её породили в нём подобие страха.

Порой после бессонных ночей ему казалось, что собственный разум перестал подчиняться ему и пребывает в его теле, живя своей отдельной жизнью, прекратив быть с ним одним це-

лым. В такие мгновения он стал бояться одиночества и старался как можно дольше находиться среди людей, пытаясь быть занятым чем угодно, лишь бы кто-то был рядом.

От окончательного изнеможения его спасла череда событий. Они очень быстро своей насыщенностью пробудили в нём прежнего воина, чему он был несказанно рад. И жестокая битва с её сородичами, и дорога, приведшая их сюда, и полная трудов жизнь здесь захватили его с головой, на время заслонив собой все чувства.

Сейчас же, когда они, эти чувства, прежде отодвинутые в какую-то глубину, с новой силой стали нарастать в его душе и сознании, он был готов их принять. Теперь он нуждался в них, они сильно волновали его, равно как эта женщина, к которой он их испытывал. Вновь мир, окружавший его, стал наполняться смыслом и нужностью.

* * *

По словам Русы, середина зимы в этих краях уже миновала, и для саков, привыкших, что в степях холода длятся большую часть года, такое известие было по меньшей мере удивительным.

Всё чаще ночами стал слышен волчий вой. Он был многоголосым и с каждым днём всё более протяжным, отчего всем становилось не по себе.

Сотник Даг и Руса были спокойны за всю живность внутри крепости, но, видя по утрам волчьи следы почти у самых крепостных стен, стали с опаской выпускать лошадей на пастбища. Однако и содержать такой табун взаперти не было никакой возможности.

Псы ночами напролёт находились с охранниками. По их реакции на близкое присутствие волков было видно, что они вовсе не страшатся этих серых хищников, а напротив, унюхав их, молча бросаются к воротам, вздыбив на загривках густую шерсть, оскалив пасти и обнажая огромные жёлтые клыки. И даже щенята, подражая своим родителям, бесстрашно поглядывали в сторону ворот, продолжая свою игровую возню.

Учуяв приближение волков, лошади теснились от стен к внутреннему ограждению, нервно втягивая раздутыми ноздрями холодный воздух. Улавливая устрашающий запах извечного врага, они в испуге таращили глаза, лягались и почти судорожно похрапывали, при дыхании чаще обычного выпускаемая клубящийся на морозе пар.

Огромный вол, стоявший за перегородкой из жердей, также чувствуя и слыша грозных хищников, тупо вращал большими блестящими зрачками в кроваво-красных белках и попеременно бил мощными передними копытами о камень, при этом низко опуская лобастую голову с острыми и длинными рогами, вызывая этим своё беспокойство.

Чувство тревоги поселилось в душах обитателей крепости, не давая им спать по ночам. Из своих каморок вскоре все, не сговариваясь, стали выходить во двор: разжигали, как прежде, под навесом костры, грелись у них, беседовали далеко за полночь.

В одну из таких ночей, когда у одного костра собрались, как всегда, Далайя, сотник Даг и Руса (все остальные располагались у отдельного костра), сотник тихо произнёс:

– Думаю, так больше не должно продолжаться. Вчера вновь не досчитались одного коня, уже третьего за зиму. Вожак долго не выдержит, он уже весь в ранах от волчьих зубов. Если его не станет, уже некому будет защищать табун. Другого такого нет. Нужно устроить облаву на волков и покончить с ними.

– Ты прав, но идти за ними мы не сможем, нужно бить их у табуна, на пастбище. Раньше, хоть и редко это бывало, но я помню, как все мужчины нашего поселения уходили на такую бойню и несколько дней преследовали волчьи стаи, пока не изгоняли их далеко за пределы земель. Мы встречали охотников всем народом, и они, уставшие, но довольные, сваливали в одну большую кучу добытый трофей. В дни охоты всё в селении затихало. Наши отцы уводили с собой почти всех собак. Каждый из этих псов, так же как и их предки, издавна обучен охоте на волков, – Руса кивнул в сторону ворот, где, как обычно, возле охранника находилось всё собачье семейство.

Далайя с интересом слушала собеседника. Она понимала, что он сейчас испытывает, и очень сочувствовала ему, ведь то, о чём он говорил и что при этом представлял и ощущал, столько долгих лет не высказывалось никому.

«Наверное, это лишь часть из того немногого, что он помнит о своей семье, о прошлой жизни. Именно тот кусочек далёкого былого, что он всегда берёт в своём сердце, с которым долго жил и пришёл сюда», – с печалью и досадой подумала она.

Руса замолчал. Было заметно, что он поглощён нахлынувшими воспоминаниями.

Мельком взглянув на него, Далайя перевела взгляд на огонь, тихо и очень уютно потрескивавший перед ней. Мысли понесли её в родную степь, в родные кочевья, наполняя душу лёгким ностальгическим трепетом. Всё больше углубляясь в прошлое, она ощутила сильную тоску, её сердце наполнилось горечью, и ей стало тяжело от дум о последних событиях в родной земле.

Не желая больше испытывать такую боль, она, словно помогая себе избавиться от воспоминаний, встряхнула головой.

– Нам всем нужно отдохнуть – предстоит нелёгкий день. Голодный враг, доведённый до отчаяния, всегда опасен, даже если это зверь, а не человек. Полагаю, с зарёй выступим все. Здесь останутся лишь девочки и Рушти, – поднимаясь, тихо произнесла она, обращаясь к своим собеседникам.

Легко вскочив на ноги, они направились к соседнему костру, дабы довести принятое решение до молодых воинов.

* * *

Выпустив прежде лошадей, Далайя и пятеро мужчин, основательно вооружённые, с набитыми стрелами колчанами, двинулись из крепости вслед за табуном, предварительно внимательно осмотрев следы, оставленные волками на снегу у стен, в попытке определить численность стаи. Судя по всему, она насчитывала не меньше десятка взрослых хищников, причём их вожак был очень крупным самцом, почти вдвое превышающим в размере всех остальных. Люди понимали, что волков могло быть и больше, так как не все звери решаются близко подходить к человеческому жилью.

Табун, возглавляемый жеребцом, быстро удалялся по привычному для него маршруту, оставляя после себя в грязно-серой массе из размокшей почвы и снега широкий, изрытый копытами, след.

Опустившись с крутизны на ровную местность, отряд прибавил шаг, прошёл по окраине леса, забирая вправо по дуге, куда прежде ещё не доводилось ходить, и вскоре уже выбрался на равнину, простирающуюся довольно далеко, к самому подножью едва различимых гор.

Лошади, отбивая копытами рыхлый снег перед собой, уже пощипывали траву, изредка поднимая головы.

Лишь жеребец был начеку. Завидев всадников, он навострил уши и, задрав хвост, подался сильным галопом в их сторону. Подлетев ближе, внезапно остановился, порывисто втянул воздух, пытаясь уловить их запах, затем, успокоившись, рысью направился обратно к остальным.

Людей, немало повидавших в своём боевом прошлом, тронуло, как это сильное, красивое животное чутко оберегает свой табун, в любую минуту готовое вступить за него в схватку с любым врагом.

Видя повсюду следы хищников, но не имея возможности знать, откуда они могут напасть, люди решили разделиться по парам и следить с трёх сторон табуна. Сотник Даг и Габу расположились справа по движению. Бурчэ и Дуару двигались вслед табуну. Далайя и Руса находились слева, между лесом и лошадьми. Все были предельно внимательны и двигались в полной готовности, с заложенными в луки стрелами.

Время приближалось к полудню. Табун оставался на середине обширной долины.

На окраине леса Руса указал спутнице на место, где волки задрали одну из своих жертв. Множество кровавых следов указывало на устроенную здесь недавно пирушку. Судя по тому, что на земле не осталось ни единого кусочка, даже шкуры и костей, можно было понять, насколько голодны и многочисленны эти страшные хищники.

Табун перестал продвигаться вперёд и стал понемногу разбредаться. Видимо, здесь были самые сочные и густые травы.

Вокруг всё просматривалось очень ясно и далеко. Хороший обзор несколько успокаивал охотников. Все спешили, неторопливо размяли тела, затем подкрепились кусочками прихваченного с утра мяса и чистой водой. Верховых лошадей при этом не отпускали от себя, придерживая их на коротком поводу, что не мешало им разгрести копытами снег и пощипывать зелень.

Шло время, но животные продолжали спокойно пастись, не вызывая какого-либо волнения.

По-прежнему находясь с трёх сторон от табуна, не отдаляясь от него, изредка сгоняя лошадей к центру, люди внимательно всматривались в окрестности и особенно следили за поведением жеребца, как всегда, неутомонного и чутко охранявшего подзащитных сородичей.

Наступал вечер, всё пока было без перемен, лишь погустевшее серое небо, казалось, опустилось ниже к земле, искажая видимость и превращая прежние чёткие виды в постепенно смазывающуюся, едва различимую тёмную пелену.

Беспокойство охотников нарастало. Приближалось время возвращения в крепость.

Без участия людей табун, ведомый своим вожак, повернул в обратную сторону. Его большая часть размеренным шагом двинулась в путь, и лишь несколько лошадей, поотстав, продолжали пастись, но вскоре и они лёгкой трусцой догнали остальных.

Приближающийся по правую руку лес уже не казался приветливым и знакомым, как это было утром. Сплошной чёрной массой подступив к долине, сейчас он был подобен громадному существу, настороженно остановившемуся перед броском, зорко следящему за каждым движением людей и животных, готовому поглотить их, чтобы насытить своё необъятное чрево.

Далай и Руса, почувствовав исходящую от чащобы угрозу, с пониманием переглянулись и, стиснув удобнее в руках приготовленные луки, крепче сжали ногами конские бока, отчего те, почуяв напряжение, слегка ускорили шаг.

Поравнявшись с первыми деревьями, Руса приподнялся и оглянулся. Бурчэ и Дуару находились не遠деке, следуя за табу-

ном, но, видимо, как понял Руса, они, так же как и он, уловив некую опасность со стороны леса, приблизились к этому краю.

Волчья стая появилась внезапно.

Прежде чем они увидели её, вырвавшуюся из леса вереницей быстрых теней, этих хищников учуяли лошади и мгновенно метнулись в сторону.

Сильно ударив пятками в бока коня, Руса помчался на стаю.

То, что он увидел, подлетев к месту, где только что находился табун, поразило его. Жеребец, окружённый несколькими хищниками, вздыбясь, бросался на них копытами, вздувая при этом верхнюю губу и обнажая огромные зубы. Волки, видимо, ослабевшие от голода, не все успевали уворачиваться от сокрушающей мощи могучего животного. Попадая под огромные копыта, получая тяжёлые увечья, они не имели сил передвигаться, и жеребец захватывал их за загривки сильными зубами и отбрасывал в стороны.

На полном скаку выпустив несколько стрел и сразив пару волков, тех, что крепко вцепились в круп предводителя табуна, Руса, поравнявшись с конём, решил во что бы то ни стало спасти его: закружившись вокруг, прикрывая собой, стал оттеснять его в сторону табуна.

Далайя промчалась вблизи от них. Она старалась быстрее перезаряжать лук, чтобы успеть отстрелить как можно больше хищников. Описав полукруг, развернула послушного коня и, выхватив меч, тут же разрубила наскочившего сбоку зверя, вмиг рухнувшего в грязный снег окровавленной лохматой глыбой.

Большая часть хищников, рассыпавшись веером, во главе с вожаком устремилась в сторону табуна, туда, где, пытаясь перекрыть хищникам путь, уже находился сотник с подоспевшими к нему воинами.

Стая оказалась огромной.

Отступив от спасённого жеребца, поджимая хвосты и оглядываясь на Русу и Далайю, всё сильнее ускоряя бег, отставшие волки направились за остальными.

Разгорячённый жеребец, учащённо раздувая влажные ноздри и выпуская клубы жаркого пара, судорожно дышал и нерв-

но перебирал ногами. Высоко подняв голову и наострив уши, он зорко вглядывался в удаляющихся врагов. Он отдыхал перед новой схваткой. Тёмно-красные слюни свисали с подрагивающих губ, а задние ноги, сплошь покрытые рваными ранами, от крупа до грязных копыт лоснились от крови.

Взглянув напоследок на это поистине удивительное создание, которое невозможно было назвать просто животным, Руса двинулся за стаей, куда, ведя во весь опор своего скакуна, уже устремилась Далайя.

Голодное хищное воинство, одурманенное запахом свежей крови, не отступало. Понимая угрозу, исходившую от людей, пытаясь обойти их, оно серой массой обтекало всадников, желая достичь так необходимую для жизни добычу.

Быстро наступавшие сумерки затрудняли видимость охотникам, всё чаще направлявшим свои стрелы мимо цели. Табун удалялся, этим бегством помогая своим защитникам.

Зрелище было странным и жутким. Волчья стая врассыпную преследовала лошадей, а вместе с ней, на полном скаку сражая её стрелами и рубя мечами, летели всадники. Потемневший снег сохранял ещё тусклёкий дневной свет, отражая его и давая возможность при приближении довольно отчётливо видеть животных.

Быстро настигая ослабевших хищников, Руса понимал, что в первую очередь необходимо уничтожить их вожака, поэтому не тратил сил и времени на отставших волков и, лишь замечая по сторонам скачущих саксов, вершащих над ними расправу, во весь опор гнал вперёд разгорячённого скакуна.

Тем временем вожак настигал свою жертву. Он был огромен – значительно превышал размерами своих собратьев.

До предела натянув грозный сакский пластинчатый лук, Руса, слегка приподнявшись на коне, выпустил по хищнику стрелу, тут же зазвеневшую на ветру. Его стрела всегда сражала всё на своём пути и несла с собой только смерть, не оставляя никаких шансов выбранной цели. Но, видимо, судьба в этот раз была благосклонна к зверю.

Казалось, ничто не должно было спасти его от неминуемой гибели. В самый последний миг, когда страшное смертоносное

жало должно было разорвать плоть матёрого хищника и войти в неё, он, словно уловив свою близкую кончину, собрал остатки сил, в могучем прыжке вцепился острыми клыками в круп жертвы, повис на ней и скрылся от глаз охотника.

Распалённый погоней конь Русы наскочил грудью на отяжелевшую от волчьего веса лошадь, и без того перепуганную от звериного запаха и взбешённую от невыносимой боли.

Дальнейшее произошло в одно мгновение. Обречённое животное рванулось в сторону, желая освободиться от причинявшего ему неимоверные страдания врага, и, высоко задрав задние ноги, со всей мощью лягнуло ими вверх, попав копытами прямо в голову коня Русы. Тот не успел отстраниться от страшного удара, подался было назад, заскользив копытами, и завалился на левый бок, едва не подмяв под себя хозяина. Оказавшись на мокром грязном снегу и провалившись в него, жеребец пытался быстрее вскочить. Острая боль в ноге, оставшейся под ним, мгновенно пронзила всё тело Русы.

Вскоре верное животное всё-таки сумело подняться, освободив ногу Русы.

Быстро встав, Руса, сжимая в левой руке лук, правой потянулся за спину к колчану, но, к своему удивлению, обнаружил, что стрел в нём больше не было. Отбросив лук, он мгновенно выхватил меч и огляделся по сторонам.

Обе лошади удалялись вслед за табуном, оставив его одного.

Ближе к земле видимость заметно ухудшилась, отчего ему было очень трудно разобраться в серо-чёрном окружении. Ещё не заметив глазами того, кого уже почувствовал и уловил всем своим нутром, Руса порывисто развернулся – и от вновь пронзившей боли присел на подкосившейся ноге.

В нескольких шагах от него, сливаясь с грязными тонами снежного месива, огромным лохматым бугром, широко расставив передние лапы, тяжело дыша и высунув длинный язык, стоял вожак волчьей стаи. За всё это время он отдал борьбе слишком много сил и только теперь переводил дыхание, злобно наблюдая за человеком.

Оба существа, уставшие, но непримиримые, готовились к последней битве.

Во все времена достойные соперники умели ценить силу и храбрость друг друга. Всю свою жизнь проводя в жестоких схватках и однажды, при столкновении меж собой, почувствовав приближение смертельного исхода для одного из них, они не спешили начать единоборство и долго выжидали, не трогаясь с мест, пока один из них не проявлял нетерпения.

Вот и сейчас каждый из обоих противников, ощущая мощь другого и улавливая обречённость этой встречи, пытался насладиться последними мгновениями жизни, будто осознавал, что всё завершится очень быстро, в один бросок, в один сокрушительный удар, как это бывает лишь между сильными соперниками, умеющими не причинять лишней боли.

Русе, ограниченному в движениях из-за сломанной ноги, оставалось только ждать действий врага. Крепко сжав обеими руками выставленный перед собой длинный меч и не сводя с него глаз, он стоял на левом колене, вытянув чуть в сторону здоровую ногу, чтобы не потерять равновесия.

Первым проявил нетерпение волк. Медленно двинулся глубоко, низко опустив большую голову и нервно оскалил клыкастую пасть, и стал заходить со стороны изувеченной ноги.

Для Русы такое поведение зверя становилось очень опасным. Продолжая следить за ним, он попытался переставить правую ногу вперёд, одновременно подскочив на левом колене, дабы находиться лицом к волку, и в этот момент хищник присел ещё ниже, сделал несколько стремительных шагов и бросился на него всей своей мощью.

Мгновенно оценив своё положение, Руса подобрал правую ногу и упал на левый бок, выставив вверх острый клинок. Зверь, целившийся ему прямо в горло, не имея возможности изменить направление броска, всем весом налетел на отточенный меч, вошедший в его сердце ледяным шипом.

Вмиг обмякшая и оттого ставшая ещё тяжелее туша волка рухнула на Русу, придавив его к земле.

Страшная боль пронзила неудобно подвёрнутую ногу, оставшуюся под весом обоих тел, и в одно мгновение заволокла его сознание, вспыхнув в нём и тут же погаснув, исчезнув в

полном бесчувствии, растворившем в себе нестерпимые муки и забравшем его в спасительную бездну обморока.

* * *

Истребив, как им казалось, всю волчью стаю, уже в густых сумерках Далайя с воинами после долгих поисков с трудом нашла в темноте почти безжизненное тело Русы. От неминуемого замерзания его спас сражённый им зверь, распластавшийся на нём огромной лохматой тушей и согревающий остатками своего тепла и пролившейся на грудь победителя жаркой густой кровью.

Три дня Руса был в жару, то приходя ненадолго в сознание, то вновь погружаясь в небытие. Всё это время, тревожное для всех обитателей крепости, Далайя, не смыкая глаз, находилась при нём.

Туто перетянутая овечьей шкурой изувеченная нога Русы была крепко привязана к лежанке.

На четвёртый день поутру, когда женщина дремала, сидя на мягкой шкуре и прислонившись к стене, в помещение, откинув полог, осторожно вошёл сотник Даг. Легко пробудившись, Далайя увидела, что он, стараясь быть как можно тише, опустил с плеча на пол огромную волчью шкуру, искусно выделанную и по праву принесённую в дар Русе.

Сотник внимательно посмотрел на лежащего и молча присел у тлеющего костра. Далайя также бесшумно приблизилась, опустила и расправила шкуру на полу. Густая шерсть жёсткими ворсинками напоминала покров кабана, но тёмно-дымчатая шкура этого могучего вожака была весьма внушительных размеров, по всей длине её посередине, от головы до хвоста, тянулась серебристо-седая полоса. Даже будучи бестелесной, она пробуждала трепет перед его бывшим носителем.

Услышав шорох со стороны лежанки, они оглянулись.

Руса, размокнув веки и слегка повернув к ним голову, спокойно смотрел на Далайю. Не скрывая радости, она быстро поднялась, подошла к его изголовью, склонилась над ним, внимательно взгляделась ему в глаза, затем осмотрела всё его лицо. Оставшись довольной увиденным, она кивнула и присела рядом с ним.

Сотник тоже приблизился к лежанке, взглянул на Русу с одобрением, сочувственно тронул его за плечо и быстрым шагом удалился, аккуратно обойдя принесённый подарок.

* * *

Близились весна. Воздух наполнялся теплом, свежестью и ароматами пробуждавшейся природы.

Изрядно подросшие за зиму щенки не давали прохода слегка похрамывающему Русе, но завидев Зелу и Мире, которые всегда кормили их, тут же бросились к ним, обгоняя друг друга.

Пока ещё не имея достаточных сил для уверенного владения своими крупными телами, они бежали, забавно вскидывая тяжёлые лапы, и, не умея вовремя останавливаться, с разбега ударялись в ноги кормилицам, усердно виляя куцыми хвостами.

Руса присел у стены на покрытое шкурами бревно, потрещал по холкам степенно подошедших взрослых собак и с наслаждением потянулся, щурясь от яркого солнца и вдыхая чистый воздух.

Двор был чист. Оттаивающий снег быстро исчезал в мелких прозрачных ручьях, тихо журчащих в щелях меж камней.

У раскрытых настежь ворот находились молодые саки и Рушти. Только сейчас Руса заметил, как возмужал и окреп этот неуклюжий с виду юноша, казалось бы, лишь вчера выглядевший таким несчастным и обездоленным. Внимательнее всмотревшись в остальных, он заметил перемены и в их обликах.

Молодые воины Габу и Дуару не были теми растерянными юнцами, что не знали, как поступить с волей, дарованной Далайей после сражения с сородичами, преследовавшими их отряд. Теперь это были сильные телом и духом воины. Каждый из них пережил за столь короткий срок множество превратностей судьбы и только приумножил твёрдость характера и уверенность в себе.

Руса в последнее время стал замечать знаки их внимания к девушкам, которые скрывали свой ответный интерес к ним и будто вовсе не замечали ничего. Но взрослому человеку было достаточно одного взгляда, чтобы понять их взаимную симпа-

тию. В их поведении было что-то по-детски наивное, чистое, возвышенное, трепетно затрагивающее какие-то смутные, но приятные воспоминания из далёкой юности.

«Видимо, всё повторяется, но уже в судьбах других, идущих следом за нами молодых людей», – подумалось Русе.

Он понимал, что в этой новой, зарождающейся здесь жизни всё обстояло иначе, нежели было прежде. То, что бывшие противники живут под одной крышей, разделяя пищу, заботясь друг о друге, давно стало обычным явлением, не нуждающимся в каких-либо объяснениях и воспринятым всеми обитателями крепости как нечто естественное.

«Ко всему хорошему человек привыкает быстро. Даже мне теперь уже кажется, что все мы жили здесь всегда, а прошлое каждого – это лишь сон, интересный, порой страшный, но сон, и мы наконец пробудились, чтобы не пропустить мимо себя новую, настоящую жизнь», – продолжал размышлять пригревшийся на солнышке Руса, поглядывая на лежащих рядом псов, и вновь зажмурил от наслаждения глаза.

Впервые за долгое время он ощущал покой. В голове была удивительная ясность. Прерванные были мысли вновь потекли спокойно: «Не знаю, правильно ли всё то, что мы совершаем сейчас? Будь среди нас хоть один старейшина, одобрил бы он это? Трудно самому разобраться... Но, может быть, не зря здесь по воле небес оказались только те, кто есть, и нет других, кто всегда направлял нас по жизни? Может, поэтому и начинается нечто новое, свободное от устоев, поддерживаемых в наших народах сотнями лет?.. Иначе для чего свела нас судьба, для чего мы все вместе переживаем столько бед и радостей, тревожимся друг за друга, оберегаем всё, что есть у нас общего ценою своих жизней? Наверное, так должно быть, и нет нужды стараться изменить то, от чего всем хорошо. Может, только теперь мы все чувствуем себя понятыми, думаем и поступаем так, как всегда желали лишь в мечтах, не веря никогда прежде в сбыточность их?.. Хотел ли я когда-либо иметь свой выбор? Да. Всегда. И всегда боялся, что такое время наступит, и я вдруг останусь один. Но теперь, получив его впервые, искренне ли я

желаю того, что происходит со мной сейчас? Да. Очень. Другого ничего мне уже не нужно. Я принял этот дар, и никому никогда не дам его отнять».

* * *

Далайя воспринимала новую жизнь с тревогой, и её не покидало чувство недолговременности происходящего.

Поначалу она вспоминала о прошлом часто, порой ночами напролёт, страдая от бессонницы. Теперь же в её душе не было больше сильной тоски по родным степям, но от этого ей почему-то было стыдно, будто она предавала всех, кто был прежде ей дорог. Сознание подсказывало ей, что нет в такой перемене чувств ни её, ни чьей вины вообще, но душа не находила успокоения, делая её должницей совести.

Она всё время находилась в поиске чего-то более убедительного, очень весомого, так не достающего ей для твёрдого уверования в чистоту своих поступков и помыслов. И в уходящую зиму она всё же обрела то, в чём так сильно нуждалась.

Случилось это в одну из тех тревожных ночей, что она ухаживала за Русой после страшной охоты на волков. Тогда впервые за всё время пребывания здесь она поняла, насколько была слепа к находящимся рядом с ней людям. Ей лишь казалось, что она их слышит, видит и понимает, но это было не так. С неё только теперь слетела пелена, искажавшая истинный мир, окружавший её уже столько времени. Мир, к которому она была почти безразлична и холодна. И главным в нём были, конечно же, люди.

Ей становилось не по себе от мысли, что они все эти долгие месяцы искренне заботились о ней, в то время как она всего лишь считалась с их существованием и воспринимала их отношение к себе как нечто должное и естественное.

От осознанного теперь в её душе больше не осталось даже крупницы терзавших её сомнений. Отныне не нужно было томить себя бесполезными думами. Пришла пора жить полноценно и поступать так, чтобы впредь не посещало чувство вины перед окружающими её людьми.

Весна была в самом разгаре. Дни стали жаркими и продолжительными. И без того всегда прекрасная природа удивительно преображалась, не оставляя никого равнодушным к своим переменам.

Обновлялся окружающий мир, наполняя человеческую душу новизной чувств и ощущений. Люди были полны творческих сил и желания одарять друг друга приятными словами и деяниями, жаждали раскрытий таинств жизни и, как никогда, стремились к откровениям.

Всё становилось другим по сути, но в то же время выглядело внешне неизменным.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Чёрная волчица, выбранная вожаком стаи из трёх соперниц, ещё долго бродила в одиночестве после страшного столкновения с людьми, пытаясь обнаружить хотя бы след своего верного спутника. Но все её усилия были тщетны, и надежды на встречу с ним с каждым днём неумолимо таяли.

Силы, не восполняемые нормальной пищей, очень быстро иссякали, заставляя её подолгу отдыхать после непродолжительных перемещений по глубокому снегу. Её тело грузнело, и ходить становилось всё тяжелее. Редкая в этих местах падаль теперь была её единственным источником питания.

Но однажды ей несказанно повезло. Как-то уставшая до изнеможения волчица, уже прекратившая поиски вожака, выбралась из тесноватого, но уютного и столь нужного ей теперь логова, скрытого недалеко от водопада в зарослях кустарника, и увидела, что прямо у входа в её укрытие, подмяв под себя хрупкие ветки, запрокинув окровавленную голову с высунутым длинным языком, бело-серой пушистой массой лежит сорвавшийся с почти отвесной скалы архар. Его очень большие винтообразные рога, наполовину ушедшие в снег, свидетельствовали о его весьма почтенном возрасте, что наверняка и стало причиной смерти. Для обессиленной самки, к тому же готовящейся стать матерью, это была огромная удача, перевесившая чашу жизни в самый трудный момент её судьбы.

В один из весенних дней Руса предложил Далайе навестить тайник. После недолгих сборов они направились к водопаду уже известной им обоим дорогой.

Пережив довольно долгое добровольное заточение в крепости, они с наслаждением совершали этот путь, обнаруживая знакомые приметы среди буйной растительности, радуясь их неизменности и относясь к ним как к старым друзьям.

Прежде казавшийся женщине чудовищным и опасным, теперь водопад воспринимался ею словно давний умудрённый приятель, древний старец, терпеливо ожидавший их долгие дни. Ещё на значительном отдалении он встречал их своим громогласным величием, приветливо искрясь огромным количеством сияющих солнечных лучей в нитях потоков, радуя глаз, ослепляя мерцаниями подвижной россыпи ярких осколков светила.

Наводить переправу из бревна не стали, лишь удостоверились в его наличии в потаённом месте. Руса, вплавь одолев преграду, скрылся за ниспадающим потоком, оставив ненадолго свою спутницу в ожидании. Вскоре он уже выбирался из ледяной воды, насквозь промокший, но взбодрённый купанием.

Всё было в порядке, груз находился на месте в неизменном состоянии.

Время близилось к полудню. Было жарко. Яркое солнце щедро нагревало землю, словно понимая, что всё живое истосковалось по теплу.

Полулёжа у самого валуна, с удовольствием вкушая нехитрую снедь, предложенную Далайей, Руса наслаждался почти летним днём, приятно ощущая на себе подсыхающую одежду.

Женщина же, как и раньше, зачерпнув ладонями студёную воду, с упоением прижимала её к лицу. Крутом царила благодать.

Людям было совершенно неизвестно, что за ними с самого прихода их сюда из кустов на противоположном берегу водоёма внимательно следит пара глаз.

Они и не подозревали о том, что своим появлением нарушили чей-то покой, что одним лишь своим запахом наво-

дили ужас на скрывающееся животное, которое не могло ни напасть, ни уйти подальше от ненавистного врага.

Четверо волчат, почуяв тревогу матери, бесшумно сидели в логове.

Чёрная волчица, готовая ценою своей жизни спасти от кого угодно потомков славного вожака стаи, нервно, но неподвижно сидела в кустах. Она улавливала каждое движение людей, вбирая в себя и запоминая их запах, отчётливо исходящий от женщины и почему-то отсутствующий у мужчины. Но по мере высыхания его одежды, она унюхала до боли знакомый запах, исходящий и от него. Это был запах её погибшего спутника, отца её детей, могучего вожака стаи.

Слегка приподнявшись на передние лапы, волчица оглянулась назад. У логова всё было тихо. Поведя ноздрями в разные стороны, принюхиваясь к каждому порыву воздуха и вновь уловив родной запах, она на мгновение поверила в то, что он жив и находится где-то рядом. Она ждала, что он бесшумно подойдёт и нежно ткнётся ей в шею, как это было всегда. Но чуда не произошло, и даже его запах становился всё слабее, словно он передумал приближаться.

Люди удалялись, поднимаясь выше по склону.

Проследив весь их путь, уставшая, но окрылённая страстью мести, волчица к ночи вернулась в логово.

* * *

В первые летние дни шёл мелкий дождь, нагнетающий скуку и уныние. Потускневшие от мороси краски уходящей весны действовали на всех отнюдь не ободряюще. Несколько облачных хмурых дней повлияли на настроение людей, проявившись угрюмостью на их лицах и скупостью в общении. Неприятная сырость не располагала к возвышенным размышлениям и желанной активности, как это обычно бывает в преддверии долгожданного лета. И лишь вечерние посиделки под навесом у костров, где велись тихие беседы молодых саков о своеобразии здешней весенней поры, как прежде, согревали людские души приятными воспоминаниями о недавних ясных днях.

Далайя в задумчивости сидела у костра, вытянув ладони, словно пыталась нащупать пальцами исходящее от него тепло. Руса и сотник Даг также молчаливо взирали на всполохи огня, полулёжа на мягких шкурах.

Заметно подросшие щенята, вдоволь нарезвившись за день, почти бесшумно отдыхали, сгрудившись возле своих родителей на их излюбленном месте у колодца. Это были единственные существа, кого не омрачало ненастье.

Всегда увлечённые друг другом и занятые игривым соперничеством, они постоянно были бодры и подвижны, но с каждым днём, вырастая, всё больше разбираясь в премудростях жизни, они уже стали чутко улавливать перемены в поведении своих хозяев.

Словно почуяв неладное в состоянии женщины, от дружной собачьей семьи отделился один из щенков, самый крупный и самый заметный рыжий самец. Повиливая куцым хвостом и мягко ступая по шкурам толстыми лапами, рыжий прошёл между возлежащими мужчинами, приблизился к Далайе и, чуть помедлив, присел рядом с ней, не нарушая её покоя.

Далайя прервала размеренный ход своих размышлений, почувствовав возле себя присутствие собаки, взглянула на щенка и протянула к нему руку. Словно ожидая её внимания, он лизнул горячим шершавым языком её пальцы, по-своему выказывая взаимность.

Это был забавный щенок, отличавшийся от своих собратьев не только огненным окрасом шерсти, но и завидной мощью и сообразительностью. Даже в играх, сколько наблюдала за ним Далайя, он старался экономно тратить силы, словно выверяя каждое своё движение, причём делал это не от ленивости или слабости, а больше из смекалки и серьёзности, будто уже сейчас готовился к большой и насыщенной жизни. Удивительным было то, что издали таким поведением он напоминал больше родителя, нежели ровесника своих братьев.

Погладив его по голове, потрепав по сильной шее, Далайя заглянула ему в глаза. Они были полны доверия и преданности, и ещё что-то, напоминающее мудрое человеческое сострадание, таилось в их глубине, проникая в самую душу,

невольно вызывая искреннее, беспредельное уважение к нему, как к самому близкому существу на земле.

Это было странное ощущение.

Отведя от него взгляд, пытаюсь удержать внезапно возникшую догадку и понять то, что вдруг оно, это ощущение, ей напомнило, Далайя внутренне напряглась.

– Этого не может быть! – от осенившей её мысли шёпотом произнесла она, вновь, но уже иначе, взглянув в глаза щенку.

То, что промелькнуло у неё в голове, казалось ей вздором, глупостью и вообще запредельным и чуждым для здорового рассудка. Но, к её изумлению, взгляд рыжего был неизменен. Он смотрел ей в глаза как прежде, будто убеждая её в правильности догадки.

Далайя была поражена.

Медленно поднявшись на ноги, прижав к губам ладонь, не обращая внимания на удивлённые мужские взоры, она направилась к себе и лишь там, опустившись на колени перед огнём, тихо произнесла:

– Томирис...

* * *

Наутро Руса и сотник Даг, пробуждавшиеся всегда раньше других, узнали от Рушти, стоявшего на охране ворот, что Далайя ещё до рассвета в полном вооружении выехала из крепости.

* * *

Неверно рассудив поступок женщины, Руса, заверив Дага в том, что знает направление, в котором она отбыла, и место, где она пребывает, уверенно двинулся к водопаду, по пути стараясь понять причину столь внезапного её отъезда.

Временами его посещала мысль о недоверии Далайи к нему, и тогда он с горечью думал: «Неужели она во мне сомневается? Выходит, да. Иначе как объяснить такое её поведение, ведь до сих пор мы вместе бывали там? Что произошло?»

Затем, успокаиваясь, он убеждал себя в том, что она попросту не стала его тревожить из-за его больной ноги. Но что-то внутри подсказывало ему, что причина заключена не в этом, и

тогда он вновь начинал закипать от такого несправедливого отношения к нему: «Ничего, скоро всё прояснится. Во всём разбермся. Недолго осталось».

Как бы быстро он ни добирался до водопада, но всё же при-
был туда к полудню.

Ещё на месте, где всегда оставляли лошадей, он сильно насторожился, не увидев коня Далайи. Следов недавнего пребывания кого-либо здесь он также не обнаружил, хотя был первый ясный день, и они должны были отчётливо отпечататься на подсыхающем грунте.

Напряжение возросло, когда, спустившись к водопаду, он также не обнаружил там ни единого следа, ни человеческого, ни даже животного.

Не теряя больше времени, Руса бегом поднялся по крутому склону к скауну, взлетел на него и, не давая ему отдыха по дороге, как можно скорее примчался в крепость. Сотник был поражён его известием об отсутствии Далайи в том месте, где Руса рассчитывал её найти. Ни о самом тайнике, ни о его местонахождении Руса, как и было условлено с Далайей, не обмолвился ни словом.

Лишь теперь Дагу стало понятно, куда направилась женщина. Он тут же бросился собираться в дорогу, но остановивший его горец, исключая напрочь все его возражения и примерно понявший её маршрут, попросил объяснить ему дальнейший путь, ведущий от местечка, где произошло его пленение.

Сотник назвал поселение, к которому, возможно, она направилась. В свою очередь, и он не назвал причин, побудивших Далайю к спешному отъезду.

Понимая отношения между ней и горцем, зная, что должен остаться здесь, так как просто не имеет права покинуть остальных, он протянул Русе свой колчан, туго наполненный стрелами. Взять всё остальное, нужное в пути, не составило большого труда и не заняло много времени.

* * *

Задолго до полудня Далайя покинула ущелье. Оно, оставшись позади своими стеснёнными скалистыми стенами, выпу-

стило её на обширное плоскогорье с дальними горизонтами. Холодный и плотный воздух межгорья сменился жарким и свежим ветром просторов. После мрачных и путающих каменных нагромождений яркое солнце радовало глаз, проникая мягким теплом в душу, наполняя её спокойствием и свободой.

Только теперь, проскочив на одном дыхании этот мрачный участок пути, она позволила себе спешиться, размять затёкшие ноги, пройти и продумать до мелочей предстоящую дорогу.

До места битвы с сородичами, где покоятся её доблестные воины во главе со славным вождём, Далайя решила дойти за три дня. Затем за такой же срок ей следовало добраться и до урочища, где произошло сражение с персами. Дальше оставалось три-четыре дня до места, где находились дети.

При воспоминании о великом воине и вожде, могучем и храбром, и без того растревоженное сердце наполнилось болью и горечью. Дантал... Только теперь она смогла назвать его имя даже себе.

Вновь оседлав коня, Далайя продолжила путь.

«Мне придётся продвигаться только ночами, а в дневное время больше отдыхать самой и давать передых коню», – мысленно рассуждала она.

В тех местах, где прежде угадывались стоянки селений, многое уже изменилось, отчего она порой с трудом обнаруживала их истинное расположение, дабы не сбиться с дороги. Её цепкая, присущая сакам память, запечатлевшая нужные приметы во время прошлогоднего прихода в эти края, не изменяла ей. Но перемены, произошедшие за это время, заставляли её подолгу петлять, разгребать нанесённый ветром слой песка, чтобы найти под ним следы жилищ.

Возле одного из них, заметив пробивавшийся сквозь камни родничок, Далайя остановилась на ночлег, любуясь плавным закатом светила. Не разводя костра, она привязала на длинную верёвку коня, укуталась в тёплую козью накидку и тут же уснула, едва успев настроить себя на отдых.

Пробудилась Далайя ближе к полуночи, ощущая приятную свежесть ночи и чувствуя себя отдохнувшей. Недолго понежившись под тёплой накидкой, женщина поднялась.

Ночь была светлой.

Отвязав от ноги верёвку, она выбирала её руками и намазывала на локоть, пока не приблизилась к коню. Короткая тень, волнисто перекатываясь по песку, скользила у её ног, напоминая бегущую рядом собаку. При этом невольном сравнении она сразу вспомнила рыжего щенка, его своеобразные повадки и особенно его удивительный взгляд.

Вновь ощутив прилив сил, она напоила коня чистой холодной родниковой водой, сложила накидку и, оглядевшись вокруг, продолжила путь, изредка поглядывая на звёзды, чтобы свериться с их расположением.

Через два с половиной дня, к полуночи, быстро продвигаясь ночами, днями же отдыхая в тени нечасто встречавшихся курганов, Далайя прибыла к первому памяtnому месту.

Ещё издали различив отчётливые контуры знакомых холмов, она ощутила неимоверное волнение, словно сейчас произойдёт её встреча с седым вождем Данталом и его отрядом. Далайя остановила коня, пытаясь успокоиться и не решаясь приблизиться к святому для неё месту. Здесь всё было родным и в то же время уже чужим.

От гнетущей тишины и пустоты вокруг ей впервые стало страшно. Сама того не заметив, она направила коня прямо к этим холмам и у подножья ближнего спешила.

Лошадь тоже почуяла знакомые места и, ощутив свободу, отошла в сторону и стала пастись, насыщаясь долгожданным сочным травостоем.

Присев и коснувшись ладонями земли, Далайя тут же почувствовала душевное облегчение, будто все её страхи кем-то другим, но очень близким и всесильным были вмиг подавлены. Она поняла, что верный друг Дантал продолжал оберегать её с небес.

Уставшая от постоянного неимоверного напряжения в эти дни и ночи, измождённая дорогой, она крепко заснула, прижавшись щекой к тёплой земле, вскинув руки вверх по холму, словно ей довелось обнять пришедшего во сне седого воина.

По её щеке в проглянувшую травную молодь долго стекали крупные капли слёз.

* * *

Ей что-то снилось, мелькали какие-то события и люди, и всё это было очень хорошим и наполняло её душу радостью, заставляя её улыбаться и плакать от счастья. Кто именно ей снился, она не могла уловить, но чувствовала и была абсолютно уверена в том, что это были только родные ей люди, и именно поэтому мир вокруг неё был наполнен теплом и нежностью.

Вот кто-то бережно коснулся её лица. Не понимая, что это происходит наяву, женщина, сонно проведя рукой по щеке, обернулась в другую сторону, продолжая улыбаться. Вновь чья-то рука дотронулась до неё. Разомкнув слегка припухшие от слёз веки, она увидела склонившийся над ней силуэт человека. Ещё окончательно не проснувшись, но в глубине сознания уже ясно ощутив, что этот человек не видение, она вдруг быстро пробудилась и присела, упираясь руками позади спины.

Вокруг по-прежнему царила ночь. Не имея возможности рассмотреть этого человека, Далайя всё же почувствовала его и поняла, кто это. Ей не верилось в то, что случилось. Мотнув головой, словно отгоняя наваждение, она поднялась.

Руса молча стоял перед ней, пристально вглядываясь в её лицо.

Теперь она отчётливо видела его глаза, искрящиеся радостью. Сделав шаг к нему, она скинула с головы шлем и тихо прижалась к его груди, улавливая каждое биение его сердца.

Бережно обняв её, Руса с наслаждением вобрал в себя запах её волос, отдающий травой и пылью, и в этот миг ему казалось, что он всю жизнь знал его именно таким, самым родным, самым желанным.

Они ещё долго стояли у подножья холма, где покоилось тело человека, чья душа сияла над ними одной из ярких звёзд, словно благословляя их на большую и счастливую жизнь.

* * *

За тем самым валуном, где когда-то всем караваном коротали вечера и отдыхали у костра ночами, откуда в вечность ушли Дантал с отрядом, где впервые она заговорила с пленённым гор-

цем, спасшим ей жизнь в бою, и где они долго смеялись из-за пустяка, в эту долгую ночь она впервые в жизни познала близость с мужчиной.

Их ласки и прикосновения друг к другу были столь трепетными, что больше напоминали отношения между мастером и его очень хрупким и единственным творением.

Её сдержанность исходила от незнания, от новизны чувств и ощущений, от боязни вспугнуть происходящее, к которому где-то в подсознании она готовилась всегда, зная, что оно однажды обязательно должно было случиться с ней.

Только теперь она по-настоящему поняла, что круг всех её желаний – и человеческих, и женских – замкнулся. Заполнилась та маленькая пустота в её душе, что всегда оставалась в ней отеснённой иными заботами и переживаниями. Насытилась та частичка в её сердце, что прежде изредка давала знать о себе слабым ноющим призывным отголоском, но с годами словно разрасталась и беспокоила её всё чаще, сильнее и острее.

Руся же, довольно рано познавший вкус битв и побед, как и многие воины, поощряемый не только златом и серебром, но и женщинами, всегда брал их тела, не задумываясь об их душах. Так поступали все его собратья по оружию, переноса азарт и пыл едва затихшей битвы в жар продолжительных победных гульбищ, где женщины сменялись крепкими напитками, и трудно было разобрать, что из них приятнее и слаще.

Сегодня всё было иначе.

Ещё в пути, следуя за Далайей, он впервые ощутил страх от мысли, что её может не стать, что кто-то в этот самый миг причиняет ей боль и может отнять жизнь. От этих мыслей он скрежетал зубами и с дикой яростью на полном скаку не раз метал тяжёлое копьё в мнимого врага, являя собой довольно странное зрелище, и тогда для всего живого от него исходила угроза.

Поблескивая потными обнажёнными телами в тусклом предутреннем свечении последних звёзд, взявшись за руки, они направились к ручью, студёная вода которого показалась им едва ли не горячее. Получив огромное удовольствие от обоюдного созерцания и от того, что обадали друг друга чистой водой,

они, нежно соприкасаясь руками, вернулись на ложе, обнялись и безмятежно уснули, проспав до самого яркого полуденного солнца.

Ночь, поистине удивительная, открыла каждому из них очень много нового и доселе неизведанного в себе и целый мир для обоих.

* * *

До урочища, где был пленён Руса, они добрались к концу третьего дня пути. Ещё издали завидев лёгкий дымок, струящийся из зарослей, путники затаились у ближайшего холма.

Оставив Далайю с лошадьми в сгустившихся сумерках, Руса, хорошо помнивший окрестности, скрылся среди деревьев. Прислушиваясь к звукам, внимательно оглядываясь вокруг, он шаг за шагом продвигался в чащу, бесшумно ступая и таясь среди зарослей. Так он приблизился с подветренной стороны к поляне, где у разожжённого костра находились люди. На вертеле над огнём шипела от подгорающего жира баранья туша.

Всего их было девять человек. Судя по тому, что охрана не была выставлена, Руса понял, что они не опасаются чьего-либо нападения и ведут себя если и не безответственно, то, во всяком случае, весьма уверенно. Воинами они явно не были и внешне более походили на разбойников, которых в округе развелось огромное множество.

Основным их ремеслом был грабёж караванов, проходящих по этой земле из Персии далеко на восток и обратно с невиданными в этих краях товарами: диковинными тканями, скользкими и холодными на ощупь, разноцветными порошками со странным запахом и вкусом, называемыми пряностями, и разрисованной хрупкой посудой, не особо пригодной для применения по назначению. Такие грузы не нравились местным грабителям в силу непонимания их истинной ценности. Подобные товары, не имевшие для них никакого прока, всегда охранялись сильными отрядами сопровождения, и цена каждого набега становилась очень высокой из-за гибели многих собратьев, поэтому разбойники со зла вырезали всех, кто шёл с караваном, не щадя ни купцов, ни простолюдинов-погонщиков, ни женщин.

Предприимчивые вездесущие хорезмийские торгаши обменивали этот товар у разбойников на лошадей, оружие, одежду и пищу. Грабители смеялись над тупостью партнёров по обмену, принимая их за чудаков, не понимающих, что творят. Те же всегда были довольны результатами встреч с грабителями и не пытались разубедить их в своей умственной неполноценности, а потом очень выгодно обменивали всё полученное от них на золото и серебро у купцов-сородичей, чьи караваны с этим же грузом уходили уже на запад. Там всё это изобилие ещё более выгодно сбывалось знатым и богатым людям, понимающим толк в таком товаре и щедро оплачивавшим и названную за него стоимость, и услуги. Эти богачи, в свою очередь, тоже посмеивались над наивностью, жадностью и чаще всего глупостью купцов.

Зная, что именно находится в караванах, идущих теперь из Хорезма в Персию и дальше, разбойники с хохотом провожали их взглядами, не понимая, что можно было взять в обмен за такой бестолковый груз, и будучи абсолютно уверенными, что люди на западе ещё глупее этих торгашей и купцов. Разбойники, нужные и очень выгодные для правителя всё богатееущего Хорезма, куда по бесценку стекался весь награбленный товар, вели себя довольно нагло и чувствовали себя весьма уверенно, ощущая его покровительство.

Руса догадался, что именно такая группа грабителей отдыхала у костра, в ожидании обильной горячей трапезы проводя время в беседах и планируя очередное нападение на приближающийся караван.

Утвердившись в мнении, что за люд находится перед ним, Руса стал высматривать лошадей. Они стояли между деревьями, недалеко от ручья, сбившись в круг, мерно похрапывая и отгоняя надоедливых слепней. Охраны при них не было.

На землю опустилась тёмная ночь, погрузившая всю округу во мрак, и только слабое мерцание костра тускло освещало людей, расположившихся на середине небольшой поляны, не доходя до её окраин, словно не смея заглянуть чуть глубже, в древесную чащу.

* * *

Далайя, готовая в любое мгновение прийти на помощь своему спутнику, пытаясь уловить хоть какой-то звук, напряжённо вслушивалась в ночную тишину, изредка нарушаемую порывами лёгкого ветерка, внезапно пробежавшего среди деревьев. Шурша листвой при каждом дуновении, он заставлял её вздрагивать и сильнее сжимать рукоять меча.

Услышав едва различимый топот конских копыт, она тут же вскочила на свою лошадь, держа на привязи вторую, и завертела головой, стараясь как можно чётче определить, откуда доносится звук. Вскоре она поняла, что лошадей много и что они приближаются с другой стороны холма.

«Неужели появился чей-то конный дозор? Если это так, то, судя по тишине, Руса пока не обнаружен, и кто бы это ни был, нужно отойти с их пути. Наверняка, они объезжают окрестности», – первое, о чём подумала Далайя.

Тут же как можно тише она отъехала в сторону, чуть ниже по склону и подальше от урочища.

Вопреки её ожиданию, невидимые пока всадники не миновали её, а направились прямо на неё. В тот момент, когда она, обнажив меч, уже была готова ринуться к ним навстречу, она услышала голос Русы, словно он вовсе и не отходил от неё, а всё это время находился рядом.

– Далайя, это я, – тихо произнёс он, приблизившись к ней.

Спрыгнув с чужой лошади и сразу забравшись на своего скакуна, без малейшего промедления он тронулся с места.

– Уходим, – услышала она брошенное им в темноте.

Лишь отдалившись от урочища на довольно большое расстояние, они остановили разгорячённых скакунов и пустили их шагом. Следом за ними, сбившись плотной массой, успокаиваясь, доверчиво бежали девять угнанных боевых коней.

* * *

Шли всю ночь. Далайя, вновь приносившаяся к дальним и долгим безостановочным переходам, чувствовала себя бодро. Только лёгкий голод временами напоминал о себе, и тогда она

на ходу делала несколько глотков воды, притупляя нарастающее желание поесть.

Небо посветлело, предвещая утро.

Крутом, насколько хватало зрения, простиралась ровная, как ладонь, долина. Лишь изредка над ней выпячивались невысокие холмы, у подножья которых клочками темнели заросли низкорослых деревьев и густых кустарников. Такое опасное место уставшим путникам следовало пройти как можно быстрее, любая встреча сулила бы им только неприятности.

С первыми лучами солнца Руса остановил коня, спешился, подошёл к утнанным скакунам и стал рассматривать их. Далайя присоединилась к нему.

На вид кони были сакскими, все как на подбор одномастные и почти одногодки, явно отобранные из табунов. По едва уловимым приметам и отличиям в их упряжи Далайя поняла, что они принадлежат племенам хаомаваргов, собратьям массагетов.

Но со слов Русы она знала, что те люди в урочище не были саками, из чего следовало, что этих коней они сумели каким-то образом добыть. По предположению Русы, они были утнаны.

– Если бы они напали на табуны, то утнали бы всех подряд лошадей, и такого подбора коней у них не получилось бы. Да и откуда взялась сакская упряжь? – вполне резонно возражала ему Далайя.

Не найдя ответов на эти вопросы, они в задумчивости направились к ближайшему холму.

Наступившее душное утро предвещало собой жаркий день.

* * *

– С самого раннего детства я была воспитанницей царицы Томирис.

Далайя, зная о близости родной земли и понимая, что с ними в этой дороге может случиться всякое, решила больше не держать благородного спутника в неведении о своём истинном происхождении, о цели всего похода и этого возвращения.

– Своих родителей я совсем не помню. Из всех девочек-сирот, живших в кочевьях, она выбрала только меня. Это была

удивительная женщина. Подобных ей людей не было в сакской степи, и впредь, наверное, никогда уже не будет...

Последние слова она произнесла с такой тоской и болью, что даже у Русы, бывалого вояки, выдавшего много горя и бед, что-то кольнулось в груди, скользнув щемящим отголоском в сердце. Взглянув украдкой на замолчавшую женщину, он ковырнул веточкой в костре, на котором поджаривались небольшие куски мяса.

Он знал из житейского опыта, что днём, если разводить огонь из особых сухих бездымных веток, костёр не будет замечен для чужого глаза даже в относительной близости, и теперь из осторожности поступил именно так, заранее подобрав нужный хворост.

Чуть успокоившись от нахлынувших воспоминаний, Далай продолжила своё повествование. Руса понимал, что это её откровение было проявлением настоящего доверия к нему.

– Я жила при ней, сначала лишь видя и слыша её, затем подрастая и уже чувствуя её всей душой. Даже в самые трудные дни она уделяла мне внимание, всегда находя для меня тёплые слова. Теперь я понимаю, какое нужно иметь горячее и огромное сердце, чтобы таким добром одаривать других, даже когда оно едва бьётся... Да, сейчас я многое понимаю из того, что не было почему-то мне доступно там, рядом с ней. Наверное, это она своей заботой не давала проникнуть в моё сердце всему, что могло раньше времени его потревожить...

Не всем вождям было по душе такое её покровительство над простолюдинами. Именно поэтому, умирая, она отправила втайне от всех наш караван вместе со своими детьми. Иначе и их, и нас постигла бы горькая участь... Всегда преданный царице могучий вождь Дантал вместе с теми воинами, которых ты видел, исполнил свой долг перед ней. Я же, к сожалению, по своей глупости думала, что тоже выполнила её просьбу, вверив детей названным ею людям... Но ведь не нужно было иметь много ума, чтобы понять, что из всего её окружения наиболее близкой для них оставалась только я. Томирис при расставании велела доставить детей к этим людям и дальше ухаживать до определённого ею места, где нас должны были встретить другие пре-

данные ей люди, кому и следовало передать все ценности. Лишь там, на том месте, мы поняли, что никому больше не нужны. Она всего лишь увела нас от возможной беды и вознаградила за преданность... К тому же царица дала мне возможность жить отныне только для себя, не обременяя меня своими детьми...

Я недостойная женщина... Глупая и неблагодарная... Разве можно было не догадаться, не понять её истинного желания? Ведь она мне, как женщине, доверила самое ценное, что было у неё, – детей... Так, как поступила я, случается только с теми чѣрствыми людьми, кто привык к заботе о себе со стороны других, а сам не умеет творить подобное...

Далайя вновь замолчала. Она скорбно взирала на огонь. Из её глаз по пушистым ресницам крупными, тяжѣлыми каплями часто сбегали слѣзы и, сверкая на солнце, скатывались по щекам. Больше она не проронила ни слова и сидела, словно оцепеневшая, уйдя в гнетущие душу раздумья.

Руса всегда чувствовал, что эта женщина не просто подданная сакских правителей, но о том, что она являлась человеком, приближѣнным к великой степной царице Томирис, взявшей верх над самим Киром, он не мог даже предположить. В его голове никогда не возникала такая мысль. Еѣ, казалось бы, незатейливый рассказ поразил его до глубины души.

Далайя не стала говорить ему ни о коннице сакских юношей-сирот, которую она создала втайне от всех по велению самой царицы, ни о себе, возглавившей эту конницу в решающий момент в битве с персами. Сейчас, как понимала Далайя, это потрясло бы Русу ещё сильнее, но она не хотела особо выделять свою прошлую значимость и из-за этого выглядеть нескромной и хвастливой. Но и от того, что довелось услышать, Руса не мог даже пошевелиться, лишь покачивал головой от удивления.

Так они долго сидели в полном молчании, размышляя каждый о своём, пока наконец Руса не протянул ей кусок ароматного горячего мяса и кувшин с ледяной водой.

Словно вернув вспорхнувшую было душу обратно в тело, ненадолго покинутое на земле, Далайя вздрогнула, повернулась к мужчине, лѣгким движением головы откинула иссиня-чѣрные

локоны и взглянула ему в глаза. Затем, по-детски вытирая тыльной стороной руки влагу на щеках, бережно приняла пищу и мягко улыбнулась, извиняясь, что оставила его без внимания.

От её восхитительной красоты, какой-то особенной в этот миг, от удивительной женственности в её движениях и нежности в её улыбке всё нутро Русы наполнилось счастьем. Его душа воспарила до самых небес. Совсем недавно он не поверил бы, что такое может случиться в жизни простого человека, подобного ему. Но удивительное ощущение счастья только что посетило его и оставалось в нём. Он чувствовал его и теперь уже верил в него.

Ему вдруг вспомнились времена тяжёлых походов, когда он не знал, что такое счастье, но изредка слышал о нём из уст удалых вояк, чьи глаза всегда светились по-иному, а поступки были величавы. Он тоже хотел быть таким, как они.

Сейчас ему было очень приятно осознавать, что счастье явилось и к нему, причём в тот самый момент, когда он почти полностью разуверился в его существовании. Согревало душу и то, что через этот дар он теперь отнесён к тому малому числу людей, кого, словно оберег, оно защищает от бед, наделяя удивительными качествами, достойными уважения среди любого народа.

* * *

Отдохнувшие за день путники и их кони двигались в прохладе ночи довольно бодро, но не спеша. Места, незнакомые Русе, были для Далайи почти родными, хотя до её степей было ещё далеко.

Всадники появились внезапно и со всех сторон. Принять бой или скрыться от них уже не представлялось возможным. То, как они бесшумно приблизились, свидетельствовало лишь об одном: это были настоящие воины.

Руса, вертясь на своём коне в плотном кольце напавших, пытался находиться как можно ближе к Далайе. При тусклом звёздном свечении он не мог определить, что за люди окружили их, но он был абсолютно уверен, что это не разбойники.

Его беспокойное поведение не понравилось их предводителю, и вскоре на него, хлётко оцарапав лицо жёсткой щетиной,

были наброшены несколько арканов, мгновенно затянувшихся на шее и туловище. Он был сдёрнут на землю, словно пушинка. От удара головой о камень, оказавшийся в этом месте, у него на миг помутилось сознание.

– Кажется, это наши кони, – послышался чей-то могучий голос.

– Если вы из племён хаомаваргов, то это ваши скакуны.

Руса, очнувшись, услышал спокойный голос Далайи. Он пытался встать на ноги, но его тут же одёргивали за верёвки, и он вновь падал под ноги лошадям, задыхаясь от пыли.

– Кто ты, женщина? – низким, хриплым голосом спросил кто-то из всадников, скорее всего, старший.

– Поднимите моего воина. Мы не враги вам. Не думала я, что саки вот так встречают сородичей, – произнесла Далайя.

Она уже поняла, кому в плен угодили они с Русой, но выхода иного не было, и следовало вести себя уверенно, даже если это может сначала им слегка навредить. Она знала и помнила, что степные люди не уважали трепета и всегда преклонялись перед храбростью. Сейчас важнее всего было умерить их пыл и постараться внушить им доверие, при этом выказывая спокойствие. Похоже, ей это удалось.

С её последним словом к ней приблизился огромного роста воин и с укором в голосе бросил:

– В моей сотне все саки, и мы знаем и чтим обычаи степей. Тебе не следовало так говорить.

Развернувшись на своём могучем коне, он махнул рукой в сторону Русы и уже более миролюбиво добавил:

– Поднимите его и следуйте за мной.

Дальнейший путь был недолгим. Они остановились в урочище, очень схожем с предыдущим.

Русу после команды сотника сразу же освободили и вернули коня, не тронув оружия, что само по себе уже было хорошим признаком.

У одного из разведённых костров Руса и Далайя ненадолго остались наедине. Женщина, не поворачивая головы, успела шепнуть ему, чтобы он не вступал в разговоры, а лишь внима-

тельно слушал и запоминал всё, что она будет говорить предводителю саков.

Тот появился внезапно, отдав распоряжения по охране лагерь, и, как истинный хозяин, уверенно расположился у огня. Упершись огромной ладонью в мясистое колено, другой рукой часто поглаживая густую, в пол-лица бороду, сотник исподлобья внимательно разглядывал то ли пленённых, то ли гостей, чего пока сам не мог определить.

Далайе его молчание было понятно, ведь он теперь должен был помнить сказанное и им самим, и ею о гостеприимстве и, видимо, как она догадывалась, по этой причине в ожидании угощений для них не начинал расспросов. Его безмолвие было удобным для неё, так как она вовсе не собиралась откровенничать с ним до конца.

Кроме того, ей следовало срочно придумать оправдание своему пребыванию в этой части степи, основываясь на факте, что она является сакской женщиной из племени массагетов. При этом ей надлежало быть осторожной, так как их народы прежде не раз решали споры войной.

Решив, как она будет себя вести, Далайя сумела успокоиться и тоже стала рассматривать этого огромного, с устрашающей внешностью сотника. К удивлению женщины, при столь безобразном внешнем виде он отличался умным проницательным взглядом, отчего ей стало не по себе.

Неприятная мысль пронзила жалящим холодком: «Этого человека мне трудно будет обмануть. Он словно знает обо всём наперёд. Неужели для нас всё закончится здесь, в этом месте? Так нелепо. Не успев начаться. Я даже не сумею исправить свою ошибку перед памятью Томирис!»

Последнее обстоятельство было сейчас, как никогда, важным для неё и больше всего томило обидой её душу.

Несколько воинов принесли нехитрую походную пищу: вяленое мясо, лепёшки и холодную родниковую воду. Приступили к еде.

Заметив, что Руса не прикоснулся к пище, Далайя украдкой взглянула на него и чуть было не охнула. Вся правая часть его

лица сильно опухла. Кожа в этом месте стала настолько чёрной, что казалось, будто она покрыта слоем сажи. Поверх неё запеклась густая, вперемешку с землёй кровь. Похоже, как поняла Далайя, рана находится где-то под волосами, так как оттуда продолжала сочиться сукровица.

Приторный горьковато-кислый ком, мгновенно поднысываясь откуда-то изнутри, подступил к самому горлу, перекрывая ей дыхание и заставляя её почти судорожно сглатывать воздух.

Едва сдерживаясь от закипающей злости, стиснув зубы, она, стараясь быть как можно спокойнее, обратилась к сотнику:

– Мой воин получил ранение, и ему нужно помочь. Надеюсь на то, что ты не будешь возражать, если я займусь им, а уже потом отвечу на все твои вопросы?

Сотник опустил глаза. Было понятно, что он недоволен её просьбой и ранение Русы увидел сразу, но он знал, что, отказав, может нарушить святое правило содействия сородичам, которыми вполне могли оказаться эти люди, и кивнул в знак согласия, вопреки своим чувствам.

Промыв чистой водой небольшое рассечение на голове Русы и сумев остановить кровотечение, Далайя уложила его недалеко от костра, укрыв накидкой.

К её удивлению, сотника у огня уже не было. Еда находилась на прежнем месте. Отпив воды и прождав его довольно длительное время, она прилегла здесь же, у костра, и через некоторое время заснула.

* * *

С первыми лучами солнца Далайя проснулась и тут же вспомнила все ночные события. Оглянувшись по сторонам, она увидела воинов, заполнивших всё урочище. Они изредка переговаривались между собой, занимаясь делами.

Русы на месте не оказалось, что очень взволновало её, но размеренное спокойное поведение окружающих людей вселило в неё уверенность, и она поняла, что с ним всё в порядке. И действительно, она застала его у ручья, что струился в небольшой

расщелине среди урочища. Вид у него был гораздо лучше, опухоль спала, лишь синевя кожи свидетельствовала о полученном ночью увечье. Увидев её, он поднялся с колен.

По пояс раздетый, с мокрыми волосами, которые, слегка завиваясь, спадали на плечи, он, утирая мокрые руки о штанины, взглянул на неё и улыбнулся.

Не подходя к нему, а лишь прикрыв глаза, чтобы дать понять, что всё хорошо, Далайя, пройдя ниже по течению ручья, также приступила к утреннему умыванию.

Ночное поведение сотника, не ставшего досаждать её расспросами, тревожило её больше всего. «Его не может не интересоваться, кто мы. Тогда почему он до сих пор не задал ни единого вопроса? Как понимать такое его поведение? Я не знаю его и точно уверена, что мы с ним никогда прежде не встречались. Но ведь это не значит, что он не видел меня и не может знать обо мне, и если это так, то ничего хорошего не следует ожидать ни мне, ни Русе. То давнее поражение их племён от нас не забыто никем. Что же делают они здесь, вдали от своих кочевий? Остаётся ждать и, главное, не совершить ошибки».

У потухшего костра по-прежнему никого не было. Поднявшись и посмотрев по сторонам, она увидела, что войны заняты приёмом пищи. В воздухе стоял запах печёного мяса.

Сделав шаг, она случайно взглянула себе под ноги и с удивлением обнаружила, что чуть не наступила на исходящее паром мясо на деревянном сакском блюде, рядом с которым стоял кувшин со свежей водой.

Тут же присев на корточки, хотя и чувствуя сильный голод, Далайя с интересом стала рассматривать искусно изготовленную, уже постаревшую посуду, очень бережно прикасаясь пальцами к её низким щербатым бокам, потемневшим от времени. Даже аромат мяса не мог перебить кисловатого запаха дерева, столь родного и так давно не осязаемого ею.

Вновь тоска по родным кочевьям и родной земле захлестнула её душу.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, она приподняла голову. Рядом с ней, не мешая её раздумьям, сидел Руса.

Не ведала Далайя о том, что за нею с самого утра издали внимательно наблюдал сотник, этот странный в своём поведении человек.

Свернув лагерь, отряд был готов двинуться в путь. Не зная предстоящего направления и дальнейших планов хаомаваргов, Далайя направила своего коня к стоявшим в ожидании на небольшой возвышенности сотнику и двум воинам. Завидев её, приближённые вожака почтительно отступили в сторону, сдерживая лошадей и умиряя их шаг, но при этом не сводили с неё глаз.

Сотник, мельком скользнув по подъезжающей женщине цепким и колючим взглядом, вновь стал всматриваться прищуренными глазами в долину, словно пытаясь отыскать кого-то.

– Не знаю причин твоего молчания, но хочу поблагодарить тебя за покой и пищу. Захваченные нами кони по праву принадлежат тебе.

Далайя не успела договорить. Вдали, быстро приближаясь, вздымались клубы пыли, и уже отчётливо слышался стук копыт несущихся во весь опор скакунов. Сотник, слегка приподнявшись в седле, подался вперёд, успокаивая коня, похлопывая огромной ладонью по его шее. Его волнение невольно передалось и Далайе.

Двое молодых воинов, с места пустив вскачь лошадей, умчались навстречу всадникам. Из-за поднятой ими пыли невозможно было увидеть, повстречались они с ними или нет.

Уловив чьё-то приближение, она оглянулась. Это был Руса. За его спиной, чуть ниже, влево и вправо от него, бряцая оружием, выстроилась грозная сотня. Давно не видевшая такого количества сакских воинов, Далайя на миг невольно залюбовалась ими.

Вскоре осевшая пыль явила взорам ожидавших пятерых всадников, в том числе и двух встречавших. Когда до них оставалось расстояние полёта стрелы, сотник, сдерживая горячие порывы своего коня, стал медленно спускаться вниз, стараясь не выказывать своего нетерпения и в то же время желая быстрой беседы с прибывшими людьми.

Отряд, направленный на разведку день назад, должен был вернуться ещё прошлым вечером, но его появление затягива-

лось, и это очень беспокоило сотника. Теперь же, увидев своих воинов, он несколько успокоился, однако, не ведая пока о том, какую весть они несут, он вновь стал нервничать, отчего его душа наполнилась тревогой. Самые худшие ожидания, к сожалению сотника, сбылись. В сравнительной близости от этого места его дозорные обнаружили противника.

Два хорезмийских отряда, состоящие из сотни и полусотни наёмников, следовали на небольшом отдалении друг от друга, постоянно меняя направление движения, словно выискивая оставленные кем-то следы.

Больше не мешкая, сотня хаомаваргов двинулась из урочища на юг, выслав во все стороны дозорные отряды.

* * *

Правитель всё богатеющего Хорезма, сатрап властителя всей Персии Ардава, своим молчаливым согласием поощрявший грабёж караванов, чьи пути неминуемо пролегали по его землям, много раз заверял послов владык западных стран, что покончит раз и навсегда с разбойниками, по чьей вине причинялись огромные убытки купцам и в итоге казне царствующих семей, на самом же деле не собираясь исполнять обещанного.

Соседствующие с ним сакские кочевья, прежде наводившие на него ужас, но с некоторых пор ослабленные и персидскими нашествиями, и частыми внутренними войнами между союзами их племён, и постоянными межродовыми распрями, теперь не представляли для него особой угрозы, что также было благоприятно для процветающего Хорезма.

С подачи разжиревшей знати, не желавшей, чтобы их отпрыски служили в его армии, и вносившей взамен службы огромные выкупы, властитель нанял себе на службу огромное воинство, дав богатым приучать своих чад с юношеского возраста ко всем тонкостям придворной жизни и торговому ремеслу.

Окружив Хорезм со всех сторон многочисленными поселениями, переполненными наёмниками, он без сомнений доверился уверениям своих придворных в их исключительной преданности, установил им плату за верное служение и строго

наказал не трогать людей, приносящих благо, иными словами, разбойников, а сам погряз в распутной жизни, на людях жалуюсь на свою тяжёлую судьбу.

Плата, назначенная правителем за службу, доходила до наёмников в мизерном размере, причём в виде скупой снеди, почему-то всегда, то ли от жары, то ли от дорожной тряски, сильно усыхавшей при доставке к ним. Со временем наёмники уже сомневались в том, насколько правильно они расслышали при поступлении на службу, какова будет величина их вознаграждения, и, путаясь на этот счёт в оголтелых спорах между собой, стали постепенно забывать, что им изначально обещали. В конце концов получалось так, что все они служили хорезмийскому властителю всего лишь за скудную пищу и захудалый кров, превращаясь из бывших воинов, пришедших из разных стран мира, в обыкновенный сброд убийц и мародёров.

Назначенные правителем ответственные лица, исполняя его веление, изредка лично объезжали эти поселения, и тогда, к радости оголодавших защитников, улучшалось их питание, за что после отъезда визитёров все они вдруг по оглашению своих сотников становились ещё большими должниками своего покровителя.

Прослужив одну зиму и не дождавшись никакого вознаграждения, некоторые из сотников, соображавшие в тонкостях жизни, поняли, что по долгам рано или поздно, а придётся расплачиваться, и нашли единственно правильное и простое для себя решение – грабить грабителей караванов.

Опасаясь донощиков, почему-то расплодившихся в последнее время, парочка хитроумных сотников под предлогом проведения разведки округи с целью предупреждения о приближающихся врагах собрала самых отчаянных вояк, коих набралось у одного из них с целую сотню, а у другого полсотни, и однажды они двинулись в поход, очень желая скорейшей встречи с разбойниками.

За всю весну, не учитывая того, что в это время года ни один купец не рискует куда-либо направлять свои караваны, опасаясь сезонных природных преград: сильного разлива рек, таяния снега и схода лавин в гористых местах и прочих, – оба сотника, не раз выводившие своих людей, так ничего и не сумели добиться.

Несмотря на это, к началу лета они всё же вновь отправились на поиск добычи.

* * *

Не сбавляя высокого темпа хода, сотня саков быстро продвигалась по долинам, где всё чаще появлялись невысокие скалы, чередуясь с холмами, заросшими ярко-зелёной свежей травой.

Сотник, зная свой огромный вес, старался тяжёлым телом как можно мягче, в такт каждому шагу приседать на спине своего крепкого скакуна, облегчая ему поступь, отчего сам терял силы, сильно потея, но поступал верно, помня из опыта, что слабая лошадь в бою обязательно подведёт.

Двое молодых воинов, что постоянно находились возле него, иногда отставали, о чём-то переговаривались между собой и изредка оглядывались на отряд.

На Далайю и Русу уже никто не обращал внимания. Они вели своих коней обособленно, сбоку от сотни, примерно вровень со срединной частью отряда, не отставая, дабы не дышать поднятой до небес пылью.

Остановились лишь единожды в полдень у неприметного ручейка. Не позволяя разгорячённым лошадям пить, что привело бы их к неминуемой гибели, лишь освежили их, слегка обдав водой, и, наспех утолив свою жажду и приведя в порядок упряжь и оружие, сотня двинулась дальше.

Солнце быстро клонилось к горизонту, забирая с собой дневной жар, уступавший место вечерней прохладе.

* * *

Внезапно размеренный ход был нарушен. Последние всадники стали наскакивать на передних, едва избегая столкновений и разлетаясь в стороны, словно брызги. Оттеснённые воинами Далайя и Руса оказались позади всех, ничего не понимая в происходящем.

Подав сигнал поднятой вверх рукой, сотник остановил своего скакуна, вглядываясь в сторону единственного холма, находящегося у них на пути. Сотня, от неожиданности с пол-

ного шага рассыпавшаяся по флангам, быстро поправила свои ряды, затихая в ожидании команд.

То, что увидел сотник, теперь было видно всем. На небольшом расстоянии от них из-за холма навстречу к ним мчались трое саков, прежде высланных вперёд по движению отряда. За ними лавиной вылетела конница, не менее сотни человек, почти настигая беглецов.

Пущенные преследователями стрелы угодили в двоих воинов, один из которых тут же слетел под копыта их лошадей и вмиг был растоптан. Второй же воин с торчащей в спине стрелой держался ещё некоторое время, сильно припав к конской гриве, но ловко брошенный аркан снёс его через круп лошади, резко опрокинув, словно он был сбит ударом дубины в лицо.

Больше не медля, сотник развернулся всем торсом к своим воинам, взметнул обнажённый акинак над головой, махнул им в сторону врага и двинул вперёд скакуна, всё сильнее разгоняя его ударами мощных ступней по крутым бокам.

Его воины по мере движения быстро выстраивались в ровную линию и, натягивая до самого уха страшные по мощи луки, выпускали с огромной силой тяжёлые стрелы, вдвое превосходящие в полёте подобное оружие, имевшееся у противника.

Третий дозорный сак, увидев приближающуюся к нему свою сотню, пригнулся ниже, на полном скаку описал полукруг и, выпрямившись в рост, выпустил раз за разом несколько стрел в преследователей. Четверо ближайших к нему всадников были сражены наповал, исчезая в густой пыли под копытами надвигающейся лавы.

Успев до сближения с противником выпустить ещё тьму стрел в его сторону, саки выхватили мечи и с диким воем ударили полумесяцем, не давая врагу опомниться и видя, что его ряды не представляют пока какого-либо построения.

Далай и Руса, оказавшиеся на самом конце правого фланга, не имея иного выбора, также ввязались в стремительно начавшуюся бойню.

Саки охватили кольцом хорезмийскую сотню, не позволяя выскользнуть из неё никому, всё сильнее сжимали свои ряды, но не углубляясь и стараясь держать линию.

Такую тактику ведения боя Руса увидел впервые.

Каждый второй сак, по команде десятников одновременно с другими отступив из строя, очень быстро выпускал несколько стрел в самую гущу противника, зажатого в центре, затем вновь вступал в битву, заменяя своего напарника, совершавшего тот же манёвр.

Повторив такие перемещения многократно, теперь уже по команде сотника все воины враз отступали от противника на небольшое расстояние, расширяя круг и оставляя его на месте, и, тут же развернувшись, с молниеносной быстротой вновь выпускали по нему свои стрелы, после чего опять устремлялись на него с диким воем.

Враг от этого нёс большие потери.

В один из таких манёвров Руса, не сумев понять подаваемых ему Далайей знаков, чуть было не остался наедине со всей массой врага, и лишь чутьё бывалого воина да природная смекалка спасли его от неминуемой гибели.

Кровавый полудиск огромного светила, исчезая за линией дрожащего горизонта, с холодным безразличием продолжал отбрасывать последние в этот день остывающие косые лучи, бледно-красными мазками обдавая небо и землю, на которой на маленьком участке люди вновь затеяли очередную мирскую суету, названную их далёкими предками довольно странным и жальщим слух словом – война.

Битва близилась к печальному для хорезмийцев завершению. Оставшиеся три десятка их воинов, ошетилившись копьями, сбились в одну плотную группу, со всех сторон окружённую вдвое превосходящими силами хаомаваргов.

– Мне кажется, что нам с тобой нет необходимости оставаться здесь, в этом месте. Исход столкновения уже предreshён. Казнь – это не сражение, и в ней нет чести. Сейчас на этой равнине будет главенствовать лишь злобная месть, – Руса, устало посмотрев на Далайю, круто развернул своего коня и направил его шагом в сторону холма, за которым продолжалась их дорога в степь.

Далайя последовала за ним, понимая, что он прав. Обходя невысокую возвышенность, закрывшую собой всю панораму

битвы, они вдруг очень отчётливо услышали топот лошадей и лязг оружия, доносившиеся из-за неё, но со встречной стороны, оттуда, куда они направлялись.

В недоумении переглянувшись, они подстегнули лошадей и осторожно объехали склон, почти обогнув холм. Увиденное было неожиданным для них. Чья-то конница численностью в полсотни воинов надвигалась с юга, приближаясь к сражающимся спешным ходом.

Отбрасываемая холмом тень, чернея и удлиняясь, предвещала скорое наступление сумерек.

– Это не саки, – вглядевшись внимательнее в появившихся всадников, подавленно произнесла Далайя.

Метнув на неё быстрый взгляд, повелев ей оставаться на месте, Руса, с силой ударив пятками в бока лошади, взлетел на вершину холма, едва не опрокинувшись на скользкой траве. Отсюда были видны и те, и другие.

Расстояние, разделявшее приближающийся отряд и хаомаргов, по-прежнему державших вражеские остатки в плотном кольце, очень быстро сокращалось.

Руса, не теряя больше времени, помчался к сакам, показывая рукой на юг. Находящиеся ближе к нему воины, увидев его, развернули коней, пока не понимая, кто он и что ему нужно. Наконец подскочивший к нему сотник во всём разобрался и, быстро отдав распоряжения, стал вглядываться в указанную им сторону.

Оставив с окружёнными хорезмийцами тридцать своих воинов, при этом приказав десятникам быстрее покончить с ними, остальную часть отряда, почти столько же всадников, он повёл навстречу новой вражеской коннице.

Не имея стрел, построившись клином, во главе которого встал сотник, саки на бешеном скаку всей своей массой врезались в наскочившую на них вражескую полусотню, которая пребывала ещё в полном беспорядке. С ходу разметаив противника на две части, словно на обычном ученье, распределившись равно в обе стороны, не выдерживая как прежде линии, саки стали врубаться в самую гущу, понимая, что нужно как можно больше сразить врагов, пока они не оправились от внезапного натиска.

Теперь битва велась сразу в двух местах на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга.

Окружённые саками остатки первой хорезмийской сотни, окрылённые подоспевшей к ним помощью, яростно сражались с равным по численности отрядом.

Одному небу было известно, как в таких сумерках, где все казались мечущимися тенями, враги узнавали врагов, не нанося увечий собратьям по оружию. Если даже такое и случилось, то кто мог понять в этом адском пекле, в чьё тело вонзил свой акинак? Важна была лишь победа, прощавшая всё. Только исход мог явить людям её истинную цену.

* * *

Руса, захваченный потоком нагрянувших событий, не успевал подумать, для чего ему это нужно, больше подчиняясь в себе тому человеку, кто всю жизнь провёл в сражениях, совершая обычную для себя работу. Он попросту исполнял долг закоренелого воина.

Забрызганный кровью, словно само воплощение смерти, он носился по полю битвы, сметая всех, кто попадался ему на пути, не понимая, что с ним происходит, но чувствуя, что совершаемое им, вопреки рассудку, нравится ему. Он не мог осознать, что причиной его небывалой раскрепощённости и дикого азарта являлось отсутствие среди воюющих сторон близких ему людей. Хаомаварги, как и хорезмийцы, ничего для него не значили. Он равно не нуждался ни в тех, ни в других.

С наступлением полной темноты по командам сотников остатки враждующих отрядов разошлись, причём каждый отошёл в ту сторону, откуда явился к этому месту. Так было всегда при подобных столкновениях.

Отдалившись друг от друга на безопасное расстояние, измождённые жестокой схваткой, израненные воины валились с лошадей на землю и, едва коснувшись её, засыпали мертвецким сном.

Из двоих хорезмийских сотников в живых оставался лишь последний, тот, кто привёл полусотню.

Не ожидая ночного нападения врага, но всё же не разжигая костров, дабы не выказывать своего местонахождения, и не выставляя дозоров, вскоре все погрузились в сон, включая самых выносливых, коими всегда были вожаки.

Руса при отходе повернул коня в сторону холма, куда тот и привёл его тихим шагом в кромешной тьме. Почувяв вблизи присутствие собрата, скакун остановился, встряхнул гривой, чуть шире обычного расставил передние копыта и устало опустил голову. С трудом перекинув ногу через спину лошади, Руса соскользнул на землю, держась за гриву. Превозмогая боль в каждом суставе, пытаясь размять одеревеневшее тело, горец повёл невидящим взглядом по сторонам. В голове зашумело. Только сейчас он ощутил усталость, навалившуюся на него огромной массой, не позволяя пошевелить даже пальцем. Словно в одно мгновение потяжелел в сотню раз, едва держась на подламывающихся ногах, он всё сильнее придавливался к земле какой-то незримой силой.

Понимая, что не сможет сделать даже шага, Руса бессильно опустился на мягкую траву, почти в полусознании плавно заваливаясь навзничь, и провалился в бездну, не чувствуя подхвативших его рук.

Далайя неподвижно просидела до рассвета, оберегая сон мужчины, бережно положив его голову себе на колени.

* * *

Чуть посветлевшее небо, поднявшее на ноги сотников, было проклято ими же при обозрении жалких остатков своих войск.

Пятнадцать саков, почти все израненные, с трудом пробуждались от тяжёлого сна. Большинство из них, опираясь на луки, вставали с прохладной и сырой от росы земли и, пошатываясь, направлялись к лошадям, мирно пасущимся тут же. Некоторые же пока ещё лежали, но уже протирали глаза.

Хорезмийцев было на полдесятка больше.

На небольшом пространстве невядалеке от холма двумя страшными лилово-чёрными островками громоздились тела сражённых воинов, отныне представлявших собой какую-то

единую массу, вовсе не напоминавшую о жизни, бурлившей лишь вчера в каждом из них. Там всё было залито кровью, ставшей как бы уже не нужной своим хозяевам и щедро отданной ими земле в этом диком игрище, придуманном задолго до них.

Живые не менее мёртвых были вымазаны в своей и чужой крови, не различимой между собой по цвету, но струившейся прежде в столь разных телах. Теперь, когда она выплеснулась из ран наружу, казалось, что её было пролито гораздо больше, нежели могло вместиться в обычном человеке при жизни.

В прошедшей бойне перемешалась кровь противников, таким странным образом объединив две сотни мужчин, не сумевших по воле судьбы понять друг друга до её начала.

Как бы в насмешку над гибелью разумных существ, чьи изуродованные тела уже начали превращаться в прах, глупые, но живые лошади разбрелись по окрестностям, совершенно не мешая друг другу, и обыденно пощипывали траву, безразлично поглядывая по сторонам.

* * *

Два молодых воина, наиболее приближённых к сотнику хаомаваргов, были живы и уже находились рядом с ним, ожидая его указаний. Тот молчал, пребывая в раздумьях.

Вновь уходило спасительное время, как это было накануне, когда следовало быстро покончить с остатками первой сотни хорезмийцев, попавших в их окружение.

Уже все саки были верхом на конях. Они очень старались не обращать внимания на раны, боль в которых, отступившая во сне, нарастала с удвоенной силой. Взгляды людей были потухшими и отрешёнными.

Солнце давало знать о скором своём появлении беложёлтым маревом, всё больше растекавшимся в неяркой небесной синеве.

* * *

Руса пробуждался подобно тяжелобольному человеку. С ним творилось нечто неладное: он то что-то бормотал, не размыкая век, то, приоткрыв глаза, вдруг сразу же умолкал, то, стиснув че-

люсти, начинал скрежетать зубами, мечась в судорожных порывах, при этом устремляя странно блуждающий взгляд в пустоту, то вновь впадал в забытие.

Несмотря на прохладу ночи и свежесть утра, он взмок от пота, обильно выступавшего при каждом его движении.

Держа всю ночь его голову на своих коленях, Далайя ладонями часто утирала ему лицо, забрызганное кровью, не смея даже на миг покинуть его и, склонившись над ним, иногда впадала в дремоту.

Ближе к утру она уже не могла понять, где явь, а где сон, настолько всё перепуталось в её сознании, и лишь вдруг притихший Руса невольно напугал её и окончательно отрезвил её разум. Нутром она почувствовала, что та невидимая и никогда не ощущаемая человеком граница, что присутствует в нём с самого момента рождения и до последнего его вздоха и разделяет равно все его возможности, в том числе и на ведущие к его гибели, и оберегающие от неё, в эту ночь в Русе едва не была нарушена на крохотном своём участке, где господствовал Его Величество Шанс.

Её посетило странное по своей сути видение: ей показалось, будто бы Руса, пребывая в одиноко-обездоленном состоянии, балансирует над бездной на тонкой нити, уже не подчиняясь ни единым мускулом ещё тлеющим своим желаниям, а находясь в чьей-то абсолютной власти, и улавливает своим потухающим сознанием, что он преждевременно ощутил себя властелином судьбы.

«В этом мире многое доступно человеку, но ничто ему не подчинено», – подумала Далайя.

Она пристально всматривалась в лицо мужчины, пытаясь уловить на нём малейший признак жизни, но не допуская ни на миг мысли о худом. Её ожидание было вознаграждено. Дрогнув веками, Руса открыл глаза и удивительно спокойно и ясно посмотрел на неё, даря ей беспредельное родное тепло.

«Лицо не излучает жизни при закрытых глазах, потому что они есть единственный светоч души. Ведь даже спящий человек не так приятен и притягателен, как бодрствующий», – вновь промелькнула странная мысль в голове у женщины.

Они долго смотрели друг на друга, словно встретились после разлуки. Руса повернулся на бок, приподнялся на локоть и свободной рукой бережно провёл по её щеке. Она, тут же склонив набок голову, прижала его ладонь к своему приподнятому плечу.

Солнце тоненьким оранжевым краешком появилось у дрожащей линии горизонта, наполняя землю теплом и белым светом.

Едва услышав в прозрачной утренней тиши гулкий неспешный топот копыт, всё больше нарастающий откуда-то сбоку от холма, с той стороны, где располагались хаомаварги, Далайя и Руса вскочили на ноги. Могучий сотник в сопровождении одного воина приблизился к ним, остановив коня в десятке шагов от них.

Оба вместе с лошадьми были полностью покрыты запёкшейся кровью и пылью. Измождённые, будто бы явившиеся из преисподней, в этот момент они больше всего напоминали призраков, и вновь только лишь глаза выдавали в них обычных живых людей.

Вперившись цепким и умным взглядом в стоящих перед ним мужчину и женщину, сотник в задумчивости провёл взором по ним несколько раз и, метнув взгляд в сторону пасущихся лошадей, молча развернул своего коня.

Отъезжая от них, он, не поворачивая головы, скупое и отчётливо бросил:

– Спасайся, Далайя.

Она не была уверена, правильно ли она расслышала сказанное, но, посмотрев на удивлённого Русу, поняла, что не ослышалась.

Таким же неспешным шагом всадники удалялись от них. Неподвижно и громоздко восседая на своей похрапывающей лошади, изредка размахивавшей длинным пыльным хвостом, сотник всем видом источал обречённость.

Проводив его недоумённым взглядом, Далайя присела. Она была поражена тем, что он назвал её имя.

«Выходит, сотник знал, кто я, и только поэтому не учинил расспросов», – пронеслось у неё в голове.

Ей было не по себе от охватившего её двоякого чувства. С момента встречи сотник постоянно держал её в напряжении,

пугая и одновременно сильно раздражая её, но сейчас, после его поступка, столь расхожего с её изначальным мнением о нём, ей было стыдно за то, что она не оценила по достоинству этого благородного человека.

* * *

В тот момент, когда Руса, не мешая думам Далайи, молча подвёл к ней лошадей, из-за холма вновь донеслись звуки битвы. Устало посмотрев ей в глаза и уловив в них тревогу, но отнюдь не запрет, он кивнул ей, словно сказав: «Да, я знаю, как мне поступить. Ничего не нужно говорить. Всё изменилось, и надо скорее помочь сакам». Затем ловко запрыгнул на коня, развернул его и помчался к сражающимся.

Задержавшись на миг, она тут же взлетела на своего скакуна и пустила его вскачь следом за ним. Руса, увидевший это, развернулся и, преградив ей путь, спокойно, но жёстко спросил её:

– Ты забыла о своём долге?

Не дожидаясь ответа, он исчез за холмом.

* * *

Зная, что до родных очагов теперь им не дойти, сотник хаомаваргов решил дать последний бой, дабы прекратить мучения своих воинов, желая совершить это очень достойно, как подобает сакам по заведённым обычаям славных предков.

Его отряд был направлен вождями для наказания тех шальных людей, что посмели посягнуть на их табуны. При единичном случае не стали бы гонять целую сотню за горсткой разбойников, но то, что происходило с недавних пор, становилось бедой для их окраинных племён. Уничтожив с начала лета с десятков небольших групп грабителей, сотня возвращалась обратно в родные края. Пожизниться самим им не удавалось. Всё богатство грабителей состояло из ненужных сакам лошадей и простого вооружения, на которое не позарился бы даже юнец.

Сотник наёмников, желая избавиться от соперников, ведущих охоту на грабителей караванов, несмотря на малочислен-

ность своего отряда и не ведая о количестве сакских воинов, всё же решил атаковать их.

Руса подоспел на помощь к сакам в самый разгар возобновившегося сражения. Ещё издали разглядев, где находится их сотник, он стал пробиваться к нему.

Лишь в начале нового столкновения силы казались равными, но через некоторое время стало сказываться превосходство хорезмийцев, причём не столько в числе, сколько в бодрости их духа и свежести их сил.

Усталость, воспалённые, кровоточащие раны и соответствующий такому состоянию настрой никогда ещё не приводили кого-либо к победе, и этот случай не был исключением. Но прежде чем наступил губительный для хаомаваргов итог, рухнул их сотник, сражённый в грудь копьём.

Двое молодых воинов, приближённых к нему, ещё были живы, но один из них едва держался на коне и уже не отвечал на удары противника, продолжая из последних сил уклоняться от них.

На глазах Русы было покончено со всеми остальными саками, каждый из которых пытался унести с собой хотя бы по одному сопернику, но не всем такое удалось. Теперь против него и этих двух воинов на поле битвы оставался вдвое превосходящий враг во главе со своим сотником.

Шестеро хорезмийских наёмников стали кружить вокруг троицы, из которых один был ещё жив только чудом. Всё это действие продолжалось недолго. Ловко брошенные арканы вмиг сковали Русу и саков. Их не стали стягивать с лошадей.

Подскочившие к ним воины разоружили их, крепче связали по груди и рукам и, забрав поводья лошадей, по команде сотника двинулись в путь.

Следом поодиночке и небольшими группами тронулись осиротевшие боевые кони, вытягиваясь вереницей от покидаемых мёртвых наездников до удаляющихся в спешке всадников.

Каждое из этих животных, за долгие годы ставших одним целым со своими хозяевами, теперь вдруг странным образом ополовинилось и от этого казалось полуживым.

Далайя, порывавшаяся на помощь Русе, но сдерживаемая правотой его последних слов, была поражена исходом схватки.

Продолжая находиться в тени холма, она спешила и, отпустив скакуна, бессильно опустилась на землю, ещё не веря в то, что случилось, но уже понимая, что среди уходящих всадников находится пленённый Руса.

«Мне нужно что-то делать, пока не стало поздно. Как же помочь Русе? Что будет с ним? И что будет со мной?» – от этих вопросов у неё зашумело в голове, отдаваясь пульсирующей болью в висках.

Несмотря на нахлынувший ужас, она всё же нашла единственно правильное решение – скрытно следовать за Русой, куда бы ни привела его дорога хорезмийцев.

На исходе дня отряд наёмников остановился на ночлег у небольшой реки, несущей свои чистые воды широким, но мелким потоком.

Прибрежные пыльные камни, за день прогреваемые солнцем до жара, находясь вблизи от воды, казалось, завидовали подобным себе осколкам, лежащим под хрустальной прохладой влаги.

Усадив пленных на землю спиной друг к другу, воины дружно и очень быстро подготовили своему сотнику место для отдыха и занялись пищей и лошадьми, стараясь как можно скорее управиться со всей этой работой и предаться долгожданному отдыху.

Далайя при тихом движении впереди идущих держалась за ними на значительном расстоянии, дабы не выдать себя пыльным следом из-под копыт. При их ускорении она приближалась вплотную к последним лошадям.

Она чуть поотстала на подходе к этому месту и только теперь настигла их и расположилась среди огромных валунов несколько выше по течению реки, с подветренной стороны.

Понимая, что она ничего пока не может предпринять, а силы ей будут нужны, Далайя решила отдохнуть. Опасаясь ядовитых змей, она окружила себя конской колючей верёвкой, отпугивающей гадов запахом и жёсткими ворсинками, и тут же уснула.

Чуть забрезжил рассвет, отряд двинулся в путь.

Далайя проспала его уход. Вскочив на коня, она помчалась к месту ночлежки отряда в надежде, что Руса оставил ей какой-нибудь знак, но увиденное было ужасным: на месте, где находились пленные, по-прежнему связанный лежал один из молодых хаомаваргов, что всегда находился при сотнике. Он был мёртв. На его лице и в огромной, зияющей на груди ране роились мухи.

Определив по следам направление всадников, напившись свежей воды и набрав её в дорогу, женщина устремила за ними.

* * *

К селению хорезмийских наёмников Далайя, догнавшая отряд с пленными и осторожно следовавшая за ним на некотором отдалении, добралась под вечер, по первой прохладе.

Пять десятков приземистых мазанок были расположены квадратом на довольно обширном участке земли. Их каркасы вместе с потолками были изготовлены из плотно связанных прутьев и обмазаны изнутри и снаружи глиной, густо замешанной на конском навозе вперемешку с сухой травой.

Справа от селения, подступая к жилищам своим подножием, начиналась невысокая горная гряда. Слева пологий склон в несколько десятков шагов завершался берегом неглубокой, но бурной реки.

Полсотни наёмников готовились ко сну, выставив охрану по углам стана. Увидев появившихся собратьев, они поспешили к ним навстречу.

Выслушав распоряжения, отданные прибывшим сотником, несколько воинов, стащив с лошадей пленных, повели их в дальний конец лагеря, где напротив загона, в левом углу, располагалась яма-тюрьма, в которую их и опустили. Отдельной охраны возле ямы выставять не стали, так как невдалеке от неё находился один из дозорных селения.

Жилища были небольшими, на три-четыре человека. Все входы были обращены в сторону центральной площадки. Возле некоторых из них горели костры.

Выбрав для себя наиболее удобную, скрытую позицию на безопасном расстоянии от ближнего дозорного, Далайя изучала лагерь.

Вскоре жизнь в стане затихла.

Наступила ночь.

Отведя коня подальше за гору и оставив его там, она опустилась ближе к берегу и стала тихо пробираться к дальней окраине селения. Поравнявшись с последним жилищем, бесшумно пробежала к нему по мягкой траве и, припав к земле, замерла, сдерживая учащённое дыхание.

В услышанное со стороны дозорного Далайя поначалу не поверила. Приподнявшись, она быстро и ловко подползла поближе к охраннику и вновь прислушалась. Она не ошиблась: он спал, громко похрапывая. Спиной охранник прислонился к камню, копьё зажал между колен и обхватил его древко руками.

Часто озираясь по сторонам, низко пригнувшись, Далайя осторожно подошла к нему и приставила к его шее остриё акинака, свободной рукой потянув на себя его копьё. Почувствовав холодное прикосновение стали, тот вздрогнул и в явном недоумении вытаращил на неё глаза, не смея произнести ни слова.

– Хочешь жить? – сквозь зубы, но отчётливо процедила женщина.

Перепуганный дозорный, сразу уловив угрозу в её словах, торопливо кивнул и, тут же напоровшись на приставленный к горлу меч, захрипел, пытаясь схватиться за него руками. Опасаясь шума, она резким толчком глубже вонзила остро отточенное полотно, затем, так же быстро вытащив его, придержала рукой обмякшее и заваливающееся на бок тело. С ним было покончено.

Прислушиваясь к звукам, останавливаясь и оглядываясь по сторонам, она быстрым шагом приблизилась к яме, входное отверстие которой было накрыто решёткой из крепко связанных ремнями прутьев. Разрубив ударами акинака узлы, которыми та была привязана с боков к торчащим из земли клиньям, Далайя склонилась вниз и тихо окликнула сидящих внутри. Руса ото-звался немедленно.

Наспех, но крепко привязав к одному из клиньев конец прихваченной конской верёвки, другой она сбросила в яму, прошептав:

– Держите.

Но вновь услышала голос Русы:

– Мы связаны. Не теряй времени, уходи.

Быстро соображая, она вернулась к мёртвому дозорному, схватила его копьё, опробовала пальцем острiest его кованого широкого наконечника и метнулась обратно к яме.

– Освободите середину, – шепнув вниз, Далайя вытянула руку с копьём по центру входа и, чуть выждав, разжала пальцы.

Тяжёлое оружие полетело вниз, гулко вонзаясь в утоптанное днище.

Вернув решётку на прежнее место, она отбежала в спасительную темноту, продолжая очень внимательно вглядываться в сторону костров.

Теперь ей казалось, что время окончательно остановилось. Её внутреннее напряжение нарастало, но со стороны ямы не было никаких движений.

Не выдержав томительного ожидания, она вновь побежала к ней и в этот момент увидела, что решётка медленно поползла в сторону. Чья-то рука отодвинула её. Вовремя подоспев, Далайя потянула за запястье. Вскоре на поверхности появилась голова молодого сака. Русу вытягивали вместе с верёвкой.

Прихватив копьё, мужчины направились за ней. У сражённого ею дозорного оказались меч со щитом, нож и лук со стрелами, которые они тоже забрали.

Спустившись к воде, туда, где её шум мог скрыть их голоса, они стали определяться с дальнейшими своими действиями.

Нужны были кони, без которых вся эта затея с побегом оказывалась глупым предприятием, но животные размещались только в загоне, а возвращаться туда становилось очень опасно, так как дозорные не могли находиться на постах всю ночь, следовательно, их в какое-то время должны были сменить, и это время могло наступить в любой момент.

Молодой сак молчаливо кивнул, соглашаясь с принятым решением, в соответствии с которым, больше не рискуя, Далайя

возвращалась к своему схрону. Они же вдвоём с Русой должны были попытаться добыть лошадей. Иного выхода не было. В случае неудачи Далайя уходила дальше одна, больше не помогая им и тем более не вызволяя их из возможного нового пленения.

Взяв лук со стрелами и копьё, Руса первым бесшумно исчез в темноте. За ним поспешно удалился сак.

Далайя, с тревогой проводив их взглядом, пустилась в обратный путь.

* * *

Добравшись без помех до переполненного от добавившихся лошадей загона, Руса присел за жердями, всматриваясь в сторону жилищ. В селении по-прежнему царил тишина.

Теперь следовало, не обнаружив себя, подобраться к дозорному, расположенному позади загона. Молодой сак, не отставая ни на шаг, продвигался за ним.

Низко пригнувшись, они снова отошли от лагеря и оказались между двумя постами, причём, со слов Далайи, охранник оставался только на одном из них.

Припав к земле, они стали ползком приближаться к нему, примерно определив место дозора за темнеющей грудой камней. Часто останавливались, внимательно вслушиваясь, но стражник пока не выказывал своего присутствия ни единым звуком.

Беглецы подползли вплотную к камням, решив перевести дыхание и успокоиться перед решительным броском. Руса присел на корточки, прислушался, тихо развернулся и стал очень медленно подниматься, упираясь одной рукой в ближний валун, а в другой держа наготове копьё.

В это же время с обратной стороны нагромождения до них донеслись звуки какого-то движения, вначале что-то лязгнуло, затем стали слышны шаркающие шаги и разлетающиеся камешки.

Руса замер, внимательно вслушиваясь. Шаги смягчились травой.

На мгновение они вдруг затихли, и когда, отдаляясь, опять послышались, он опустил на землю и стал проворно обползать преграду.

В очередной раз, но уже услышав звук струи, он вновь замер и поднял повыше голову. Невдалеке от себя он увидел силуэт человека. Тот справлял малую нужду, стоя к нему спиной.

Стараясь не шуметь, Руса поднялся на ноги, выставив для удара копьё, сделал несколько осторожных шагов, невольно предоставляя дозорному возможность закончить начатое, и рванулся вперёд, желая в быстром броске покончить с ним одним сильным и точным ударом.

В самый решающий момент у него под ногой оказался не большой острый каменный осколок, не давший ему как следует оттолкнуться, и он, оступившись, выбросил вперёд длинное древко копья, лишь слегка зацепив остриём наконечника разворачивавшегося воина. Успев в ужасе издать душераздирающий крик, дозорный был сражён ударом меча подоспевшего сака.

Но сигнал был подан, мгновенно подняв на ноги весь лагерь. Селение тут же осветилось множеством факелов, заметавшихся по всей площади.

Две тёмные фигуры проскользнули к реке, пока не замеченные хорезмийцами.

* * *

Далайя, услышав из своего укрытия яростные крики, доносящиеся от дальней окраины лагеря, поняла, что там всё пошло не по их плану, и, когда увидела ожившее селение и множество огней, закрыв глаза, опустила на землю. То, к чему она стремилась, чем жила эти дни, рушилось на её глазах. Она сидела опустошённая, в жутком оцепенении, не размыкая век.

Усилившийся шум со стороны стана, пробив оглушившую её завесу, поднял её на ноги.

Ярко освещённых факелами Русу и сака, избиваемых окружившими их наёмниками, привели к стоявшему посреди площадки сотнику. Тот, вопреки её ожиданию, не стал долго разбираться, отдал какие-то распоряжения и удалился на покой.

Пленённых вновь затворили в той же яме, но теперь у входа, разведя костёр, оставалось пятеро караульных.

Несколько воинов принесли тела двух убитых дозорных к одной из мазанок, укрыли их и скрылись в соседних жилищах.

Охрану лагеря сменили и усилили дополнительными парами стражников, остальные разошлись по постройкам, продолжив прерванный отдых.

Далайя, постояв так ещё некоторое время, перебралась через камни, уже не таясь, как прежде, но и не шумя, и направилась к своему коню. Забрав скакуна, она спустилась ниже по течению реки, где, напоив и искупав животное, отпустила его пастись.

Оставшись на берегу, отмыла одежду от пыли и крови и разложила её на тёплых прибрежных камнях для просушки, а сама вошла в поток и долго купалась, обдумывая сложившееся положение.

Холодная вода взбудрила её. Голова освободилась от роящейся в ней путаницы, постепенно пришла ясность мыслей, упорядоченных и лишённых всего ненужного и лишнего, подведя к самому главному, в чём она нуждалась сейчас больше всего. Как только она поняла, что выход, пусть и рискованный, но найден, она ощутила душевное облегчение и даже почувствовала телесное удовольствие от соприкосновения с поистине живительной влагой.

На ночь вернув коня на место и забравшись в своё укрытие, Далайя ещё раз обдумала принятое во время купания решение относительно своих действий на предстоящий день и, убедившись в их верности, заснула.

* * *

С первыми лучами солнца дозорные наёмников, находящиеся со стороны основного въезда в лагерь, доложили своему военачальнику о том, что к селению приближается одинокий всадник.

Несколько воинов, исполняя веление сотника, запрыгнули на лошадей и помчались к путнику. Встретив его на самых подступах к стану и, к своему удивлению, распознав в нём женщину, сопроводили её к предводителю, к этому времени уже восседавшему у входа в одно из жилищ.

При виде подъезжающей женщины он поднялся с места, разглядывая её с нескрываемым интересом.

Она ловко и грациозно сошла с коня, на мгновение замерла, предоставляя возможность лучше рассмотреть себя, и лишь после этого сделала шаг навстречу к нему.

Ещё на подъезде к встречающим всадникам, а в этот момент вдвойне она мысленно умоляла небеса о том, чтобы среди наёмников, вернувшихся с этим сотником, не было в живых тех, кто состоял в первой их сотне, с кем довелось сражаться и ей.

Сгрудившиеся на приличествующем расстоянии воины, не сводя с неё глаз, тихо о чём-то перешёптывались.

Прежде чем обратиться с приветствием к сотнику, Далайя обвела всех внимательным взглядом и лишь после этого, почти-точно склонив голову, прижав правую ладонь к груди, спокойно произнесла:

– Я, подданная властителей саков-массагетов, приветствую тебя, достойного военачальника властителя Хорезма! Да продлятся его и твои дни!

При этих нарочито громко сказанных словах она как бы невзначай коснулась рукой своего пояса и дотронулась пальцами до висящего на нём ножа в дорогих ножнах с вправленными в них драгоценными камнями, тут же заигравшими на солнце разноцветными искрами.

Сотник, дольше положенного задержавший свой взор на этом очень дорогом оружии, явно принадлежащем, как он сразу догадался, не простой женщине, поспешно перевёл взгляд на её лицо, выражая и своё ответное приветствие:

– Пусть будет долгим и чистым твой путь и путь твоих правителей!

Пригласив её жестом присесть на приготовленную для неё скамью, он также опустил на прежнее место.

– Я исполняю волю своих повелителей в недалёких отсюда местах, но тебя посетила с одной небольшой просьбой, – Далайя уже не сомневалась в том, что среди присутствующих её никто не узнал, и это придало ей ещё большей уверенности в себе.

– Мы не находимся во враждебных отношениях с вашим народом. То, что не вредит интересам Хорезма, не может мешать нашему общению и тем более мне – исполнить твою просьбу, – произнёс сотник.

– Буду тебе весьма благодарна, если всё произойдёт именно так, как ты сказал, – Далайя многозначительно улыбнулась.

По её непростому поведению, манерному обращению к нему сотник уже понял, что прибывшая особа, хотя и была без свиты, но принадлежала к знатым кровям. Следовательно, подумал он, ему нужно вести себя с ней очень осторожно. Быстро сообразив, что от этого общения можно неплохо пожить, он, подозвав стоящего наготове десятника, распорядился убрать всех, дабы не мешали разговору. Всё было исполнено, но не так, как ему хотелось. Воины расходились нехотя, без спешки, с явным недовольством.

Провожая их злобным взглядом, сотник размышлял: «Очень хорошо, что эта женщина прибыла одна, ведь мне нечем даже её угостить, не говоря о свите. Интересно, о чём она желает просить? Раз она прибыла в одиночку, значит, не хочет лишней огласки, и просьба её, наверняка, связана только с ней и не касается её владык. Что ж, это мне на руку. По пустяку не стала бы являться. Видимо, хорошо оплатит мою услугу. Нужно для порядка выслушать её, хотя я готов исполнить любую её просьбу. Была бы плата достойной. Теперь важнее всего не прогадать в цене».

– Вижу, горе случилось в вашем поселении? – Далайя вежливо кивнула в сторону, где по-прежнему у мазанки находились тела убитых дозорных.

– Да, можно и так сказать. Ночью пытались от меня сбежать несколько пленных, – сотник недовольно отмахнулся. И, взглянув на тела, тут же добавил: – А эти решили остановить их.

По его отношению к мёртвым собратьям, да и к живым тоже, было видно, что они его мало интересуют. Далайя поняла, что воины для него представляли собой лишь то, чем он был вынужден командовать, за что ему и платили, вернее, должны были платить, одним словом, наёмники.

– Те, что хотели сбежать, все целы? – Далайя пристально смотрела ему в лицо.

«Так вот кто её заинтересовал! Вот за кем она прибыла в мой лагерь. Интересно, кто они ей? Впрочем, какая разница. Это даже хорошо, что они понадобились ей, иначе я казнил бы их

без какого-либо прока для себя. А так, может, мне разжиться чем-то удастся. Наверняка, не с пустыми руками она появилась здесь», – приятная мысль подняла ему настроение.

Не отводя глаз, он ответил:

– Живы они. В яму брошены. Только вот много воинов моих загубили. Казнить собираюсь... – Запнувшись, он тут же спохватился: – Оба нужны?

– Да, оба, – Далайя посмотрела по сторонам.

Помимо небольшого котла рядом ничего не было.

– Всё на земле имеет свою цену... – хотел было продолжить сотник.

Но в этот момент женщина вновь взглянула ему в глаза, деликатно прервав его слова, и кивнула головой в сторону той посуды, при этом опять как бы случайно коснувшись рукой дорогого ножа.

Заметив его заминку, она тихо спросила:

– Хватит тебе, если я наполню его серебром?

Сотник, уставившийся на нож, с трудом перевёл растерянный взгляд на неё, словно переспрашивая, затем недоумевающе и даже как-то туповато скользнул им дальше, на стоящий в шаге от него котёл, пытаясь представить его наполненным серебром.

Видимо, как она догадалась, такое зрелище никак не укладывалось в его голове, и он вновь вопрошающе уставился ей в глаза.

Далайя спокойно наблюдала за переменами на его лице.

– Да, да. Это очень хорошая цена, – подтвердила она.

Не давая опомниться ошалевшему от счастья наёмнику, она добавила:

– Я ведь могу уйти и без них, но кому от этого будет прок?

Её последние слова полностью совпадали с его желаниями. Он, судорожно сглотнув, подался вперёд и быстро кивнул, пытаясь улыбнуться.

– Откуда ты? Где твоя земля? – к его удивлению, слегка откинувшись, спросила женщина.

– Мои деды из Кармании, ну а я где только не был, – с досадой махнув рукой, сотник замолчал.

Впервые в его облике проявилось что-то человеческое, неподдельное.

– Я вернусь за ними позже, тогда и привезу обещанное. Ты можешь до моего возвращения содержать их не в яме?

– Нет. Не могу. Ведь я хочу получить плату от тебя, а её ты дашь лишь за живых пленников. Только в этой яме их спасение. В противном случае их могут убить.

– Хорошо. Я всё поняла. Вот, возьми в залог эту вещь. Она мне очень дорога, – Далайя отстегнула от пояса ножны и вместе с ножом незаметно передала сотнику.

Тот дрожащей рукой проворно спрятал полученное за пазухой, не умея скрыть своей радости.

– Береги и хорошо корми их. Смотри не скупись, тебе всё окупится.

Она встала, ловко вскочила на коня и, не оглядываясь, покинула лагерь.

* * *

День подходил к своей середине.

Остановив скакуна у реки, Далайя спешила, подошла к валуну и упала ничком на траву, вдыхая её сочный запах. В том, что за ней никто не следил, она убедилась, пропетляв часть пути и неоднократно возвращаясь к одному и тому же месту.

О предстоящей дороге думать не хотелось.

Отдохнув, она проверила упряжь и оружие. Десять стрел, оставшихся в колчане, и радовали, и огорчали её. Первое исходило от того, что они вообще были у неё. Ну а второе было связано с их количеством, ничтожно малым для долгого пути.

Решив вновь продвигаться ночами, Далайя осмотрела ещё раз округу и прилегла за валуном, настраивая себя на отдых.

* * *

К полуночи она добралась до места, где на берегу реки был оставлен умерший от ран молодой сак. Тело, ещё издали замеченное ею, находилось, как прежде, у воды, но вблизи было видно, что оно изрядно разодрано хищниками. Обложив дурно

пахнущие останки воина камнями, Далайя двинулась дальше. Спешить не следовало, нужно было беречь силы и свои, и коня. Главное было сделано.

«Сотник наёмников не упустит такой возможности поживиться. Он будет оберегать день и ночь своих дорогих пленников, ожидая обещанной награды». От этой мысли и от того, что удалось хоть как-то обезопасить Русу от пыток и гибели, её наполнила радость. На душе становилось легче.

Конь шёл спокойным шагом, изредка чутко настораживая уши, улавливая ночные звуки.

К началу дня она уже находилась у места страшной битвы, где с обеих столкнувшихся сторон в общей сложности полегло около двух с половиной сотен воинов. Приблизившись к нему с первыми рассветными лучами, она остановила коня, осматривая равнину.

Огромная стая птиц, встревоженная ею, как бы нехотя и с ленцой покружившись невысоко в небе, вновь шумно опустилась на разбросанные человеческие останки. Потяжелевшие от сытной пищи, громко хлопая большими крылами, они невольно разгоняли по округе зловонные запахи гниющих на жаре тел, изуродованных теперь ещё и ими.

Прикрывшись рукой, Далайя стала медленно объезжать эту местность, сплошь покрытую тёмно-красным месивом, состоящим из развороченной человеческой плоти, но уже не имеющей ни малейшего сходства с некогда живыми существами.

Внезапно её конь остановился. Прямо перед ним, на его пути лежало тело какого-то воина, почему-то оказавшееся в стороне от остальных. Спрыгнув на землю, она обошла его.

Это был не сак.

Воин лежал на животе, широко раскинув руки и неестественно лбом уткнувшись в траву.

«Похоже, рана в области груди. Надо же, дошёл до чистой травы и умер. Или конь донёс. Убит не в спину, значит, не бежал от битвы. А вот это ему теперь уже не нужно, но мне пригодится», – её рука по привычке скользнула к поясу за ножом. Только сейчас она вспомнила, что оставила нож сотнику наёмников в

залог. Выхватив меч, ловко просунула его под кожаный ремень, перекинутый через плечо убитого хорезмийца, без усилия разрезала его и забрала туго набитый стрелами колчан.

Больше не задерживаясь здесь, не желая ни на миг предаваться этому страшному зрелищу, она двинулась дальше, стараясь поскорее подыскать подходящее место для дневного отдыха.

Теперь ей следовало найти воду и поохотиться для пропитания.

* * *

Облачный ветреный день к полудню разразился непродолжительным дождём. Пытаясь найти какую-нибудь дичь, Далайя не заметила, как подступил вечер.

Ниспадающая моросью влага не отнимала много сил, и она решила продвигаться до первой усталости. Ближе к полуночи она остановила коня у небольшой дождевой лужи. Следовало отдохнуть.

«Когда вся живность после дождя везде и всюду имеет возможность утолить жажду, она не пойдёт постоянной тропой к водопою, это плохо для меня, – размышляла она, занимаясь конём. – Придётся мне немного поголодать, но ничего, завтра на моём пути будет урочище, а уж там-то я обязательно добуду пищу», – успокаивала она себя.

Отпустив скакуна пастись, Далайя прилегла на влажную траву. Спать не хотелось. Усталость была, но не сильная и больше ощущалась в занывшей спине.

Небо прояснилось, открывая сияющие звёзды. Чистый и лёгкий воздух вдыхался свободно, мягко проникая внутрь, наполняя бодрящей свежестью.

«Жаль, что мне пришлось расстаться с подарком царицы Томирис. Но это ненадолго. Я верну его обязательно, вот только доберусь до крепости, а там и до своего тайника. На душе что-то беспокойно. Теперь мне стало ещё хуже, чем было до сих пор. Наверное, это оттого, что всё у меня получается пока как-то неправильно и даже нелепо. Странно, но мне уже кажется, что что-то ведёт меня совсем не туда, куда мне нужно попасть.

Чем сильнее моё желание добраться до детей правительницы, тем дальше от них уводит меня дорога. Всё-таки что я делаю не так, как надо? Может быть, я уже сама не очень хочу совершить всё то, что задумала? Нет. Я нисколько не изменила своих мыслей, и тем более не обманываю себя. Тогда почему я ещё не с ними? Что, если они нуждаются во мне именно сейчас и ждут, как никогда ещё не ждали?» – Далайя присела.

Мысли и сомнения сильно разбредили её душу, но останавливать их поток ей не хотелось. Глубоко в подсознании она понимала, что наступил тот момент, когда ей нужно во всём спокойно разобраться, чётко определить для себя самое главное.

«Вместо того чтобы лететь, спешить к ним, я возвращаюсь обратно, и ещё неизвестно, доберусь ли. Но разве я была бы жива, если бы не Руса? Бросить его я не могу. Особенно теперь, когда он там и ему никто, кроме меня, не поможет. Так нельзя поступать. Не приучена. Я обязательно спасу его, и мы вместе с ним однажды придём к детям», – успокоившись от ясности и правильности принятого решения, женщина вновь откинулась на спину.

* * *

Местность была знакома. До урочища, где Руса утнал разбойничьих лошадей, оставалось совсем немного. Сытый конь шёл уверенно, не сбавляя взятого ещё с полудня шага.

День был душным от испаряющейся влаги. Всё чаще утираясь от пота, обильно стекавшего по лицу, неприятно ощущая его скользкие бусинки на спине, Далайя сожалела, что сбилась с взятого поначалу темпа передвижения, который держала во время ночных переходов.

Голод, усиливаясь, уже не утолялся глотками сильно потеплевшей воды, хотя она всё чаще стала прикладываться к ней, размышляя при этом: «Как только добуду пищу, буду днём отдыхать, иначе мне не хватит сил дойти к своим в крепости. Не мешало бы окунуться где-нибудь поблизости. Интересно, есть ли в этих местах живность? Если нет, то всё. Мой путь закончится через день-другой».

Сплюнув тёплую влагу, протерев лицо, она достала стрелу и заложила в лук.

Слева от неё, чуть ниже возвышенности, вновь показались холмы. Земля под ногами стала покато уходить к их подножьям, где уже были видны деревья и низкие густые кустарники.

Умерив шаг, она приблизилась к урочищу на расстояние полёта стрелы и остановилась, внимательно оглядывая заросли.

«Интересно, куда подались без лошадей те лихие люди? Находиться здесь можно, но ведь это не выход для них. Если так, то я для них добыча небольшая, вот только конь мой, он бы выручил их. Ведь кто-то из них добрался бы на нём до своего селения и привёл лошадей. Да. Опасное место. Приближаться к нему не следует. Как быть?.. Не входя туда, не смогу добыть пищу», – тронув коня, Далайя огибала подножье, выдерживая безопасную дистанцию и зорко всматриваясь в гущу урочища.

Вскоре до неё донёсся странный звук, который не могли издавать ни дикие звери либо птицы, ни люди, возможно, скрывавшиеся в зарослях. Вновь остановившись, она стала прислушиваться, пытаясь понять, что это за звук, и определить источник его происхождения. Доносясь будто отовсюду, он больше напоминал отдалённый гул, от которого ей становилось не по себе. Конь тоже стал выказывать сильное беспокойство, кружась под ней, словно на раскалённых углях, мотая гривастой головой, высоко задирая её и при этом издавая сдержанное ржание.

Оставаться здесь, на виду, было ещё опаснее. Далайя, ничего не понимая и всё сильнее ощущая нарастающую тревогу, исходившую от неизвестно чего, но явно таящего в себе нечто грозное, очень сильное и огромное, пустила скакуна вскачь вниз, ближе к урочищу, за которым была холмистая местность, удобная для укрытия.

Приблизившись к крайним деревьям, она прежде почувствовала, нежели заметила какое-то движение за ними. Резко повернув коня в сторону от урочища, она направилась к холму, огибая его справа. Там оставила в небольшой расщелине своего скакуна и взобралась по скользкой траве на вершину холма, где тут же прилегла за камень, скрытно осматривая с высоты и урочище, и всю округу.

Отряд в полсотни воинов появился внезапно, влетев в лесок с северной стороны. Тут же оттуда послышались крики и лязг оружия. Сверху было видно, как всадники быстро мелькают среди деревьев, спешно уничтожая всех, кто там был.

Она не сомневалась и даже была уверена, что в урочище притаились те самые разбойники. Но кто были эти воины, она не могла понять.

Подавшись назад и оглянувшись вниз, Далайя убедилась, что её конь спокойно пасётся.

Вскоре, покончив со всеми в лесу, отряд выскочил из него на простор, обогнул холм и устремился дальше на юг.

Только теперь Далайя смогла внимательно рассмотреть их. Это были саки, родные ей массагеты. Из какого они были племени, она не определила, но это для неё уже не было так важно. Сердце заколотилось, будто вот-вот собиралось выпрыгнуть из груди. Слезы, пробившись сквозь ком, вдруг сперший дыхание, освобождая его, обильно потекли по её щекам, капая на близкую к лицу траву. Она перевернулась на спину, приподнялась на локтях и проводила взглядом быстро удаляющийся отряд.

Только когда он скрылся из вида, она откинулась на траву, утирая руками лицо. Потрясённая волнительным зрелищем, будто находясь в полузабытии, но постепенно успокаиваясь, словно прозревая, она увидела над собой синее, бездонное небо, где плавно кружили птицы, разглядывая добычу среди деревьев.

Вновь до неё донёсся гул, заполнявший собой всё пространство и явно нараставший с каждым мгновением. Теперь он уже не ужасал её, а был понятен и воспринимался совершенно иначе, трепетно, заунывно бередя её душу, будоража каждую частичку её тела.

* * *

Передовые отряды сакской армии приближались к холму, следуя за прошедшим дозором. Сплошь покрытые пылью всадники на своих гривастых конях имели весьма жуткий вид и являли собой нечто единое целое, схожее с каким-то чудовищем.

К острию кожаных шлемов и к их бокам были прикреплены длинные пучки конского волоса. Им же были оснащены наконечники задранных вверх копий и круглые кожаные щиты. Всё это вместе с густыми гривами и тутими хвостами ширококрупных коней, к уздам которых были прицеплены зловещие трофеи битв – людские волосы, содранные вместе с кожей у сражённых врагов, развевалось при каждом дуновении ветерка.

Устрашающими для всех, кто сталкивался хотя бы один раз в своей жизни с этими воинами, были и их огромные пластинчатые луки, в чужих руках непременно превращавшиеся из грозного оружия в предмет зависти и постыдного бессилия.

До самых закатных лучей продвигалось воинство кочевников мимо Далайи.

Когда за кибитками прошёл последний его отряд, она встала, одиноко провожая в неизвестность двадцать тысяч соплеменников.

* * *

В урочище среди деревьев лежали убитые люди. Судя по их количеству, это и были те самые грабители, с которыми довелось повстречаться Далайе с Русой. Во всяком случае, размышляла она, ни одной лошади поблизости нет, что и свидетельствовало в пользу её догадки.

У едва тлеющего костра на шкуре лежала освежёванная баранья туша, оставалось только испечь мясо на углях.

Оттащив все тела подальше в расщелину и отпустив пастись коня, Далайя с наслаждением обдалась холодной водой и, понимая, что в эту ночь её уже никто не потревожит, расположилась у костра, готовя себе аппетитное мясо. Все думы она отложила до следующего утра.

* * *

До могил Дантала и саков Далайя добралась через два с половиной дня к рассвету.

Это место было поистине удивительным, несмотря на трагедию, произошедшую когда-то здесь. Так же, как и в про-

шлый раз, почувствовав сердечный покой, ощутив в душе умиротворение, уловив всем своим нутром возникающее только у этих курганов состояние нежной опеки и защищённости, Далайя решила отдохнуть до заката.

Она понимала, что сородичи совершают набег, что их сотни и тысячи, ведомые вождями, двинулись на войну в чью-то страну или даже страны, из которых либо часть их вернётся с добычей, либо не вернётся никто.

«Вновь в степи правят вожди, прежде недовольные властью царицы, те, кто всегда был ненасытен в своих желаниях и кто не хотел подчиняться воле другого, даже во имя единения и мира среди братьев», – подумала Далайя.

Ей стало жаль покинутых ими кочевий. Было больно и очень печально осознавать, что вновь осиротеют дети, и никто о них уже не будет заботиться так, как это делала покойная властительница.

Купаясь в заводи, уже ставшей родной, она вспоминала ту ночь, когда здесь её нагнал Руса... От дум о нём ей становилось невыносимо тоскливо.

Нахлынувшие чувства переполняли её душу, разрывая сердце на части, но желания освободиться от них у неё не было. Она понимала, что нет в мире сил, способных облегчить её участь, да ей это и не было нужно. То, что ей сейчас тяжело, она воспринимала как нечто святое, исходящее от столь желанных чувств, хотя и приносящих страдания, но очищающих душу и наполняющих её новым, неизведанным доселе смыслом.

Вечером она решила идти до крепости без остановок.

* * *

Сотник Даг, оставшийся старшим в крепости, по минованию нескольких дней после отъезда Далайи стал ежедневно в полдень выезжать на тот горный подъём, за которым находилось ущелье, приведшее их всех сюда, через который ушла она и куда следом за ней направился Руса.

Он подолгу сидел на камне, вглядываясь в дорогу, уходившую от его ног и превращавшуюся там, внизу, в узкую тропу,

петлявшую в туманной прохладе межгорья, вечно недоступного солнечным лучам и оттого сильно отдающего, как казалось ему, могильной сыростью.

Здесь, наверху, было светло и тепло, что хоть как-то радовало душу, но шли дни, а из этого жуткого «прохода в жизнь» не доносилось ни звука.

Сотник терпеливо ждал.

И вот однажды, когда он в очередной раз поднялся на своё место, ещё не успев присесть, он вдруг отчётливо расслышал неспешный стук конских копыт, доносившийся из ущелья. Замерев, словно зверь перед броском на дичь, затаив дыхание, он стал внимательно всматриваться в едва различимую в тенистой темноте тропу, исчезающую в дымчатой кисее.

Сомнений не было, кто-то верхом на коне продвигался в его сторону. Эхо гулко отражало каждый звук цокота копыт лошади, многократно повторяя его и унося ввысь, разбивая у горных вершин на затихающие осколки.

Вскочив на своего скакуна, рискуя при каждом его шаге сорваться по крутому склону, он с нарастающим волнением поспешил вниз, навстречу пока неизвестному путнику.

Звуки, вроде бы раздававшиеся близко, оказались обманчивы. Вопреки его ожиданию, всадник находился ещё довольно далеко.

Густой туман плотной массой заполнял всё днище ущелья, не давая возможности рассмотреть тропу дальше десятка шагов.

Сотник вёл коня шагом, стараясь как можно меньше шуметь, часто останавливался и вслушивался в каждый шорох, доносившийся спереди, и, уловив его, вновь продвигался дальше.

Расстояние между всадниками медленно сокращалось. Приближающийся конник был уже рядом. Сотник остановил скакуна. Его сердце уже бешено колотилось в груди, разгоняя по телу горячую кровь, сильно отдаваясь тугим напряжённым гулом в висках и ушах, своим пульсирующим стуком мешая слуху.

Вскоре он сумел увидеть, как в вязкой серой дымке появился тёмный, подрагивающий в тумане и оттого расплывчатый силуэт всадника.

Сотник замер, не смея даже шелохнуться.

Всадник неспешно приближался, всё чётче вырисовываясь в тумане. По очертаниям уже можно было понять, что это воин, но с ним было что-то не так. Его голова была низко опущена, словно он спал или дремал, а его руки безвольно свисали по бокам, при каждом шаге коня болтаясь как плети. Даже скакун под ним шёл устало, широко расставляя передние копыта, будто готовясь упасть в случае остановки. Было понятно, что он не смог бы преодолеть предстоящий подъём.

Тронув коня, Даг двинулся навстречу.

Это была Далайя.

* * *

Радости обитателей крепости не было предела. Остаток этого дня и весь следующий день они разговаривали лишь шёпотом, боясь потревожить спящую Далайю. Девочки постоянно находились при ней, готовые исполнить любое её желание. Но женщина просто спала.

На её удобу и невероятную измождённость было больно смотреть.

Первые слёзы радости сменились на слёзы жалости, часто сбегавшие по щекам повзрослевших Зелы и Мире, иногда в обнимку тихо сидевших возле Далайи, не сводя с неё глаз.

Бурчэ, Габу, Дуару и Рушти с удовольствием занимались хозяйством. За день ими было проделано столько работы, сколько хватило бы на десяток дней.

Сотник Даг, чья душа была переполнена счастьем, с удовольствием наблюдал за невиданной доселе аккуратностью в действиях молодёжи. Ему было приятно всё, что творилось вокруг.

Оттого, что их мир с возвращением Далайи вновь наполнился теплом и уютом, люди, казалось, светились. Сами того не замечая, в эти мгновения все они были влюблены друг в друга и во всю живность, что обитала рядом с ними – лая, блея, мыча и ржа, на которую в минувшие тяжёлые дни они почти не обращали внимания.

Вечером, когда под навесами, как всегда, запылали костры и аромат готовящегося мяса заполнил собой всю округу, а девочки в ожидании скорого пробуждения Далайе покинули её, чтобы вовремя принести ей воды и пищи, она вдруг вышла во двор.

Увидев её, все невольно замерли, не сводя с неё глаз. Их взоры были полны нежности, сострадания и восторга. Первыми не выдержали девочки. Бросив всё, они подбежали к Далайе, обхватили её и молча прижались с двух сторон, стараясь не причинить ей боли.

Покрепче притиснув их тельца к себе, Далайя прикрыла дрогнувшие веки, пытаясь сдержаться, но слёзы выскользнули на пушистые ресницы и горячими каплями, искрясь, скатились тяжёлыми прозрачными блёстками по щекам.

От сильного волнения к самому горлу откуда-то снизу, изнутри, поднялся ком, не давая ей возможности вздохнуть. Стараясь избавиться от него, она несколько раз с усилием сглотнула. Ей стало легче.

Обе девочки, приткнувшись к ней, встревоженными глазёнками смотрели на неё, и когда она, взглянув на них, улыбнулась, сильнее прижав к себе, они дружно засмеялись.

Этот вечер был одним из самых лучших, что довелось им пережить в этой крепости.

* * *

В полночь, когда все уже спали, Далайя, сидя у костра, поведала Дагу обо всём, что случилось с нею и Русой, не затрагивая личного. Сотник молча слушал её, изредка отрывая взгляд от огня и внимательно всматриваясь в её лицо.

Рассказ был недолгим. Закончив его, она, похоже, сама была поражена такой краткостью, несоразмерной с пережитыми событиями, но так или иначе, а дополнить его было нечем.

– Завтра я покажу тебе место, где находится груз. Теперь и ты должен знать о нём. Затем на рассвете я уйду обратно. Возьму обещанную плату. Нужно спешить, – после недолгого раздумья тихо произнесла она.

Сотник молчал.

– Саки начали войну. Никто не знает, что она принесёт для степи. То, что двести сотен пошли в земли подданных царя Дария, не останется тайной для Хорезма, и ещё неизвестно, что предпримет его владыка. Наёмники в этой стране голодны и готовы ради наживы пойти войной куда угодно. Если он не укажет им путь, то может сам стать их жертвой. Хотя наша степь теперь бедна, они найдут в ней чем утолить свои желания.

Далайя взглянула в сторону соседнего костра, где спали девочки.

– Может, я пойду с тобой? – Даг смотрел на неё.

Она долго и пристально вглядывалась ему в глаза, затем мотнула головой и опустила её, давая понять, что не согласна с ним.

– Тогда хотя бы отдохни немного, наберись сил. В таком состоянии, думаю, не дойти тебе до Русы, – предложил сотник.

– Я и так очень долго добиралась сюда и боюсь совсем другого. Боюсь не успеть, – не поднимая головы, печально произнесла она.

Они замолчали, каждый думая о своём. С досадой в душе он понимал, что, кроме предложенного, больше ничем не может ей помочь. Она знала, что нельзя принять от Дага такой помощи: хотя ей этого очень хотелось, но следовало думать и о других – тех, кто останется здесь, кому он гораздо нужнее.

– Хаомаварги не простят хорезмийцам гибели своей сотни. В отместку они, наверняка, уже совершили набег. В отличие от нас они сейчас сильны и могут позволить себе войну с кем бы то ни было. Уж лучше пусть направят своих коней на Хорезм, чем повернут их на ослабших массагетов.

Далайя вновь мыслями была в событиях, происходивших у границ родных земель.

– Я не смогла разглядеть вождей, поведших свои сотни в поход. Или вождя. Хотя это могут быть и объединённые силы.

– Выходит, в степи для защиты кочевий осталось не больше ста сотен, – включился в разговор сотник. – Такого войска слишком мало, если не вернутся остальные.

– Вся надежда только на тиграхаудов, но они поддерживали царицу и недовольны тем, что творится у нас сейчас. В случае войны теперь они не окажут помощи.

– Может быть, всё не так уж и плохо?

– Не знаю, кто захватил власть в наших кочевьях, но уверена, что у них с тиграхаудами нет дружбы. Ведь всегда в большие походы выступали совместно с ними, а здесь пошли без них, и надеяться на них в случае беды массагетам не следует. Дарий, властитель персов, – вот кто более всех опасен. Он не простит своего отступления из степи. Сам туда больше не пойдёт, но в покое её не оставит. Соседей наших будет натравлять на нас, словно дикого зверя на ослабшую лань. Он богат, у него везде есть уши и глаза, а это значит, он всесилен. В землях Бактрии, куда двинулись саки, его наместник, думаю, готов к вторжению, и битва предстоит жестокая. Сатрап наверняка стянул к границе большое войско.

Вновь наступила тишина.

Женщина в раздумьях прилегла на мягкую овечью шкуру, подтянув её под локоть.

Сотник не отрывал взгляда от костра, но огня, похоже, не видел. Все его мысли были там, в родной степи, наполнявшей его воспоминаниями и будто проплывавшей знакомыми видениями перед его взором.

Далайя устало прикрыла веки. Несмотря на столь продолжительный отдых её тянуло ко сну. Она задремала. Ей снилось вечернее кочевье.

Вот у каждого шатра тонкой струйкой к небу тянется белый дымок. Солнце почти ушло, оставляя лишь розоватое марево. Между кострами, дразня собак, при этом заливаясь звонким смехом, бегают озорные детишки. Вот один из них подбежал к ней. Она что-то ему протянула. Он быстро выхватил грязной ручонкой это что-то, показал ей язык и убежал. Но догонявший его пёс остался.

Рыжий окрас крупного щенка был так знаком ей, но вспомнить, откуда она его знает, сколько она ни старалась, не смогла. Он сидел перед ней, явно в ожидании чего-то, забавно склонив голову набок. Не сводя с него глаз, она пошарила руками около себя, пытаясь найти хоть что-нибудь и дать ему. Но ничего не нашла, а он всё ждал. Ей было жаль, что не может его угостить. От нахлынувшей обиды она, маленькая девочка, заплакала навзрыд, со всхлипыванием размазывая кулачком горькие слёзы по лицу.

Далайя проснулась. Всё тело содрогалось от плача, а слёзы обильно стекали по её щекам. На её душе ещё оставалась детская обида из сна. Возникшие в этот момент ощущения были сродни сильной тоске по огромной утрате и некоторое время продолжали щемить её сердце, будоража сознание. Вскоре они уже стали освобождать её, постепенно возвращая в окружающую явь, пока, наконец, не исчезли полностью, вернув в прежнее состояние.

Она тут же вспомнила, что рядом находится сотник. Ей стало стыдно перед этим невольным свидетелем её слабости.

Но его не оказалось на своём месте, а вблизи от неё, чуть в стороне, на расстоянии вытянутой руки, действительно сидел рыжий пёс, похожий на того самого, из её сна, только гораздо крупнее.

На душе маленькой песчинкой оставался горький осадок от сна. Он ещё подавал свои тихие сигналы, и когда женщина протянула руку и дотронулась до собаки, он исчез.

Рыжий, как когда-то прежде, тут же лизнул ей руку своим горячим, шершавым языком, тяжело поднялся, подошёл ближе и вновь присел, поводя носом, обнюхивая её. Он очень подрос, налился мощью и силой, стал ещё более степенен и могуч. Вот только его удивительный взгляд оставался неизменным и выражал поразительное участие и некое таинство, так не присущие животным.

Тихие шаги сотника отвлекли Далайю. Она повернулась к нему.

Он подошёл и бережно укрыл её тёплой накидкой, подаренной Русой.

* * *

Солнце уже стало припекать, забравшись своими яркими лучами под навес и скользя одним из них по лицу спящей женщины. Она отвернулась от него, как от назойливой мухи, но вдруг резко пробудилась и присела, оглядываясь вокруг.

Приближался полдень.

«Проспала! Опять проспала. Нужно было с раннего утра добраться до пещеры и к этому времени уже быть здесь», – Да-

лайя злилась на себя за допущенную оплошность, мысленно нещадно ругая себя за такое глупое и безответственное поведение.

Большой кувшин, из которого она умывалась, набирая воду в ладони, выскользнул, ударился у ног о камни и разлетелся на множество мокрых осколков. Она замерла, опустив низко голову и прикусив губу. Затем, повернувшись, присела на край колодца, с раздражением смахивая с рук стекавшие капли. Волосы тяжёлыми локонами, играя синевой на свету, закрыли её лицо, оставляя взору лишь глиняные черепки у ног.

Подбежавшие к ней девочки стали весело прибирать остатки посуды, смеясь и пытаясь в шутку вновь собрать её из кусочков.

Подошедший сотник Даг, поставив возле неё другой кувшин, тихо произнёс:

– Всё будет хорошо. Успокойся. Твоим планам суждено свершиться в твои же сроки.

Она взглянула на него, не понимая сказанного, но тот повернулся и ушёл под навес к кострищу, как бы приглашая её туда для разговора.

Успокоившись и завершив умывание, Далайя прошла в тень навеса и присела на своё место, готовясь выслушать Дага. Тот не заставил долго ждать.

– К твоему тайнику не нужно отправляться. Пусть всё останется так, как было прежде. Когда вы все вместе вернётесь, сама его покажешь детям, – он ненадолго замолчал. Затем, отпив воды, продолжил: – То, что нужно тебе, есть и здесь, и оно уже приготовлено.

Он взглянул в лицо женщины, внимательно слушавшей каждое его слово. Его взгляд источал столько тепла и доброты, что она не посмела возразить ему даже лёгким жестом.

Тем временем он продолжал говорить:

– Тебе придётся взять ещё одну лошадь, а может, и двух. Меняя их в пути, быстрее достигнешь нужных мест. Ты сама знаешь об этом. Но учти, что опасность быть замеченной значительно возрастёт. Одиному всаднику, без сменных лошадей, всегда легче укрыться от чужих глаз. Может, всё-таки возьмешь с собой кого-нибудь?

– Нет. Легче самой, в одиночку. Не хочу потом сожалеть об ошибках. Слишком дорого они обходятся тем, кто находится рядом со мной.

Сотник понятиливо отвёл взгляд, задумчиво кивнул.

Далайя пребывала в раздумьях.

В крепостном дворе, как всегда, люди занимались своими делами, изредка поглядывая в их сторону.

Девочки принесли еду и вновь убежали, не мешая старшим.

– Все так сильно подросли! А ведь времени прошло не так уж и много, – Далайя с улыбкой взглянула на Дага, ощутив от этого общения с ним неимоверное облегчение. – А где Рушти? Что-то не видно его здесь?

– У него теперь хватает забот, он пасёт вола и овец внизу, в перелеске. Раньше у них всегда было помногу такой живности, вот он и напросился заниматься любимым делом. Иногда охотится с собаками, что также ему по сердцу. Правда, зверя здесь мало, как и птицы, однако он уверяет нас, что видел однажды волчицу с молодым выводком, но упустил.

– Опять волки?

– Думаю, что ему они померещилось. Мы двумя глазами их не видели, а он одним рассмотрел, – Даг незлобливо, искренне рассмеялся, содрогаясь могучим телом, расплёскивая воду из чаши в руке.

Глядя на него, Далайя тоже рассмеялась от души, представив лишь на миг одноглазого юношу Рушти, скрывающегося среди деревьев с луком в руке, а вместо волка дрожащую от страха овцу.

Насмевшись, они приступили к еде, с удовольствием наслаждаясь ароматом и вкусом мяса. Оно было особенным из-за трав, добавляемых молодыми хозяйками. Девочки разбирались в них и иногда подолгу занимались сбором в лесу.

Некоторые травы как-то очень особенно пришлись по вкусу сакам, их следовало есть вприкуску к мясу, они были кислыми и даже горьковатыми, но очень сочетались с ним. Иные травы очищали людей от разных хворей, изредка появлявшихся у них, особенно зимой. Такие травы заваривались в кипятке и своим

диковинным, противным вкусом не нравились мужчинам, но, к их удивлению, быстро исцеляли.

Среди разнообразия такой растительности были и ягоды, и корни, и широколистные, и стеблевидные травы, и у каждой из них были свои особенности воздействия на людей. Всё это было удивительным для степняков.

– А что юноши, не засиделись ли в этих стенах? Как они ведут себя? Не сожалеют о приходе сюда? – Далайя, отщипнув кусочек мяса, направила его в рот, откусывая сочный кисловатый стебелёк травинки из лежащего перед ними ярко-зелёного пучка.

– Ты права, время проходит очень быстро, и вместе с ним происходят перемены во всём живом, – Даг был серьёзен. – Габу и Дуару очень ждали тебя.

Исправляя допущенную оплошность, он смущённо взглянул на неё, слегка откашлялся и продолжил:

– Мы все беспокоились за вас и ждали. Просто они ожидали по-особенному.

Тут он вновь улыбнулся, но уже с искоркой озорства и добавил:

– Хотят твоего благословения.

– Я, кажется, уже догадываюсь на что.

Далайя перевела взгляд от сотника на девочек, затем вопросительно посмотрела на него.

– Угу, – кивнув, промычал в знак согласия тот, пережёвывая большой кусок мяса.

Не спеша проглотив его, он неожиданно спросил:

– Ты потеряла свой нож?

– Нет, – она опустила голову, взглянув на свой пояс. – Я оставила его наёмнику в залог о моём возврате с выкупом.

– Не печалься, ты обязательно вернёшь его, а пока прими от меня вот это, – Даг протянул ей красивый, но без излишней отделки нож в железных ножнах, обтянутых мягкой кожей.

Далайя бережно приняла его. Ей было очень приятно от того, что он так чутко и внимателен к ней, от того, что заметил её утрату, и, главное, от того, что он преподносит ей, как она

полагала, одну из своих любимых вещей. Не принять этот его дар означало обидеть его, и поэтому она не стала противиться и возвращать оружие, с благодарностью взглянув ему в глаза. Он был тронут.

Подцепив ножны застёжками к своему поясу, вынув из них нож, она с удовольствием остро отточенным лезвием отрезала кусочек мяса и по-сакски ловко подцепила его губами прямо с ножа, улыбнулась, встряхнув игриво головой и сверкнув ровными рядами белых зубов, как никогда оттеняемых бронзовым загаром лица и смолью волос.

Сотник смотрел на неё с восхищением, не сводя глаз.

Далайя была, как всегда, искренна и не пыталась скрыть своих радостных чувств.

– Мы не знакомы с обычаями горцев. Как нам быть? – вытирая нож, спросила она.

– Даже если бы мы их и знали, я не думаю, что всё нужно было бы исполнить в строгом соответствии с ними. Нам достаточно испросить их желания, утвердить своим одобрением совершаемый ритуал и дать правильные напутствия.

– Да, ты прав. Надуманных сложностей хватает в жизни. Может быть, здесь, прямо на наших глазах, зарождается нечто новое, совершенно другая жизнь, другие люди и обычаи. А? – Далайя, пребывая в возвышенных чувствах, мечтательно взглянула на собеседника.

– Здесь всё у всех иначе, нежели было до этого. От чего-то не очень нужного мы все освободились, что-то важное, пока не столь определённое, приобретаем. Главное – мы живём так, как хотим, не мешая друг другу, не являясь никому обузой. Наверное, пока существует вот такое истинное уважение между собой, многое зависит от нашего поведения, от нас, старших, в том числе и его сохранность. Во все времена вода чиста только у истоков, и лишь потом с ней может случиться всякое. От доблести всегда рождается доблесть, от храбрости – храбрость. Наверное, ты права, отсюда пойдёт новое начало, будет строиться иная будущность молодых, – Даг окинул взглядом двор, присматриваясь к людям.

Далайя внимательно слушала его и, когда он замолчал, мысленно повторила сказанное им, поражаясь точности и здравому смыслу его слов.

– Ты ведь знаешь, что ночью я ухожу, – после недолгого молчания она возобновила разговор.

– Да, я помню. – Сотник в задумчивости пожёвывал кислую травинку, гоняя её во рту из одного уголка в другой. – Получается так, что всё это нужно совершить сейчас.

Он отбросил в сторону остаток сжёванного им зелёного стебелька и с улыбкой взглянул на женщину, как бы призывая к действию.

– Что ж, будь по-твоему. Думаю, ты прав. Когда есть возможность, нужно стараться вовремя оправдывать ожидания тех, кто верит в тебя. То, что угодно небесам, не может быть отменено ни одним человеком. Пусть будут готовы, – Далайя встала и направилась к себе.

Сотник, одобрительно кивнув, сразу вскочил на ноги, отыскал глазами Бурчэ и направился к нему. Тот, выслушав его, запрыгнул на коня и умчался из крепости.

Даг подозвал Габу и Дуару.

– Вы не напрасно ждали Далайю, она готова благословить вас сейчас. Всё будет не по нашим обычаям, к которым мы привыкли, пусть это вас не тревожит. Объясните Зеле и Мире, что и их обычаи не будут здесь соблюдены. Мы решили, что так будет правильнее, ведь такое средь нас свершается впервые, и некому нас упрекнуть в каких-то нарушениях. Идите за снаряжением и подготовьте коней. Рушти позаботится об остальном.

Молодые саки, внимательно слушавшие каждое слово сотника Дага, переглянувшись с радостной улыбкой, опрометью помчались исполнять столь приятный и долгожданный наказ.

Вскоре в воротах появился Рушти, ведя на поводу своего коня. Рядом с ним, высунув язык, шёл рыжий.

Не увидев охраны, юноша в недоумении приблизился к ожидавшему его сотнику.

– У тебя всё в порядке? – увидев его озабоченный вид, спросил Даг.

Тот кивнул, утирая пот на загоревшем лице.

– Рушти, ты понял, для чего я тебя вызвал? – вновь спросил сотник, вглядываясь в единственный глаз молодого горца.

Тот вновь кивнул.

– Да, многословием ты не отличаешься, – Даг улыбнулся, что бывало не так уж и часто. – Всё будет происходить по-новому. Ваши обычаи, как и обычаи саков, сегодня не будут нужны. Огорчаться не следует. Отныне из всех устоев – и ваших, и наших – мы сами будем выбирать те, что придутся нам по душе, и может случиться так, что нам всем вместе придётся создать кое-что новое. Ты понимаешь меня? – словно маленькому ребёнку объяснял сотник.

Рушти, не сводя с его лица своего половинчатого взгляда, снова кивнул.

– Ну вот, всё хорошо, а теперь иди к девочкам и постарайся всё это объяснить им.

Даг ласково похлопал его по плечу и легонько подтолкнул, кивнув в сторону строения.

Оставив скакуна в загоне, юноша неуклюже побежал, соображая, как правильнее объяснить сказанное своим соплеменникам.

Рыжий, вытянув передние лапы, гибко прогнулся своим мосластым телом и ленивым движением встряхнул волнистую шерсть. Важно ступая, он направился в тень к колодцу, где, лизнув влажные камни, улёгся, высунув язык, учащённо дыша и оглядывая округу.

* * *

Все в ожидании находились во дворе.

По левую руку от входа в строение стоял Рушти. По бокам от него расположились взволнованные девушки. Они были в чистеньких нарядах, тех, что когда-то сшила и подарила им Далайя.

Лицом к ним, напротив, по правую руку, стояли молодые саки, между которыми возвышался Даг. Все были в полном вооружении. Габу и Дуару по указанию сотника держали на поводу своих коней.

С дверного проёма откинулся кожаный полог, Далайя с присущей ей природной грациозностью переступила порог.

При виде её мужчины враз подтянулись, невольно поправив оружие, и не сводили с неё восторженных глаз. Девушки от восхищения тихо охнули в один голос, хлопнув в ладони и тут же прижав их к зардевшимся румянцем щекам.

Далайя была прекрасна. Её наряд был прежним, как всегда, опрятным и чистым. Только две вещи дополняли его впервые, преображая обыденность в торжественность, подобающую происходящему событию.

Доселе невиданный ууртцами широкий красный пояс, изготовленный из тонко выделанной кожи, туго обтягивал её узкую талию, подчёркивая и без того безупречную осанку этой красивой женщины. Сбоку на нём на трёх массивных округлых металлических бляшках-застёжках сверкали три маленьких камня.

Но более всего подчёркивала её женственность вторая вещь. Её не видели даже саки. На голове Далайи поверх её распущенных волнистых волос тонкой сияющей змейкой красовался ободок с изящным переплетением в передней части, посреди которого был вправлен небольшой, но сильно искрящийся на солнце камень.

Такого не ожидал никто. Зрелище было потрясающим. В эти мгновения невозможно было представить человека, кого бы оно оставило равнодушным.

Вначале Далайя подозвала обеих девушек. Те, не чувствуя под собой ног, быстро подбежали к ней и, чуть дыша, склонили перед ней головы, замерев в шаге от неё.

Оглядев их обеих, лишь на миг задумавшись и улыбнувшись каким-то своим мыслям, она кивнула старшей из них, Зеле, а когда та приблизилась, бережно сняла обеими руками ободок и опустила его ей на голову. Затем пальцами она нежно приподняла её голову за подбородок и внимательно заглянула ей в глаза, пытаясь определить для себя, всё ли она понимает должным образом. В ясных глазах девушки сквозь пелену слёзной поволоки помимо безбрежной преданности чётко читалась осмысленность.

Довольная увиденным, Далайя кивнула младшей, Мире. Ловким движением сняв с себя пояс, она протянула его ей, при этом тихо, но проникновенно сказав:

– Это тебе. Надень.

Та трепетно приняла подарок, но от охватившего её сильного волнения руки не слушались, так что она чуть было не выронила его.

Далайя, улыбнувшись, застегнула пояс на талии девушки, которой он был слегка великоват, и, так же как и Зеле, заглянула ей в глаза. В них она увидела то же, что у старшей сестры.

«Это хорошо. Выходит, есть между ними чувства», – взглянув на Габу и Дуару, подумала она и жестом пригласила их к себе.

Подойдя к девушкам, по-прежнему стоящим перед Далайей, юноши, накоротке левой рукой придерживая скакунов, приложив правую руку к сердцу и низко склонив головы, опустились перед ней на колено. Далайя взяла за руки обеих девушек и подвела их к склонённым воинам.

Повелев и Габу, и Дуару подняться, она протянула уздечки их лошадей вначале Зеле, а затем и Мире. Девушки послушно приняли их.

Юноши, увидев одобрительный кивок Далайи, уверенно запрыгнули на своих коней.

Зела, не зная, что делать дальше, взглянула в глаза Далайи. Та вновь улынулась и указала рукой в сторону ворот. Пары, следуя друг за другом, покинули крепость. Нарождённый обряд был завершён. Молодые стали мужьями и жёнами. Отныне у них появилась обязанность делить всё в жизни поровну.

За пределами крепости, как объяснил обоим юношам Даг, в эту ночь они должны были принять решение – возвращаться с зарёй обратно или же уйти в другие края.

С этого дня, одобренная Далайей и исполненная ею вместе с Дагом, такая традиция должна была соблюдаться и впредь.

* * *

Бурчэ, сменивший Рушти возле его пасущихся овец, не сводил глаз с крепостных ворот, пытаясь представить, как и что

там происходит, но, к его сожалению, у него из этого ничего не получалось. В голове царила неразбериха.

«Это всё от жары», – успокаивал он себя, сгоняя к ручью разбредшихся среди деревьев животных.

Раздевшись до пояса, он стал обдавать себя студёной водой, получая хоть какое-то удовольствие от этой нелепой работы.

«И чего она так по душе Рушти? Целый день в одиночку быть на такой жаре я бы не смог. Станный он какой-то. Ну да ладно. Кому-то нужно и этим делом заниматься. Пусть сегодня отдохнёт. Всё же он один от своего народа, и в такой момент обязательно должен находиться там, в крепости. Это правильно», – продолжал размышлять он, пригоршнями бросая себе на грудь и в лицо холодную влагу.

Находящиеся рядом притихшие собаки вдруг встревожились и поднялись из травы.

Бурчэ оглянулся, натягивая одежду.

Там, вдали, из крепостных ворот, ведя на поводу коней, неторопливо спускались Габу и Зела, а за ними Дуару и Мире.

От увиденного что-то дрогнуло внутри молодого мужчины, защемило в груди, подпирая обильную горькую слюну к самому горлу. В сердцах сплюнув прямо перед собой, он стоял, опустив руки, не смея оторвать от них глаз. Этого момента он ожидал не меньше своих собратьев, но всё же, как оказалось, не был готов по-настоящему к тому, что произошло. В его представлениях всё было иначе, совсем по-другому, легко и забавно, не так, как сейчас, слишком остро и больно, задевая его душу, словно при потере чего-то родного и значимого.

Он так и простоял, не шевельнувшись, прикрыв веки, пока к нему не подошли его друзья.

Втроём порывисто они обнялись и замерли, касаясь головами, сплетя руки, вцепившись пальцами в плечи друг другу.

Зела и Мире находились чуть в стороне, держа скакунов и наблюдая за происходящим.

В какой-то миг Бурчэ переставил ногу, заводя её за другую, при этом слегка поведя плечом. Этого было достаточно, чтобы двое других поняли его движение. Саки закужились в танце,

ускоряясь и быстрее перебирая ногами, то откидывая назад головы, то вновь опуская их в круг. Всё в округе завертелось, наполняя азартом и жаром молодые, сильные сердца.

Они то дико вскрикивали, наращивая и без того высокий темп, пугая собак и овец, то, замедляясь, умолкали, бряцая оружием и шурша одеждой.

Зрелище было жутким и величавым одновременно. В одном танце, лишь движениями, саки умели показать, кто они такие, какие они, как относятся друг к другу и ещё много всего, чего никогда не произносили вслух.

Наконец остановившись, тяжело дыша, они расцепились. Каждый из младших обнял Бурчэ и, больше не задерживаясь, покинул его.

Не желая дольше находиться здесь, да к тому же в одиночестве, согнав овец, успокаиваясь, он направился в крепость. Рядом с ним дружной семьёй бежали преданные псы. Все, кроме рыжего, ни на шаг не отходящего от Рушти.

* * *

Вечером, как обычно, ведомый отважным жеребцом, во двор, источая жар, влетел табун. Бурчэ и Рушти по заведённому ими же правилу, затворив ворота, стали пересчитывать поголовье.

Далайя и Даг сидели у костра.

Без весёлых девочек, без молчаливых, но очень внимательных Габу и Дуару крепость выглядела как-то опустошённо, и от этого у всех на душе было по-особенному тяжело и тоскливо.

Далайя решила с заходом солнца выдвигаться в дорогу. Сотник уговорил женщину сопроводить её до конца ущелья.

Рыжий, послонявшись по двору и недолго постояв у загона овец, с ленцой прошёл к воротам, обнюхал их и вернулся к колдуну. Потеснив двух лежащих братьев, пару раз несильно ударив лапой по спине одного из них, он прилёг, потершись о его выпирающие лопатки тяжёлой головой. В этот вечер он так и не подошёл к Далайе, а лишь издали поглядывал в её сторону.

– Даг, как по-твоему, молодые пары остались довольны? – не сводя глаз с собаки, спросила Далайя.

– Всё прошло, как должно было. Они благодарны тебе. Такого уже никогда не будет в их судьбах.

* * *

Ущелье осталось позади. Открывшийся простор освежал дыхание, наполняя вольницей душу и радуя глаз своей необозримой широтой.

Ночь была лунной, светлой. Осмотрев ещё раз обоих скакунов, Далайя подошла к сотнику Дагу, впервые обнялась с ним, а затем вскочила в седло. Взглянув на Дага напоследок, она тронула коня и двинулась шагом, медленно отдаляясь.

Он долго стоял, пока она не скрылась в темноте, и только после этого, похлопав своего жеребца по упругой шее, развернувшись, повёл его за собой.

* * *

В пути, как прежде, ненадолго остановившись у могильных холмов воинов и светлейшего вождя Дантала, Далайя решила проверить состояние вьюков и их крепление на лошадях.

Когда она заглянула в них, то была поражена. В больших походных кожаных мешках находились слитки серебра, составляющие пять долей, которыми прямо здесь, на этом самом месте, она наградила саков и Русу. Все они были очень аккуратно завернуты в куски мягкого войлока и равномерно распределены в мешках. Воины словно возвращали ей свои доли.

Вновь, перемешиваясь с ощущением вины, огромная благодарность к родным людям наполнила всю её душу, пока не оставляя в ней места для успокоения.

– Ты видишь, мудрый Дантал, сколько бед я приношу им в этой жизни и сколько добра для меня творят они? – женщина шёпотом обращалась к небу, сплошь усеянному яркими мерцающими звёздами. – Когда и как я сумею отблагодарить их?

Застонав, она тихо заплакала. Слёзы стекали по её щекам, но она не замечала их и всё продолжала смотреть в звёздное небо, свято веря, что он её видит и слышит.

Душа, как всегда в этом месте, у святых могильных курганов, очень скоро облегчилась. Пройдя к воде, умывшись, напоив скакунов и поменяв их под грузами, она двинулась дальше.

На этот раз она шла очень быстро, с короткими остановками для пастбы лошадей и утоления их жажды. Она шла полными ночами напролёт, прихватывая за частую дневное время, питаясь вяленным мясом, в достатке уложенном в мешки.

К рассвету четвёртого дня после остановки у памятного места битвы она приблизилась к селению хорезмийских наёмников. Ещё издали уловив в нём что-то неладное, она решила подбаться к нему скрытно и налегке, оставив коней.

Забравшись в укрытие, откуда не так давно наблюдала за лагерем, Далайя стала внимательно его рассматривать. То, что предстало её взору, было ужасно и неожиданно. Всюду у мазанок и на площади среди селения лежали окровавленные тела. Загон был пуст. Сколько ни старалась она, но ни одного живого существа увидеть не смогла.

Сердце тревожно заколотилось в её груди.

Не теряя больше времени, оставила одного скакуна с грузом в скроне и повернула коня к реке, чтобы миновать главные ворота. Держась в отдалении от строений, она осторожно продвигалась между бурлящей водой и станом, держа наготове лук и заглядывая в каждый проход среди мазанок.

Всё по-прежнему было неподвижно и безмолвно, и только звуки реки нарушали гнетущий покой.

Вскоре она достигла последнего строения, за которым находилась та самая злосчастная яма-тюрьма, сошла на землю, подбежала к задней стене мазанки и замерла.

Недолго постояв, натянула тетиву и, резко развернувшись, выскочила из-за угла, тут же присев и поводя стрелой из стороны в сторону, готовая сразить любую цель, но, кроме неподвижных тел, она ничего не увидела.

Прямо перед ней, в шаге от неё, по траве в сторону побережья тянулся кровавый след. Ловко переступив через него, она побежала к яме, решётчатая крышка которой валялась в стороне.

С каждым шагом в ней всё сильнее нарастала тревога, усиливая самые плохие предчувствия.

Прежде чем заглянуть в яму, Далайя с опаской оглянулась, но всё было тихо.

– Эй, там, внизу, есть кто? Подайте голос, – стараясь быть как можно тише и сдержаннее, бросила она в тёмное отверстие.

Пустота ответила коротким гулким эхом.

Она замерла. Вновь оглянулась, положила на землю лук и наклонилась ниже, опершись руками о края. Затхлый запах гнили вперемешку с сырой прохладой сразу ударил ей в нос.

Глаза быстро привыкли к темноте. Яма была пуста.

– Подойди сюда, – чей-то хриплый, приглушённый голос неожиданно резанул её обострённый до предела слух.

Далайя вздрогнула, едва не вскрикнув.

Мгновенно тысячами мелких колючек по спине к затылку пробежали мурашки, жутко, словно чьей-то ледяной рукой стягивая кожу на голове, шевеля ожившими волосами. Она схватила в руки лук, быстро и до предела натянула тетиву и резко развернулась в полный круг. Никого не было. Ей уже не верилось, что она что-то слышала.

– Иди же скорей, – вновь раздался тот же мужской голос.

Теперь уже отчётливо уловив его, Далайя посмотрела в сторону реки и увидела торчащую из кустов окровавленную руку, которая тут же исчезла.

Женщина выпрямилась, ослабила тетиву, не опуская лука, оглянулась по сторонам и стала медленно продвигаться на голое. Кровавый след тянулся прямо к зарослям.

Трава была скользкой от утренней росы, а спуск к берегу в этом месте был немного круче. Пару раз едва удержавшись от падения, она с опаской приблизилась к кустарнику на расстояние вытянутой руки. Опустила на траву лук, выхватила акинак и, наклонившись вперёд, раздвинула листву.

Зажимая правой ладонью рану на животе, весь измазанный кровью, прямо перед ней в тени густого куста полубоком лежал сотник наёмников. Увидев её единственным целым глазом, он с усилием, тихо застонав, приподнял голову. Слипшиеся длинные

волосы свисали прядями к земле. Рассекая левую бровь и кожу на скуле, чернея запекшимся сгустком в области глаза, оголяя синеватую кость, зияла почти свежая рана, с краёв которой сбегала каплями кровь.

Опустив меч, Далайя присела, придерживая над собой ветки.

Бессильно уронив голову, он тихо выдохнул:

– Я думал, это ты напала на нас, – и прикрыл подрагивающее веко.

– Я привезла обещанное тебе, – понимая всю нелепость сказанного, также тихо прошептала она.

– Оставь себе, – отдышавшись, прохрипел тот.

Из уголка его рта побежала тоненькая струйка крови. Было видно, что слова давались ему с огромным усилием.

– Я тоже исполнил... – он вновь замолчал. Затем, натужно и прерывисто дыша, продолжил: – Живы твои... в ущелье... с моим воином... одари его... и... отпусти...

Он повёл глазом вверх, как догадалась она, указывая сторону, где находится ущелье, и тут же перевёл взгляд на неё.

Она поняла и кивнула.

Он замолчал, набираясь сил. В какой-то момент, видимо от приступа боли, жуткая гримаса резко исказила его лицо, пробежав судорогой по всему его телу. Он застонал. Ей стало жаль его.

– Что мне сделать для тебя? – на самом деле не зная, как ему помочь, спросила Далайя, внимательно глядя ему в лицо и прислушиваясь к его дыханию, чтобы понять, жив ли он.

– Пусть воин... найдёт... моё тело, – едва слышно слипшимися губами прошептал тот, скользя по траве рукой в её сторону.

– Хорошо. Я даю тебе обещание, – дрогнувшим голосом произнесла она, коснувшись его сжатого кулака.

Сотник слегка приподнялся, совершенно иным, очень ясным взором здорового глаза уставился на неё, захрипел и откинулся. Он был мёртв.

Далайя, опустив голову, молча сидела возле него. Когда она решила уйти, то случайно увидела под его разжавшимися пальцами какой-то предмет. Это был её нож.

Подобрав около ближайших двух тел оружие, Далайя вернулась за вторым скакуном и направилась в поисках ущелья в сторону, указанную сотником, оставляя за спиной и селение наёмников, где этой ночью вдоволь нагулялась смерть, и дорогу, по которой пришла сюда уже во второй раз.

Справа от неё по-прежнему непрерывной стеной тянулась каменная горная гряда, становившаяся всё более высокой и накрывавшая тенью округу от своего основания до бегущей вдоль неё реки.

Мягкая трава зелёным ковром стелилась под копытами бодро бегущих лошадей, скрадывая их drobный стук.

Царившая здесь прохлада в такой знойный день была истине даром небес и для уставшей, но взбодрённой добрым известием женщины, и для животных, немного отдохнувших поутру.

Среди гор, внимательно осматриваемых ею, пока не попадались даже небольшие расщелины.

Близился полдень. Русло реки, сужаясь клином, прижималось ближе к скалам, всё больше выпирая каменистыми берегами над отступающей в сторону и редющей травой.

Вскоре бурный поток преградил путь, резко повернув вправо, где находилось долгожданное ущелье. В том, что именно о нём говорил умерший сотник, сомнений не было.

Спрыгнув на землю, Далайя снарядила лук. Держа его в правой руке, другой покрепче сжав поводья, осторожно ступая, она направилась вдоль воды, оглядывая ступенчатые выступы скал, которые с обеих сторон подходили каскадами к берегам, оставляя у самой воды довольно широкий проход.

Уловив запах дыма, исходивший откуда-то спереди из-за очередного скального выступа, она, оставив лошадей, подбежала к нему и замерла, прислушиваясь к звукам. Не расслышав людских голосов, выглянула из укрытия. Шагах в десяти от неё, на камне, боком к ней сидел воин, остругивая ножом ветку. Чуть в стороне от него полыхал небольшой костёр, рядом с которым горкой лежал хворост.

У самого подножья отвесной скалы, скрываясь наполовину в её тени, стояла кибитка, самая настоящая сакская кибитка, войлочное покрытие которой зияло множеством дыр, обнажая ребра каркаса, изготовленные из потемневших прутьев.

Возле неё на брошенной на землю затёртой и грязной шкуре спиной друг к другу, с заведёнными назад руками, низко опустив головы, сидели Руса и молодой сак-хаомаварг.

Далайя бесшумно вышла из-за угла, сделала несколько быстрых шагов и остановилась. Стрела была наведена охраннику прямо в голову. Видимо, уловив какое-то движение, воин сразу повернулся в её сторону и растерянно уставился на неё. Утерев выступивший на лице пот и не сводя с неё глаз, он медленно поднялся, уронив на землю свой нож.

Она узнала его. Именно он там, в его селении, при её разговоре с сотником разогнал собравшихся вокруг наёмников.

Недолго постояв и придя в себя, он без лишних движений подобрал нож, медленно подошёл к сидящим пленникам, слегка наклонил сака, перерезал у обоих на руках верёвки и отошёл в сторону, вновь бросив нож на землю.

Всё это время Далайя прицельно вела его, не ослабляя тетивы, и, когда он склонился над её соплеменниками, едва не выпустила в него стрелу, но, на его счастье, вовремя сдержалась.

– Там, у реки, в кустах лежит тело твоего сотника, – она кивнула назад, в сторону селения. – Он умер при мне, сказав об этом месте и о тебе. Ночью в вашем лагере кто-то всех вырезал.

Она опустила лук, не сводя глаз с охранника, немного помолчала, затем спросила его, бросив быстрый взгляд в сторону неподвижно сидящих пленников:

– Что с ними?

– Мы здесь без пищи почти со времени твоего ухода. Я не сильно стягивал узлы. Они, – он кивнул на Русу и сака, – не зная о вашей договорённости, могли погибнуть, пытаюсь бежать.

– Где твой конь? – с явным удивлением спросила Далайя, приближаясь к кибитке.

– Те, кто сопроводил нас сюда, видимо, по велению сотника забрали его обратно с собой, – недоумевающе пожав плечами, ответил воин.

«Всё правильно они сделали. Иначе ты уже давно сбежал бы на нём отсюда от такого голода, бросив пленных. Умный твой сотник, не оставил тебе никакого выбора, заставив тебя охранять их... Вот только Руса был бы жив и здоров. Больше мне не нужно ничего», – размышляла она, подойдя к сидящим и повелев стражнику отойти подальше к воде и не двигаться.

Тот всё исполнил в точности, присев на один из камней.

Встав на колени возле Русы, отложив в сторону лук, она бережно подняла его голову и слегка повернула её к себе.

Он был крайне худ и измождён. Кожа на его лице больше напоминала засохшую кору дерева, нежели живой человеческий покров. Растрескавшиеся, опухшие губы были слегка приоткрыты. Видимо, от боли он не мог их сомкнуть. Розоватая слюна паутиной свисала на бороду, в которой она впервые увидела тонкие пряди серебра. Он тихо дышал, изредка сглатывая, напрягая жилистую шею. Сак тоже был жив.

– Ну-ка, перенеси их подальше в тень да уложи по-людски, – вставая, приказала она охраннику, показав подобранным луком на тенистое место у подножья горы, и быстрыми шагами направилась за лошадьми.

Приведя скакунов, она привязала их с другой стороны кибитки, пока не трогая весь груз, а сняв лишь небольшой мешок с едой.

На подстеленных шкурах в прохладе скального выступа лежали двое мужчин. Один из них был для неё дороже всех на свете. Другой же, хоть и не был ей особо знаком, но, разделяя участь первого, был с некоторых пор уже не чужим.

Начав с мозолистых ступней, затем, раздев обоих по пояс, она обтёрла принесённой охранником водой их исхудавшие тела, промыла ссадины и раны, которыми они были сплошь покрыты, и, с его помощью переложив их на свою широкую мягкую накидку, присела у изголовья Русы, уже не в силах отвести от него жалостливого взора.

Дыхание обоих мужчин, надсадное и очень учащённое поначалу, к её радости, стало постепенно выравниваться и успокаиваться, а тела их были уже заметно расслаблены.

Теперь она была уверена, что их забытие перешло в нормальный сон.

К костру, возле которого тихо сидел наёмник, Далайя вскоре поднесла объёмистый мешок, вынула из него вяленое мясо и подала ему. Тот без излишней поспешности взял его двумя руками, сперва поднёс к лицу, с наслаждением вдохнув аромат, затем вцепился в него крепкими зубами, отрывая большие куски, проглатывая их почти не разжёвывая.

Пошарив рукой в мешке, набитом такой снедью, она вытащила оттуда пучки разной зелени, отщипнула от каждого несколько стебельков и также протянула ему. Он взял их и, вновь принявшись к ним, стал понемногу откусывать, чередуя с мясом. Довольно быстро расправившись со всей едой, он мельком взглянул на женщину и как-то нехотя вытер руки о штаны. Она вытащила ещё один кусок мяса и вновь подала ему, но когда он уже намеревался съесть его, она схватила его за руку.

Он в недоумении посмотрел на неё.

– Не торопись. Съешь его чуть позже. Иначе можешь навредить себе, – спокойно, с искренней улыбкой произнесла она.

Воин смутился, повертел в руках кусок и бережно отложил в сторону.

Потянувшись по привычке к поясу, только теперь она вспомнила о своём ноже. Она вытащила его из-за пояса и молча направилась к реке, где, присев у воды, стала отмывать его от крови, засохшей на рукояти и ножнах. Лезвие было чистым.

Завершив начатое, собрала грязную одежду Русы и сака, тщательно простирала её и разложила на горячих прибрежных камнях.

Вернувшись к огню, но прежде наведав спящих, она присела на своё место. Воин спокойно смотрел на неё.

– Ты устал, приляг. Утром я дам тебе коня. Твой сотник перед смертью просил передать тебе, чтобы ты нашёл его тело. Где оно лежит, ты знаешь. Я ничем уже не смогла ему помочь и всего лишь исполняю его последнюю волю. Больше, чем я сказала тебе, я ничего не знаю, – Далайя, упреждая лишние вопросы, говорила проникновенно, при этом внимательно рассматривая своего собеседника.

«Кажется, он одного со мной возраста, наверняка, тоже вступил в своё тридцать пятое лето. Он не степняк, больше похож на выходца из южных стран», – подумала она.

Она отрезала небольшой кусочек мяса и с наслаждением закусил его сочным стебельком. Немного помолчав, взглянула на кибитку и спросила:

– Откуда это здесь?

– С погибшим сотником мы были из одного селения, что находится в далёкой Кармании. Его звали Кард. Мы были давно знакомы. Когда-то он уговорил меня повидать мир вместе с ним и ещё с десятком братьев. Выходит, из всех в живых остался только я один, – печально произнёс он и замолчал, скорбно опустив голову. Но вскоре, горестно вздохнув, продолжил: – Он был старшим среди нас, и наши отцы доверились ему, зная его характер, уважая в нём силу, надёжность и к тому же ловкость во всех делах. Служа разным хозяевам, он вскоре дорос до сотника, но нигде не оставлял нас, всегда проявляя заботу. Под его началом я стал десятником над своими людьми, так было легче и ему, и нам. Эту кибитку, брошенную кем-то, мы нашли ещё весной в небольшом урочище в дневном переходе отсюда. По его велению я тогда же спрятал её здесь, а для чего, знал только он. Наверное, он надеялся, что однажды наживём много добра и, нагрузив её доверху, вернёмся в родную землю.

– Скажи мне, здесь есть проход по ущелью? – меняя грустную тему, поинтересовалась Далайя.

– Нет. Это место самое широкое между рекой и скалами. Дальше вела только звериная тропа, но после обвала и её не стало.

– А на том берегу? – кивнула она.

– Там гиблое место. Скалы везде вплотную подходят к воде, как вот здесь, – он показал рукой на горы за рекой.

– По-твоему, получается так, что здесь тупик? И выход отсюда только один – обратно через ваше селение? – в раздумьях, почти заранее зная его ответ, вновь тихо, но с надеждой, что это не так, спросила она.

– Без кибитки можно перейти реку в одном месте. Даже с лошадьми. Ну а с ней – тупик, – согласился десятник.

«Если я отдам ему коня, то как мне быть со своими людьми? Да ещё груз? – терзалась она от возникших вопросов. – Но я уже пообещала ему, и нужно исполнить сказанное. Что ж, пища у нас есть, вода рядом, буду ждать, пока окрепнут мужчины, а там найдётся выход». Не желая изменять принятого решения и наконец определившись, она успокоилась и принялась за еду.

Десятник, нанизав на веточку кусок мяса, подогрел его на огне и стал с жадностью поглощать.

Испив воды, Далайя прошла к кибитке и заглянула внутрь, затем разгрузила коня, с трудом переложив все мешки в повозку. Туда же она бросила и привезённое оружие.

Напоив поочерёдно лошадей, искупав их и привязав на прежнее место, она вернулась к костру.

* * *

Ближе к вечеру, отдохнув в полудрёме и немного набравшись сил, Далайя, бросив взгляд на спящего воина, подошла к Русе. От её прикосновения он легко пробудился, разлепил густые ресницы и спокойно посмотрел ей в глаза. Такая его способность, однажды уже подмеченная ею, всё так же удивляла её.

Повернувшись к женщине, он стал приподниматься, помогая себе рукой, чтобы удобнее сесть. Было видно, что он сильно ослаб, движения давались ему с большим трудом.

Они долго смотрели друг другу в глаза, ощущая всю боль и тяжесть, что довелось им пережить порознь в эти дни. Но теперь они несмотря ни на что вновь были вместе, а это было самым главным для них, и они были счастливы.

За те дни, которые молодой сак провёл с Русой и в яме, и здесь, он настолько сильно привык к нему, что, даже будучи в полусознательном состоянии, чувствовал каждое его движение, каждый его вдох, словно стал с ним одним целым. Вот и сейчас он тоже пробудился и с явной тревогой раскрыл глаза, но, увидев сидящего спиной к нему Русу, сразу успокоился.

Далайя улыбнулась Русе, нежно коснулась пальцами его лица, встала и направилась за одеждой к реке, украдкой смахнув подступившие слёзы.

Проводив её взглядом, Руса обернулся, посмотрел на лежащего рядом с ним сака, задумчиво кивнул и начал подниматься. Тот, сообразив, что ему не следует отставать, повернулся на другой бок, едва шевеля руками и ногами, и, содрогаясь от участившегося сердцебиения, пошатываясь, тоже встал.

Мгновенно почувствовав слабость, он стал падать, и, если бы не Руса, вовремя подхвативший его заваливающееся тело, он бы рухнул на камни, наверняка ударившись об их острые грани. Немного постояв, опираясь на руку горца, слегка помотав головой, сак вскоре пришёл в себя, поблагодарил Русу взглядом за поддержку и сделал неуверенный шаг.

Собрав подсохшую одежду, Далайя обернулась. От увиденного она замерла, прижав её к груди. В сторону костра, возле которого стоял наёмник, на несгибающихся ногах, подпирая друг друга, медленно продвигались два исхудавших до самой крайности человека. Их косматые головы казались несоразмерно большими. Бока с выпирающими рёбрами изредка вздымались, обозначая слабое дыхание. Они больше напоминали иссохших мертвецов, нежели живых людей.

Весь вечер, до самой глубокой ночи все сидели молча у костра.

Руса и молодой сак, преодолевая боль, едва шевеля губами, ставшими сплошными кровоточащими ранами, откусывали мясо, долго и медленно пережёвывая его и сопровождая каждый глоток большими перерывами на отдых.

* * *

Уложив мужчин, Далайя всю ночь бессонно провела у огня. Десятник, собравшийся их охранять, был отправлен ею отсыпаться. Не смея возражать, он расположился, как все, недалеко от костра.

К утру прохлада стал наполнять дно ущелья, расплываясь по нему и неприятно пробираясь под одежду.

Подбросив хворост в затухающий огонь, Далайя подошла к кибитке и на ощупь из попавшегося под руку мешка достала слиток серебра.

Прихватив и оружие, она вернулась к огню.

Первые солнечные лучи, осветив верхушки гор, плавно заскользили по ним и стали опускаться вниз, неся с собой столь нужное людям тепло.

– Эй, пора вставать, – услышал десятник женский голос.

Наспех протерев глаза, быстро сообразив, кто его будит, он вскочил на ноги, озираясь по сторонам.

Женщина сидела на прежнем месте. Слегка покрасневшими от бессонницы и едкого дыма глазами она смотрела на него.

– Возьмёшь того, что стоит ближе, – она указала рукой на коня.

Поднявшись и обойдя костёр, она подошла к наёмнику:

– Это тебе за то, что они живы.

Она кивнула в сторону спящих и протянула ему слиток серебра. Поражённый совершенно неожиданным поступком этой странной и непонятной ему женщины, он принял дар, не зная, что ответить.

– Тебе следует поспешить. Туда, наверняка, слетелась уже целая армия падальщиков. Скачи же скорее, можешь ещё успеть, – она повернулась и отошла в сторону, внимательно наблюдая за ним.

Понимая, что все её поступки очень серьёзны и не следует допускать в свой адрес повторений и напоминаний, он засунул тяжёлый и очень холодный слиток за пазуху, быстрым шагом подошёл к коню, отвязал его и ловко запрыгнул на него. Не оглядываясь в сторону женщины, он направил скакуна к выходу из ущелья.

Когда дневное тепло наполнило ущелье, а мягкое солнечное свечение заискрилось в речном потоке, Руса и молодой сак, завершив умывание и приняв пищу, уже полулежали возле костра, рассматривая оружие, которое передала им Далайя.

Она же лишь теперь позволила себе прилечь и тут же уснула.

После полудня, отдохнув, как уже давно ей не доводилось, женщина, вновь покормив мужчин, прихватила с собой кусок мяса и на оставшемся скакуне покинула ущелье. Добравшись до сочных трав, она отпустила его пастись.

Сама же, полностью раздевшись, ополоснула одежду и, разложив её на горячем берегу, долго наслаждалась купанием, часто выходя из ледяной воды и жадно вбирая телом дневной жар.

Тем временем Руса и молодой сак, отойдя в другую сторону, сняли с себя одежду, долго стирали её и, бросив на нагретые камни, сами забрались в воду, стараясь не порезаться об острые донные выступы.

Наступал вечер. Руса, понимая, что от него пока нет никакой пользы, и злясь на своё почти беспомощное состояние, стал сильно нервничать, тревожась из-за долгого отсутствия Далайи. Она, словно почувствовав это, появилась из-за дальнего выступа, ведя на поводу сытого коня.

Вскипятив в небольшом котле немного воды, насыпав в него из маленького мешочка сухого целебного разнотравья, женщина стала поить отваром быстро идущих на поправку мужчин, с удовольствием отметив про себя их опрятный вид. Выспавшиеся за день, они долго сидели у костра.

Из неспешного рассказа хаомаварга она поняла, что сотник, погибший в бою с хорезмийскими наёмниками, был его отцом, а умерший у реки юноша доводился ему младшим братом. Угадав её невысказанный вопрос, он поведал и о том, откуда его отец узнал её, назвав по имени.

Когда-то давно, находясь в свите своего вождя, сотник однажды посетил ставку царицы массагетов, где среди прочих приближённых к ней лиц была представлена и она. Об этом ему перед последней битвой почему-то рассказал отец.

Далайя не задавала вопросов, молча слушала, наблюдая за игрой огня. Попытавшись вспомнить тот далёкий случай, она тут же отказалась от этой затеи, прекрасно понимая всю её никчемность. «Попробуй упомни всех, кто бывал в ставке в гостях!» – мелькнула в её голове вполне здравая мысль.

– Имя моего отца Гурлад, брата звали Садур, а моё имя Патша, – тихо завершил повествование уставший воин.

– А как звали этого охранявшего вас десятника? – неожиданно для себя спросила Далайя, взглянув через костёр в сторону мужчин.

– Кажется, Фардас. Я слышал, что к нему в селении так обращались, – растирая горло, хрипло ответил Патша. Откашлявшись, он добавил: – Он неплохой человек, только уж очень исполнительный.

Ночную тишину нарушало лишь бурление речной воды.

«Такая маленькая, а какая голосистая! Столько шума от неё. Правда, и пользы много. Вот так и люди некоторые живут. Громко, не скрывая своих помыслов. Порой трудно понять, что кроется за таким поведением. Глупая самоуверенность или истинная сила», – промелькнуло непонятно к чему в её голове.

Она отвела взор от реки.

– Сегодня я буду в дозоре, – нарушил молчание Руса.

Далайя не стала возражать, зная, что не следует его переубеждать.

«Он не должен чувствовать себя слабым. К тому же до утра остаётся совсем недолго», – подумала она.

* * *

Едва посветлело небо, Далайя проснулась.

Руса полулежал у размеренно потрескивающего костра, подбрасывая в него хворостинки, словно кормя ими кого-то в огне.

Послышался цокот копыт. Она приподняла голову, пытаясь отделить шум воды от остальных звуков. Ей удалось это сделать. Внимательно вслушавшись, она вскочила на ноги, быстро заложила в лук стрелу, отбежала к скальному отвесу и изготовилась для стрельбы.

Руса не столь быстро, как она, но довольно скоро спустился к реке, выбрал удобную позицию, снарядил лук и тоже нацелился в сторону входа в ущелье.

Никем не потревоженный Патша спал.

Шаги приближались.

Далайя присела и натянула тетиву своего старого, но очень прочного и по-прежнему тугого лука. Из-за ближнего к ней выступа выехал всадник. Тут же послышался звон тетивы и свист выпущенной стрелы.

Десятник Фардас, а это был именно он, не ожидавший такой встречи, услышал почти в самый последний момент столь зна-

комый звук и быстро пригнулся, но резанувшая левое ухо боль заставила его спрыгнуть с коня и припасть к земле.

Далайя, увидев произошедшее, ослабила лук и посмотрела на Русу. Тот, встав из-за камня и не обращая внимания на лежащего десятника, недоумённо рассматривал свой лук, похоже, удивляясь тому, что не сразил такой большой цели. Ей почему-то стало смешно.

Она вышла из-за укрытия, подошла к наёмнику и протянула ему руку. Он, не приняв её помощи, вскочил на ноги, держась за окровавленное ухо.

– Ты везучий, Фардас, – будто обращаясь к старому знакомому, начала женщина, рассматривая его рану.

Кончик мочки был оторван.

– Руса стрелял из чужого лука. Обычно всё заканчивается иначе, – уже не в силах сдержаться, смеясь, договорила она.

Некоторое время, превозмогая боль, десятник растерянно смотрел на женщину, затем поперхнулся, видимо, поняв, что совершенно случайно остался жив, и, взглянув на стрелу, торчащую в скале из едва заметной трещины, вдруг расплылся в улыбке, обнажая крепкие зубы, а увидев Русу, карабкающегося у берега, громко рассмеялся, содрогаясь всем телом.

Ещё ничего не соображая спросонья, Патша, протирая рукой глаза и поднявшись на ноги, смотрел то на Далайю и десятника, неизвестно откуда вновь появившегося здесь, то на Русу, почему-то оказавшегося посреди прибрежных камней и пытавшегося выбраться оттуда.

Так ничего и не поняв, он махнул рукой и присел в надежде на то, что кто-нибудь ему всё скоро объяснит, затем поспешно встал и направился на помощь Русе.

Руса и Патша оставались в неведении относительно того, что произошло в лагере наёмников. Далайя же ждала удобного момента для расспросов Фардаса, но не торопила время, понимая, что сейчас ему не до этого.

* * *

Проведя здесь ещё два дня и набравшись сил, насколько это было возможно за такой короткий срок, Далайя предложила

выбираться из ущелья и уже потом, подальше отсюда, определиться с предстоящей каждому дорогой. Высказалась она в несколько расплывчатой, но убедительной форме, причём так, что Руса не стал уточнять, о каких дорогах и для кого идёт речь, уяснив лишь главное – пришла пора продолжить начатое.

Патша по поручению Далайи осмотрел кибитку, сделав это с особой тщательностью, и сообщил, что она ещё пригодна для использования. Теперь возник вопрос, как запрячь в неё привыкших только к верховой езде коней. Другого выхода не было, и они приступили к попыткам приноровить скакунов к такой работе, и, к всеобщему удивлению, у них всё получилось довольно неплохо.

Промучившись почти половину дня с разноходом лошадей, никогда не ходивших в упряжке, и тем более в парной, они всё же добились от них желаемого.

В итоге, имея в меру спокойных и послушных животных, усталые, но довольные ещё задолго до заката они прошли большую часть обратного пути к селению.

Под размеренный скрип огромных деревянных колёс, лёжа на мягких шкурах, сквозь дыры в войлочном покрытии устремив взоры в вечернее небо, иногда подрёмывая, путники приближались к лагерю наёмников, где с недавних пор царило безмолвие.

Руса полагал, что десятник Фардас пару дней назад отбывал в стан для решения вопроса об их освобождении и вернулся с хорошей новостью. Только поэтому, думал он, они сейчас уверенно продвигаются в эту сторону.

С наступлением темноты, ко времени, рассчитанному Далайей, они находились всего в сотне шагов от окраины лагеря. В кибитке стали всматриваться в сторону селения, пытаясь увидеть огни.

Спрыгнув на землю, женщина пошла рядом с Фардасом, управлявшим лошадьми.

– Обойди вдоль реки, – шепнула она.

Тот послушно потянул за поводья, забирая правее.

Миновали последнюю мазанку, оставшуюся, как и все остальные, чёрным силуэтом по левую руку.

– Как будто у них что-то не так, – слышался из кибитки шёпот Патши.

– Как твоя рана? Не досаждают? – меняя тему разговора, обратилась Далайя к молчаливому Фардасу чуть громче положенного.

– Уже не так, – коротко ответил тот, вновь выправляя лошадей влево, на ровную местность, оставив позади селение, где прожил без малого год и где накануне он своими руками опустил в свежую могилу тела сотника и ещё десяти изрубленных собратьев.

Далайя догадывалась о том, что набег совершили саки-хао-маварги в отместку за гибель своей сотни, но не хотела пока затрагивать эту тяжёлую тему, памятуя и о присутствии рядом с ней Патши, воина из их племён, потерявшего своих отца и брата, и о нахождении здесь же хорезмийского наёмника, карманийца Фардаса, схоронившего родных людей.

«Нужно уберечь их от вражды. Отвлечь другой, единой для нас целью. Не знаю, смогу ли убедить их понять друг друга? Слишком много принесено жертв и очень мало прошло времени», – пребывала она в тяжких раздумьях, понимая состояние идущего рядом воина.

Неожиданно для себя, ещё не отойдя от своих раздумий, она вдруг отчётливо произнесла:

– Не следует прибавлять горя.

Фардас взглянул в её сторону, остановил лошадей и предложил:

– Давай заберёмся внутрь. Нужно отдохнуть.

* * *

В просторной кибитке, пропитанной запахом сотен костров, медленно влекомой парой крепких сакских коней, опущенных в ночь без управы, безмятежно спали, доверившись судьбе, четверо путников.

Г Л А В А Ч Е Т В Ъ Р Т А Я

Незнакомая местность, казалось, не желала отпускать заблудившихся в ней людей из своих невидимых, но цепких объятий и словно призвала себе в помощники тяжёлые, постоянно сочащиеся влагой облака, ни на миг не открывавшие спрятанных за ними звёзд, без которых путники были почти слепы и не способны найти нужного пути.

Теперь им очень не хватало той старой кибитки, что была оставлена на окраине небольшого урочища: в ней можно было бы укрыться от беспрерывно морозящего дождя.

Удача, посетившая их в первый же день в виде пяти отловленных ими лошадей, похоже, надолго покинула их, сочтя достаточным этого дара.

Наступала третья ночь их дороги.

Фардас, обдумав своё незавидное положение, возле первого же костра выразил желание следовать с ними дальше, куда бы они ни направлялись.

Патша всё отмалчивался, не ведая, что предпринять в такой непростой ситуации, и надеясь на скорое озарение. В отличие от вечно скитающегося по мирам Фардаса, он, привыкший всегда жить среди своего народа и покидавший родной очаг только под предводительством отца, теперь не знал, как поступить, так как прежде не был свободен в выборе.

Природа вокруг была однообразной. Множество похожих друг на друга низких гор с огромным числом сменяющих их пустынных долин сбивало с толку, лишая возможности понять,

откуда они пришли сюда и где находится обратная дорога. Выйдя в эту местность ночью, уже утром путники поняли, что допустили ошибку, опрометчиво продвигаясь в темноте.

Переживать ненастье, зарядившее неизвестно на сколько, было бессмысленно, но и находиться здесь становилось опасным, не говоря уже об отсутствии корма лошадям и пище самим.

Все пребывали на грани отчаяния, но старались пока не выдавать своих чувств, лелея надежду на благополучный исход.

– Мудрецы в степи поучали: если ты вдруг сбился с пути, но под тобой хороший верный конь, то без сомнений доверься ему. Он не приведёт тебя к ожидающим впереди, но обязательно вернёт к проводившим, – кружась на месте на своём скакуне, выкрикнула Далайя и, тут же бросив поводья, сильно ударила его пятками в бока.

Следом за ней, ведомый ею на длинной верёвке, помчался и закладной гружёный скакун. Она понимала, что её затея была почти безумной, но иного выхода у неё попросту уже не было.

Все знали, что старейшины и мудрецы не посоветуют дурного, и им всегда нужно верить. Окрылённые услышанным, ожидая чего-то подобного, взбодрившись, люди пустили вскачь своих коней, пытаясь не отставать от Далайи.

Вскоре больше не подстёгиваемый скакун перешёл на ровный лёгкий бег, иногда замедляясь до тихого шага и снова ускоряясь, неся на себе почти неподвижную женщину.

Вереница всадников быстро продвигалась в ночи, и к её середине уже оставила далеко позади столь ненавистную дождливую местность. Под копытами лошадей больше не звенел твёрдый камень, шумными всплесками отражавший падающие капли. Теперь, мягко шурша, стелилась ровная зелень. Воздух наполнился теплом и запахом разнотравья. По звёздному небу изредка ближе к горизонту проплывали маленькие облака. Они, будто отставшие малыши, припозднившись, спешили домой.

Далайя, внимательно вглядевшись в высь, словно ещё раз убеждаясь в её чистоте, подхватила поводья, натянула их и остановила коня. Поравнявшись с ней, замер и второй скакун. За ним почти в ряд молча выстроились остальные.

Оглядевшись, она увидела то, что нужно, вновь тронулась и, проехав сотню шагов, спешилась у невысокого холма, давая понять, что здесь будет их ночлег.

* * *

Солнце уже стало прогревать просыпающуюся землю, а люди всё ещё продолжали видеть сны, разметавшись по мягкому покрову у подножья возвышенности.

Невдалеке, изредка поглядывая по сторонам, дружно паслись кони, отгоняя хвостами слепней. Лишь один из них отдыхал, лёжа на траве, высоко задрав голову.

Первым поднялся Руса. Поправив на Далайе накидку, он направился за холм.

Место стоянки оказалось не самым удобным – безводное и проглядывается как на ладони.

Пробудились и Патша с Фардасом. Издали поглядывая с почтением на спящую женщину и стараясь не потревожить её, они занялись лошадьми.

Всем было понятно, что Далайя вывела их из страшной западни, где они наверняка могли обрести вечный покой.

Проспав чуть дольше остальных, поднялась и она.

Так же, как и они, осмотрев местность, Далайя покачала недовольно головой и спросила:

– Кому-нибудь знакомо это место?

Руса, подойдя к ней, показал рукой на юг и с некоторым сомнением ответил:

– По-моему, мы прошли по той стороне, где виднеется гряда. Здесь же мы не были.

Посмотрев в указанном направлении, Далайя в задумчивости кивнула, соглашаясь с ним:

– Что ж, двинемся туда. Здесь не стоит долго задерживаться. Нет воды. Да и пища на исходе.

Вытащив из притороченного мешка большой кусок вяленого мяса, разрежала его на равные четыре части и протянула каждому его долю. Затем, забравшись на коня, повернула на юг.

Долгое время шли лёгкой рысцей, не утомляя насытившихся лошадей, на ходу наслаждаясь привычной едой.

– Что-то неладное с тем жеребцом, – оглянувшись в который раз на отстающего скакуна, бросила Далайя следовавшему рядом Русе.

Тот кивнул, слегка приблизился к ней и объяснил:

– У него повреждена задняя нога. Видимо, там, в горах, ушибся. Он долго не протянет. Как только станет сильнее отставать, придётся заколоть.

Она тоже кивнула, вновь оглянувшись.

Становилось всё жарче, хотелось пить. До гряды было ещё далеко. Впереди и с боков всё чаще стали попадаться островерхие одинокие скалы, чередуясь с неглубокими оврагами, поросшими по низовьям мелким кустарником. Всё указывало на то, что вода недалеко.

Солнце нещадно припекало, выжимая из всадников обильный пот. Дальше не следовало так продвигаться. Ещё неокрепшим Русе и Патше нужен был хороший отдых, иначе и их выносливости мог наступить предел.

За очередным скальным выступом справа, в низине, блеснув тонкой и гибкой излучиной, показалась река. Перейдя на шаг, всадники один за другим стали осторожно спускаться к долгожданной воде.

Последним к берегу, поджав левую заднюю ногу, учащённо вздымая боками, подошёл тот самый молодой жеребец.

Далайя взглянула на Русу. Тот, поджав нижнюю губу, кивнул, прикрыв веки, соглашаясь с нею.

Ловко перехватив за густую гриву покалеченного коня, Руса, не давая ему подступить к воде, развернул его и повёл в сторону от остальных, затем, успокаивая лёгким похлопыванием по крупу, осмотрел повреждённую ногу. Чуть выше копыта, с внешней стороны зияла глубокая рваная рана, из которой слабыми толчками выбегала тёмная кровь.

«Жаль, но ты уже не жилец. Как же ты смог пройти так долго? Ну, раз дошёл с нами до этого места, значит, не зря это сде-

лал. Теперь окажешь нам последнюю свою услугу», – заглядывая в его пугливые глаза, мысленно обращался к нему горец.

Подошедший Фардас молча накинул на шею жеребца крепкий аркан и вопрошающе взглянул на Русу.

– Сам справишься? – спросил тот.

Фардас уверенно кивнул ему и повёл послушное животное подальше от разожжённого костра.

В этот вечер в небольшом котле варилась свежая конина, предвещающая сытную трапезу.

* * *

Ночью, когда Далайя и трое мужчин спали у тлеющего огня, утолив голод горячей пищей, столь желанной так много дней, они были окружены отрядом из трёх десятков всадников.

Подняв всех на ноги и в одно мгновение разоружив, те разожгли огромный костёр, намереваясь в его свете разглядеть пленников.

Старший, грозного вида пожилой воин, проходя мимо захваченных им людей, стоявших рядком, и вглядываясь в их лица, внезапно остановился напротив Патши.

Приблизившись к нему вплотную, он вдруг крепко прижал его к своей груди и громко прохрипел:

– Ты жив. Жив.

– Дядя... – лишь вымолвил Патша.

Все, и воины, и пленники, с удивлением переглядываясь, взирали на происходящее.

Порывисто отстранив юношу от себя и удерживая его за плечи растопыренными пальцами, он с тревогой всматривался ему в лицо, похоже, всё ещё не веря своим глазам, и покачивал из стороны в сторону косматой головой.

– Я всюду искал тебя, не найдя твоего тела среди погибших, – вновь прижав к себе, севшим от волнения голосом продолжал говорить великан.

Немного успокоившись, он выпустил из могучих объятий хрупкое тело племянника и спросил:

– А где Садур? Что с ним? Его я тоже не нашёл.

– Его нет, – скорбно опустив голову, тихо произнёс Патша. Сглотнув подступивший ком, взглянув в глаза дяди, он добавил: – Он умер от ран в другом месте.

Старый воин был потрясён страшным известием. Он прикрыл веки и, откинув голову, скрежеща зубами так, что было слышно на всю округу, громко застонал, сжав огромные кулаки.

Все содрогнулись, холодея от ужаса, поражённые тем, насколько велико горе этого человека.

Он замолчал, так и не открывая глаз, медленно склонил голову к груди, зажал её широкими ладонями, после чего опустился на колени и низко припал к земле. Его тело содрогалось от безмолвного рыдания.

Патша присел рядом на корточки, не смея потревожить скорбящего.

Успокоившись, он оперся рукой о плечо Патши, грузно поднялся с колен, вновь приобняв племянника за шею, блестящими зрачками душевно посмотрел ему в глаза и, недолго постояв так, сверкнув белками, перевел взгляд в сторону Далайи:

– Кто эта женщина и кто остальные?

– Её имя Далайя. Она родом из соседних с нами племён масагетов. Остальное я объясню тебе позже, но хочу, чтобы ты знал, дядя, что в последней битве она и её спутник Руса сражались за нас, помогая моему отцу. Она захоронила моего брата. Из хорезмийского плена, в который утодили мы с Русой, вызволила нас именно эта благородная женщина.

Подойдя к ней, старый воин остановился в двух шагах от неё и, внимательно посмотрев ей в лицо, приложил ладонь к широкой груди и слегка склонил голову. Ступив дальше, он оказался напротив Русы. Пристально посмотрев и ему в лицо, он довольно кивнул и с почтением коснулся рукой его плеча.

– Ну а кто этот воин? – спросил он, рассматривая Фардаса.

Патша молчал. Не получив от него ответа, старый воин оглянулся. Тот по-прежнему безмолвствовал.

Не понимая его поведения, полагая, что он не расслышал его вопроса, старый воин уже намеревался переспросить, как вдруг стоявший перед ним человек заговорил сам.

– Моё имя Фардас. Я десятник хорезмийской армии, – твёрдо и очень спокойно назвался карманиец.

– Что?! Что ты сказал?! – взревел седой сак, быстро отступив на шаг, вытаращив в ярости глаза и выхватывая меч.

В этот самый момент, когда лишь миг отделял Фардаса от неминуемой гибели, почти одновременно с Далайей и Русой Патша встал между дядей и наёмником.

Уже держа на замахе сверкающий в огненных отблесках акинак, его дядя вновь натужно прогремел, качая из стороны в сторону головой:

– Что ты делаешь, Патша? Уйди в сторону! Прочь!

Тот, не двигаясь, продолжал молча стоять перед ним, прикрывая собой карманийца.

Взглянув в глаза племянника, скользнув мутным взглядом по Далайе и Русе, старый воин медленно опустил меч, отвернул в сторону искажённое гневом лицо и, махнув с досадой свободной рукой и повернувшись к ним спиной, пошёл к реке.

* * *

Всем вернули оружие и коней. Ничего тронуть не было.

Погрузив свежее мясо на свободных лошадей, отряд двинулся в путь, оставив у воды тлеющее кострище.

К удивлению Далайи, во время завершения подъёма из низины к ним из темноты присоединилась ещё полусотня воинов, ожидавшая их всё это время за скалами.

Шли весь остаток ночи. Вдали у горизонта посветлело небо, предвещая скорый рассвет.

Вскоре все увидели впереди множество огней, разбросанных по долине. Навстречу к ним оттуда примчался небольшой дозорный отряд, старший которого, почтительно выслушав сказанное седым воином, приблизился к Патше, крепко обнял его и растворился в предутренней темноте.

В лагере хаомаваргов царила тишина. Все ещё спали. Бдительные охранники, появлявшиеся неожиданно из темноты со всех сторон, узнавая своих людей, также внезапно исчезали, больше ни единым шорохом не выказывая себя.

У самого первого шатра их встретили несколько всадников. Каждый из них, поприветствовав старшего склонённой головой, также подъезжал к Патше, обнимал его и следовал рядом, сопровождая в глубь стана.

Простые воины, получив одобрение, разъехались меж шатрами, возле каждого из которых горели костры. На сегодня они исполнили всё, что было поручено им, и имели полное право на отдых.

Шатёр, у которого остановились и спешили старый воин, Патша и встретившие их всадники, внешне ничем не отличался от остальных, и лишь огромная площадка перед ним да стоящие у входа стражники свидетельствовали о его главенстве.

Чуть помедлив, но последовав примеру Патши, спрыгнули на землю и Далайя с Русой и Фардасом.

– Эти люди – мои гости. Отведите их на отдых, – устало распорядился старый воин.

Повернувшись к племяннику, с теплом в голосе он предложил ему:

– Ну а ты, Патша, удели сегодня старику внимание. Побудь со мной.

Отведённый для прибывших гостей шатёр был в точности схож с остальными и ничем не отличался от массагетских шатров. Он находился недалеко от журчащей речки, что очень обрадовало их.

То, что все они таким вот странным образом вдруг оказались в гуще хаомаваргского воинства, пока не осознавалось ими до конца. Главным для них, о чём они так мечтали, сейчас был отдых. Передав лошадей ожидавшим их всадникам, внеся груз, все они тут же повалились на мягкие шкуры и мгновенно погрузились в сон.

Принесший еду молодой воин увидел их крепко спящими и, не пытаясь добудиться, лишь цокнул языком и понятиливо покинул шатёр.

* * *

Далайя проснулась позже всех. Ощущая небывалую лёгкость в хорошо отдохнувшем теле, она с удовольствием потянулась, рассматривая скромное убранство шатра.

Вверху сквозь небольшое круглое дымоходное отверстие виднелся кусочек небесной синевы. Внутри шатра оттуда мягким ветерком тянулась приятная, освежающая прохлада, невидимым слабым движением слегка потрёпывая низ кожаного полога, прикрывавшего вход.

Лагерь размещал в себе около пяти сотен шатров и даже при самом поверхностном подсчёте состоял не менее чем из двух тысяч воинов. Это была серьёзная сила, если к тому же учитывать её маневренность и быстроту в переходах.

Далайя, оглядывая стан, улавливая настрой в войсках, понимала всю их мощь и обречённость тех, кто встретится у них на пути.

С наслаждением умывшись чистой и холодной речной водой, она присела на душистую прибрежную траву. Ей следовало обдумать сложившееся положение и быть готовой ко всему, что может вдруг произойти. Старший хаомаваргов произвёл на неё двойное впечатление. С одной стороны, он был всепокрушающе горяч, жесток, решителен и слишком уверен в себе. С другой – его нельзя было назвать бессердечным, неудержным в поступках и неразумным человеком. Пока она не могла окончательно разобраться в нём и надеялась на то, что вскоре представится случай понять его гораздо лучше.

Теперь же ей нужно было определиться с объяснением того, зачем и она сама, и Руса оказались в этих краях. «Истинную цель нашего появления никто не должен знать. Ответ начну с того, что сотня была направлена в эту сторону, дабы навестить родственников царицы Томирис. Всё остальное, кроме битвы с соседями, излагать так же, как было. Нахождение здесь истолковать как возвращение в родные края», – размышляла она.

За спиной послышался шорох шагов. К ней подошёл Патша и, слегка склонив голову, приветствовал её:

– Надеюсь, твой сон был здоровым, и усталость покинула твоё тело?

– Отдых при искренней заботе да в таком окружении не может пройти впустую, – поведя рукой вокруг себя, с улыбкой ответила Далайя, пытаясь обнаружить перемены, произошедшие

в этом молодом воине. Их не было. Он был свеж, подтянут, лишь покрасневшие глаза свидетельствовали о бессонной ночи, видимо, как догадалась она, проведённой им в разговорах с дядей.

«Вот только знать бы мне, что теперь нам следует ожидать от тебя? И более всего от твоего всесильного родича», – мелькнуло в её голове.

– Далайя, дядя послал меня за вами. Он ожидает вас в своём шатре. Обо всём, что я знаю, я поведал ему. Он благодарен вам и остался доволен. Остальное всё зависит от тебя. Он вождь нашего племени дугаров. Его имя Дахар.

Патша был спокоен, но очень серьёзен. Он вопрошающе смотрел на неё.

– Вождь ожидает нас всех? – Далайя выделила интонацией последнее слово, пытаясь уяснить для себя, приглашён ли Фардас.

– Всех троих, – кивнув, уверенно ответил тот.

Несколько всадников сопровождения ожидали чуть в стороне с их лошадьми.

* * *

В главном шатре, помимо восседавшего во главе вождя, по его правую руку находились три седобородых военачальника.

Патша, откинув полог и придерживая его, ступил внутрь и остановился, пропуская Далайю. Следом за ней прошли Руса и Фардас.

При виде вошедших вождь вместе с присутствующими в приветствии поднялся с места.

«Что же такого наговорил о нас моему дяде Патша, что тот встречает нас с таким почтением?» – подумала женщина.

Она понимала, что за таким отношением вождя, учтивым и приятным на первый взгляд, может последовать всё что угодно, и радушие, проявляемое им сейчас, может оказаться всего лишь данью гостеприимству, всегда чтимому среди кочевников.

– Долгий путь отнимает много сил и бесценного времени. Если первое удаётся восполнить, то второе никому не подвластно. Нам всем в дороге следует помнить о насущном, даже если это всего лишь пища, – произнёс вождь, почтительным жестом

приглашая гостей присаживаться слева от себя. Окинув их взглядом и опустившись на место, он продолжил: – Одни из нас всё отмеренное уже вкусили сполна и закончили свой ход под этим небом. Другие ещё многого ожидают от своей судьбы. Всего тяжелее сохранить ясными помыслы и сердечную силу. Их не восполнит земная пища, каковая имеется для тела. Они оживают и крепнут лишь при добром общении.

В шатёр вошли два молодых воина и ловко расстелили на середине, прямо на кошму, большой подстил под блюда, изготовленный из искусно выделанной тонкой кожи, означающий у кочевников истинно дружеские намерения, ведь на него для всех, кто приглашён, не разделяя хозяев и гостей, ставились общие блюда с едой. Следом за ними другие воины стали вносить на деревянных блюдах дымящееся мясо: конину, баранину и птицу. Внесли также лепёшки, сыр и в большой посудине пенящееся сбитое кобылье молоко.

Приступили к еде. Крепкий кислый напиток, давно не вкушаемый Далайей, с первого глотка вскружил ей голову, освобождая от надоедливых дум, обжигая желудок, проникая дальше внутрь, делая тело легковесным и свободным в движениях. Она помнила о таком воздействии этого напитка и знала, что вскоре это полутуманное состояние пройдёт, и нужно лишь достойно переждать его, не подключаясь ни к какой беседе, дабы не сказать лишнего. Многим людям, кто не был знаком с ним, он развязывал языки, о чём впоследствии те очень сожалели, но было уже поздно. Поднеся к своим губам чашу с дурманящим напитком, она украдкой взглянула в сторону сидящего рядом Русы. Уловив его встречный взгляд, она тут же посмотрела на посудину в своей руке и, едва заметно качнув головой, запрещающая ему прикасаться к напитку, сделала маленький глоток. Тот, продолжая жевать, с пониманием прикрыл веки и потянулся за очередным куском мяса.

К еде все кочевники всегда относились с почтением, очень бережно и даже с каким-то особым благоговением. Без пищи они могли обходиться довольно длительное время, при этом продолжая терпеливо совершать всю необходимую работу,

не давая себе никаких поблажек. Но когда выпадал подходящий случай и они имели возможность вольготно насытиться, их безудержный аппетит поражал всех. В их утробах исчезало буквально всё, что подавалось для трапезы. Сторонний человек при первом созерцании такого поистине неумного обжорства ничего, кроме отвращения к ним, не испытывал. Но, прожив с ними некоторое время, познав их невероятную выносливость и огромную силу, он начинал понимать их, и казавшееся поначалу странным поведение этих людей в отношении к пище для него становилось легко объяснимым, порождая в нём совершенно другое, по-настоящему уважительное отношение к ним.

Вот и сейчас трое присутствующих тысячников, не обращая никакого внимания на гостей, с характерной для них серьёзностью во всех делах, в том числе и в еде, предавались чревоугодничеству. Они отрезали огромные куски мяса и тут же подхватывали их губами прямо с ножей.

Вождь пребывал в раздумьях. Он изредка тянулся к блюдам, тщательно выбирал кусок, сдержанно откусывал от него дольку и подолгу её прожёвывал.

За всё время, что длилась трапеза, никто не обмолвился даже одним словом.

Наконец, опустошив все блюда, поправив перед собой груды костей, тысячники сытно отодвинулись от посуды, держа на ладонях большие деревянные пиалы с напитком. Молоко перед каждой подачей тщательно взбивалось в высоких узких кадках, покрываясь душистой пеной. С ним вскоре тоже было покончено.

Заметив это, вождь, прервал свои раздумья, окинул всех сидящих спокойным взглядом, при этом обратив внимание на остатки пищи перед каждым, и слегка кивнул.

Молодые воины, ожидавшие его велений у входа, присев на корточки, тут же ловко собрали всю посуду и, свернув подстилку, вынесли всё из шатра.

В наступившей тишине стали слышны отдалённые людские голоса, ржание и топот лошадей, блеяние овец и ещё множество различных звуков, характерных для большого скопления войск.

– Хвала небесам за посланные нам блага, – произнёс вождь и двумя руками медленно провёл от ушей к подбородку, не касаясь лица, сомкнув на уровне груди кончики пальцев.

Тысячники, Далайя и Патша повторили за ним.

На миг замешкавшись и отстав от них, Руса и Фардас также свершили благодарение.

– Думаю, всем следует заняться своими делами, – вежливо взглянув на своих военачальников, вставая с места, предложил вождь.

Все его сотрапезники также поднялись на ноги. Первыми, склонив в почтении головы в его сторону, покинули шатёр полководцы, затем вышли гости в сопровождении Патши. Вождь остался в одиночестве.

* * *

«Как он сказал? Труднее всего сохранить ясные помыслы, а сердечная сила бывает только от доброго общения», – Далайя вспомнила слова вождя и мысленно повторила их, присев на своё место в отведённом шатре.

Руса прилёг чуть в стороне. Было видно, что он немного устал. Фардас находился снаружи.

– Всё селение наёмников, где находился ты, в ночь, когда я вернулась, было вырезано, – тихо произнесла Далайя.

Руса приподнялся на локте, удивлённо глядя на неё.

– Это было отмщение хаомаваргов за погибшую сотню. Старый вождь никому бы не простил убийство своего брата. До этой поры у меня не было возможности всё подробно тебе рассказать, – она посмотрела на него и, как всегда, по привычке подтянув под локоть одну из мягких шкур, удобно расположилась и поведала обо всём, что случилось с ней за всё это время.

Слушая, Руса присел и ни разу не прервал её. Когда она закончила, он долго молчал, не смея произнести ни слова. Ему было не по себе. Он не мог без волнения воспринять рассказ о том, что довелось пережить ради него этой удивительной женщине. В очередной раз он был потрясён её поступками. Продолжая сидеть на коленях, опустив на них руки, он низко склонил голову.

Услышанное им было невероятным. Он поднялся и, растерянно посмотрев на Далайю, подошёл к мешкам, сложенным в стороне от входа в шатёр. Задумчиво постояв перед ними, разглядывая их так, будто только сейчас увидел, он досадливо мотнул головой, отступил от них и коснулся рукой дверного полога, намереваясь выйти.

В этот момент навес откинулся. Едва не столкнувшись с Русой, в шатёр вошёл Фардас.

– К нам едет Патша, – обращаясь к Далайе, произнёс он.

Она встала, поправила шкуры и вышла из шатра.

Патша, спрыгнув с лошади, приблизился к ней и, как прежде, слегка склонив голову, тихо сообщил:

– Далайя, если ты не занята, дядя хочет видеть тебя.

– Хорошо, Патша. Я ждала беседы с ним, – бросив взгляд на Русу, она направилась к лошадям.

* * *

– В разное время люди по-разному относятся друг к другу, – начал вождь.

В шатре, кроме него и Далайи, никого не было.

– Я долго пожил и всякое повидал на своём веку. Были времена, когда и с твоим народом решались споры войной. Что было, то было. Иное уже останется неизменным. Его не вернёшь, не поправишь. Да и стоит ли? – он вяло махнул рукой. – Речной поток тоже расширяет своё русло, истощая и забирая берега, но, зная это, никто из смертных ещё не отвернулся от воды в обиду на неё. Выходит, так должно быть. Что-то приносится в жертву, чем-то дорожат. Твой путь мне неизвестен, но я вижу, что не к худому стремится твоя душа. Пусть всё остаётся так, как есть. Мне не нужны твои объяснения. То, что совершила ты, и есть подтверждение сказанному. Мне многое понятно в тебе.

Он, задумавшись, ненадолго замолчал, перебирая пальцами какой-то шнурок, затем, внимательно взглянув в её сторону, продолжил:

– Я благодарен тебе за помощь моему брату, за спасение племянника и намерен достойно наградить тебя. Назови свою цену.

– Ты оставил нам жизнь. Этого достаточно, – Далайя не отводила от него глаз.

Наступила тишина. Вождь пребывал в задумчивости, осмысливая ответ женщины.

– Жизнь за жизнь. Живы вы, жив и Патша. Но это всего лишь одна половина. Я должен отплатить тебе за твоё доброе участие в судьбе моего брата. Это и есть вторая половина. Она должна иметь отдельную цену.

– Но ведь ты сохранил жизнь и хорезмийскому наёмнику. Тому, кто был врагом.

– Он при жизни уже наказан. Его страна под властью персов и к тому же отвергла его когда-то. Даже здесь, скитаясь, он стал одинок, потеряв своих собратьев. Если б я знал, что в их селении находится пленённый сын моего брата, этого карманийца уже бы не было в живых.

– Тогда мне достаточно и всего того, что сейчас происходит с нами, – вздохнув, очень искренне произнесла Далайя, не желая превращать в спор благородные порывы вождя.

Тот улыбнулся, уже совсем иначе, душевно и по-особому тепло посмотрел на неё и, словно соглашаясь с ней, с пониманием кивнул.

Вновь воцарилось молчание. Но оно было уже другим, не гнетущим, а просто беззвучным и лёгким, словно с окончанием праздника, отдыхая, умолкли уставшие, но довольные люди.

«Видимо, он очень скоро отпустит меня, а сам продолжит свой путь. Вот только куда он пойдёт? Не в наши ли кочевья? Наверняка ему известен поход массагетов. Войск, похоже, у его народа достаточно, раз в наказание оголодавших наёмников им отправлено столько воинов», – внезапно тяжёлые мысли пронесли в голове у Далайи.

От покоя, что недавно наполнял сознание, не осталось и следа. Она взглянула на вождя. Он пристально смотрел ей в лицо. Её дрогнувшее сердце сжалось, наполняя душу новой тревогой. Пущенной звонкой стрелой в её голове вновь мелькнула мысль об ушедших в поход сородичах.

– Что тебя тревожит, Далайя? – неожиданно, будто заглянув в её душу и пытаясь вытащить на свет всё самое потаённое в ней, проникновенно спросил он.

– Светлейший Дахар, куда ты намерен идти дальше? – Далайя сама не ожидала, что с её языка всё же сорвётся этот вопрос.

– Ах, вот ты о чём. Здесь я завершил все свои дела. Но ведь ты знаешь, с пустыми обозами саки никогда не возвращались к очагу. Не тревожься так. В твои земли не пойду. В мои годы такое мне ни к чему. Последний поход должен быть достойным и памятным.

Он отвёл взгляд, видимо, размышляя над тем, делиться с ней своими планами или нет. Она молчала в ожидании его слов.

– Скоро должны быть вести, – продолжил он. – Не уверен, что они для меня будут утешительными. Отступая, персы разорили много земель. Для дальнего похода у меня недостаточно сил.

– Я благодарна за твоё откровение. Хочу тем же поделиться с тобой, – дослушав его, произнесла Далайя и решительно выпрямилась. Уловив на себе сосредоточенный взгляд вождя, она обратилась к нему: – Прошу тебя, вели доставить сюда из отведённого мне шатра мой груз в мешках.

Теперь взгляд старого воина выражал интерес. Он хлопнул в ладони. Откинув полог, вошёл воин, выслушал указание и удалился.

Послышался отдаляющийся конский топот.

– Вижу, у тебя есть какое-то предложение ко мне?

– Да. Есть. Вот только не знаю, примешь ли ты его или нет. Для меня твой ответ очень важен.

– Что ж, я готов его выслушать. У такой женщины, как ты, намерения всегда обдуманно. Я не сомневаюсь в этом, – вождь говорил серьёзно и разглядывал её так, будто до сих пор беседовал с другим человеком.

– Я скажу, вот только дожждёмся доставки моего груза. Мне будет легче объясняться, когда он окажется здесь.

Вновь послышался конский топот. Приблизившись, он зачих. Откинулся полог, вошедшие воины внесли мешки, опустили их перед вождём, склонили головы и замерли. Тот кивнул. Они удалились.

– Здесь то, что я должна была отдать хорезмийскому сотнику в обмен за жизнь и волю Русы и Патши, – Далайя взглядом указала на мешки. Затем, вздохнув, продолжила: – Прими от меня эти дары и очень прошу: соверши поход в Бактрию.

Она замолчала, не сводя глаз с вождя. Он сильно удивился её просьбе и не скрывал этого.

– Думаешь, ваши вожди и их войска не справятся сами? – совладав с лёгким замешательством, наконец спросил он, по-прежнему не прикасаясь к мешкам и выказывая этим свою осведомлённость.

– Боюсь возможной западни. Мой народ потерял очень много воинов в битвах с коварными персами. Нужно время, чтобы окрепнуть, а его почти нет. Ты видишь, Хорезм богатеет. Желает наёмными войсками раздвинуть свои границы. Подобных себе подданных Персии он не тронет, побоится. Остаются лишь наши, соседние земли, – вновь вздохнув, ответила она.

Столько печали было в словах Далайи, что не верить в её искренние переживания было нельзя.

Поведение хорезмийского владыки, как понимал Дахар, действительно было непредсказуемым и опасным. Ведь именно поэтому саки и находились здесь, умирив распоясавшихся с поддержки Хорезма наёмников. Будучи опытным воином и умудрённым вождём, прошедшим великое множество дорог, пережившим несметное количество битв, потерявшим в них своих сыновей, а теперь ещё и единственного брата вместе с одним из двух племянников, он понимал её как никто и никогда.

– Утром тебе передадут моё решение, – произнёс он, неожиданно завершив беседу.

* * *

Не обмолвившись ни словом со своими спутниками, весь вечер и до самой полуночи Далайя пребывала в раздумьях, тревожно прислушиваясь к каждому шороху за стенами шатра. Напряжённый день всё-таки стал сказываться, окутывая утомлённое сознание столь желанным сном, пока не овладел им окончательно. Она заснула.

Под утро её разбудил шум, царящий вокруг.

Выскочив наружу, она увидела внезапно оживший лагерь. В свете костров повсюду мелькали воины, сворачивая шатры, запрягая в кибитки лошадей. Ничего не понимающие в происходящем, озираясь по сторонам, рядом с ней стояли Руса и Фардас. Сонные мысли тяжело ворочались в голове, не помогая сознанию.

Оглянувшись, Далайя увидела приближающегося всадника. Это был Патша. Вождь срочно приглашал их к себе.

Понимая, что что-то случилось, все они в полном вооружении спешно прибыли к главному шатру. На площадке перед ним вокруг множества разожжённых по центру костров находились сотники.

В шатёр вместе с Патшой вошла лишь Далайя. Вождь, как прежде, восседал на своём месте. Перед ним слева и справа от входа находились трое тысячников. Увидев племянника и Далайю, он встал и молча направился к выходу. Пропустив его, все последовали за ним. Сотники тут же примолкли.

Окинув суровым взглядом всю округу, бросив быстрый взгляд на едва светлеющее на горизонте небо, старый воин, выдержал должную паузу, давая возможность понять всю значимость происходящего, и тихо, но твёрдо провозгласил два принятых ночью решения:

– Отныне доблестного десятника Патшу назначаю командующим моей личной охраны.

Переждав тихий, но одобрительный гул, он продолжил:

– Повелеваю немедленно всем сотникам выдвигать свои отряды в поход на Бактрию.

Далайе не верилось в услышанное. Она будто окунулась в ледяную воду. Тело пронзили тысячи острых иголок.

Подойдя к Русе, она тихо прошептала:

– Я уверена, теперь мы успеем. Всё началось вовремя.

* * *

Подданный персидского царя из династии Ахеменидов Дария I, чьи владения простирались от берегов реки Инд на востоке до Эгейского моря на западе, сатрап Бактрии, одной из двадцати сатрапий, Артак, в ком текла кровь, родственная этому

великому властителю, правил всеми вверенными ему землями безраздельно, единолично главенствуя над людьми. Он имел в руках всю полноту гражданской и военной власти, вершил суд, набирал нужное количество войск и, главное, взимал налоги, львиная доля которых оседала в его хранилище.

Однажды, прибыв с охоты в свой дворец, расположенный в главном городе Бактры Зариаспа, он был сильно удивлён веле-нием, полученным от всемогущего правителя.

Согласно указу царя, ему следовало срочно выступить во главе войск к северной границе, чтобы встретить и уничтожить двадцатитысячную конницу саков-массагетов и самолично пред-ставить к его светлейшим очам голову их военного вождя Турпана.

Вызвав тут же к себе своих военачальников, он решил осведомиться у них о положении дел у северных границ. Из их лживых ответов ему стало ясно, что истинной информацией они не обладают. Не теряя времени на дальнейшие беседы с ними, наложив, по своему обыкновению, на каждого из троих командующих штраф в размере целой тысячи серебряных сик-лей, пригрозив им ссылкой на эту самую границу, он повелел спешно готовить войска.

То, что царь царей, властелин всех четырёх сторон света, величайший из великих, находясь в такой дали, знал почти обо всём, что творилось на задворках своей огромной державы, всег-да восхищало сатрапа, но больше всё же пугало его. «Может быть, мне стоит увеличить долю ценностей, отправляемых к правите-лю? – в страхе размышлял Артак. Но, посетив в очередной раз своё хранилище, насладившись видом своего богатства, ни при каком случае не желая расставаться ни с одной монеткой и даже маленькой мыслишки не допуская о такой возможности, он уже успокаивал себя: – Если до сих пор властитель молчит, то теперь уж и вовсе не станет тревожить по пустякам. Вон сколько у него таких, как я. Что ж, всех теперь наказывать, что ли? А кто тогда служить-то будет ему? Не каждый справится со столь тяжким и неблагодарным бременем».

Довольный таким своим суждением, нисколько не сомне-ваясь в своей правоте, сатрап приступил к обильной трапезе.

Потянувшись к ароматному фазану, так удачно убитому им на охоте, он вдруг вспомнил о том, что ему лично предстоит возглавить этот мерзкий поход на диких кочевников. Настроение сразу же испортилось, а аппетит пропал.

Горестно вздохнув, он вышел на террасу и окинул расстроенным взором все свои ближние владения, где в просторных конюшнях находилась его гордость – отборные скакуны, поставляемые в царский дворец, за что ему многое и прощалось.

Внизу, в долине, до самых подножий дальних гор тянулись ровными ярко-зелёными рядами виноградники.

Начавшая было оттаивать душа при виде гор вновь наполнилась огорчением. «Ничего. Вот разгромлю глупых саков и предстану перед властелином с победой. Мало кому из сатрапов удаётся свершить подобное. Уверен, что всё складывается для меня как нельзя лучше! Это и есть мой шанс. Быть может, настал наконец-то и мой звёздный час?» – вернувшись, рассуждал Артак, вновь приступая к еде, но уже в приподнятом настроении.

По мере убывания яств на столе он заметно веселел и даже повелел принести походные одеяния и оружие.

Уже через два дня в полдень двадцатисемитысячная пешая армия под предводительством сатрапа Бактрии выступила в поход.

* * *

Двадцать тысяч массагетов, совершив пятидневный переход, двадцать второй день с самого утра дралась с непонятно откуда взявшимся на их пути превосходящим пешим воинством бактрийцев.

Битва за ущелье, в которое те не впускали, держа оборону, проходила с переменным успехом.

За всё это время шесть раз саки отходили на отдых.

Развернуть все сотни и одним ударом опрокинуть врага им мешали горы, в этом месте сжавшие проход с обеих сторон.

Отводя воинов и заменяя сотню за сотней, неся потери, командующий объединёнными силами саков, молодой вождь одного из племён Турпан, ломал голову, не зная, как одолеть столь коварного противника.

Помимо длительных перерывов он каждую ночь уводил свои войска на отдых от этого злосчастного ущелья, оставляя перед ним небольшие дозоры.

Лагерь, где находился сам вождь с половиной армии, был разбит перед самым проходом во вражеские земли в небольшой каменистой долине, полумесяцем окружённой горами.

За его спиной всего в полудневном переходе находились просторы, пригодные как для пастбищ, так и для решающей битвы. Именно там он держал вторую половину войск, каждый день сменяя сотни.

К каким только уловкам он ни прибегал, но упрямые бактрийцы не выходили на равнины, понимая всю опасность таких вылазок.

Положение, в какое он сам попал, было по меньшей мере бессмысленным. Отступить и уйти он не мог, так как слишком далеко вошёл в чужие земли. Оставаться здесь и пытаться совершать прорывы уже давно стало бесполезным занятием, приносящим и без того измождённых воинов в неоправданную и невозполнимую жертву. Двое таких же, как и он, молодых вождей не могли дать ему никакого совета, ожидая принятия всех решений от него.

К вечеру двадцать второго дня вождь Турпан прекратил штурм ущелья, оставил там сотню и, свернув первый лагерь, в ночь отвёл все войска на вторую позицию. Пребывая в своём шатре в полном неведении относительно будущего и не желая видеть никого из своих приближённых, он готов был рыдать и рвать на себе волосы, преисполненный разочарований, доведённый в первом же своём походе до отчаяния. «Какой позор! Какой бесславный конец!» – стучало молотом у него в голове.

Устав от невесёлых дум, он рухнул на шкуры и немигающим взором уставился в потолок. В этот самый момент в шатёр вошёл стражник и доложил, что к нему просится гонец от сотника, оставленного у ущелья.

Вождь, готовый уже разорвать на части сегоусого воина, посмеявшегося потревожить его покой, услышав сказанное им, вскочил на ноги и, не найдя подходящих слов, поспешно кив-

нул. В шатёр тут же вбежал гонец, склонил почтительно голову и изложил наказанное ему своим сотником.

Из его сообщения стало понятно одно: бактрийцы покинули ущелье, не оставив ни одного дозорного. Вождь не верил своим ушам. Гонец по его требованию повторил сказанное ещё раз. Сомнений не было, он всё понял правильно.

Отпустив его, он поручил начальнику своей стражи срочно вызвать остальных вождей и тысячников для военного совета.

Прибывшие вожди и военачальники были несказанно обрадованы этой новостью и наперебой предлагали одно и то же: спешно поднимать войска для выступления всеми силами, настичь врага и уничтожить его, тем самым открыв долгожданную дорогу в эту проклятую страну.

Оставив три сотни для сбора лагеря, ближе к полуночи саки двинулись к горам, выслав вперёд дозорный отряд. На заре первая сотня, пройдя ущелье, оказалась по другую его сторону, где всюду виднелись лишь свежие могилы наспех захороненных вражеских воинов.

Местность, открывшаяся их взорам за горами, была почти равнинной, но очень сильно испещрённой по окраинам множеством оврагов, сплошь заросших кустарниками.

Пройдя скорым шагом до её середины, передовые отряды сообщили, что дальше прохода нет, так как на пути протекает небольшая река и её крутые берега непригодны для конной переправы. Из-за возникшего препятствия растянувшиеся сотни были вынуждены остановиться, ожидая, пока дозорные найдут подходящий брод.

* * *

Бактрийцы ударили неожиданно, с боков, с двух сторон, выбравшись из тех самых оврагов.

Завязалась битва.

Отряды саков, ведомые опытными сотниками, быстро оценившими положение, разбившись надвое, врубились с диким воем полусотнями в обе стороны, в самую гущу противника, держась при этом плотными кольцами, не давая ему заходить им за спины.

Но преобладавший числом враг сковывал их, словно вязкая липучая масса, затрудняя их в совершении манёвров, наседая всё сильнее и яростнее.

Молодые сакские вожди, окрылённые настоящей битвой, случившейся впервые за всё время похода, желая отличиться бравадой и удалью, тем самым пытаясь смыть позорное недавнее поведение, рубились отчаянно, напрочь забыв о своих основных обязанностях, связанных с руководством многотысячными подразделениями войск.

Видя это, не получая никаких указаний от своих вождей и не находя иного выхода для спасения положения, сотники взяли на себя полное управление сражением, становившимся с каждым мгновением всё ожесточённое.

Массагеты, смешавшиеся в беспорядке от внезапной вражеской атаки, справившись с лёгкой паникой, выровняли ряды и определились в тактике, пригодной для такой ситуации.

Семидесяти первым сотням было необходимо срочно расположиться во внешнем круговом заслоне, за которым плотным кольцом должны были находиться семьдесят сотен второго уровня, и лишь в самом центре было определено разместить шестьдесят последних сотен.

По сигналам своих сотников и десятников все воины этих внутренних сотен заменяли собратьев в первом и во втором кругах.

Кроме того, всё войско полностью должно было отходить обратно к ущелью, упереться в горы, расположившись к ним тылом, и только после этого сразу переходить в атаку.

* * *

Продвинуться к ущелью сакам не удавалось.

Турпан понимал, что сам угодил в западню, подобную которой два дня назад пытался устроить бактрийцам, изображая отступление.

Артак, руководивший своими войсками из укрытия, расположенного на небольшом горном выступе, откуда открывался вид на долину и ущелье, раз за разом отправлял гонцов с указа-

ниями ко всем своим сражающимся военачальникам, вовремя передвигая в нужное место резервные отряды.

Накануне полководца, робко намекнувшего Артаку, что это может быть западня, кем только не назвав, как только не унизив и до дрожи в коленях заставляя, он направил в самую гущу сражения, чтобы тот своей кровью искупил перед ним выказанную трусость. Обезумевший от страха военачальник, исполнив всё в точности с его велением, погиб.

Сам же Артак, срочно собрав военный совет, немедленно распорядился об отступлении из ущелья и подготовке западни, при этом вышагивая перед подчинёнными как истый стратег.

Как бы там ни было, а заманить саков удалось.

Теперь же следовало не пропустить их обратно к ущелью, в которое они могли легко выскользнуть. Битву надлежало завершить до заката. С этой целью в сражение были брошены все войска.

К полудню небо заволокло чёрными тучами. Пошёл дождь, освежая и землю, и разгорячённых людей. Приятная прохладная влага, пролившаяся, как показалось им вначале, очень кстати, быстро обернулась бедой.

Кони, кружась в сжатом пространстве, уже стали сильно скользить по мокрой траве, становясь неповоротливыми, теряя устойчивость.

О том, чтобы прорваться к спасительному ущелью, пока идёт дождь, не было и речи. В опустившейся полутьме, потеряв всяческий ориентир во времени, сражавшиеся из последних сил саки всё чаще устремляли взоры ввысь, в надежде увидеть скорое наступление ночи, уверенные в том, что с её приходом им удастся вырваться из окружения.

«Ещё неизвестно, чья участь будет решена раньше и кто возьмёт верх», – думали они.

Пешие бактрийцы также страдали от низвергшейся с небес воды. Не имея таких, как у кочевников-саков, кожаных, водоотталкивающих одежд, промокшие насквозь, испытывая от этого крайние неудобства, постоянно скользя, падая под копыта топчущихся в круговерти лошадей, они уже не могли наносить ощутимых ударов. Более того, теперь они сами всё чаще получа-

ли ранения от страшных ударов сакских мечей, не имея возможности прикрываться скользящими в руках щитами. Их спасало лишь количество. К тому же и страх перед карой тирана-правителя имел своё постоянное и гнетущее воздействие.

Вцепившиеся друг в друга словно псы, не получая от хозяев команды разойтись, будучи обученными в строгости подчинения и беспрекословного исполнения их воли, обе стороны стояли насмерть. Одни – как будто бы за свою землю, другие – истинно за честь.

Назначенный самим Артаком командующий всеми силами бактрийцев полководец Кадаф уже в который раз получал высочайшее веление скорее завершить разгром врага. Он очень стремился исполнить приказ, но, как ни старался, ничего поделаты не мог. Казалось, каждый его воин совершал всё для победы, а желаемый итог не наступал и даже не приближался.

Станным образом поверженных насмерть становилось всё меньше, но всё больше росло число раненых. Причиной всему этому было ненастье. Сражение затягивалось, до истощения изматывая людей.

* * *

Разгневанный сатрап не находил себе места. Появись сейчас перед ним ненавистный им Кадаф, он, не задумываясь, казнил бы этого, как ему казалось, бездарного полководца.

«Что ещё нужно этому Кадафу? Я доверил ему всю свою армию, всех своих людей. Войск под его рукой больше, чем у врага. Даже западню и это окружение я подготовил и сотворил! Почему он теперь не может завершить разгром? Что происходит с ним? Сколько ещё мне терпеть его трусость? – размышлял он, злобно вышагивая из угла в угол в сооружённом для него шатре, всё больше распаляясь с каждым движением. – Того и гляди, этот невежа и выскочка проиграет всё сражение! Это немыслимо!» – страшные мысли кипели ещё сильнее в его раскалённом до предела сознании.

– Мой повелитель, дождь прекратился, – услышал он голос начальника личной охраны, тихо вошедшего в шатёр.

– И что? – взревел он, срываясь наконец хоть на ком-то. – Для чего ты мне это сообщаем?

Мокрый до самой последней нитки, всё время находившийся вместе со стражей у шатра под дождём, тот стоял как-то жалко и обречённо, низко склонив голову.

– Ты что, оглох? – раздражаясь пуще прежнего, заорал Артак во всю глотку.

– Я полагаю, мой повелитель, что ты захочешь взглянуть на сражение, – ещё ниже склонив голову, тихо произнёс тот.

– Вели подать мне моего скакуна. Я сам уничтожу весь этот вонючий сброд, – неожиданно для себя вдруг отдал приказ Артак.

Тут же, ясно осознав произнесённые слова, он замолчал и, подломившись в коленях, присел на скамью, обмякнув телом подобно бурдюку, из которого выпустили воздух. Но всё сказанное вслух любым правителем во все времена считалось велением небес, и уже нельзя было отменить ни одного его слова.

* * *

Тридцать сотен хаомаваргов на третий день пути своими передовыми отрядами с полуденным дождём достигли долины, откуда ночью, свернув лагерь, ушли с обозами последние три сотни массагетов. Не останавливаясь в этом месте даже на непродолжительный отдых, зная о близости бактрийской границы, понимая, что могут припоздниться, они двинулись дальше, легко, по оставленным многочисленным свежим следам определяя направление движения войск массагетов.

Когда дозорные сообщили об охраняемом небольшими силами лагере массагетов, расположенном на подступах к ущелью, непродолжительный, но обильный ливень уже прекратился.

Проведя скорые переговоры с тремя сотниками их охранных отрядов, кратко объяснив им свои союзнические намерения и отдав приказ разбить здесь и свой лагерь, вождь хаомаваргов Дахар, прихватив с собой одного из массагетских десятников, кому поручил найти среди сражающихся их вождя, немедленно вошёл в ущелье.

Быстро пройдя его, он тут же атаковал. Натиск трёхтысячной армии был сокрушительным. Не ожидавшие внезапного

появления подкрепления своим врагам, не сумев выдержать их напора, бактрийцы отступили, что означало для них только одно – крах.

Дальнейшее, по своей сути, уже не было сражением, а стало бойней. Пытавшиеся достичь спасительных кустарников и оврагов защитники ущелья уничтожались вдогонку метко пущенными сакскими стрелами.

Сам же сатрап Артак, столь опрометчиво возглавивший войска в такой неподходящий для себя момент, был сражён одним из первых. Следом за ним пали Кадаф и остальные полководцы, пытавшиеся хоть как-то исправить гибельное положение.

Далайя, оберегаемая Русой и Фардасом, находясь поблизости от вождя Дахара и его племянника Патши, сражалась яростно, не уступая мужчинам.

Массагеты, видя вступивших в битву на их стороне неизвестно откуда подошедших хаомаваргов, окрылённые неожиданным поворотом событий, дававшим им преимущество, стали громить врага с удвоенной силой.

Турпан, оповещённый своим сотником, понимая, что битва выиграна благодаря ниспосланной небесами помощи, прокладывал себе путь из центра сражения навстречу неизвестному ему вождю хаомаваргов, в чьей свите находилась какая-то женщина, что являло собой поразительный факт.

Всё было закончено незадолго до заката, как желал сатрап Бактрии, но не с таким исходом, о каком он мечтал.

Настигшая его в самом начале разгрома смерть спасла его от позора и неопишуемого гнева всемогущего и всемогущего правителя Персии Дария I, кому кочевники вновь нанесли урон, уничтожив двадцатисемитысячную армию на восточной границе его необъятной державы.

Лишь пяти сотням бактрийцев была сохранена жизнь. Их, разоружённых, сгоняли копьями в сторону, дабы никто из них не находился на пути вождей и не мешал их продвижению навстречу друг другу.

Турпан, ещё издали увидел в широком кольце охраны могучего седобородого предводителя войск хаомаваргов на гарцу-

ющем скакуне, рядом с которым находилось несколько всадников. Оглянувшись за спину, он ускорил шаг уставшего коня и одиноко помчался к нему навстречу. Теперь его не сопровождали два его ровесника. Они погибли.

По обеим сторонам долины его тысячники спешно выстраивали свои сто двадцать сотен воинов.

Двадцать две сотни хаомаваргов отошли и замерли, прикрывая собой ущелье.

Вожди сошли с коней, когда их разделяло чуть больше десяти шагов.

В тусклом свете сгустившихся сумерек, внимательно вглядываясь друг другу в лицо, они, сблизившись ещё на три-четыре шага, остановились.

Молодой вождь Турпан, выражая своё искреннее уважительное почтение вождю союзников за оказанную помощь, понимая, что этот могучий старец совершил для массагетов поистине великое деяние, склонил голову и опустил на колено, прижав к груди правую ладонь.

Вождь Дахар коротко кивнул, принимая благодарность, ступил шаг навстречу и, коснувшись руками его плеч, поднял коленопреклонённого собрата, с признательностью взглянул ему в глаза и обнял, прижав к своей могучей груди.

На ночь все сакские войска, за исключением трёх сотен массагетов, охранявших прежде свой стан и обоз, введённых теперь в долину для охраны пленных, расположились на отдых в разбитых лагерях.

Турпан, приглашённый около полуночи к вождю хаомаваргов, войдя в шатёр, увидел, помимо Дахара, женщину, стоящую спиной к входу, чуть в стороне от него. Когда она повернулась к нему лицом, он был потрясён. Это была Далайя.

В степи распространялось множество различных слухов, связанных с исчезновением накануне смерти царицы одной из самых приближённых к ней особ, искусной воительницы и приверженницы проводимых ею изменений и реформ. Одинажды, как это обычно бывает в жизни, все толки по этому странному случаю улеглись, и народ, в конце концов, сошёлся

во мнении, что она попросту где-то погибла, а в связи с похоронами царицы было уже не до неё.

– Доблестный вождь Турпан, ты имеешь возможность выразить свою благодарность человеку, чьи самые сокровенные помыслы и смелые деяния были направлены только для достижения одной цели – помочь тебе в этом походе. Именно поэтому я пришёл сюда и нахожусь здесь.

Турпан, слушая Дахара, не сводил глаз с Далайи, и когда тот закончил свою короткую речь, он, шагнув в её сторону, так же, как это сделал перед хаомаваргским вождём, почтительно, но уже восхищённо преклонил колено.

Прежде чем приступить к трапезе, старый вождь Дахар, теперь уже удивив Далайю, вернул ей всё её серебро.

– Я благодарен судьбе за то, что она на закате моей долгой жизни подарила мне общение с такой удивительной женщиной, как ты, Далайя, – он почтительно склонил голову перед ней. Затем, взглянув ей в глаза, закончил начатое: – Велика честь пребывать с тобой в одном походе. Очень надеюсь, что он для меня будет последним. О таком славном завершении своего пути я и не мечтал.

Далайя молча взирала на двух столь непохожих вождей. Для неё они удивительным образом являли закат и рассвет. Более подходящего сравнения она не нашла.

* * *

Воздав все почести погибшим воинам, предав земле с особым почётом тела двух вождей, оставив пять сотен массагетов и две сотни хаомаваргов для погребения погибших саков, а также плённых вражеских воинов для захоронения их собратьев, объединённая сакская армия двинулась в глубь земель персидской области Бактрия.

Дахар и Турпан разбили войска на три отряда, сосредоточив большую часть сил, в том числе и всех хаомаваргов, в центральной группе войск, и определили всем три дня на разорение завоёванных земель. По их мнению, более длительный срок был бы пагубным для всех, так как Дарий наверняка уже направил армию из ближайших сатрапий в помощь беззащитной Бактрии.

На второй день похода передовые дозорные отряды в ожидании своих вождей остановились на подступах к главному городу этой земли – Бактре Зариаспе. Получив команду вступить в него, они быстро завладели им. Помимо немногочисленной знати и простых жителей, согнанных на центральную площадь, в городе никого не было. Во дворце сатрапа, куда ворвался один из отрядов, находилась лишь небольшая охрана, сразу сложившая оружие. Членов семьи наместника здесь не оказалось. Они были предусмотрительно отправлены им в южную часть страны.

Его несметные богатства, обнаруженные в хранилище, поразили даже вождя хаомаваргов Дахара, повидавшего много сокровищ за свою долгую жизнь, не говоря уже о совершавшем свой первый поход молодом вожде массагетов Турпане.

Далайя, неспешно пройдясь по залам небольшого дворца и осмотрев их, вышла на террасу, откуда открывался великолепный вид. Наслаждаясь увиденным, она вдруг задумалась о том, как, наверное, прекрасна бывает жизнь, когда нет войны, когда все люди заняты обычной работой, не боясь за будущее своих детей.

«Всё, к великому сожалению, обстоит иначе. Ведь мир – это не только отсутствие войны, это ещё и присутствие настоящей жизни во всём. Но ни того, ни другого пока нет», – думала она.

* * *

Добыча была велика. Захваченный многочисленный скот, среди которого отдельно вели табуны отборных бактрийских скакунов, обозы, гружённые несметным добром, сдерживая ход двух армий, медленно тянулись, подобно огромной змее, нехотя проползавшей меж скал.

В южную часть Бактрии не стали входить, хватило и того, что было в её северной и центральной частях.

Шли они не спеша, по-прежнему направляя во все стороны усиленные дозорные отряды.

С наступлением вечеров на землю опускалась долгожданная прохлада.

На ночь разбивали лагерь. Как никогда, сытно кормили воинов и лошадей, давая им возможность хорошо отдохнуть.

Далайя, Руса и Фардас чаще всего проводили вечера в шатре вождя Дахара, куда их радушно приглашали вместе с вождём Турпаном. Мудрый хаомаварг многое помнил и охотно делился воспоминаниями с сотрапезниками, находя в них благодарных слушателей. Все его повествования были преисполнены благородства и мужества, особенно жизнеописания простых воинов и сказы о славных подвигах далёких предков. Для гостей уже не было столь важным их соответствие истине. Главное заключалось в его искреннем уважении к людям, к прошлому.

Иногда, сидя у очага и не сводя глаз с языков пламени, всегда столь благотворно воздействующих на человека, Далайя невольно отвлекалась от слушания и мыслями уходила в родную степь, в своё прошлое, вспоминая близких душе людей. Как только в её памяти возникал образ царицы, её охватывали чувства вины и скорби, скорби и вины...

Вот и сейчас они вновь увели её туда, и она подумала: «Не стало тебя, царица, и я стала странницей на этой земле, не знающей своего назначения, не находя своего приюта. Мне часто бывает плохо, и я не знаю, как быть. Что мне сделать такого, чтобы стать нужной кому-то? Ты не поддавалась таким думам. Тебе было не до них. Ты поступала свято, живя для своего народа, ни разу не впустив в настрадавшуюся душу сомнений по поводу творимого собой. Я же не так уверовала в себя и во всё то, что вдруг совершаю, и от этого не столь уверены во мне все те, кто меня окружает. Это очень печалит меня, ведь я могу их потерять, и тогда останусь совсем одна».

Изредка улавливая на себе кроткие взгляды молодого вождя Турпана, она задумывалась над тем, что творится теперь среди массагетов.

«Как и почему случилось так, что вот такой молодой и неопытный воин стал военным вождём и возглавил целый поход?» – думала она.

Её тревожило будущее и своё с Русой, и Фардаса.

«Нужно ли нам идти дальше, в родную для меня степь? Может быть, пока ещё не стало поздно, нам следует покинуть Турпана и

его армию? Не знаю. Расспросить бы у него о жизни, что теперь там царит. Постараюсь сделать это завтра. Тогда мне легче будет принять какое-нибудь решение, ведь есть ещё немного времени», – размышляла она.

– Да, верно, с годами становишься бережливым в движениях, скупым в поступках, но, как никогда, словоохотливым. Наверное, всё это заведено неспроста. В жизни всему наступает свой черёд. Молодость глупа и суетна. Зрелость придиричива и избирательна. Лишь только старость неподвижна и громогласна, – Далайя расслышала сквозь думы суждения вождя Дахара и вновь поразилась его мудрости.

Взглянув на него, она наконец поняла, кого он ей напоминал всё это время: он был похож на водопад.

* * *

Ведя своего коня рядом с Далайей, Турпан охотно поведал ей обо всём творящемся в родной степи.

Главные перемены, как и предполагала она, произошли сразу после смерти царицы. При весьма странных и до сих пор неизвестных обстоятельствах один за другим покинули мир вожди трёх наиболее враждебных ей племён.

Трагические изменения, однако, на этом не прекратились. Через короткий промежуток времени после случившегося к праотцам поочерёдно отправились и вожди ещё семи племён, но уже тех, что всегда поддерживали при жизни царицу.

Степь вновь содрогнулась от страшных событий.

Двое оставшихся вождей сразу после обряда похорон правительницы увели свои племена под власть тиграхаудов.

По заведённому ещё при самой царице обычаю, народ каждого из этих племён избрал себе нового вождя.

Вот так он, Турпан, старший из троих сыновей погибшего тысячника, нежданно-негаданно стал сначала вождём в своём племени, а чуть позже и военным вождём всего союза племён, выше которого находился лишь царь.

Постоянные раздоры, повсеместно охватившие степняков, вконец разорили и без того ослабшую и обнищавшую страну.

Со слов Турпана, оставался только один выход: идти в поход и в случае везения вернуться с добычей, ну а если такому не суждено было свершиться, то массагетов ожидал голод, так как прокормить народ уже было нечем.

Печален был рассказ военного вождя.

В степи не стало той силы, что могла объединить людей и, главное, должным образом управлять ими. Оскудела сакская земля. Беззащитной сиротой осталась она на виду у всех.

«Лишь ленивый не пойдёт на неё войной. Да вот только брать там уже нечего, и оттого пока ещё живы почти разрозненные массагеты», – думала Далайя.

Всё было гораздо хуже, чем предполагала она. Сейчас, выслушав Турпана, она с горечью осознала, что лучшим решением в такой ситуации был бы захват власти в степи сильным вождём, пусть и жестоким.

«Страшнее всего для целого народа быть немощным и обездоленным. Такой народ, просуществовав с десяток лет, уже не сможет дать начало хотя бы одному достойному потомку, и даже если такое произойдёт и он вдруг народится, то лишь для того, чтобы проклясть свою горькую судьбу», – тяжкие мысли одолевали Далайю.

* * *

Близился к своему завершению очередной, седьмой день пути. С наступлением следующего полудня дозорные отряды ожидали всех воинов на том месте, откуда пути хаомаваргов и массагетов должны были разойтись.

Первые, не дойдя до вод Окса всего одного дня пути, уходили оттуда влево, огибая по правую руку земли Хорезма. Вторые же продолжали идти прямо и, преодолев обмелевшую реку, вступали в свои степи.

Для тех и других заканчивался этот славный поход, ставший в самый решающий момент единым.

* * *

Расставание не было долгим. Отведя в обе стороны все обозы, заранее разделённые надвое, войска массагетов были

выстроены вождем для почётного прощания с отважным воинством хаомаваргов.

Дахар с племянником Патшой и тремя тысячниками находился перед своими сотнями напротив армии союзников. Они вглядывались в ряды массагетов, придерживая своих гарцующих скакунов.

Далайя и Турпан, выступив вперёд, в их сторону, остановились. Все замерли.

– Великий вождь Дахар, вместе мы преодолели не столь долгий путь, но весь народ массагетов будет помнить всегда свершённое тобой и твоими доблестными воинами, – в полной тишине начал Турпан. – От этого места до памятного ущелья мы дошли за пять дней, обратно же вернулись двумя днями позже. Нас сдерживали многочисленные обозы с богатым трофеем и табуны лошадей, которыми мы завладели вместе с тобой и благодаря тебе. Половина всего этого добра по праву принадлежит тебе и твоим храбрым воинам. Благодарю тебя. Да продлятся твои дни!

С последними словами вождь Турпан склонил голову, прижав к груди правую руку, давая понять, что он сказал всё.

Далайя тронула коня и шагом двинулась в сторону Дахара. Тот немедленно направился к ней навстречу. На середине они остановились, очень внимательно всматриваясь друг в друга.

– Последний поход должен быть достойным и памятным. Старость же бывает неподвижной и громогласной, – она улыбнулась, повторяя ему его же давние слова. – Но то ведь старость. Да к тому же она далека, – искорки озорства светились в её глазах, но они не заслоняли великого почтения к нему. – Бережливость твоих движений от быстрых мыслей. Твои поступки величавы точностью. Ты прав, молчанием мудрость никогда и никому не передать. Прощай, светлейший Дахар!

– Прощай, Далайя!

* * *

Вождь Дахар пока не мог знать того, что по прибытию в родные земли он по праву будет провозглашён царём своего народа.

Г Л А В А П Я Т А Я

От направленных вперёд гонцов степь уже знала об удачном походе своей армии. Знала она и о появлении Далайи. Если от первого известия во всех кочевьях ликовали, то второе своей неожиданностью настораживало некоторых людей, давно уверовавших в её погибель. Новые вожди племён, в основной массе выходцы из семей прославленных воинов и полководцев, знавшие и хорошо помнившие её как знатную, но нечванливую женщину, искусную воительницу, всегда готовую прийти на помощь при обращении к ней, восприняли её появление хотя и несколько сдержанно, но с добрым отношением в сердцах.

В поселении на берегу Яксарта, где прежде располагался стан царицы, в установленном на почётном месте шатре Турпан разместил Далайю, для всяких нужд закрепив за ней несколько семей простолюдинов и выделив ей для охраны целую сотню воинов.

Поминки по погибшим вождям и воинам, устроенные на второй день, длились три дня.

Дошёл черёд и для дележа захваченного в походе добра.

Вождь Турпан уже назначил срок для проведения большого совета, в который обязательно входили вожди, старейшины, тысячники и сотники, равно представлявшие все десять оставшихся племён.

На совет была приглашена и Далайя.

В указанный день все они расположились перед главным шатром под открытым небом.

Турпан попросил Далайю занять место по правую руку возле себя, что всегда означало только одно – восседавший там на совете являлся вторым лицом в степи.

По левую руку от него находился старец, совершенно незнакомый ей, лицо которого было изуродовано большим багровым шрамом.

Прежде чем огласить перечень всего, что было добыто ими в походе, Турпан подробно сообщил присутствующим о каждом его дне и, главное, о действиях Далайи, её спутников и воинов хаомаваргов во главе с вождём Дахаром.

По лицам тех людей, кто не принимал участия в описываемых событиях, было заметно, насколько они были поражены услышанным.

Те же, кто побывал в этом походе и пережил его, с нескрываемой гордостью поглядывали друг на друга и чаще на Далайю.

За всё время, что длился большой совет, она не проронила ни слова, внимательно наблюдая за людьми и за тем, насколько справедливо и верно происходил раздел.

Вначале Турпан оглашал своё мнение, после этого все приступали к его обсуждению.

Но то, что он предложил в самую первую очередь, было воспринято всеми молча и без возражений. Четверть скота, оружия и драгоценностей отныне принадлежала ей.

Вторая четверть распределялась между самим Турпаном, вождями и семьями всех погибших вождей, тысячниками и сотниками, ходившими в поход, в строгом соответствии с их положением.

Третьей четвертью в равной степени наделялись воины вернувшейся армии и семьи погибших в этом походе воинов.

Четвёртая четверть отдавалась вождям для равного распределения ими между семьями простых кочевников в племенах.

Недовольных либо оспаривающих принятое решение не было.

Турпан, завершая совет, обратился к Далайе с вопросами, нет ли у неё каких-либо особых своих предложений и всё ли, на её взгляд, совершенно по справедливости.

– Признаюсь, я очень удивлена столь значительным даром моим спутникам и мне. Хочу просить вашего одобрения ещё на два свершения для блага всех массагетов, – она окинула сидящих взглядом и остановилась на Турпане.

– Мы готовы выслушать тебя, досточтимая Далайя, – выразил Турпан общее мнение.

Все в ожидании не сводили с неё глаз.

– Думаю, следует направить гонцов к ушедшим к тиграх-удам вождям и предложить им вернуться вместе со всеми их людьми обратно в родные степи. Четверть всего, чем вы наделили меня, я готова отдать их племенам, – она вновь окинула всех взглядом.

Люди восхищённо и одобрительно закивали, о чём-то перешёптываясь между собой.

– Вторую четверть я выделяю для поселения, которое нужно разбить здесь же и разместить в нём всех собранных в нашей степи детей-сирот, – завершила Далайя.

Восторгу присутствующих, казалось, не будет предела.

– Что скажете, братья? – подняв руку, обратился к ним Турпан.

Они замолчали.

– Мудрые решения никогда не нуждаются в обсуждении, – вдруг в воцарившейся тишине низким густым голосом произнёс сидящий рядом с ним старец.

Все были согласны.

В племенах, где в сражении с бактрийцами погибли вожди, народом были избраны другие.

Три дня длились торжества в честь удачного похода массагетов.

Принятое решение было в строгости соблюдено, и каждый человек в степи получил свою долю.

Гонцы были направлены ко всем собратьям. По кочевьям были разосланы доверенные люди.

Вскоре в селение, состоящее из двадцати пяти обычных войлочных шатров, уже начали доставляться осиротевшие дети, каждый из которых был представлен Далайе.

Вернулись на прежние свои пастбища и откочевавшие к тиграудам два племени. В одном из них не желавший возврата вождь куда-то бесследно исчез, а избранный взамен ему исполнил волю народа.

Жизнь в кочевьях постепенно налаживалась.

Наступала осень, предвещающая суровую зиму. Теперь она была не так страшна массагетам.

* * *

Высокий курган, возведённый чуть в стороне от всех остальных, был последним пристанищем в славном пути царицы Томирис. Далайя провела возле него целый день, мысленно общаясь с ней. Вспоминая прошлое, рыдала, повествуя о настоящем, плакала. Иногда просила совета у неё, но к вечеру уже просто отдыхала в тени его основания.

Всё это время она прислушивалась к своим ощущениям и чувствам, пытаясь уловить малейшие сигналы, но их не было. В её душе никаких изменений не происходило.

Царица пока молчала. Она не гневалась, но и грусти не убавляла.

«Значит, не подошёл, не наступил ещё этот миг», – подумала Далайя.

* * *

Оставив стан верховного военного вождя Турпана, провозглашённого царём массагетов, Далайя переселилась со всеми своими людьми туда, где находились дети, расширив его ещё двумя сотнями шатров. Теперь это новое селение все так и называли – селение Далайи.

Руса с Фардасом все дни напролёт были заняты большим хозяйством. Сама же Далайя всё своё время посвящала детям, коих ближе к зиме набралось почти три сотни.

Однажды она поручила начальнику охраны подобрать для неё десять воинов, хорошо знающих местность и все кочевья, уже ставшие на зимовку.

Когда поручение было исполнено и они вошли к ней в шатёр, то среди них один молодой воин показался ей знакомым, но вспомнить его она так и не смогла.

– Когда-то в ставке царицы одну из её сотен возглавлял доблестный воин по имени Даг, – Далайя начала излагать поручение. – Его здесь нет. Но у него была семья, дети. Найдите мне их. Возьмите у Русы всё, что нужно вам для дороги, и немедленно отправляйтесь в путь. Поспешности в поиске не допускайте. Всех с почтением доставьте ко мне.

Воины, склонив головы, удалились из шатра. Лишь тот самый, что показался ей знакомым, замешкался на миг. Заметив это, Далайя подошла к нему, внимательно вгляделась в лицо и спросила:

– Кто ты? Назовись.

Воин смутился, но ответил твёрдо:

– Моё имя Ремиз. Вы помогли нам в нашем пути от берегов Каспия. Нас пятеро в твоей сотне. Позволь со мной идти остальным, – он преданно и с надеждой смотрел ей в глаза. – Я помню благородного сотника Дага и многим обязан ему.

– Хорошо. Найди их. Я извещу сотника о замене. Тебя же прошу: не оплошай. Вернёшься, тогда и поговорим с тобой. А теперь ступай, – Далайя проводила его взглядом.

Тот радостно выскочил из шатра.

* * *

Долгие, однообразные зимние вечера Далайя с Русой коротали в своём шатре, сидя у жаркого очага. Зачастую с ними почти до полуночи находился и Фардас, неохотно покидавший их общество, направляясь к себе. То, что они были вместе и у них

был свой отдельный кров, наполняло их неопишуемой радостью и огромным счастьем. Руса любил лежать у огня, положив голову ей на колени.

Нежные прикосновения её рук к его голове, её пальцы, блуждавшие в его волосах, доставляли обоим неземное удовольствие, возбуждая каждую частичку их тел, распаяя в них кровь, переполняя ею трепетные сердца.

Они подолгу предавались ласкам, наслаждаясь друг другом, не в силах при этом насытить накопившиеся неуёмные и столь желанные страсти. Лишь на миг расставаясь в ночи, они тут же начинали скучать друг по другу, и даже во сне Руса не выпускал из своей руки её тёплую ладонь.

* * *

Зима, весьма суровая в степи и мягкая в горах, приближалась к своей середине.

В крепости почти всё было по-прежнему, лишь с небольшой новизной: Рушти иногда, захватив с собой всю свору собак, отправлялся на охоту. Поначалу все тревожились за него, но со временем успокоились и перестали обращать внимание на эту его причуду.

Лес, казалось, столь знакомый ему, всегда встречал его по-новому. Неизменным было лишь его молчаливое величие.

В своей мохнатой большой накидке да в таком же мохнатом головном уборе Рушти выглядел могучим и суровым воином, способным сразить любого врага или матёрого зверя на своём пути. Именно так он представлял себя со стороны, изредка, но с гордостью тараща единственный глаз на своё воинство, бегущее рядом с ним со всех сторон.

Собачье семейство в полном составе – родители и четверо годовалых щенков, – поглядывая на своего хозяина, неотступно следовало подле него, по-своему охраняя его и готовое исполнить любую его команду. Таких прогулок они уже стали ожидать с явным нетерпением, радуясь возможности порезвиться средь дикой природы.

Живности, достойной их внимания, в лесу не водилось, и назвать то, чем они занимались, настоящей охотой было нельзя. Но всё же это было лучше, нежели целыми днями слоняться по двору, вдыхая надоевшие запахи домашней скотины.

Рыжему всё это нравилось лишь до той поры, пока он не начинал бежать по глубокому снегу. Зная, что вскоре ему придётся проделывать весь этот путь в обратном порядке, он незаметно отставал, пока все не исчезали из виду, и после этого, повалявшись в чистом пушистом снегу, дожидался их под деревом, где, как правило, было суше и скрытнее.

И в этот раз всё было как обычно. Рушти направился с утра на охоту, взяв с собой всех собак.

Нетронутый снег, выпавший за ночь поверх прежнего, посеревшего, покрывал всю низину свежим, иссиня-белым искрящимся на солнце слоем.

И только горы, величаво громоздясь и вблизи опоясывая короной эту огромную чашеобразную долину, отдаляясь и становясь тонкой ребристой поверху линией, не изменяли своего первозданного серо-красного цвета. Воздух взбадривал своей прохладной свежестью и звенящей чистотой, доставляя всему живому истинное наслаждение.

Пройдя родник, неустанно пробивавшийся на поверхность теперь и сквозь снежный слой, Рушти, восседая на бойком скакуне, полюбовался прозрачной, тихо журчащей водицей и направился в лесную чащу, разрушая девственный покров невысоких сугробов.

За ним, следуя по неглубокому конскому следу, раздвигая рыхлый снег широкой грудью, бежал старший всей своры. Рыжий, по своему обыкновению, замыкал это своеобразное шествие добытчиков, стараясь пока не отставать от остальных собратьев. Он, изредка приподнимая голову, вбирал в себя как можно больше воздуха, нюхиваясь в окружающие запахи, пытаясь определить малейшие изменения в них, дабы вовремя подать голосом знак своему хозяину, звериным чутьём улав-

ливая его охотничий настрой, при этом соображая, что нельзя подвести ни своё семейство, ни самого себя.

К полудню небо потемнело, покрываясь серыми тучами, пригнанными с запада лёгким ветерком. Вновь пошёл густой снег, медленно опускаясь на землю пушистыми хлопьями.

Рушти остановился на маленькой полянке, сошёл на землю, присел у дерева, достал небольшой кусок вяленого мяса и, отрезая его ломтиками, стал есть, осматривая перелесок.

Псы, учуяв запах пищи, прилегли рядом с ним, поглядывая на него в ожидании угощения, но тот не обращал на них внимания, продолжая свою трапезу. «Вы и без того бездельники, а дай я вам еды, так и подавно не станете искать зверя», – рассуждал он, смачно откусывая мясо, дразня и разжигая аппетит у собак.

Из-за падающего снега видимость становилась затруднительной. Снежинки беспрестанно липли к ресницам, щекоча глаза и мешая обзору.

«Похоже, дальше идти не имеет смысла. Нужно возвращаться. Они все смеются надо мной, не верят. Всё равно я найду этого волка и привезу им его шкуру. Посмотрим, кто был прав. Завтра нужно добраться до дальних подножий гор. Сейчас же пройдусь по его ближним подступам до самой крепости», – успокаивал себя Рушти, забираясь на лошадь.

Следы, оставленные им, петляли среди леса. Припорошенные идущим снегом, теперь они походили на какую-то бесформенную борозду, постепенно наполнявшуюся до краёв и незаметно исчезающую под свежим слоем покрова.

Рушти забирал правее, ведя коня по другому пути.

Видимость улучшалась лишь под широкими раскидистыми кронами больших старых деревьев, растущих в восточной части, ближе к одиноким скалам, темневшим здесь повсюду.

Рыжий, как всегда, брёл последним, часто заходя под покров древес, сильно встряхиваясь, сбрасывая с себя липкую снежную корку, обнюхивая кору, помечая её мочой. Он неспешно продвигался, пока не отстал от всех. Упуская их из виду из-за плотной белёсой пелены, он всё же не терял направления, чутко улавливая знакомые запахи.

В какой-то миг в воздухе появился чужой дух, едва уловимый им и от этого не очень понятный ему. Одновременно с ним он услышал внезапно возникшие странные звуки и тут же большими прыжками бросился по оставленному следу.

Пёс уже отчётливо слышал лай и рычание своих собратьев, когда на него, чуть не раздавив копытами, из снежной завесы выскочил конь Рушти, бешено несясь в обратную сторону.

Успев в последний момент отскочить в сугроб, рыжий с удвоенной силой помчался вперёд, стараясь поскорее прийти на помощь и хозяину, и своему семейству.

Битва с небольшой волчьей стаей была в самом разгаре. Четыре чёрных лохматых кома, вцепившихся насмерть псов и волков, зловеще рыча, вертелись в стороне, разбрасывая по-красневший снег.

Ближе к подножью невысокой скалы, расположенной слева, вздыбив на загривках шерсть, рыча, широко расставив лапы, низко опустив головы и оскалив клыкастые пасти, угрожая друг другу стояли отец рыжего и чёрная волчица.

Она бросилась первой. Он, пытаясь отстраниться, внезапно заскользил задними лапами. Этого хватило для неё. Сбив его грудью, она вцепилась ему в шею, всё сильнее сжимая на ней свои челюсти.

Рыжий стремительно оттолкнулся, всей мощью налетел на волчицу, опрокинул её, придавил к земле могучим телом, тут же захватил во всю пасть её горло и, яростно впившись в него, мгновенно ощутил вкус горячей крови. Она пыталась вывернуться, судорожно брыкаясь лапами, но ничего у неё не получалось. Его клыки всё глубже и глубже входили в её плоть, с каждым разом всё быстрее выдавливая из неё жизнь. Вскоре с нею было покончено. Рыжий, разжав окровавленную пасть, тяжело дыша, оглянулся.

Снегопад перестал.

Всё в округе уже проглядывалось с особой ясностью и имело чёткие очертания. Повсюду снег был сбит в багрово-

серые комья. Среди этого месива буграми чернели мокрые лохматые бездыханные тела сражённых противников.

Рушти лежал в стороне, недалеко от скалы, лицом вниз. Из-под его головы, слегка растопив снег, уже растеклась густая тёмная лужа крови, от которой шёл пар.

Рыжий не мог видеть, как со скалы, когда с ней поравнялся Рушти, на него набросилась чёрная волчица, в одно мгновение разорвав клыком его шею от левого уха до груди. Юноша не увидел атаки с этой стороны, имея лишь правый глаз.

Пёс, обнюхав его и отца с матерью, обошёл остальных. В живых никого не осталось. Все – и волки, и собаки – были мертвы. Никто не уступил никому.

Забравшись на скалу, где на снегу были волчьи следы, здрав к небу окровавленную морду, рыжий жалобно завыл. Далеко по округе весь оставшийся день и всю ночь до утра разносился скорбный звериный плач.

На заре, пройдя по едва видневшемуся следу вернувшегося в крепость скакуна, к скале приблизились сотник Даг и Бурчэ.

Поначалу, загрузив тело Рушти на коня, они не хотели трогать останки собак, но увидев глаза рыжего, лежащего по-прежнему на скале, снесли их в небольшую расщелину, где, прикрыв свежими разлапистыми ветками, припорошили снегом.

* * *

Девушки безутешно рыдали над телом Рушти. Мужчины в стороне от крепости, на окраине леса, напротив пропасти, стойко перенося душевные страдания от скоропостижной кончины юноши, выдалбливали углубление в мёрзлой земле, готовя могилу, последнее его пристанище.

Рыжий появился ближе к вечеру, когда погребение Рушти было уже завершено.

Всю эту ночь пёс в одиночестве провёл у свеженасыпанного холмика, черневшего среди снежного покрова, под которым покоился его хозяин и добрый друг.

Это была первая утрата для обитателей крепости. Оттого и горе было для них невыносимым и долгим. Ничто не могло утешить их скорбь и умерить их печаль по так рано ушедшему из жизни чистому душой и очень сердечному юноше, имевшему тяжёлую, полную трагедий, короткую судьбу.

Рыжий тосковал по своим сородичам и по Рушти, которого всегда старался защитить, улавливая в нём физическую немощь, словно сожалея, что в нужный момент не оказался рядом с ним и не успел его спасти. Люди понимали его и старались не тревожить. Он подолгу лежал у колодца, где прежде было любимое место всей его семьи, часто уходил побродить по лесам, откуда неспешно возвращался и обязательно навещал могилу. В своём страдании пёс очень походил на человека. Когда он, пошатываясь, появлялся во дворе, люди замирали, провожая его долгими взглядами. Вся еда, предназначенная ему, оставалась нетронутой им, и это сильно беспокоило всех. Вечерами он неподвижно лежал, опустив голову на вытянутые лапы, уставившись потускневшими глазами в костёр.

Однажды поутру, на седьмой день после похорон, Даг вдруг заметил, что рыжий не может встать.

Пытаясь подняться, он бессильно заваливался на бок, подкашиваясь в лапах. Сотник подбежал к нему, присел возле него на колени, осмотрел его, затем бережно подхватил его на руки, ощутив неимоверную лёгкость тела, и понёс его к себе, куда тут же прибежали все остальные. Уложив его на шкуру недалеко от огня, он тревожно наклонился над ним, прислушиваясь к его дыханию, всматриваясь ему в глаза. Пёс, сведя мохнатые брови, несколько раз моргнув, дёрнувшись телом, но не сумев поднять головы, спокойно посмотрел на него и, высунув язык, уснул. Убедившись в том, что он жив, все тихо удалились.

Оставив у его изголовья посуду с чистой водой, вслед за остальными покинул помещение и Даг. Он несколько раз навещал рыжего. Тот продолжал спать.

В этот день закололи овцу, и к полудню в котле уже было сварено её мясо.

Когда все расположились у своих костров, готовые приступить к еде, на входе слегка приподнялся нижний край полога, и из-под него показалась голова рыжего. С этого дня он стал появляться. В его глазах появилась живая искорка, его тело стало крепнуть, вновь наливаясь силой. Вот только к тому месту у колодца, откуда унёс его сотник, он больше не подходил и всё чаще располагался возле ворот, будто сменил на посту своего друга Рушти.

* * *

На двадцатый день вернулись все воины, посланные на поиски семьи сотника Дага. Итог был малоутешительным. Его помнили. Знали, что у него было двое совсем юных сыновей, но никто не смог объяснить, куда исчез он сам и где теперь его дети. Также стало известно и о том, что почти сразу после его пропажи от сильных недомоганий умерла его жена. Жители селения указали на её могилу. Один из старейшин не очень уверенно подсказал имена детей. С его слов, старшего из этих братьев звали то ли Сыбар, то ли Зубар, а младшего не то Кудас, не то Гидасп.

Далайя очень внимательно слушала воинов, приняв их у себя в шатре, угощая горячей едой. Когда они называли имена, что-то знакомое промелькнуло у неё в голове, но неуловимо ускользнуло.

Отпустив всех на отдых, она невольно задумалась о сотнике Даге, о том, что он не знает об участи своей семьи и детей. Ей было искренне жаль его. «Даг, наверняка, живёт надеждой однажды встретиться с ними и уже больше никогда не расставаться», – думала она. При воспоминании о нём она представила заснеженную крепость и всех её обитателей, и тут же потекли иные мысли: «Как они там сейчас? Вернулись ли молодые обратно? Что вообще происходит там?» На душе было тревожно за них. Ведь они все стали ей родными.

* * *

Остаток зимы Далайя вместе с Русой по настоянию самого верховного правителя Турпана и по радушному приглашению вождей племён подолгу гостили в их кочевьях, назначив старшим в селении Фардаса.

Только в этот период года саки на время становились почти оседлым народом, и их не нужно было искать в бескрайних степных просторах.

Часть третья

«...И СУДЬБА ОСТАВЛЯЛА ВЫБОР»

511 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

С наступлением весны людям свойственно замечать перемены, произошедшие с их родными, находящимися рядом. Ни в какой другой период года им не дано так отчётливо уловить все изменения, связанные с ростом их детей, младших сестёр и братьев.

Лишь с окончанием зимы, когда на земле пробуждается всё живое до самой маленькой букашки и тоненького стебелька, все взрослые мужчины и женщины, словно очнувшись от сна, удивлённо взирают на вчерашних малышей, преобразившихся так вдруг в статных молчаливых юношей и изящных стеснительных девушек.

Жилища, казавшиеся прежде просторными и уютными, в эту пору совершенно неожиданно для всех их обитателей становятся тесными и уже отнюдь не удобными, ставя отцов и матерей в неловкое положение перед своими детьми из-за допущенной ранее непредусмотрительности относительно их быстрого возмужания.

Родители, занятые суетной повседневностью, не успевают заметить того, что их маленькие отпрыски уже превратились в достойных потомков, так не умеющих ждать наступления подходящего для этого времени, дабы давшие им жизнь люди могли подобающе избежать таких, казалось бы, несложных упущений в быту.

Оттого извечно и происходит так, что все старшие при виде внезапно повзрослевших детей ошарашенно уступают им доро-

гу, прислушиваясь к огрубевшим голосам мальчиков, растерянно приглядываясь к девочкам, поражаясь их красоте и отныне относясь ко всем отрокам иначе, по-особому, будто к пришлым впервые гостям.

Все обновления в природе влекут за собой новизну и в ощущениях, изменяют восприятие всего того, что всегда считалось неизменным и незыблемым в своём постоянстве, но оказалось однажды освежённым, новым, другим. Каждая наступившая весна совершенно не похожа на предыдущую, и к этому нельзя привыкнуть, если ты жив душой и свободен в мыслях.

* * *

Племена, по заведённым традициям и обычаям, воздав почести духам предков, земли, воды и небес, уже откочёвывали в долины к отведённым им летним пастбищам на сочные луга, как велось издревле.

Тёплая меховая зимняя одежда: остроконечные шапки, отороченные мехом, меховые шубы, широкие штаны, сшитые из кожи мехом внутрь, и таким же образом изготовленные сапоги – теперь сменялась на более лёгкую, из тонко выделанной мягкой кожи и войлока.

Далайя и Руса не узнавали старших мальчиков, очень повзрослевших за тот короткий промежуток времени, что они не были в селении. Под неустанным и бдительным руководством многоопытного Фардаса почти полторы сотни юнцов упорно овладевали воинским искусством. Они попарно сражались на деревянных, а затем и настоящих мечах, стреляли по мишеням из лёгких луков, метали копья и управляли боевыми конями. Младшие возрастом мальчики, сгрудившись по окраинам отведённой для тренировок площадки, восхищённо наблюдали за своими старшими товарищами, желая скорее подрасти и быть среди них.

Девочки под присмотром определённых Далайей женщин приучались к различным хозяйственным делам, связанным с выделкой шкур, шитьём, приготовлением пищи и ещё со многими премудростями будущих хозяек и хранительниц очагов.

На третий день после возвращения, когда Далайя впервые объезжала своё селение, присматриваясь и к людям, и к состоянию жилищ, к ней на полном скаку подлетел тот самый молодой воин по имени Ремиз.

Он спешил, склонил голову и обратился к ней:

– Далайя, я нашёл их.

– О ком ты хочешь сообщить? – недоумевающе спросила она.

– О сыновьях сотника Дага. Ты велела найти их, – с радостью произнёс он.

Она не поверила в сказанное им.

– Где же ты нашёл их, ведь поиски давно прекращены?

– Они находятся здесь, среди остальных детей, – он показал рукой в сторону площадки, где Фардас с мальчиками проводил занятия. – Сегодня Фардас доверил мне два десятка для обучения стрельбе из лука, и я узнал их по именам. Старший Зубар, младший Кудас. Доставить их?

– Не нужно. Хочу увидеть их со стороны.

Ремиз ловко взобрался на коня и последовал за Далайей.

– Вон они, заняты стрельбой. Те, что ближе к нам. Тот, который чуть выше ростом, – Зубар, а рядом с ним – Кудас, – пояснял Ремиз, поравнявшись с Далайей, остановившей коня возле крайнего шатра, дабы не отвлекать детей от занятий.

– Тебе известно, когда они появились здесь, у нас? – всматриваясь внимательнее в ребят, спросила она.

– Да. Ещё до первого снега.

– Целую зиму они были рядом с нами, а мы и не знали, – с досадой произнесла женщина.

– Когда мы вели их поиски, мы старались не называть никому их имён, ведь ты поручила лишь нам десятерым найти их, и мы не смели посвящать в это ещё кого-то, – растерянно оправдывался молодой воин.

– Всё верно. Это моя ошибка. Я не корю вас. Нет. Ты достоин награды. Проси чего хочешь, – радуясь такому стечению обстоятельств, не отрывая взгляда от детей, уже с улыбкой спросила Далайя.

– Мне ничего не нужно. У меня есть всё, чтобы верно служить тебе, – преданно смотря на неё, с благодарностью ответил он.

– Что ж, в таком случае доставь-ка их ко мне вечером. Я сама им всё и объясню. С хорошей вестью пришла эта новая весна, – она развернула коня и направилась обратно.

«Вот почему мне показались очень знакомыми их имена. Ведь мне их представляли, но тогда я не знала, кого ищу. Надо же, я стала забывчивой. Это плохо. И всё же, какая радость, что они живы и находятся здесь, у меня. Никогда бы не поверила, что такое бывает в жизни. Нужно как следует отблагодарить вестника. Хвала небесам за такой щедрый дар. Нужно завтра же совершить жертвоприношение», – размышляла она.

* * *

Верховный правитель царь Турпан, попросившись на лето с Далайей, Русой и Фардасом, оставив им все прилегающие пастбища, выдвинулся в дальний путь, почти к границам тиграхаудов, к верхнему течению Яксарта.

Помимо той сотни, что он сам выделил им, каждый из вождей племён одарил Далайю ещё полусотенным отрядом, и теперь в её селении было уже около семисот воинов.

Окрепшие же племена имели от трёх до пяти тысяч войск.

Теперь, когда душа постепенно находила успокоение от увиденного в родной степи, от посещения кургана с захоронением царицы, оттого, что ей хоть как-то удалось помочь всему своему народу, Далайя стала всё чаще подумывать о людях, оставленных в далёкой крепости.

Идти туда, к ним, сейчас не представлялось возможным из-за весенних разливов. Пока лишь следовало ожидать спада воды в реках. Да и перевал, тот ужасный проход среди гор, был ещё закрыт.

Ремиз, ставший десятником и получивший в награду одного из породистых скакунов, пригнанных из бактрийских земель, был по-своему очень счастлив. Со своим отрядом, куда вошли четверо его товарищей, он неотступно находился при всех делах, всячески помогая Фардасу, особо приглядывая за сыновьями сотника Дага.

Руса, привычный прежде к суровой воинской службе, с нескрываемым удовольствием стал изучать обычаи саков, посвящая себя целыми днями напролёт всяческим хозяйственным делам селения, определяя очерёдность выделения пастбищ, обеспечивая бесперебойную охрану многочисленным табунам лошадей, стадам крупного скота и овец, следя за своевременным снабжением продовольствием, ведя подсчёт поголовью приплода.

Иногда по вечерам, сидя в своём шатре у огня, он рассказывал Далайе о дальних странах, где ему довелось побывать. Под треск пылающего жаром очага ей очень нравилось слушать его и представлять те далёкие земли и населяющие их народы.

Но главное, чем она пока не смела поделиться с ним, заключалось в другом: она забеременела. Под её сердцем зарождалась новая жизнь. Желание поделиться с Русой этой радостью было настолько велико, что порой казалось ей просто невыносимым, но предстоял поход, а он мог воспротивиться, узнав о такой перемене.

Так прошла весна. Наступило жаркое лето. Было решено выдвигаться в дальний путь.

Фардас вновь оставался старшим в селении. Ему были доверены все драгоценности, кроме слитков серебра. Их она забирала с собой, чтобы вернуть истинным хозяевам, тем, кто так щедро распорядился ими, отдав ей для спасения Русы. Десятник Ремиз, кому Далайя поручила охрану Фардаса, оставался его правой рукой.

Дети сотника Дага также собирались в дорогу, в свой первый поход на встречу с отцом.

Вечер перед выступлением Далайя провела у могилы царицы. Поделилась с ней новостью о предстоящем материнстве. Рассказала о завтрашнем уходе в дальние земли.

Задолго до зари отряд, состоящий из пяти десятков воинов, во главе с Далайей и Русой, все ведя на поводу гружёные пары лошадей, уже вышел из селения. Отойдя на небольшое расстояние, Далайя развернула своего скакуна и окинула прощальным взглядом мирно спящий стан, освещённый тусклыми огнями костров. В предутренней дымчато-туманной пелене, стелющейся

очень ровным сплошным покровом над поверхностью земли, она сразу увидела шестерых всадников, неподвижно стоявших чуть в отдалении от стана. Она узнала их. Это были Фардас с Ремизом, возле которого находилась неразлучная четвёрка его друзей.

Ближе к восходу им повстречалось охранение селения, выставленное на ночь вокруг него. При виде Далайи и Русы воины отряда с почтением склонили головы и под бряцание оружия отвели коней с их пути.

На подступах к пограничной реке им вновь повстречались два десятка вооружённых саков из дальнего дозора. Они дождались их переправы и долго провожали взглядами уходящих на чужбину людей, оставаясь на родном берегу.

* * *

Преодолев, как обычно, при помощи наполненных воздухом больших кожаных мешков полноводную реку Окс, на десятый день отряд неспешно приблизился к одному из многочисленных урочищ, где встал на ночлег.

Земли Хорезма оставались позади, с правой стороны. Теперь отряду следовало идти строго на запад, оставляя также по правую руку, в двухдневном переходе, границы хаомаваргских земель.

Молчаливые Зубар и Кудас постоянно находились у костра Далайи и Русы. Будучи погодками, они хорошо ладили меж собой, понимая друг друга без лишних слов. Двенадцатилетний Зубар, в отличие от младшего брата, не был похож на отца. Он был высок и строен, но худощав и тонок в костях. Кудас же был уменьшенным подобием Дага. Крепыш, вдвое шире брата в плечах, он едва уступал ему в росте. О своём прошлом, как ни старались разузнать Далайя и Руса, они не обмолвились ни словом, при этом каждый, чувствуя своё неправильное поведение по отношению к вопрошающим старшим, виновато поглядывал на них.

Уже в полдень следующего дня высланные вперёд дозорные сообщили об идущем в их сторону чьём-то большом караване, усиленно охраняемом хорошо вооружённым отрядом.

Руса, ясно осознававший всю опасность, исходившую от предстоящей встречи, разбил своих воинов на четыре части. По одному десятку он сразу разослал на небольшое расстояние в обе стороны от дороги, оставив при себе два десятка и отведя назад последних десять воинов с Далайей, детьми и вьючными лошадьми.

Вскоре вдали показались дозорные каравана. Саки настороженно остановились. Чужаки выжидали, гарцуя на месте на своих резвых скакунах, и тоже изучали возможного противника.

Судя по одеянию и оружию Руса понял, что охрана персидская, а это означало только одно – с миром не разойтись и сражения не избежать. Уходить с пути каравана было поздно. Он знал, что персы не пройдут мимо, оставляя в живых саков, одного из злейших их врагов. Вскоре к нему, поднимая клубы пыли, стал приближаться их отряд, численность которого определить не представлялось возможным. Руса взглянул по сторонам. Отведённые им десятки, как он и велел, отсюда видны не были. Он оглянулся и не увидел Далаю с её людьми. Всё было исполнено в точности с его указаниями.

Конница приближалась. Уже стали различимы лица скачущих впереди воинов. Два десятка саков в ожидании выстроились в одну линию, заложив стрелы, готовые к стрельбе.

По мере приближения к ним персы рассыпались по флангам, также вытягиваясь в длинный ряд. Их было не меньше четырёх десятков. Они первыми выпустили стрелы. Из-за большого расстояния произошёл недолёт. Саки ответили, натянув в полную силу свои дальнобойные луки. Персы словно ударились о невидимую стену, настолько разительным и точным был встречный удар тяжёлых, жутко звенящих стрел. Около десятка передовых всадников опрокинулись навзничь, слетая с лошадей.

Не давая опомниться врагу, каждый из сакских воинов с молниеносной быстротой вслед первой тут же выпустил ещё несколько стрел, после чего они, разделившись на две части, умчались в разные стороны, освобождая дорогу персам.

Те же на полном скаку спешно выпускали стрелы вперёд, не зная, что за пыльной завесой противника уже нет. Почти напо-

ловину опустошив свои колчаны, проскакав ещё какое-то расстояние, они закружились на месте, не понимая, куда девался враг.

В этот самый миг с двух сторон на них вновь обрушился смертельный поток из стрел, вдвое превышающий прежний. То был страшный удар, после которого мало кто из живых остался без ран.

Уже через мгновение персы оказались в полном окружении сакских воинов, стремительно пролетавших мимо них, постепенно сжимавших своё кольцо и хладнокровно расстреливавших их с расстояния, безопасного для себя.

Теперь ни одна стрела не была выпущена бесцельно.

Оставшихся четверых израненных персов, накинув на них арканы, тут же стащили на землю. Не оставляя им ни единого шанса на жизнь, поволокли в сторону.

Улеглась пыль, открыв взору подступившей Далайи ужасное зрелище.

Без применения мечей было покончено с четырьмя десятками персидских воинов, так смело бросившихся в атаку на людей, совершенно не угрожавших их каравану.

Сошедшие с коней саки бродили среди тел поверженного врага, ловко орудовали ножами, надрезая кожу в лобной части и сдирая её с голов вместе с волосами, и тут же подвязывали скальпы к уздам своих скакунов.

Стрелы – почти бескровное оружие, но кровь полилась только теперь, придавая сражению истинный цвет смерти.

С бактрийцами саки не поступили так, но с ненавистным для них врагом всё обстояло иначе, и воины сочли за честь завладеть таким боевым трофеем.

Неожиданно для всех Далайя торопливо отъехала в сторону, сошла с коня и присела на корточки. Её сильно тошнило и рвало.

Вдали, со стороны каравана, показалось несколько всадников. Недолго постояв, они исчезли.

Руса повелел оставшимся воинам собрать всё оружие, вновь скрытно разместил два их десятка по бокам от дороги и с таким же по численности отрядом двинулся вперёд. За невысоким подъёмом он увидел остановившийся караван. Перед

ним клином, подобно острому наконечнику копья, выстроилась остальная часть персидской охраны, около полусотни всадников. С этого места Русе было видно, как его люди с двух сторон незаметно поравнялись с ними, вытянувшись в линии вдоль них, и изготовились к бою.

В головной части растянувшихся вереницей гружёных мулов и лошадей на красивом белом коне находился старший каравана, тревожно выглядывавший из-за спин стоящих впереди него воинов. То, что происходило сейчас, явно пугало его, так как он привык всегда уверенно следовать под охраной всемогущей персидской власти и армии.

Русе неспешным шагом повёл отряд ближе к персам. Когда уже просматривалось каждое пёрышко на вражеских стрелах, он остановился, вглядываясь в лицо их сотника.

Тот был до предела напряжён, еле скрывал своё негодование, но пока сдерживался, видя перед собой страшных сакских воинов, у которых к уздам были прикреплены свежесодранные вместе с кожей человеческие волосы, сплошь измазанные в крови, до сих пор падающей частыми каплями под копыта гривастых лошадей.

– Эй, мы ещё можем разойтись без большего кровопролития, – громко выкрикнул Русе. – Нам не нужен ваш груз. Подумай. В противном случае мне придётся прекратить ваш путь.

– Ты, грязный сак, уничтожил сорок моих воинов и ещё считаешь, что этого недостаточно для наказания тебя и всех твоих вонючих псов! Ты осмелился посягнуть на подданных владыки мира и к тому же открываешь свою поганую пасть, диктуя мне глупые условия! – вскричал перс, распаляя себя гневным голосом и оскорблениями.

– Мне хотелось бы узнать мнение более рассудительного человека, чем ты. Надеюсь, старшему каравана твоя болтовня не очень-то и по душе, – не обращая никакого внимания на слова сотника, Русе высматривал хозяина нагруженного добра, обращаясь к нему.

Но тот по-прежнему молчал, видимо, как понял Русе, очень надеясь на начальника своей охраны, и, скрываясь позади отряда, пока не проявлял себя никоим образом.

– Мне очень жаль, что эта жара лишила всех вас рассудка. Теперь я изменил своё решение. Когда не ценится имя и имущество повелителя его же слугами, они недостойны уважения. Мы возьмём всё, – с этими словами Руса поднял руку.

В тот же миг слева и справа от персов появились грозные саки, держа натянутыми луки.

Сотник, от неожиданности утративший всю спесь, глупо озирался по сторонам, понимая гибельность своего положения.

Далайя, слышавшая всё сказанное сторонами, с последними словами Русы выстроила своих воинов позади него, на высоте, расположив по бокам от себя обоих сыновей Дага, уже теперь приучая их к суровой правде опасной жизни.

Персы были окружены.

– Прикажи всем сложить оружие и сойти с коней, – больше не считая нужным тратить попусту слова, Руса сильно натянул лук, направив стрелу прямо в лицо сотнику.

Тот замер, но его веления пока не исполнял, судорожно пытаясь найти хоть какой-то выход из этой страшной ситуации. Его воины, не получая команд, продолжали безмолвно стоять. Время было неумолимо в своём течении. Выпущенная Русой стрела с хрустом вошла в правый глаз перса, густо разбрызгав кровь. От полученного сильного удара сотник, запрокинув ноги, перелетел через круп лошади и с грохотом упал на землю.

Тут же десятки сакских стрел, раз за разом выпускаемые лучниками с молниеносной быстротой, вонзились в тела персидских воинов, так нелепо выстроившихся плотной массой и мешавших друг другу.

Десять воинов, направленных Далайей, подлетели к братьям, метко стреляя на скаку.

Саки, как и прежде, не вступали в ближний бой, вновь начав свою страшную карусель смерти.

Персы, попытавшиеся выскочить из неё, тут же падали, сражённые точными выстрелами.

Руса, больше не обращая внимания на побоище, направился к каравану, где у ближнего мула, сойдя на землю со своего

белоснежного жеребца, обречённо склонив голову, стоял его хозяин. Мельком взглянув на него, Руса направился дальше, продолжая рассматривать его гружёных животных.

Погонщики при виде сакского военачальника сразу падали на землю, прижимаясь лбами к камням, не смея даже смотреть в его сторону. Персидский охранный отряд был полностью уничтожен. Среди саков оказалось несколько легкораненых.

Двадцать мулов и двенадцать лошадей, крепко нагруженные набитыми товаром тюками, составили добычу саков, ставшую для них неожиданным даром небес.

Мидийский купец, не проронивший ни слова, был отведён в сторону и обезглавлен ударом акинака.

Всё собранное оружие было тоже погружено на отловленных лошадей, приумноживших сакский караван.

* * *

Через четыре дня пути они уже приблизились к могиле Дантала, где и остановились на ночлег.

Далайя всегда желала достойно помянуть этого удивительного воина.

Именно в этот раз ей удалось исполнить задуманное, и она здесь же с огромным почтением к покойному совершила жертвоприношение, заколов жирную лошадь.

Когда Руса, зная о её трепетном отношении к погибшему сородичу и понимая её состояние, оставил её наедине с курганом, она поклялась перед духом великого сака назвать своего сына его именем.

На заре Далайя с облегчённой душой вместе со всеми своими людьми покинула эту местность.

До ущелья при таком передвижении оставалось около четырёх дней пути.

* * *

Сотник Даг по своему обыкновению ежедневно в полдень посещал преддверие ущелья, где на подъёме проводил некоторое время в ожидании возвращения Далайи и Русы.

В этот день ранним утром ему уже не спалось. В своём недолгом сне он участвовал в каком-то страшном бою, где проливалось слишком много крови, и даже после пробуждения он долго не мог отойти от жутких видений. Что-то непонятное тревожило и сильно тяготило его, весьма ощутимо отдаваясь неприятным покалыванием внутри, в области сердца.

Выйдя во двор, взглянув в звёздное небо и вдохнув всей грудью чистый горный воздух, он, успокаиваясь, присел у стены, почёсывая густую бороду.

Подошедший к нему рыжий пёс улёгся рядом, изредка поглядывая в сторону ворот.

Потрепав его по сильной холке, сотник поднялся, подошёл к загону с лошадьми и вдруг ощутил сильное желание промчаться на своём коне по ночным просторам, как это бывало раньше в родной степи. Решившись, он кинулся к себе, взял оружие и упряжь, вывел скакуна и, быстро оседлав его, подлетел к воротам.

Стоявший на дозоре Дуару едва успел отворить одну из створок, как Даг, тенью промелькнув мимо него, покинул крепость.

Ничего не понимающий молодой воин удивлённо смотрел в темноту за ворота, и когда стал притворять их, то увидел возле своих ног рыжего, юркнувшего в щель.

Сотник, осторожно придерживая коня, спустился по крутому склону дороги, ведущей от крепости, и поначалу решил повернуть влево, к могиле Рушти, но счёл неверным ночное посещение захоронения, повернул обратно и направился к роднику. Обдавшись студёной водой, он вновь запрыгнул в седло и на этот раз, не раздумывая, пустился вскачь в сторону ущелья.

Пёс бежал рядом.

Небо слегка посветлело, но здесь, на окраине леса, было по-прежнему темно. Влажный и прохладный воздух был наполнен множеством запахов, приятно разбредивших душу воина.

В этой местности он не мог нестись во весь опор, на скаку отбросив поводья, раскинув руки навстречу потокам ветра, но в том, что однажды он вновь обретёт свои просторы, он не сомневался.

До горного прохода оставалось пройти совсем немного, когда сотник, бросив туда взгляд, увидел в предрассветной дымке всадников, медленно и тихо спускающихся с перевала на эту сторону.

Длинная вереница конников, словно гигантская змея, выскальзывала из ущелья, перекатывая тело через подъём и бесшумно сползая вниз.

«Вот к чему был мой сон», – остановив скакуна, с досадой подумал Даг.

Возвратиться и предупредить людей в крепости он уже не успевал, не было времени.

«Нужно погромче зашуметь, и Дуару услышит меня», – опытный воин принял решение и двинулся навстречу пришельцам.

Рыжий, уловив новые запахи, исходившие от множества людей и животных, вздыбив на загривке шерсть, кинулся вперёд, опережая сотника.

Первые всадники вступили в лес, направляясь прямо на них, будто, как подумал сотник, заранее знали дорогу к крепости. Натянув лук, Даг изготовился к стрельбе из-за дерева, выглядывая и ожидая их приближения.

Рыжий чуть впереди него прилёг в траву, вытянув шею, прерывисто рыча, задирая верхнюю губу, по-волчьи оскаливая клыкастую пасть.

Время для Дага остановилось, словно не желало ускорять своим бегом приближение и без того надвигающейся очередной трагедии.

Сердце бывшего воина колотилось бешено, каждым своим ударом всё сильнее отдаваясь шумом в голове. Такое с ним всегда происходило перед боем, но с началом активных действий он обычно уже ничего не чувствовал, полностью подчиняясь холодному рассудку.

Вот и сейчас, настраиваясь на сражение, он усилием воли вытеснял из себя всё ненужное ему, оставляя только одно желание, только одну мысль: «Скорей бы началось».

Уже послышался приглушённый травой топот копыт. Вскоре донеслись голоса.

Пёс напряжённо приподнялся, низко опустил голову и из-готовился к прыжку.

Сотник, глубоко вздохнув и вобрав в себя побольше воздуха, замер, пытаясь уловить каждый шорох.

Вдруг совершенно отчётливо он услышал женский голос. В этот самый момент рыжий, вскочив, залаял, причём сделал он это совсем по-домашнему, беззлобно. Виляя куцым хвостом, он кинулся вперёд.

Сотник опустил лук, приставив ладонь к уху. Сомнений не было, это был голос Далайи. Он очень ясно расслышал её возглас, явно обращённый к рыжему:

– Как же ты здесь оказался, мой удивительный пёс?

Даг был поражён такой неожиданностью. Пытаясь успокоить внезапно нахлынувшее волнение, он убрал оружие, несколько раз провёл холодными ладонями по лицу и лишь после этого выступил из своего укрытия, ещё не веря до конца в случившееся чудо, и двинулся навстречу голосу.

Приблизившись к всадникам, он спрыгнул с коня и подошёл к Далайе. Она, наклонившись, стояла возле собаки. Увидев его, женщина выпрямилась. Они молча смотрели друг другу в глаза, пока она, сделав шаг к нему, не обняла его.

Руса и дети, также сойдя на землю, находились чуть в стороне, не мешая встрече старых друзей.

Звёзды постепенно исчезали, растворяясь в белёсой небесной дали. Горные вершины из тёмно-серых стали уже серебристо-голубыми, и даже здесь, под густыми кронами деревьев, от наступающего утра теперь было достаточно светло.

Слегка отстранившись от Дага, рассматривая его лицо, Далайя почти шёпотом произнесла:

– Мы долго не виделись. Как вы здесь?

Ничего не ответив, тот кивнул. Подошёл Руса. Они также молча обнялись.

– Зубар, Кудас, подойдите сюда, – Далайя повернулась к мальчикам.

Даг вздрогнул при её словах. Он не мог ни тронуться с места, ни вымолвить слова. Всматриваясь в находящиеся поодаль детей, он подался вперёд, нервно сжав кулаки.

Руса и Далайя тихо отошли в сторону, к лошадям.

Дети, не сдерживаясь, подбежали и прижались к отцу. Он опустил на колени, обхватив их тельца обеими руками, так и не сумев разжать онемевшие пальцы, крепко сведённые судорогой.

* * *

Когда все добрались до дороги, ведущей наверх, к крепости, сотник остановился.

– Пусть все остальные подождут здесь, – попросил он Далайю с Русой и повернул коня вправо.

Недалеко от невысокого могильного холма, уже поросшего травой, он первым сошёл на землю, подошёл к нему и скорбно замер.

– Кто? – тревожно спросила Далайя.

– Рушти.

Руса, обойдя холм, остановился у его подножья, опустил на колено, низко склонил голову, коснувшись правой рукой насыпанной земли. Он долго стоял, шепча какие-то слова.

Далайя, вспоминая доброго юношу, его облик, голос, манеры, не могла представить его мёртвым. До глубины души потрясённая страшным известием, она заплакала. Слёзы, блестя в лучах восходящего солнца, стекали по её щекам. Она ещё не знала, как и от чего наступила его смерть, но это было уже не так важно для неё. Не стало человека. Было очень жаль его. При жизни он не был особо приметным. Порой, казалось, она даже забывала о его существовании. Только теперь почему-то этого юноши так сильно не хватало ей. Его чистая душа не мешала другим. Она всегда просто витала среди них, и когда касалась кого-то, то тому обязательно становилось легче. Ему всегда хватало всего, что он имел. Он умел радоваться малому и ценить миг. Для него достаточным было всё то, что окружало его. О большем он никогда не просил. Он вообще не умел просить. Видимо, не нуждался...

На обратном пути Даг поведал обо всём случившемся с Рушти, и когда они приблизились к ожидавшим их людям, Руса,

приотстав, сошёл с коня и, присев перед подбежавшим к нему рыжим псом, очень бережно ладонями приподнял ему голову и долго смотрел ему в глаза.

Лишь Далайя, мельком оглянувшись, увидела, как воин и собака, два осиротевших существа, беседовали взглядами.

Они, чьи предки когда-то дружно обитали в одной земле, встретились здесь, чтобы вновь верно служить друг другу.

* * *

В распахнутых настежь крепостных воротах их встречали оставшиеся в ней трое воинов: Бурчэ, Габу и Дуару.

Не увидев Зелу и Мире, Далайя вопросительно взглянула на Дага. Он, улыбнувшись, кивнул в сторону строений. Она быстро посмотрела туда и чуть не ахнула. На руках у обеих были малыши, а молодые мамы сияли от счастья. Горечь утраты, сжавшая болью людские сердца, постепенно отпускала и сменялась радостью от рождения детей, двух крохотных девочек. Теперь, наряду с испытанием первой смертью, они постигли и первое рождение, причём вдвойне превосшедшее горе.

Люди понимали, что и здесь всё присущее человеческой жизни будет чередоваться, и очень надеялись, что подобные перемены, коль им суждено свершаться, будут и дальше нести не только смерть, но жизнь.

* * *

Эту ночь все провели в стенах крепости, но, хотя места в ней хватило бы и для гораздо большего количества людей и животных, на следующий день разбили лагерь внизу у родника. Так было удобнее для сакских воинов, не привыкших обитать в строениях.

Погонщики-рабы, коих оказалось полтора десятка, разместились здесь же для удобства в работе. С этого дня часть из них под присмотром небольшой охраны стала пасти весь скот, что прибыл и имелся в крепости. Остальные занимались другими хозяйственными делами, в том числе и укреплением стен и строений.

Впервые с момента захвата каравана стали распаковывать вьюки. Начали с тех, что были на мулах. Разнообразие товара привело в восторг даже Русу, человека, который, казалось бы, повидал почти всё в своих походах.

В одних вьюков было много красивой посуды, изготовленной из глины, бронзы, серебра и золота: всевозможные вазы, кубки, чаши и чашечки, кувшины, миски и другие приборы.

В других – произведённые искусными мастерами мечи и боевые доспехи, кожаные и металлические панцири, причём последние были двух видов – чешуйчатые и кольчуги. В комплекте к ним находились кожаные и металлические шлемы с шоломниками, поножи для защиты ног от лодыжек до колен и различной величины щиты. В некоторых тюках были парадные доспехи, богато украшенные рельефными изображениями.

Особое их внимание привлекли вьюки с рулонами ткани из шерсти и льна. Они были различными: однотонными и разноцветными, крашенными и целиком вытканными из цветных ниток, часть из них была украшена вышивками. Всего этого было огромное множество.

В тюках же, которыми были нагружены лошади, находился провиант: ячмень, вино, пшеница, сушёные яблоки, соль, сало, копчёное и вяленое мясо, сыр и масло.

Кроме этого, были обнаружены два лёгких летних больших шатра и личные вещи старшего каравана, среди которых в отдельных мешках было большое количество серебряных монет, на вид подобных тем, что довелось обнаружить в хранилище са-трапа Бактрии. То были персидские сикли.

Здесь же отдельно от всего остального находилось множество золотых и серебряных украшений: цепочки, браслеты, подвески, поясные пряжки, серьги и кольца.

Караван был поистине богат.

«Купец, направивший его в дальние восточные страны, уже никогда ничего о его судьбе не узнает», – подумал Руса.

Во все времена торговля была занятием рискованным, особенно если она велась на довольно больших расстояниях и её дороги пролегали по чужим территориям.

Руса долго пересыпал в ладонях зёрна ячменя и пшеницы, раздумывая над тем, как сохранить их до будущей весны и где удобнее всего подходит земля для посева.

* * *

Девочку Зелы и Габу нарекли Прианой, а дочери Мире и Ду-ару дали имя Лариан.

Зубар и Кудас, поначалу не отходившие ни на шаг от отца, с каждым днём, прожитым здесь, всё сильнее втягивались в новую жизнь и всё больше времени проводили в нижнем лагере, с интересом продолжая осваивать премудрости воинского искусства.

Руса и Даг следили за всей жизнью в увеличившемся селении, и если сотник уделял всё своё время воинам и охранению, то Руса, привыкший уже к ведению хозяйства, им и занимался.

Далайя же с молодыми мамами, когда те были свободны от хлопот с детьми, с каким-то невероятным желанием увлекалась шитьём. Из появившихся в большом количестве тканей они изготавливали и разные одежды, и множество прочих нужных вещей, при этом всё уютнее обустраивая жильё.

Рыжего пса можно было увидеть и в крепости возле Русы, и в лагере с детьми, и одиноко бродящим по лесу. Он не был теперь особо привязан к кому-то, видимо, как догадывались люди, не хотел привыкать, как уже было однажды.

* * *

Бывшие не нужными прежде пристройки по краям от основного строения, к которым примыкали боковые навесы, теперь были востребованы. В правую, куда упирался навес, где размещалась живность, решили на зиму поселить рабов. Левую же приспособили под хранилище имущества и провианта.

Далайя с огромной благодарностью вернула все слитки серебра их истинным хозяевам, но те попросили оставить до нужды все эти ценности у неё, так как сочли это более надёжным.

Руса, посетивший однажды пещеру под водопадом, вернулся оттуда довольный, сообщив Далайе о неизменной сохранности их тайника.

Отныне по указанию сотника Дага на подъёме перед главным ущельем постоянно, кроме зимы, когда оно было полностью занесено снегом, несли дозор сакские воины.

Лето подходило к концу, уступая место тёплой, но дождливой осени.

Так размеренно протекала жизнь на казалось бы забытом всеми в мире клочке земли, в небольшой горной долине, куда чуть более двух лет назад пришла горстка заблудших в пути странников.

* * *

В середине зимы у Далайи родился сын.

Ликованию отца и всех обитателей крепости не было предела. Праздновали рождение первого мальчика как умели, от всей души.

За три дня и ночи для пира закололи множество скота, устраивали различные состязания для лучников, борцов и силачей. Очень сожалели, что не могли провести конные соревнования, но все были едины в общей радости, искренне чувствуя малыша и его великолепную маму.

Здесь же, у костров, разложенных посреди крепостного двора, Далайя прилюдно произнесла имя сына. Он был наречён ею Данталом.

Руса не находил себе места от счастья. С того момента, когда скрыть беременность ей уже не представлялось возможным и Далайя наконец обрадовала его известием о предстоящем отцовстве, он долго не мог успокоиться от охватившей его душу и разум радостной новости.

И вот теперь это свершилось – он стал родителем, причём отцом мальчика, продолжателя его рода, наследника и воина.

* * *

Фардас, так и не дождавшись до осени возвращения Далайи и Русы, не ведая об их истинном маршруте, не знал, что и предположить. В мыслях он уже допускал самое худшее, но пока держивался от оглашения своего мнения вслух.

Ремиз, неотступно следовавший за ним и помогавший ему во всём, в точности исполняя указание Далайи, в душе очень тревожился за судьбу этой удивительной женщины, но никогда не сомневался в том, что она однажды появится в своём селении.

«Мало ли что может задержать её в пути. Её посещению будут многие рады в сакской земле. С ней Руса и хороший отряд. Она обязательно вернётся до весеннего половодья», – размышлял он, успокаивая себя.

С наступлением зимы карманиец уже окончательно уверовал в свои догадки и в один из вечеров, сидя у огня в своём шатре, поделился ими с Ремизом:

– Непокойные времена нынче наступили. Много лихого и голодного люда бродит по всем окрестностям. Мне доводилось встречаться с ними не раз. Они за кусочек мяса готовы перегрызть друг другу глотки. Сколько караванов да и иных путников бесследно сгинуло в пути, повстречавшись с ними. Эти люди беспощадны и жестоки со всеми. Расправляются даже с подобными себе, коль кто-то из них окажется при встрече в большинстве. Говорят, что их поддерживает сам владыка Хорезма.

– Ему-то чем они выгодны? – удивился Ремиз.

– Караваны очень богаты. Они их грабят, а всё богатство у них хитро выменивают его купцы, ведущие торговлю по всей земле.

– Ну а ему какой от этого прок? – не мог сообразить юноша.

– Потом с его высочайшего повеления, от его имени и под его охраной они всё награбленное, как своё, с выгодой обменивают в других странах. В тех, где всё это очень нужно и его ждут. Понял? За это в его хранилищах оседает большая часть полученной разницы, которой вообще не должно быть у него. Затем обмененный товар везут туда, где теперь он необходим кому-то, и всё вновь повторяется. Этот круговорот приносит несметные богатства властителю почти из ничего, – объяснил подробно Фардас.

– Да, дела, – дошла до Ремиза суть хитросплетения.

– Вот я и думаю, не по их ли вине до сих пор не вернулись Далайя и Руса? – наконец задумчиво произнёс хозяин шатра.

Находясь под впечатлением от всего услышанного, продолжая свои раздумья, Ремиз не сразу уловил суть сказанного собеседником и опять заинтересовался:

– Но ведь эти его караваны тоже могут ограбить?

– М-да. Могут, – почти не слушая его, по-прежнему пребывавая в думах, отстранённо ответил Фардас.

Ремиз, не стал повторять вопрос, решив, что тот не может всего знать.

– Послушай, Ремиз, покидая нас, Далайя не давала ещё каких-нибудь распоряжений на случай её задержки в походе? – опомнившись, спросил старший.

– Нет. Кроме тех, что тебе известны, других не было, – растерянно произнёс Ремиз, внимательно взглянув на Фардаса и лишь только теперь сообразив к чему был его рассказ о грабителях караванов.

– Они не посмеют иметь дело с таким отрядом. К тому же это ведь не караван, – начав, запнулся он, вспомнив о навьюченных лошадях.

Неприятный холодок кольнул в самое сердце юноши.

Оба замолчали.

Фардас, не проявляя ни малейшего интереса к месту предполагаемого пребывания ушедших, что отныне не было важным для него, размышлял о своей судьбе на случай, если Далайя больше не вернётся.

«Здесь, среди саков, только Далайя была мне поддержкой. Если она не вернётся, меня, чужака, никто не будет долго терпеть рядом с собой, и тем более над собой, а это означает только одно – всё очень скоро для меня будет кончено. Хорошо, если они меня отпустят живым и здоровым, но может случиться и иначе. Так как же мне поступить? Самое страшное в том, что я один. Может быть, этого юношу уговорить уйти со мной? Хотя ему-то для чего это делать, ведь он и так в почёте, да к тому же он среди своих», – подумал Фардас и взглянул в лицо Ремизу.

Тот, огорчённый такими страшными предположениями собеседника относительно судьбы Далайи, опустил глаза, пытаясь отогнать охватившие его тревожные мысли. Ещё сегодня днём

он даже не сомневался в её возвращении, а прошло всего мгновение – и все его надежды, казавшиеся незбылемыми, начали таять при разговоре с этим человеком.

В нём стала закипать злость на себя, на эту мерзкую беседу.

– Послушай меня, Ремиз, – осторожно подбирая слова, начал Фардас. – Прошло достаточно много времени для того, чтобы они вернулись. Ты же должен понимать, что так долго, где бы то ни было, без единого вестового к нам невозможно им находиться. Обратную дорогу может найти любой из их воинов. Уже минула середина зимы, но ни их самих, ни гонцов от них по-прежнему как не было, так и нет. Далайя не могла так поступить, не дав знать о себе, пребывая где-то на зимовье. Значит, что-то случилось. Что-то непредвиденное произошло с ними. Боюсь, самое худшее...

Последние слова он почти прошептал, в горле у него запершило, и он закашлялся, вертя головой, пытаясь пальцами размять кадык.

Ремиз, низко склонив голову, молчал. Он не мог возразить сказанному. Всё, что говорил Фардас, к его сожалению, было похоже на правду.

Тот же, успокоившись, продолжил:

– Я очень хотел бы верить в то, что с ними всё в порядке, но время, его прошло слишком много. Пойми меня правильно, здесь я чужой, ну даже если пока это не так, то пройдёт всего лишь несколько дней, и я стану им. Мои скромные заслуги в меру вознаграждены, стало быть, пришла пора и мне следовать своей дорогой.

– Я не думаю, что ты прав. На тебя понадеялась Далайя. К тому же тебя никто не гонит, – Ремиз метнул взгляд на Фардаса, ещё не понимая, к чему тот ведёт разговор.

Вновь воцарилась тишина. Огонь, слабо потрескивая, лёгкими всполохами приводил в движение тени, отбрасываемые двумя собеседниками на стены шатра.

– Ну хорошо. Буду откровенен с тобой. Я решил уйти отсюда и хочу спросить тебя: не хочешь ли ты пойти вместе со мной? Ведь без Далайи, заметившей и поднявшей тебя, оценившей, как

и меня, никому другому ты уже не будешь нужен. Твои завистники теперь поднимут головы, и ещё неизвестно, чем всё закончится. Мы с тобой сделали всё, что от нас зависело. Большого, чем можешь дать, невозможно совершить. Не сегодня-завтра здесь будет избран или назначен новый вождь. Кто станет им, мы не знаем. Рассчитывать на его благосклонность, как ты понимаешь, я уже не намерен.

– Когда ты думаешь уйти? – Ремиз посмотрел ему в глаза.

– Оттягивать отъезд не стоит. До весны не так далеко, а там помешают воды. Так что ты думаешь? Я бы желал иметь такого спутника, как ты, тем более вдвоём будет легче идти, да и всё это добро не следует передавать кому попало, нельзя его оставлять здесь, – он кивнул в сторону дальней от входа стены, где были припрятаны доверенные ему драгоценности.

– Ты хочешь забрать всё это с собой? – удивился Ремиз. – Но ведь оно принадлежит только Далайе! И новый вождь, если он будет, как ты сказал, должен свято оберегать его.

– Ты очень молод, многого не понимаешь, оттого и вера твоя в людей ошибочна. Я же говорю тебе правду. Если я оставлю всё это, оно исчезнет в первый же день правления нового вождя, а так нам, возможно, удастся сохранить, уберечь его. Ты понимаешь меня или нет? Ведь всё это может вмиг пропасть, – Фардас из последних сил уговаривал его.

Он терпеливо разъяснял этому непонятливому юноше такие простые и правильные вещи.

– Знаешь, я всё же буду здесь ждать их возвращения. Мне некуда идти. Возьми оттуда сколько тебе нужно, но всё остальное оставь. Наверное, ты прав, не стоит доверять никому. Я уберу всё это подальше от дурных глаз, – с этими словами он встал и покинул шатёр, больше не сказав ни слова.

На следующее утро, не увидев нигде Фардаса, Ремиз оставил своих воинов для проведения обычных занятий с детьми и направился к его шатру. Войдя внутрь, он не обнаружил там старшего, а когда уже собирался покинуть его, заметил, что кошма на полу у дальней стены откинута. Подойдя туда, он увидел, что обложенная камнем небольшая яма, где хранились все драго-

ценности Далайи, пуста. Не веря своим глазам, он присел возле неё и, опершись о лежащую рядом крышку, пошарил рукой по прохладному днищу. Сомнений не было, Фардас ушёл, забрав с собой всё.

Старший дозорного отряда пояснил Ремизу, что незадолго до рассвета Фардас якобы по велению Далайи отправился к ней, ведя на поводу двух лошадей с грузом. Не теряя времени, молодой десятник помчался за ним в указанном направлении. Свежие следы на чистом, ровном снегу вели его прямо в сторону Окса. К полудню он уже различал вдали на искрящемся снежном покрове несколько тёмных точек.

Это был Фардас. Конь, слегка подуставший от бешеной скачки, выпуская клубы пара из широких ноздрей, потихоньку достигал уходящего. Расстояние между ними сокращалось. Выпущенная стрела просвистела прямо над головой карманийца. Тот остановился, развернул коня и достал свой лук. Ремиз на полном скаку выхватил свой меч, вовремя отстранился от пущенной Фардасом стрелы и подлетел к нему вплотную.

Начался бой. Искусный и опытный наёмник с лёгкостью отбивал удары молодого воина, нанося ему при этом всё больше ран, от которых тот уже весь был в крови. В какой-то миг Ремиз изловчился и точным выпадом попал остриём меча в левое плечо Фардаса. От неожиданности и силы нанесённого удара тот полетел с коня, грузно ударившись оземь, разметав под собой снег.

Ремиз тут же, не дожидаясь пока он поднимется, вскочив ногами на седло, спрыгнул с высоты прямо ему на грудь. В самый последний момент карманиец слегка подался в сторону, и меч сака с силой, зазвенев, вонзился в ледяной покров, лишь коснувшись шеи лежащего. В это мгновение острый клинок наёмника мягко вошёл в левый бок нападавшего. Тот судорожно вздрогнул, напрягся, вытянулся и запрокинул голову. Бессильно отпустив рукоять меча, скользя пока ещё сжатой кистью по его острому полотну, разрезая пальцы и ладонь, застонав, он вдрут обмяк и неподвижно уткнулся лицом в снег.

С трудом столкнув тело с себя, Фардас поднялся на колени, придерживая раненую руку и тяжело дыша, и устался на

бездыханного юношу. Потом оглянулся по сторонам. Они были одни. Ярко-красная кровь, своим жаром подтапливая снег, парясь, вытекала из страшной раны в боку Ремиза. Слегка пошатываясь, Фардас подошёл к своему коню и, вцепившись здоровой рукой ему в гриву, взобрался в седло. Затем, от боли крепко стиснув зубы, он низко склонился, с огромным усилием подцепил поводья других лошадей и, не задерживаясь в этом месте, направился дальше, оставляя за собой самый последний рубеж сакской земли.

* * *

Заледеневшие останки десятника Ремиза были обнаружены сменным дозорным отрядом только на второй день.

В селении Далайи наступило безвластие.

Вскоре худая весть о случившемся дошла и до верховного правителя Турпана, разбившего зимовье невдалеке отсюда, на своём прежнем месте. Срочно лично прибыв туда и разобравшись в произошедших событиях, насколько это было возможно, царь назначил временного старшину и в недоумении вернулся к себе.

* * *

С приходом весны открываются многие дороги. Земля становится всё более оживлённой, налаживается прерванная на зиму связь между дальними странами. Всё чаще на пустынных дорогах появляются спешащие всадники-гонцы, часть из которых так и не доставляет вестей ожидающим.

Но так или иначе, а известия о самых главных событиях и наиболее важных переменах, происходящих в мире, довольно быстро становятся достоянием даже наиболее отдалённых уголков земли, где обитают, казалось бы, дикие народы. Вот и до степи всё чаще стали доходить сведения об усилении персов на западе, об их постоянных военных действиях на побережье Эгейского моря против греческих городов-государств.

На ведение успешных войн всегда требовались огромные затраты, и, следовательно, для их покрытия возрастали потреб-

ности в дополнительных средствах. Велением царя Дария I были значительно повышены размеры налогов в сатрапиях. Именно поэтому здесь, на северо-востоке персидской державы, где с кочевниками-саками соседствовали её провинциальные области Хорезм и Согдиана, стали всё чаще поговаривать о скорой войне со степняками, столь неудобными сатрапам этих земель по причине их быстрого усиления и постоянной угрозы со стороны северных границ.

* * *

В начале лета Далайя высказала Русе своё желание немедленно выступить в родные степи. Причиной тому, как она объяснила, послужила внезапно возникшая тревога за детей царицы и оставленных вдали сородичей, постоянно в последние дни являвшихся к ней в кошмарных снах.

Их маленькому сынишке уже исполнилось полгода, и он всё больше находился под опекой Зелы и Мире, этих удивительно заботливых мамаш.

Руса понимал её и полностью разделял её мнение о том, что почти год их отсутствия в степи очень большой срок и что за этот период времени могло произойти всякое в жизни её вольного селения, оставленного под присмотром иноземца. Почти не задумываясь, он согласился с ней.

Бурчэ внимательно слушал и запоминал все наказания Русы по уходу за двумя небольшими полями с высаженными на них ещё по весне семенами ячменя и пшеницы и изредка задавал ему вопросы. Отныне он невольно оставался единственным знатоком-земледельцем в крепости.

На следующее утро после принятия решения Далайя и Руса, взяв с собой десять воинов, попрощавшись со всеми, вновь выступили в дальний путь.

* * *

Правитель Согдианы сатрап Хадыш, получивший высочайшее царское веление об увеличении размера налогов, немедленно направил гонца в Кяту, к правителю Хорезма Ардаве.

В своём послании он просил досточтимого соседа о встрече, дабы совместно обсудить сложившееся положение в их областях и определиться в дальнейших планах относительно беспокойных кочевников.

С рассветом самый быстрый вестовой, имея двойной заклад лошадей, уже покинул главный город Согдианы Мараканд, спеша как можно скорее пройти опасный промежуток между двумя союзными землями, опасаясь коварных сакских отрядов и стремясь в строго определённый для него срок прибыть в центр Хорезма.

* * *

Далайя и Руса по пути навестили могилу Дантала, ставшую для них святым местом, где она поделилась с духом воина известием о своём материнском счастье и исполнении обещания о наречении сына его именем.

Не обременённые, как прежде, караваном, налегке, на седьмой день пути, оставив вдали по левую руку земли хаомаваргов, они приблизились с южной стороны к границам Хорезма и уже через день, пройдя вдоль них, повернув на север, остановились на отдых на берегу Окса.

Наступал вечер. Вскоре высланный вперёд дозор сообщил о приближении с востока к противоположному берегу каких-то конников. Было решено срочно переправляться через реку.

Захваченный путник был один при двух скакунах. Не желая быть пленённым, он оказал жестокое сопротивление, сразив сакского воина, и вскоре был волоком доставлен к ожидавшим у костра Далайе и Русе. Сильно израненный, он упорно молчал и с явной ненавистью взирал на пленителей.

Всё свидетельствовало о том, что он был гонцом, спешащим куда-то по особому поручению. Следовало любой ценой заставить его говорить и выяснить, что он знал: с чем, от кого и к кому был направлен.

Видя, что по своей воле вестовой ни в чём не признается и ничего не скажет, Руса взглянул на стоящего рядом десятника. Тот понимающе кивнул, крепко схватил рукой за шиворот свя-

занного пленника и потащил его подальше, в сторону от огня. Тут же к нему на помощь поспешили двое воинов, один из которых прихватил с собой горящую корягу.

Понимая, что иного выхода не остаётся, Далайя молча отошла к воде.

Душераздирающий крик разорвал тишину. Вскоре он вновь повторился, отчего в жилах стала леденеть кровь.

Пленника, освобождённого от пут, воины подхватили под руки, приволокли и бросили перед Русой. Его низко опущенная голова гулко ударилась о землю. Собрав последние силы, упершись руками, он со стоном приподнялся. Лицо, наполовину открытое густым тёмным волосом, было сильно обожжено. Вместо глаз чернели две окровавленные раны.

Десятник протянул Русе бронзовый медальон на кожаном шнурке. Это был особый знак гонца. Далайя подошла, взглянула на медальон и, с пониманием посмотрев на поверженного, вновь удалилась.

Из сбивчивых, часто прерываемых затруднённым дыханием слов, произносимых невнятно из-за испытываемой боли, наконец сложилось признание пленённого гонца.

Стало известно, что две соседствующие с саками персидские сатрапии уже готовятся к скорой войне с ними и что в очень близком будущем предстоит встреча Ардавы и Хадыша.

Весть была ужасающей.

Увидев, что десятник собирается прервать мучения согдийца ударом меча, Далайя окликнула его. Тот опустил меч в ожидании её указаний. Подойдя, она кивнула в сторону. Двое воинов, подхватив почти безжизненное тело гонца, оттащили его, опустили на землю и неподвижно замерли по бокам. Далайя в задумчивости присела у огня. Услышанное из уст гонца было самым худшим из всего, что она ожидала. Вновь страшная война повернула свою ненасытную пасть в сторону степи.

Полученные сведения были бесценны для саков, но они не давали ответов на самые главные вопросы: какими силами и когда начнут войну персидские подданные?

– Царь Дарий никогда не забудет похода саков в Бактрию. Он не прощает никому даже меньших посягательств на его земли. То, что сейчас затевается здесь, и есть его ответ кочевникам. Вся накопившаяся злоба перса скоро лавиной опрокинется на степь. Нам бы знать, когда произойдёт встреча правителей Хорезма и Согдианы, каковы будут их силы, в какое время и где они начнут поход, – с горечью произнесла она.

– Ты права. Персия под его властью очень сильна. Много народов, не веривших в это, он потопил в крови, – согласился Руса.

Оглянувшись на стоящих в стороне в полумраке воинов, осенённый вдруг пришедшей ему в голову догадкой, он лукаво взглянул на Далайю и произнёс:

– Мне кажется, я знаю, как нам следует поступить.

– Что ты задумал? – она посмотрела на него.

– Этот гонец очень похож на меня. Ко всему у нас есть вот это, – он подкинул на ладони бронзовый знак гонца, улыбнулся и замолчал, давая возможность женщине завершить его мысль.

– Я заметила это. Но, думаю, не следует затевать такого опасного шага. Мы не знаем обо всех условностях их связей. Малейшее упущение будет стоить тебе жизни.

– Может, оно и так, но у нас нет другого выхода. Я постараюсь быть предельно внимательным. Ты ведь слышала его слова. Времени совсем не остаётся. Тебе ещё предстоит в беседе с Турпаном настоять на отправке им гонцов к правителю тиграхавдов. Нужно решаться на объединение всех сил. Поодиночке не выстоять, – очень серьёзно произнёс Руса.

Далайя молча смотрела на него. Он был прав, и от этого ей было не по себе. Сейчас любое её возражение ему, любой её довод, отвергающий такой вариант, был бы по меньшей мере нелепым. Решался вопрос жизни и смерти тысяч её сородичей, если не судьба их всех.

Руса встал и молча направился к лежащему гонцу. Переодевшись в его одежды, повязав на шею пропускной знак, он вернулся к Далайе. Догадливые воины подвели коней чужака.

– Верю, что тебя с ним объединяет только внешнее сходство и больше ничего. Другого уподобления нам не нужно. Надеюсь,

что лишь на этом всё для тебя и заканчивается, и тебя не постигнет повторение его жизненного пути, и особенно его завершение, – тихо произнесла она.

Руса, проверив упряжь закладной лошади и взяв под уздцы основного скакуна, внимательно взглянул в глаза Далайи и направился к берегу, чтобы вновь вплавь перейти реку обратно.

Вскоре его уже не было видно.

Невдалеке, внизу по течению, раздался всплеск. Обезглавленное тело согдийца было брошено в воду.

Подозвав к себе десятника, Далайя, коротко объяснила ему его задачу и вручила свой нож. Тот, взяв своего коня, следом за Русой быстро переправился на другую сторону и также исчез в ночи.

* * *

Несмотря на время, ставшее отныне особо бесценным, Далайя решила здесь, на берегу, дожидаться утра. Единственной причиной, которая сдерживала женщину от скорейшего ухода в ставку к Турпану, было простое её желание как можно ближе быть к тому, кто так дорог её сердцу.

Ближе к полуночи, грохоча копытами и бряцая оружием, к кострам подошли два десятка грозных массагетских воинов из дальнего дозора. С ними были и трое всадников из охранения Далайи. Спрыгнув на землю и подойдя ближе к огню, старший дозора узнал её и почтительно склонил голову.

* * *

Верховный правитель Турпан с нескрываемой радостью и уважением встретил Далайю. Искренне почитая её, он не касался вопроса о её местопребывании весь этот долгий период и лишь осведомился о Русе, но, уловив в её пространным ответе какую-то недосказанность, очень тактично перевёл разговор на местные новости, понимая, что она не желает в присутствии посторонних людей вести беседы о себе и своём спутнике.

Закончив трапезу, устроенную в честь её прибытия и ожидавшись уединения, Далайя поведала Турпану о ведущихся меж соседями переговорах и предстоящих в степи событиях, не

обмолвившись ни словом о захваченном гонце и опасной миссии Русы, и предложила ему срочно направить гонцов к тиграхаудам.

Внимательно слушая её, сопоставляя всё сказанное ею со сведениями, полученными от своих лазутчиков, и зная, что эта женщина понапрасну не будет тревожиться и тем более попусту беспокоить кого-либо, Турпан надолго задумался, отставив в сторону чашу с недопитым молоком.

– Ты права, Далайя. Думаю, пришло время для созыва военного совета, – прервав размышления, не то спросил, не то окончательно определился он.

– Я жду очень важных вестей и прошу немного повременить, – Далайя посмотрела на него. Понимая, что в её словах слишком много недоговорённостей, она пояснила: – Пусть все вожди будут готовы. Но то, с чем должен вернуться мой человек, поможет нам принять единственно правильное и точное решение.

– Хорошо. Будь по-твоему. Гонцы на рассвете уйдут к тиграхаудам. Они должны знать хотя бы то, что есть. А тебе нужно отдохнуть.

В тот же день царь лично сопроводил Далайю в её селение, по дороге рассказав ей обо всём, что там произошло.

* * *

Оставшись в своём шатре, Далайя прошла по нему, осматриваясь, и пригласила присесть к огню молчаливо стоявшего у входа старшину селения, назначенного на время её отсутствия.

Он подробно поведал ей о поведении Фардаса, о гибели десятника и о том, как вёл хозяйство всё это время.

Попросив его показать ей могилу воина Ремиза, она долго стояла возле небольшой земляной насыпи, после чего, отправив спутника обратно в селение, навестила захоронение царицы, поделившись с ней всеми своими новостями.

* * *

Руса, остановленный на границе хорезмийских земель их большим дозорным отрядом, по предъявлению им знака сог-

дийского гонца был сопровождён без остановок в главный город Кяту.

Десяток воинов охраны, промчавшись по его узким улочкам, зажатым меж множеством невысоких глиняных строений, громко цокая копытами разгорячённых скакунов, вырвался на большую главную площадь, сплошь заставленную разноцветными торговыми рядами и опоясанную по всему периметру всевозможными мастерскими, сшибая на ходу зазевавшийся люд.

За площадью более высокие нагромождения построек расступались вширь, освобождая перед конниками вымощенную прямую, как стрела, улицу, упирающуюся дальним краем в меньшую по размерам площадь, за которой находился красивый дворец сатрапа Хорезма Ардавы.

Окружённый со всех сторон высокими прочными стенами из блочного известняка, имея по всем углам вдвое превосходящие по высоте башни с находящимися на них лучниками, вблизи он напоминал Русе Вавилон, но гораздо меньший по величине.

У огромных, распахнутых настежь окованных бронзой деревянных ворот находились конная сотня и пешая полусотня внешней охраны.

Старший сопровождения, коротко объяснив всё начальнику стражи и передав ему знак гонца, более не задерживаясь, повёл свой отряд в обратный путь.

По велению военачальника Руса послушно спешил и передал коня подошедшему воину.

Пригласив гонца следовать за ним кивком головы, на которой красовался островерхий металлический шлем, обвитый по низу белой тканью, главный страж, придерживая правую руку на рукояти огромного меча, висящего на боку, блеснув иссиня-серебристым панцирем под ярко-красной накидкой, направился внутрь.

В длинном, ведущем сквозь широкую стену, проходе со сводчатым потолком царила прохлада, сразу обдавшая вошедших. Слева и справа через каждые два шага стояли караульные.

Дальние, внутренние, ворота, схожие с внешними, были наполовину открыты, и за ними начинался огромный, напол-

ненный яркими красками сад, посреди которого били фонтаны. Воздух в саду благоухал тонкими ароматами цветов и был насыщен свежестью, источаемой прохладной водой из многочисленных арыков.

Здание дворца было поистине великолепным. Его наружные стены были полностью облицованы голубой плиткой с мелким золотистым узорным рисунком по краям, отчего всё строение казалось легковесным, почти воздушным. Центральная, более высокая часть завершалась бирюзовым куполом. По всему дворцу в сторону сада выходили островерхие, окаймлённые с боков белоснежной плиткой, аккуратные одинаковые окна, на которых красовалась ажурная металлическая решётка. В том же стиле были исполнены двери на главном входе, к которым вели широкие ступени из светло-коричневого известняка.

Русу завели в приземистое боковое строение, столь же красивое снаружи, как и сам дворец. Внутри главный страж передал его другому прислужному лицу, чьё пёстрое одеяние очень броско отличалось от обычного воинского. Тот немедленно повелел гонцу отдать всё оружие подошедшему воину и привести себя в порядок и скосил при этом хитрый глаз на медную чашу с водой, брезгливо отстраняясь от него и прикрывая нос кружевным платочком. Терпеливо дождавшись исполнения, придирчиво осмотрел его со всех сторон, недовольно крикнул и, сказав дожидаться здесь, удалился, вальяжно рассказывая жирными бёдрами.

Руса осторожно присел на край стоящей у стены длинной, широкой скамьи, оглядывая внутреннее убранство просторного помещения. В нём всё было очень богато, роскошь свидетельствовала о могуществе и знатности хозяина. Стены и пол искрились сине-жёлтыми орнаментами, выложенными умелыми мастеровыми из мелких керамических кусочков, являя собой витиеватую мозаику. Всевозможные столы, столики и сидения, искусно изготовленные из красного дерева с позолотой на фигурных ножках, дополняли всю эту сказочную картину. Ну а различной величины и расцветки изящные кувшины и вазы по углам и нишам завершали внутренний ансамбль, превращая его

в диво-дивное. У многочисленных дверей, скрестив длинные копыя, стояли истуканы-стражники.

Вскоре вернулся прислужник. Вид у него был озабоченный. Быстро просеменив короткими ножками к Русе, вскочившему на ноги и в почтении склонившему голову, он известил, уже не прикрываясь: «Высочайший ожидает тебя. Да хранят его небеса!» – и тут же устремился к одной из дверей. Руса, глубоко вздохнув, направился за ним.

Пройдя подряд через множество небольших, но таких же роскошных помещений, они остановились перед огромными узорчатыми дверьми из тёмного, почти чёрного дерева, усиленного на петлях листовой бронзой, по бокам от которых стояло восемь рослых воинов.

Один из них с усилием отворил створку двери и, пропустив их, вновь затворил её.

Сделав всего лишь шаг, вошедшие замерли, низко склонившись перед сатрапом Хорезма, возлежащим на тахте по другую сторону огромного и очень светлого зала.

– Оставь нас, – его низкий и хриплый голос гулким эхом прокатился под сводами ослепительного помещения.

Проводник Русы, не поднимая головы, попятился назад и бесшумно исчез за дверью.

– Подойди ближе.

Руса вновь услышал раскатистый голос правителя, сделал пару шагов и остановился.

– Подними голову, я хочу видеть твои глаза, – повелел тот тем же ровным холодным тоном.

Руса мгновенно исполнил веление.

Грузный Ардава полулежал на мягких золотистых валиках и вертел в руке бронзовый медальон – знак гонца.

Несмотря на весьма полноватые формы, лицом он обладал мужественным и даже красивым. Его умные тёмно-карие большие глаза, оттенённые окаймляющими их длинными, пушистыми чёрными ресницами, искрились, подобно двум очень жарким уголькам, свидетельствуя о его быстрой реакции и незаурядных способностях. Бело-серебристый, сплетённый из

длинной полосы ткани головной убор хорошо сочетался с его седой ухоженной бородой и такими же усами. Накинутый поверх просторной голубой рубашки белый халат очень наглядно подчёркивал его вкусовые предпочтения, связанные с его величественным положением, при котором для всех он должен являть чистоту и свет. Светло-розовые штаны, заправленные в мягкие кожаные сапожки того же цвета, завершали его одеяния.

Быстро и внимательно осмотрев лицо гонца и более не интересуясь его внешностью, устало прикрыв веки, он вдруг громко, словно кузнец ударил молотом о наковальню, произнёс:

– Говори.

– Мой повелитель очень обеспокоен усилением соседних кочевников и спешно просит тебя, светлейший, высказать ему своё мнение относительно совместного похода на них, – склонив голову и тут же, не мешкая, выпалил Руса.

– Иди, – будто вновь ударили молотом, буркнул Ардава.

* * *

Ранним утром следующего дня, когда Руса отдыхал в отведённом ему небольшом помещении, к нему с грохотом вошли два воина и встали по бокам от двери. Он быстро вскочил на ноги, ещё не понимая, что происходит. Стремительно переступив порог, заполняя собой почти всё свободное пространство, в полном вооружении вошёл могучий военачальник. В том, что этот человек занимает высокий пост у сатрапа, сомнений не было. Весь его облик и поведение были явным свидетельством тому.

– По высочайшему велению немедленно отправляйся в обратный путь, – прогрохотал полководец. – Светлейший правитель Хорезма через пять дней выступит в Согдиану.

Руса склонил голову, и когда поднял её, то перед ним уже стоял вчерашний начальник стражи, протягивая ему бронзовый знак гонца.

* * *

До границы Хорезма всё повторилось в обратном порядке.

Усиленный отряд сопровождения довёл гонца до крайних рубежей своих земель и, не продвигаясь за них, остановился.

Дальше Руса двинулся в одиночестве, облегчённо покидая одну из сатрапий персидского царя. Лишь теперь, окончательно расслабившись, он вспомнил о человеке, которого случайно увидел накануне вечером.

Ему до сих пор не верилось в то, что он не ошибся. После общения с Ардавой его повели по окраине сада, где закованные в цепи рабы занимались очисткой арыка. Проходя мимо одного из них, усердно копошившегося в воде, он вдруг узнал в нём Фардаса. Тот не видел его, так как рабам не положено поднимать голову и тем более смотреть на кого бы то ни было. Руса был поражён до глубины души. Он не мог понять, как Фардас, оставшийся старшим в селении Далайи, оказался здесь, причём в рабстве.

Благополучно переправившись через реку Окс, Руса был встречен предупреждённым Далайей отрядом массагетского дозора и теперь в их, но уже почётном сопровождении доставлен к ней.

Словно малое дитя, получившее долгожданный подарок, радовалась она его возвращению и не позволяла ему вымолвить даже одного слова о походе в стан врага, понимая, что всё задуманное ими удалось. Искупав его в тёплой воде, переодев в чистую одежду и молча любуясь тем, как он с жадностью поглощает еду, Далайя испытывала огромное счастье. Все эти тревожные дни и бессонные ночи, проведённые в жутком ожидании, она не находила себе места, ругая себя за то, что поддержала его безумную идею. Лишь теперь, когда Руса был рядом, жив и здоров, она понемногу успокаивалась, возвращаясь в существующую реальность.

Отпустив слуг, оставшись наедине, она позволила ему рассказать обо всём, что случилось с ним в Хорезме, внимательно слушая и обдумывая каждое его слово.

Закончив недолгое повествование, Руса вдруг спросил о Фардасе.

Услышанное потрясло его. Он долго молчал, пытаясь хоть как-то понять поведение карманийца, но, так и не найдя ему оправданий, отбросил все мысли о нём, как что-то ненужное и грязное.

В тот же день они отправились в ставку к верховному правителю.

* * *

На военном совете было единогласно определено начать поход с половиной войск навстречу Ардаве. При этом учитывалось и возникшее преимущество во внезапности, столь удобное для уничтожения неприятеля.

Выслушав гонцов, вернувшихся с хорошей вестью от тиграхаудов, с кем было передано согласие их властителя царя Нургала на объединение сил против персидских подданных, решили вновь послать к нему вестовых с просьбой выступить навстречу второй половине их армии. Всего же у массагетов было шестьдесят тысяч воинов.

Царь Турпан предполагал, что сатрап Хорезма, скорее всего, будет следовать в Согдиану в сопровождении личной десяти тысячной гвардии, и по этой причине надеялся на то, что сил, направляемых на битву с ним, будет достаточно, но при этом он также понимал, что в жизни случается всякое, повсюду могут находиться вражеские лазутчики, доносящие своим властителям все добытые ими сведения, о чём нужно помнить всегда.

* * *

Размеренная, спокойная жизнь в крепости была по душе всем её обитателям. Дети подрастали, наливаясь жизненным соком. Зела и Мире не могли нарадоваться трём чудным малышам. Маленький Дантал хоть и был немного младше их девочек, но не уступал им в росте, как и подобает мальчику.

Бурчэ с согласия сотника Дага забрал под свою опеку пятерых рабов и целыми днями занимался совместно с ними заколосившимися полями, оставленными под его присмотром. Его желание сохранить оба этих поля до возвращения Далайи и Русы со временем плавно перелилось в очень захватывающее увлечение, столь странное для кочевого сака.

Рыжий пёс изменился. По-прежнему не отдавая предпочтения кому-либо из людей, он стал несколько отчуждённым,

чаще прежнего удалялся в леса, подолгу бродил по подножьям гор, иногда охотясь там на мелких грызунов, и возвращался в крепость поздними вечерами. Ему очень не доставало своей семьи и доброго хозяина Рушти. Даже по меркам особой, звериной души он сильно тосковал и был одинок среди этого человеческого мира, каждый представитель которого был схож с тем юношей, но всё же, как он улавливал, не имел чего-то такого, что влекло бы его к нему, пробуждая желание везде и всюду следовать за ним и защищать его.

Так проходили дни, пока однажды, когда он, находясь на своём излюбленном месте в отдалении от крепости, не услышал непривычный звук.

Рыжий вскочил, прислушиваясь и принохиваясь.

Вскоре звук повторился, напоминая рычание зверя, но, в отличие от известного ему волчьего, это было другим и выражало явную угрозу. Пёс, быстро определив сторону, откуда доносился рык, бросился туда, ловко петляя между скал.

В местечке, где деревья ближе всего подступали к высоким скалам, подножья которых густо проросли кустарниками с благоухающими бордовыми ягодами, он увидел странное животное, издававшее рычание. Оно было огромным, чёрным и лохматым, с очень толстыми лапами и большими когтями. Его рык был утробным и зловещим. Несмотря на диковинные размеры, он был очень подвижен. Странно выгнув дугой спину, кружась на одном месте, он с кем-то возился, подминая его под себя. При каждом движении тела шерсть на нём волнисто перекачивалась. Это был медведь.

Только теперь рыжий расслышал и другой звук, такой тихий и редкий, что поначалу он не мог понять, откуда тот исходит. Глубже втянув воздух, он прежде уловил волчий запах и лишь затем сумел рассмотреть волка под этим могучим зверем. Волк не поддавался медведю, всё время выскальзывая из-под него, изредка скуля и кусаясь. Не выдержав, пёс бросился на медведя, со всего разбега ударившись грудью о его бок. Занятый борьбой и не ожидавший нападения, тот, не устояв, опрокинулся на другой бок, пытаясь тут же встать на лапы.

Освободившийся волк, отскочив чуть в сторону, развернулся и замер, тяжело дыша, оскалив пасть. Рыжий не нападал, ощущая мощь грозного животного. Им было сделано главное. Более слабый участник схватки был спасён. Теперь для пса угроза исходила сразу от двух хищников. Он стоял, озираясь на них.

Медведь, подняв мохнатую голову, вытянув верхнюю губу и обнюхав воздух, грузно развернувшись, первым покинул их, вразвалочку удаляясь в глубь леса. Затем и волк успокоился и, поглядывая на собаку, прижав плотнее хвост, исчез в зарослях кустарника.

Рыжий остался один. Недолго постояв на этом месте, встряхнувшись, будто после купания, ощущая игривое настроение, он помчался обратно, выскакивая из тени под тёплые лучи яркого солнца.

* * *

Оставалось два дня до назначенного Ардавой срока его выступления в Согдиану для встречи с сатрапом Хадышем. Вождь Сантай, по указанию царя Турпана, после обильных жертвоприношений подвёл свои тридцать тысяч саков к обмелевшему Оксу и, выслав далеко вперёд дозоры, разбил на подступах к реке три лёгких лагеря, скрытых от обозрения с другого берега.

По сто сотен всадников он разместил по бокам от себя, на небольшом расстоянии, прямо напротив бродов в воде. Это место, как предполагал он, было наиболее вероятным для перехода хорезмийских войск. Выше по течению начинались пески, за которыми поднимались горы.

Вторая половина войск под руководством самого Турпана шла на соединение с тридцатипяти тысячной армией племён тиграудов, ведомой навстречу их царём Нургалом.

Ставку объединённых сил властители решили разместить недалеко от расположения Сантая, в полудневном переходе от него.

По-прежнему для обоих царей оставалась неизвестной численность войск, сопровождавших сатрапа Хорезма. Непредсказуемым для них было и поведение его союзника, правителя

Согдианы, потерявшего и второго своего гонца, так удачно перехваченного саками по велению предусмотрительной Далайи. В отличие от первого, он, молчаливо вытерпев все пытки, был казнён.

Для степи наступили тревожные и оттого тягостные дни ожидания.

* * *

– Мой повелитель, на рассвете передовые части массагетов тридцатью тысячами подступили к переправам на Оксе. Остальные объединились с таким же по численности войском тиграхаудов и находятся наготове, – низко склонив голову, произнёс могучий военачальник.

Ардава стоял у окна спиной к нему. Казалось, он не слушал доклад начальника личной гвардии, а что-то внимательно рассматривал в саду.

– Почти сто тысяч воинов, – тихо, но как всегда раскатисто произнёс он. Помолчав некоторое время, он продолжил, повернувшись к своему любимчику: – Эти дикари плодятся как мыши. Ещё не так давно они были на грани вымирания и вот опять угрожают нам.

– Да, светлейший, – с сожалением согласился полководец. – Не нужно было пропускать их из похода в Бактрию, – осторожно взглянув на Ардаву, добавил он.

– Ты опять о своём, – с лёгкой укоризной парировал тот. – Может быть, мне следовало встать на их пути туда? Всем известно, что саки не нарушали моих границ. В такое беспокойное время за моё самоуправство Дарий вмиг бы нашёл мне замену. Вон сколько желающих спят и видят себя на моём месте. Этот выскочка Артак мог попросить о помощи. Нет, захотел единоличной славы, и что в итоге? Посрамлённо обрёл вечный покой. Отбей я тогда у Турпана награбленное в Бактрии, того и гляди, в лучшем случае обвинили бы меня во всём случившемся там, и даже его союзником. В худшем же – в самовольном начале войны со степью. Нет, уж лучше так, как есть, нежели прослыть собратом глупца или, того хуже, распоясавшимся сатрапом. Мне

не было никаких указаний от царя, а этому мертвецу были. Выходит, и упрекнуть меня не в чем.

Где-то высоко под куполом вскоре затихло эхо от последних слов Ардавы.

Воцарилась тишина.

– Прости, светлейший. Твоей прозорливости поистине нет пределов, – полководец склонил голову.

– Любое решение требует очень многих усилий. Истина не зиждется на догадках и предположениях, для неё нужны опыт и обширные познания. Тебе, мой любезный друг Гурам, я доверяю так много лет, что могу без утайки объяснить причину провала этого мнимого гонца из Согдианы, – успокаиваясь, уже более миролюбивым тоном произнёс Ардава, приглашая своего собеседника присесть на тахту. – Тем более настоящего гонца уже нет в живых. Правитель Хадыш долго не мог найти подходящего для этих целей воина, и всё-таки однажды к нему доставили такого. У него были разного цвета глаза. Один – чёрный, как ночь, другой – синий, как небо. Об этом по обоюдному нашему решению знали только лишь он и я. Много различных уловок существует при подобных важных поручениях, вот и эта пригодилась. – Поднявшись, он прошёлся в раздумьях, повернулся к военачальнику и завершил: – Главное – с выгодой использовать то, чего мы достигли.

Теперь он задумался всерьёз, стоя посреди великолепного зала.

– Позволь сказать, светлейший, – могучий Гурам поднялся с места. Увидев одобрительный кивок, он начал: – Через два дня они ожидают твоего появления. Нам известно о том, что у них на переправе тридцать тысяч воинов. Думаю, эти войска стянуты туда с целью захватить тебя с гвардией. Остальное воинство они собрали на случай большего числом твоего сопровождения, и при виде всех десяти тысяч они не станут их выдвигать к реке. Тебе же не следует быть там. Позволь, я возглавлю гвардию и отступлю с ней при первой же атаке саков, заманив их к нашей коннице и лучникам. Покончив с этой их частью, ты сможешь сам атаковать их основной лагерь.

– Не думаю, что они поступят в точности с твоим планом, но западня будет, – внимательно выслушав старого вояку, желая как можно мягче поправить его предложение, возразил сатрап. – Ты храбрый и преданный воин. Я не хотел бы подвергать тебя излишней опасности в первой стычке с дикарями. Ты мне нужен для решающего сражения. Наверняка, тот, что изображал здесь гонца, будет среди передовых отрядов. Не увидев меня, он заподозрит неладное и поделится сомнением с Турпаном. Из этого следует только одно – в западню они не попадут. Нужно поступить несколько иначе. Мы вместе с гвардией останемся позади, с основными силами. Десять тысяч сопровождения будут, но это будет обычная конница, переодетая в гвардейцев. Ну а вместо меня они будут охранять его, – с этими словами Ардава хлопнул в ладони.

В тот же миг в дальнем углу зала отворилась неприметная небольшая дверь. Низко склонив голову, вошёл человек.

Гурам пристально смотрел на него, пока не понимая до конца всех хитроумных действий своего хозяина. Тот же подошёл к вошедшему, развернулся и встал рядом с ним, повелев ему поднять голову.

Изумлённый полководец не мог поверить своим глазам. Перед ним стояли два повелителя Хорезма. Они были схожи как две капли воды.

Жестом отпустив двойника, Ардава, очень довольный произведённым эффектом, направился к Гураму.

– Но и это ещё не всё, – посерьёзнев, продолжил он излагать свои намерения, цедя каждое слово, при этом вплотную подойдя к замершему полководцу, вперившись в него жёстким взглядом. – Мне не нужна победа лишь над частью сакских войск. Мне необходимо уничтожить всю их объединённую армию. Оставив при мне сорок тысяч, ты, взяв шестьдесят тысяч, перейдёшь реку ниже по течению и внезапно ударишь по их основным силам. Покончив в западне с этими, я помогу тебе.

Гурам не отводил глаз, впитывая каждое слово своего даровитого во всех отношениях властелина.

– То, что не было по силам покойному правителю Бактрии, совершу я, – он покачал головой, словно соглашаясь с самим собой. Отойдя к окну, он закончил: – А в помощи Хадыша, хвала небесам, я никогда не нуждался. Голову вождя Турпана я сам лично доставлю в Экбатану. Готовь войска. На заре выступаем.

* * *

Через несколько дней после встречи с медведем и волком рыжий вновь отдыхал на своём излюбленном месте, греясь на солнце и лениво оглядывая окрестности. Здесь ему было почему-то особенно хорошо – приятно и спокойно. Иногда он подолгу наблюдал за парящим вдали орлом, пока тот не исчезал из вида, то ли обнаружив добычу, то ли опустившись в гнездо, и тогда ему становилось немного скучно. Псу нравилось следить за плавным кружением птицы, и именно в эти мгновения он не чувствовал одиночества, словно она была связана с ним, понимала его и летала тоже для него.

И эта странная, но очень нужная ему связь влекла его сюда, в такую даль. Вот и сейчас орёл маленькой чёрной точкой парил высоко в синем небе. Её почти не было видно, но рыжий знал, что это та самая птица, и он старался не сводить с неё глаз, при этом повиливая куцым хвостом.

Яркое солнце слепило нещадно, мешая ему предаваться желанному занятию, заставляя его часто закрывать глаза либо отворачиваться. Лёгкий ветерок, пробегая меж скал, приятно освежал разгорячённое тело животного, проникая в приоткрытую пасть, обволакивая прохладой высунутый язык.

Уже знакомый волчий запах появился в воздухе внезапно, мгновенно подняв рыжего на ноги. Хищник, оставшийся живым в схватке с медведем, а это был именно он, стоял невдалеке, внизу, наполовину скрытый за валуном. Он смотрел на пса, не выказывая беспокойства. Рыжий стал медленно спускаться к нему, часто останавливаясь и приносясь. Приблизившись на расстояние броска, он замер. Тот, опустив голову и сильно прижав уши, мелким шагом, полубоком, приблизился к нему, слегка ткнулся носом ему под шею и дружелюбно вильнул хвостом.

Пёс, фыркнув, мотнул головой, повернулся к подошедшему зверю и глубоко втянул воздух. Это была молодая волчица.

Опустившаяся чуть ниже птица совершила большой плавный круг над лесом и, сделав сильный мах огромными крылами, исчезла у самой вершины горы, будто попрощавшись на сегодня со своим добрым другом.

В этот вечер рыжий пёс не вернулся в крепость, сам того не желая, взволновав этим всех её обитателей.

* * *

Далайя, находясь в походном лагере в главном шатре вместе с царём Турпаном и властителем всех тиграхаудов Нургалом, статным мужчиной, оказавшимся её ровесником, внешне же выглядевшим значительно старше своего истинного возраста, теперь сильно переживала за судьбу десятника, направленного в ставку хаомаваргов к Дахару, о чём не знал никто, кроме Русы, который в это время пребывал в расположении передовых войск.

Десятник не должен был спешно возвращаться. Его главной целью было оповещение правителя о предстоящей войне Хорезма и Согдианы против саков.

То, что сатрап Ардава не чета бывшему бактрийскому правителю и представляет собой очень серьёзную опасность, она понимала как никогда. Желая всей душой скорейшего его пленения либо уничтожения, она надеялась на благополучное свершение замысла, ради которого жизнью рисковал Руса, но быть уверенной в этом ей мешало предчувствие чего-то плохого. Что-то в подсознании подсказывало ей о возможном сбое в их планах. Делиться своими сомнениями она ни с кем не смела и не стала, так как была убеждена в том, что она не имела права делать это, особенно теперь, когда всё было подготовлено для победы объединённых саков. Она не решалась посягнуть на всеобщую уверенность в ней. Никому нельзя было так поступать. Отчего в ней занозой сидело это предчувствие, она не могла понять даже сама, но с каждым мгновением, приближающим их к указанному сроку, тревога лишь усиливалась, терзая её душу.

Время до полуночи перед решающим днём она провела под открытым небом, всматриваясь в даль, туда, где находился Руса вместе с тридцатью тысячами массагетов. «Неужели больше никто не чувствует того, что чувствую я? Или они тоже молчат, не говоря никому о своих тревогах? Я не могу ничем, кроме пустых ощущений, объяснить свои догадки, да и им, признаться, у меня нет хоть сколько-нибудь значимых подтверждений. Как всё нелепо. Ведь я сама просила Турпана поступить именно так, как всё сейчас и происходит. Что такого опасного для нас могут придумать Ардава и Хадыш? Где они найдут или уже нашли нашу слабинку? И в чём? Может быть, всё это во мне от усталости и пережитого напряжения в последние дни? Нет. Своим чувствам я верю. Они меня ещё никогда не подводили. Не зря же меня гложет это назойливое сомнение. Но в чём оно кроется, не могу понять», – вконец обессиленная от таких тяжёлых мыслей, Далайя прилегла и тут же уснула.

Чуть забрезжил рассвет – войска уже были в полной готовности. Оставалось ждать.

Немного отдохнув, Далайя уже чувствовала себя гораздо легче, голова была ясной, особой тревоги на душе не было. «В темноте всё всегда кажется другим, более насыщенным и вязким. Свет есть свет, и только он несёт в себе облегчение. С ним неизведанное сразу перестаёт быть враждебным, становится если и не особо понятным, то хотя бы не беспокоящим. Хорошо, что я не стала вчера разводить напраслину», – первое, что пришло женщине на ум.

* * *

Полторы сотни мальчиков из селения Далайи, почти все ровесники Зубара и Кудаса – сыновей сотника Дага, желая хоть одним глазком увидеть настоящее сражение, больше не подчиняясь требованиям старых воинов-наставников, поздним вечером, накануне битвы, вооружённые акинаками и лёгкими тренировочными луками, на быстрых конях пустились вскачь в степные просторы, направляясь в сторону лагеря объединённых сакских племён.

Десятник массагетов, старший внешнего тылового охранения главного лагеря, находясь в дозоре со стороны своих земель, где были расположены летняя ставка Турпана и селение Далайи, около полуночи вдруг услышал отдалённый топот приближающихся всадников. Устремившись с отрядом навстречу, он вскоре преградил им путь. В темноте, всматриваясь в них, он всё не мог понять, откуда здесь появился такой отряд.

Дозорные не на шутку были удивлены, увидев, что все конники – дети.

– Что вы здесь делаете? Кто старший? – взревел десятник, кружась на скакуне.

Ответа не последовало.

– Немедля убирайтесь отсюда. Бур, уведи их обратно, да накажи как следует, – выкрикнув распоряжение, десятник развернулся и умчался с остальными воинами к лагерю.

– Делать мне больше нечего, как возиться с сосунками, – бурчал себе под нос недовольный сак. – Тут скоро битва, а я останусь в стороне, пока буду болтаться туда и обратно.

Но так или иначе, а исполнять приказ следовало незамедлительно.

– А ну-ка, за мной, нечестивцы. Я вам покажу, как своевольничать. Запомните меня на всю жизнь, – зло повелел он.

Все, покорно разворачиваясь, двинулись за ним.

Когда прошли половину пути, один из тех, кто был чуточку старше остальных, пятнадцати лет от роду, имевший имя Саваш, поравнявшись с удручённым воином, обратился к нему:

– Послушай Бур, мы виноваты перед тобой, ведь ты должен быть там, со всеми.

– Вот именно. Отстань от меня. Чего привязался, – тот отмахнулся от него.

– Здесь уже рядом. Ты возвращайся, а мы доберёмся сами. Я правду говорю. Обещаю тебе.

Воин повернул голову в его сторону, пытаясь в темноте рассмотреть лицо говорившего.

– Хотя я не очень и верю твоим словам, но ты должен понимать, что сейчас не время для шуток. Враг стоит перед нами.

Смотри у меня, не обмани, – пригнувшись к нему, очень серьёзно произнёс Бур, развернул коня, пустил его с места вскачь и быстро исчез в темноте.

Всё детское воинство остановилось, прислушиваясь к удаляющемуся и уже приглушённому стуку копыт.

Зарождался рассвет.

– Эй, вы, все, слушайте меня! Подождём немного и двинемся назад, – надрывным юношеским голосом прокричал обманщик.

* * *

Шестеро вождей во главе с Сантаем, чьи тысячи были объединены в передовой половине сакской армии, где вместе с ними находился и Руса, возглавивший шесть сотен от селения Далайи, напряжённо вглядывались в утреннюю дымку на другом берегу реки, куда ушли на разведку две сотни воинов.

Вскоре там, на той стороне, разорвав стелющийся над потоком туман, появилось несколько всадников. Один из них, спустившись верхом на коне к самой реке, стоя по пояс в пару, клубившемся над ней, указывал рукой в сторону земель Хорезма, утвердительно кивая головой.

Всё становилось понятным.

По сигналу Сантая войска стали переправляться через реку. Выбравшись первым из воды, он выслушал прибывшего сотника.

Правитель Ардава в сопровождении личной гвардии продвигался в их сторону.

* * *

Мальчики уже были готовы снова двинуться в обратный путь следом за обманутым ими воином по имени Бур, как вдруг справа от себя все они услышали множество странных звуков. В них было перемешано всё: и топот копыт, и ржание лошадей, и лязг оружия, и многоголосый людской говор. В этой стороне не могло быть ни селений, ни войск, ни табунов, и именно поэтому удивление детей было по-настоящему велико.

Вновь тот, кто сказал Буру неправду и заверил его в обратном, юноша по имени Саваш, первым почувствовав что-то неладное, выкрикнул:

– Я узнаю, кто там. Все оставайтесь здесь. Смотрите у меня! – погрозив плёткой, передразнивая ушедшего воина, он направил коня на юг.

Проскакав довольно большое расстояние, взлетев на высокий холм, он увидел огромную конную армию, продвигающуюся в густом тумане прямо в его сторону.

Развернув коня, юноша погнал его во всю мощь обратно к своим.

– Слушайте меня, – еле отдышавшись, вновь кричал он. – Младшие, все, сейчас же спешите в главный лагерь. Скажите там о приближении отсюда большого войска. Я не знаю, кто они, но их очень много. Скорее же, летите!

Он закашлялся.

Двадцать самых младших мальчиков, кто достиг своего восьмого и девятого лета, тут же помчались в сторону царского походного лагеря.

Проводив их тревожными взглядами, все обратили взоры на Саваша, плотным кольцом окружив его, пытаясь поближе протиснуться к нему.

Он молчал, оглядывая их, утирая рукой обильный пот на лице.

– Они идут, даже не выслав вперёд дозоры. Значит, уверены в том, что здесь их никто не ожидает и не обнаружит, – продолжил он, кружась на своём скакуне. – Нас больше сотни, мы умеем метко стрелять, метать копьё и сражаться на мечах. Сколько ещё мы будем иметь в соперниках-то друг друга попусту? – он вновь закашлялся от постоянного крика.

Все смотрели на него встревоженными глазами, не смея нарушить тишину.

Откашлявшись, он завершил:

– Сегодня нам выпала честь помочь старшим братьям. Кто не может идти со мной, возвращайтесь в селение. Я ведь обещал Буру.

Никто не покинул своего вожака.

Выстроившись, как упорно учили их наставники, ровными десятками в тринадцать рядов, сакские дети двинулись навстречу врагу.

– Стрелять только по моей команде. Стрелы беречь. К чужакам не приближаться. Выпустили по стреле и рассыпались. Понятно? Не шумите. Они не должны понять, что мы дети. Пока не так светло да ещё туман, нам легче скрываться и нападать, – наставлял Саваш.

Все тут же приготовили луки, поправляя колчаны.

* * *

– Ты что, Бур, не довёл их, что ли? – вновь увидев детей, стал злиться десятник.

Тот не успел ответить.

Мальчики, посланные своим вожаком, попрыгав с лошадей, облепили десятника, наперебой пытаясь передать порученное.

– А ну тихо! – ничего не понимая, отстраняясь от них, заорал он. – Вот ты, подойди ко мне.

Он ткнул плёткой в сторону ближнего из них:

– Рассказывай, что там стряслось у вас. Да покороче.

Все замолчали.

– Туда, – мальчик, переводя дыхание, показал рукой в сторону, где остались все старшие дети, – оттуда, – он показал в направлении реки, – продвигаются чьи-то войска. Много. Скорей идите туда! Саваш не сможет сдержать их.

– Что? Какие войска? Чьи войска? – не мог понять десятник. – Какой ещё Саваш?

– Да наш старший, Саваш. Спешите же скорей! – утирая сопли, умолял тоненьким голоском мальчуган.

– Бур, ну-ка, отведи их к правителям. Срочно. А я проверю, какие такие войска идут на нас. Все за мной, – он ударил плёткой коня и, увлекая за собой девять воинов, помчался в указанном направлении.

* * *

Небо ближе к горизонту посветлело.

Саваш поднял руку.

Все остановились.

– Корда! – выкрикнул он.

К нему тут же подскочил его сверстник.

– Ты берёшь половину и заходишь слева. Помнишь, как мы недавно атаковали Бартая? – взглянув ему в лицо, спросил он.

– Да, Саваш. Я всё понял, – чуть дрогнувшим тихим голосом, вздохнув, ответил тот.

– Ну вот и хорошо. Все всё поняли? Пять рядов, что за мной, уходит правее. Остальные пять рядов – за Кордой. Вперёд. Ты, Корда, – он вновь обратился к нему, – как только услышишь шум с моей стороны – сразу атакуй.

Разделившись надвое, они стали заходить с боков движущейся прямо на них шестидесятитысячной армии хорезмийцев.

* * *

Начальник личной гвардии властителя Хорезма полководец Гурам, командующий в этом походе большей частью всех его войск, следовал в точности с указаниями своего повелителя.

Преодолев с огромным трудом густые камышовые берега и широкие, с вязким илистым дном воды Окса в нижнем его течении, он задолго до рассвета вступил в земли массагетов.

Немного подуставшие, промокшие воины без малейшего отдыха двинулись с запада прямо на стан объединённых сакских сил.

В том, что в этой местности им никто не может повстречаться, и тем более вражеские войска, Гурам не сомневался. Внезапность удара была гарантирована. С этой стороны саки не могли ожидать противника. Расчёт именно на такое вторжение был единственно правильным. Половина пути от реки уже была позади.

«Да, очень умён Ардава. Надо же такое придумать! Казалось, столько времени нахожусь рядом с ним, а выходит, вовсе и не знаю его. Хитро задумано. И место переправы, и время выбраны как нельзя точно. К тому же туман в подмогу. Ловко затеяно, – восхищённо, но больше с завистью размышлял он, следуя во главе всей армии, в окружении десятка различных военачальников и охраны. – Наверное, велика будет милость верховного властителя. Уж меня-то не должны они забыть. Нет.

А то как же! Там пять десятков тысяч против тридцатитысячной армии, а здесь силы равны. Такое не каждому дано, и нечего даже сравнивать. Ну да ладно, на то он и правитель, а не простой вояка. Вот если бы...» – испугавшись так далеко зашедших своих мыслей, он с опаской оглядел следовавших рядом военачальников.

* * *

Расположившись на невысоком холме, оставив всех своих товарищей в ожидании у его подножья, Саваш зорко всматривался в приближающихся врагов.

Вот уже недалеко, рассекая копытами скакунов низкую дымчатую пелену, появилась их головная часть, около десятка воинов.

Подняв снаряжённый лук, прицелившись в того, что был в середине, натянув тугую тетиву, он выстрелил, зло прошептав:

– На, получай.

Ему было видно, как огромного роста воин, схватившись рукой за стрелу, вошедшую ему в горло, захрипев, завалился назад, затем, сильно склонясь на бок, с грохотом упал в траву.

Ударив пятками коня, Саваш быстро исчез с вершины.

* * *

«Наверняка, среди этих есть его уши и глаза», – раздражённо подумал Гурам, и тут же что-то острое с силой вонзилось ему в шею, прямо под левое ухо, откидывая его назад. Боль появилась с опозданием, мгновением позже. Он ещё не понял того, что произошло с ним, но уже не смог дышать, захлебнувшись потоком кисло-сладкой крови, хлынувшей внутрь. «Не может быть!» – мелькнула последняя мысль в голове полководца. Тут же все его чувства и ощущения потухли, а сознание провалилось в чёрную бездну. Гурам был мёртв.

Более сотни стрел с двух сторон, просвистев в воздухе, вонзились в людей и лошадей, размеренно следовавших прямо за командующим. Вмиг передовых хорезмийских воинов, не ожидавших нападения, охватило смятение. Началась паника. Задние ряды, каждая сотня, ничего не видя и не понимая,

натыкалась на переднюю, которая в свою очередь напирала на следующих, вплоть до беспорядочно замешкавшихся головных воинов. Охранники Гурама, бросившиеся было поднимать его тело, были сметены своими же всадниками, так и не успев разобратся, жив или нет их полководец, теперь уже затоптанный десятками копыт.

Воспользовавшись их замешательством, взбодрившись нанесённым им уроном, больше не страшась их, юные воины проносились невядалеке от них, с каждым разом подступая всё ближе, выпуская стрелы одну за другой. Их атаки были смелыми и стремительными, но они быстро уставали от неимоверного напряжения.

Весь закованный в доспехи, командующий первым десятитысячным войском седобородый полководец Ханглан, находившийся в свите Гурама, всегда и везде выделявшийся холодным рассудком и железной выдержкой, всмотревшись в промчавшихся мимо него вражских конников, подождав взмахом руки своего тысячника, спокойно спросил его:

– Я чего-то не понимаю, или глаз уже стал не тот... – он запнулся. – Ну-ка, скажи мне, что ты видишь?

– Думаю, это дозорный отряд саков, – не понимая вопроса, но так же, как и он, вглядываясь в удаляющихся всадников, ответил тот.

– М-да, такого я ещё нигде не видел. Это же дети. Сакские дети, – поражённый увиденным, протянул полководец. И тут же, отбросив ненужные эмоции, он повелел: – Не дай им уйти.

Развернув белоснежного скакуна, Ханглан направился к оставленным войскам для наведения в них должного порядка.

* * *

Первые лучи восходящего светила уже заиграли в высоких облаках, тускло отражаясь от них на землю.

Саваш, отдав команду, стал отводить свой отряд. Корда со своей половиной теперь следовал за ним.

Постепенно замедляя ход, дойдя до небольшой возвышенности, вожак, желая подбодрить своих товарищей, пер-

вым развернулся и, бросив взгляд в сторону врага, замер с открытым ртом, охваченный ужасом. На них стремительно надвигалась их конница. Мгновенно опомнившись, он что есть сил заорал:

– Всем рассыпаться. Уходите к нашим войскам. Быстрее!

Дождавшись, пока мимо него проскочит последний из них, Саваш, яростно нахлёстывая плёткой разгорячённого коня, помчался во весь опор следом за ним, хрипло выкрикивая:

– В стороны! В стороны!

Скакуны же не очень слушались своих ослабших юных хозяев и несли их по прямой, как прежде, двигаясь единой массой.

* * *

Сантай, перейдя реку с десятью тысячами, не дожидаясь остальных, двинулся навстречу Ардаве, встретившись с ним почти с восходом светила.

Противники выстроились друг против друга.

– Он? – спросил вождь Русу, указывая кивком на правителя Хорезма.

– Он, – увидев издали знакомую фигуру в богатом, ярком одеянии, утвердительно ответил тот.

– Вот наконец и мне довелось повидаться с самим владыкой Хорезма, – шутливо бросил Сантай, гарцуя на красивом коне.

– Похоже, с ним вся его личная гвардия. Интересно, какие они воины? – вглядываясь в ряды противника, вслух довольно спокойно размышлял Руса.

– А вот мы сейчас и увидим, что да как, – подняв на дыбы скакуна, азартно пробасил полководец.

Саки лавиной двинулись на врага.

* * *

Саваш летел на своём быстроногом коне, не понимая, почему все, не послушавшись его, продолжают держаться кучно. Он чувствовал, что его настигают, но ничего уже поделать не мог. Ему стало страшно. Он долго боялся оглянуться, но, всё же преодолев страх, сделал это, бросив взгляд через плечо.

В то, что увидел, он не мог поверить. Десяток сакских воинов, вылетев неожиданно сбоку, вклинился между ним и врагом, на полном скаку выпуская стрелы. Всё происходило очень стремительно. Преследователи с ходу смешались с маленьким отрядом, вставшим на их пути. Завязалась битва.

Проскакав ещё небольшое расстояние, Саваш развернулся, взглянул в последний раз на уходящих вдаль товарищей и погнал коня прямо на врага, желая хоть как-то помочь горстке своих собратьев.

Вражеская сотня охватила саков в плотное кольцо, но пока не могла их одолеть.

Десятник, круша противника, зловеще орал:

– На детей руку подняли! Получайте! Получайте, псы поганые!

Метко выпустив оставшиеся стрелы, Саваш метнул копье в ближнего всадника, выхватил меч и врезался в самую гущу, отчаянно рубя вражеских воинов налево и направо.

Десятник, увидев его, стал пробиваться к нему.

Сумев немного приблизиться, он прокричал что есть сил:

– Уходи. Быстро.

В тот самый момент, когда Савашу уже казалось, что всё для него закончилось, и он, смертельно уставший, стал прощаться с жизнью, враг вдруг ослабил натиск, разжимая кольцо.

Встряхнув головой, только теперь сквозь звенящий в ушах гул он услышал многоголосый вой, с каким всегда атакуют саки, но на этот раз он был каким-то необычным, довольно слабым.

Саваш взглянул в сторону, откуда он доносился и не поверил своим глазам: весь его отряд, все его товарищи вернулись и ударили по врагу.

* * *

Далайя нещадно гнала своего скакуна.

Десять сотен массагетов мчались за ней, отдаляясь от двинувшихся в эту сторону армий.

Увидев своих детей, сообщивших о приближении врага, узнав самую страшную весть о том, что остальные, ненамного старшие мальчики, вступили в схватку с врагом, она не нахо-

дила себе места, пока по велению Турпана и Нургала войска не тронулись навстречу хорезмийцам.

Вскоре она уже видела битву и ещё сильнее стала нахлёстывать коня, стремительно приближаясь к сражающимся.

Десятник, весь израненный, продолжал оберегать Саваша, кружась на исходе сил вокруг него, стараясь не подпустить к нему никого.

Силы были неравными. В первой же схватке под копыта лошадей повалились все младшие из детей. Старшие держались лишь чудом, сгрудившись в плотный круг, как и учили их когда-то Фардас, Ремиз и другие наставники. Сакская лава с диким воем налетела на врага, прошла почти на одном дыхании всё и всех и вмиг покончила с остатками вражьей конницы.

Далайя, сокрушив на своём пути нескольких хорезмийцев, подлетела к детям. Те стояли гурьбой, озираясь по сторонам, ещё не веря в своё спасение. Бросив поводья, она спрыгнула на землю, скинула шлем и пошла к ним не сводя с них глаз, даже не смея моргнуть. Увидев её, юные воины стали сползать со своих лошадей на землю, и, коснувшись её, не имея сил держаться на дрожащих ногах, сразу приседали в траву, сплошь липкую от крови. Не дойдя до ближнего из них всего лишь несколько шагов, женщина замерла, в ужасе покачивая головой, не веря тому, что видела.

Массагеты огромным плотным кольцом неподвижно стояли вокруг поля битвы. Она оглянулась. Станный одинокий конь, обходя лежащие тела, приблизился к ней и остановился. На нём сидели два всадника. Тот, что находился спереди, лежал на шее скакуна, безвольно опустив руки, по которым, как и по гриве, сбежали кровавые капли. Второй, крепко обхватив его за пояс правой рукой, полулежал на его спине, упираясь в неё окровавленной головой. На месте его левой руки у самого плеча торчала перерубленная кость с обрывками одежды, кожи и мышц, орошая землю густой тёмной кровью. Далайя повернулась к ним.

Подбежавшие воины стали бережно опускать обоих на землю. Только теперь она узнала первого из всадников. Это был мальчик по имени Саваш. Его тихое дыхание едва прослушивалось. Пальцы руки второго воина с огромным усилием отцепи-

ли от пояса юноши. Это был десятник, выхвативший подростка из седла и перетянувший его к себе на скакуна в самый последний момент, не дав ему упасть под копыта. Он не дышал.

Отовсюду, чуть в сторону от сидящих подростков, на чистую траву воины несли тела убитых детей, опуская их на землю в длинный ряд. В живых же их было ровно столько, сколько приняло смерть. Удары мечей взрослых, сильных мужчин не оставляли подросткам шанса на жизнь, и поэтому раненых среди них не было.

Две сакские армии, продвигаясь плотными потоками, на небольшом расстоянии друг от друга, уже обходили с боков поле первого сражения с хорезмийцами.

Верховные правители разводили войска в стороны, выравнивая их в единую линию перед подступающим врагом.

Турпан и Нургал, сойдя с коней, подошли к Далайе.

– Вон там, – Турпан указал рукой подошедшему тысячнику в сторону холма, – разбей лагерь для детей. Пусть отдохнут. Накорми их. Выставь им в охранение три сотни. Вон, в той долине, – он вновь указал рукой в другом направлении, – готовь место для захоронения погибших подростков.

Далайя молчала, невидящим взором уставившись перед собой.

– Может, останешься с ними? – понимая её состояние, он тихо, с почтением обратился к ней.

– Нет. Теперь нет, – встряхнув головой, твёрдо ответила она, распрямив плечи, гордо подняв голову, устремив взгляд в сторону войск.

Турпан внимательней присмотрелся к ней. Без головного убора она выглядела иначе. В ней не было обычной воинственности, к которой он привык. Сейчас перед ним стояла поражённая огромным горем, очень сильно уставшая женщина, на бледном, но, как всегда, красивом лице которой злым и решительным огнём горели умные глаза. Чёрные как смоль локоны её волос сплошь были пронизаны внезапно пробившейся сединой.

Опустив голову, он понимающе кивнул, бесшумно отошёл от неё к ожидавшему всё это время Нургалу, ловко запрыгнул на коня и помчался вместе с ним вперёд.

Уже на полпути каждый из них повернул к своей армии.

Вдали, в широкой ровной степи виднелся противник. Он спешно выстраивался на своих позициях, готовясь к решительному сражению.

Для многих эта страшная, не имеющая цены жертва – жизни массагетских детей – показалась случайной, но все вынуждены были признать один неоспоримый факт: подростки предотвратили внезапный удар пришедшего втайне противника, посягнувшего на свободу и без того многострадального кочевого народа.

Воистину судьба распорядилась странным образом, забрав за каждую тысячу хорезмийских мужчин душу одного сакского ребёнка, оставив на веки почти шестьдесят их неокрепших тел в родной просторной степи.

Лишь мудрецы поняли, что такой исход был предначертан каждому из них и всем вместе с самого их рождения.

Так было угодно небесам.

* * *

Ардава отступал. Его войска не смогли сдержать натиска сакских лавин, которые наплывали ровными рядами одна за другой, выпуская множество стрел, и разлетались в стороны, пропуская следующий поток. Десять тысяч гвардейцев, неся огромные потери, отодвигались к своим границам и яростно огрызались на каждый выпад массагетов, оберегая своего владыку.

Сантай расположился на небольшой возвышенности и внимательно наблюдал за ходом сражения. Руса находился рядом с ним, по его велению расположив свой отряд чуть в стороне от пригорка и являя собой его личную охрану.

Вскоре подошли и остальные двадцать тысяч саков и в ожидании замерли на равнине между командующим и рекой.

– Что-то не вижу я присущих личной гвардии мужества и доблести, – с сомнением и иронией произнёс полководец, заслоняясь от солнца рукой, приставив её козырьком ко лбу. – Отборные войска обычно не так дерутся, а, Руса?

– Позволь, я обойду их и осмотрю тылы, – ответил тот предложением.

– Думаешь, заманивают нас? – взглянув на него, задумчиво спросил вождь.

– Всё может быть. Не нравится мне их поспешное отступление. Они не растерялись, увидев нас, словно им было всё известно заранее. Теперь, вместо того чтобы завладеть хоть каким-то преимуществом, при первой же нашей атаке они вдруг отходят. Такие хитрости давно разгаданы опытными военачальниками. Неужели они этого не учитывают? – в ответ рассуждал Руса.

– Что ж, возьми с собой ещё тысячу и обходи по той стороне, там вас не должны заметить, – Сантай махнул рукой в нужном направлении.

Шестнадцать сотен во главе с Русой, таясь за холмами, стали скрытно огигать противника по левому краю.

* * *

Саки ударили всеми силами, больше не теряя дневного времени.

Хорезмийцы, уже все прознавшие о неслыханной дерзости горстки массагетских подростков, пребывали в недоумении от случившегося. Лёгкая оторопь охватила их молодых воинов, выступивших в свой первый поход. Более опытные, никогда в своей жизни не слышавшие о таком поведении детей, цокая языками и покачивая головами в знак сильного удивления, внутренне восхищались их храбростью, желая видеть такими же героями своих мальчуганов.

Всё произошедшее, невольно накладывая свой отпечаток на людские души, опутав невидимой паутиной сознание почти всех воинов в армии противника, теперь пагубно влияло на их боевой дух.

Началось сражение.

Грохот щитов, звон и скрежет оружия, громкое ржание и топот тысяч лошадей, крики, стон и тяжёлое людское дыхание – все эти страшные звуки, перемешанные в один общий зловещий гул, наполнили степь далеко по округе, путая дикую живность, обитавшую в ней.

Турпан, ударивший всеми массагетами по центру и правому крылу хорезмийцев, разгневанный до глубины души и возмущённый, как и все его воины, жутким их творением в отношении детей, с ужасающей яростью сметал и уничтожал их, всё больше распаляясь при их сопротивлении.

Ненависть к тем, кто так хладнокровно вступил в бой с подростками, отняв жизни у половины из них, месть за каждого погибшего сакского мальчика запалила и без того разгорячённые сердца, удваивая их силы, укрепляя единственное общее желание – всех врагов положить здесь, в этой земле, куда их никто не звал, здесь, у будущей могилы погибших детей.

* * *

Сантай, желая поскорее покончить с гвардией Ардавы, двинул к своим дерущимся войскам ещё десять тысяч воинов, оставляя при себе в резерве третью часть армии.

Разгром гвардии сатрапа был неминуем. Такого натиска не смогло бы выдержать и вдвое большее количество хорезмийцев.

Враг во главе с правителем быстро отступал, один за другим оставляя за собой заслоны.

Руса очень спешил. Без остановок на отдых он подвёл свой небольшой отряд к очередной возвышенности и, желая в который уже раз осмотреть округу, поднялся на высокий холм.

То, что предстало его взору, повергло его в ужас. Огромное хорезмийское войско, в полной готовности вытянувшись ровными рядами, сияя на солнце доспехами, находилось внизу, в долине. Но не это потрясло его больше всего. Главное и самое непонятное заключалось в другом: личная гвардия Ардавы находилась здесь же... вместе с ним... Первая мысль, пришедшая ему в голову в этот миг, была поистине диковинной и абсурдной. Получалось так, что он, покружась средь холмов, вновь вернулся на прежнее место, откуда ушёл. Этого не могло быть.

Вытянувшись в седле, он внимательно окинул взглядом вокруг себя, но сакских войск, помимо своего отряда, не обнаружил. Их здесь не было. «Ничего не понимаю. Выходит, пока меня не было, к Ардаве подошла подмога, но тогда где же сам

Сантай? Где вся наша армия? Она не могла отступить», – в недоумении размышлял Руса.

Вся местность на огромные расстояния была однообразной по виду, отчего очень трудно было отличить один её участок от другого.

Позади Русы, на небольшом отдалении от него располагался ещё один невысокий холм. Спустившись вниз, проскочив сквозь замерший в ожидании отряд, он погнал своего коня к холму, взлетел на его вершину, бросил взгляд в другую сторону и вновь ощутил почти недавнее жуткое состояние от увиденного.

В сторону оставленной им за спиной хорезмийской армии продвигалась ещё одна личная гвардия Ардавы, в первых рядах которой находился и он сам. Они отступали от наседавших саков.

«Вот оно как! Это же уловка! Двойники! Западня!» – теперь ему было всё понятно.

Следовало поспешить, чтобы предупредить Сантая.

Отдав одному из своих опытных воинов распоряжение срочно оповестить командующего Сантая о подготовленной засаде, он чтобы, выиграть хоть немного времени, повёл свой отряд на равнину, наперерез отходящему врагу, с ходу врезавшись в его ряды, пробиваясь навстречу к своей армии.

Сантай, выслушав порученца Русы, тут же остановил войска, повелев одному из тысячников пробиться к Русе и вывести его из окружения, не преследуя дальше врага.

Ардава, не ведая о том, что его полководец и командующий северной армией Гурам уже обрёл бесславную кончину, причём от стрелы сакского юноши, не зная пока и о провале плана внезапного нападения на ставку саков, был не очень расстроен тем, что здесь кочевникам удалось каким-то образом разгадать его намерения с западней. Он пребывал в весьма хорошем расположении духа, поскольку был уверен в благополучном для себя исходе войны, ни на миг не сомневаясь в своей скорой победе над дикарями. Его и без того приподнятое настроение ещё больше улучшалось при созерцании плотных рядов двадцати тысяч отборных пехотинцев и такого же количества конницы, среди которой находилась краса и гордость всей армии – его личная гвардия.

Лучники и меченосцы, раздвинувшись в стороны, пропустили остатки отступающих войск и вновь сомкнулись за ними.

Из десяти тысяч мнимых гвардейцев вернулось меньше половины. Эти потери не беспокоили сатрапа, не ожидавшего, что из них останется в живых так много. Они исполнили своё предназначение, подведя к нему вплотную врага.

* * *

Сантай с радостью встретил Русу. Тот был огорчён потерей трети своего отряда в короткой, но яростной схватке.

– Руса, ты оказался прав. Ардава очень хитёр и слишком коварен. Не каждому дано придумать такое с подбором себе двойника и переодеванием гвардии, – почти восхищённо произнёс командующий.

Разглядывая Русу, он видел кровь на его лице и одежде и настороженно спросил:

– Как ты? Не ранен?

– Нет. Всё в порядке, – проведя ладонями по лицу и рассматривая их, ответил тот.

– Как думаешь, сколько их там? – спросил вождь.

– Много. Не могу даже приблизительно сказать, но явно больше нас. По центру у него расположены только пехотинцы, в первых рядах – лучники. За ними гвардия. По краям – конницы, – утираясь, ответил Руса.

– Нужно немедленно атаковать. Сам он не пойдёт на нас. Мы должны как можно быстрее начать сражение, покончить с ним и помочь верховным правителям Турпану и Нургалу, – произнёс Сантай.

Чуть замешкавшись, он взглянул на Русу, удивлённого его словами, и, быстро сообразив, пояснил:

– Да. Я забыл. Ты же не знаешь ещё многого. Почти одновременно с твоим уходом прибыл гонец из ставки. Войска Ардавы, перейдя реку ниже по течению, на рассвете вступили в наши земли. Их удалось обнаружить. Сейчас там идёт битва. Много их. Не меньше наших. Следует спешить.

Десять тысяч саков, следуя извечной своей тактике – атаке лавинами, расстреливая хорезмийцев издали из луков, ударили

по их центру. Две другие части сакской армии на полном скаку врзались с боков в их конные ряды. Началось очередное сражение.

Ардава, ожидавший этого с самого утра, тут же отвёл всю свою гвардию от главных войск. Он мечтал поскорее завершить битву здесь, переправиться на сакскую землю, ударить с тыла по основным силам врага и стать победителем сразу в двух сражениях, не оставляя никому, в том числе и Гураму, даже доли от этих громких и очень нужных ему званий. Будучи при всей своей амбициозности очень расчётливым человеком, он никогда не упускал из виду и не забывал ни о какой малозначительной и, казалось бы, на первый взгляд, не имеющей права на жизнь детали, не оставляя ничего на волю случая. Более того, он всегда был уверен в том, что так называемых мелочей вообще в жизни не бывает. При обнаружении таковых он сразу искал причины их возникновения, пытаясь проследить их связи, мысленно сопоставляя их с теми или иными уже известными ему фактами и событиями. По его глубокому убеждению, только настоящие глупцы пренебрегали явлениями, кажущимися никчёмными, и пожинали впоследствии горькие плоды такого опрометчивого поведения, беспомощно сожалея о своём изначально-неверном отношении к ним.

Вот и сейчас, не дожидаясь милостей от судьбы, он скрытно направил гвардию в обход сражающемуся противнику, дабы неожиданно нанести по нему удар сзади и, полностью окружив его, победно завершить сражение.

Битва была ожесточённой. Стороны рубились насмерть. Неимоверный грохот разносился по всем равнинам, докатываясь и до ближних хорезмийских селений.

* * *

Нургал, распределив свои войска от центра на весь левый край, помня о том, что противник, вступивший в земли массагетов, в случае его победы устремится и к нему в кочевья, сражался, как никогда, яростно и нещадно, личным примером вдохновляя своих воинов и увлекая их за собой.

День перевалил за свою середину.

Далайя находилась недалеко от Турпана. Сильная злость и неугасимая ненависть к врагу, который впервые не был достойным уважения и для неё являл собой нечто весьма омерзительное и отвратительное, придавали ей неисчерпаемые силы. Сейчас её душу наполняла лишь горечь от страшной гибели детей. В её голове, вытесняя всё остальное, пульсировала лишь одна мысль, так необходимая во время боя, – мысль о мести.

* * *

Полководец Ханглан, так неожиданно ставший вдруг командующим всей армией, очень ясно понимал сложившуюся ситуацию. Он не страшился её. Для него война была обычным занятием. Ведь именно поэтому он был приглашён Ардавой челегу Гурама на службу в Хорезм.

Выходец из горной страны Урарту, увиденный в детстве персидскими завоевателями, всю свою жизнь посвятивший воинскому служению, он и сейчас исполнял лишь то, к чему был приучен за долгие годы.

С началом битвы он уже не старался особо влиять на своих воинов, из своего огромного опыта выделяя и помня самое главное в любом бою, то, что каждый из них осознавал своё истинное положение, и единственным стремлением для него становилось его выживание, а это был всегда самый главный стимул, подталкивающий его крепче начальственного окрика.

Будучи умным человеком и хладнокровным полководцем, очень точно знавшим свои обязанности, он, находясь на возвышенности, внимательно следил за всем происходящим, вдумчиво, но быстро отдавая поручения, направляя в нужное место небольшие отряды из пятитысячного резерва, стоящего за его спиной.

«Всё пока складывается не так уж и плохо для меня. Если же Ардава приведёт сюда свою армию вовремя, то исход сражения будет только один. А он должен прийти. Возглавить разгром в начатой самим же войне во все времена почётно», – очень верно рассуждал Ханглан.

* * *

– Сантай, в нашем тылу появилась вражья конница, – пытаясь быть услышанным сквозь царящий гул, прокричал подлетевший к нему молодой вождь, весь забрызганный кровью.

– Что? – заорал диким голосом командующий, ясно услышав сказанное им, но не веря в такое.

– Тысяч десять, не меньше, – кружась на коне, продолжал выкрикивать тот.

Гвардия Ардавы, обойдя поле битвы с левого фланга и зайдя прямо за спины саков, ударила по ним с тыла. Кольцо замкнулось. Массагеты были окружены.

Отдав команду пробиваться обратно, Сантай, несколько ошарашенный таким неожиданным поворотом, ринулся в указанную сторону.

«Неужели Турпан потерпел уже поражение? Иначе откуда взялась эта конница? Только оттуда могла прибыть подмога к Ардаве», – мелькнула у него страшная мысль.

Именно так, ошибочно, мог подумать каждый в его положении.

* * *

Тридцать пять тысяч воинов хаомаваргов во главе с самим правителем Дахаром приближались к месту сражения Ардавы и Сантая. Его племянник Патша, следовавший рядом с ним, часто и нетерпеливо поглядывал то на него, то вдаль.

Грохот сражения уже отчётливо доносился до них.

Десятник массагетов, тот, кого Далайя направила в ставку к правителю хаомаваргов, сумел исполнить её веление точно и своевременно и теперь следовал в его свите.

Вскоре перед ними открылась вся картина сражения. Массажеты были окружены.

«Что ж, вовремя мы подоспели», – подумал Дахар, довольный таким стечением обстоятельств.

Дольше не следовало ждать.

Ударом плётки он ускорил бег своего скакуна, вынимая меч.

Все его тысячники, увидев поданный сигнал, нахлёстывая коней, стали разворачивать войска по всей ширине долины.

* * *

Турпан одолевал врага по всему правому флангу, тесня его и медленно заворачивая в дугу.

Направленные тут же Хангланом две тысячи свежих войск с трудом, но всё же исправили положение, не дав сакам создать превосходство в этой стороне.

В центре, где бились плечом к плечу массагеты и тиграхауды, так же, как и на левом фланге, царило равенство сил между противниками.

Битва была кровопролитной и, как следовало ожидать, упорной.

Взглянув в последний раз вдаль, туда, откуда по всем его расчётам уже давно должна была показаться армия Ардавы, Ханглан решил, что именно сейчас, когда сражение велось без преимуществ и довольно сильно измотало всех, даже самая малая помощь кому-либо из сторон может принести победу, и, возглавив оставшиеся две тысячи воинов, врезался в левый фланг, где сражался Нургал.

* * *

Ардава, окрылённый своим замечательным манёвром, наблюдая, как его гвардия сокрушает сакские тылы, решил, что битва почти уже закончена, и, покидая надоевшую ему высоту, стал медленно и величаво спускаться во главе всей своей свиты к полю сражения, желая вблизи созерцать столь долгожданный разгром дикарей.

Его красивый белоснежный скакун не успел сделать и десяти шагов, как вдруг справа, из-за дальней возвышенности, перекрывая гул сражения громким, диким воем, появилась конница, заполняя собой всё пространство между холмами, стремительно приближаясь и разворачиваясь в огромную армию. Внимательно всмотревшись, он понял, чьи это были войска, но никак не мог сообразить, откуда они здесь взялись.

Это был крах.

Больше не медля, он погнал коня в сторону своих земель, спеша скорее достичь спасительных стен Кята.

Теперь уже сами попав в плотное кольцо окружения, при этом видя, как властитель покидает их, хорезмийцы предприняли несколько безуспешных попыток вырваться и сдались, не имея никакого желания продолжать сражение с превосходящим по численности врагом.

Сантай, поручив вождям разоружение противника, в сопровождении Русы направился на встречу с Дахаром, командующим всеми войсками хаомаваргов.

Тот с племянником и сотней охраны неторопливо следовал к холму, на котором не так давно располагался сатрап Хорезма, спокойно и даже с интересом наблюдая за его бегством.

* * *

Саки ближе к вечеру преобладали на всех участках сражения.

Ханглан, пытавшийся получить преимущество на всём левом фланге и именно с этого момента надеясь переломить ход битвы и начать, наконец, общее наступление, теперь уже ничего не мог поделать с напавшими всё сильнее тиграхаудами. Он рубился, словно заведённое нечеловеческое существо, без эмоций и ярости, спокойно и размеренно дыша, за всё время не дрогнув ни единым мускулом на лице. Сразив очередного выскочившего на него воина, он мельком бросил взгляд вдаль, по-прежнему не оставляя надежды на подмогу, и увидел то, чего так долго ждал. К ним, поднимая пыль до самых небес, приближались войска. В том, что это подходил Ардава, у него не было сомнений.

Больше не отвлекаясь, он продолжил своё нелёгкое, но единственно знакомое действие.

* * *

Сантай, поручив одному из вождей пять тысяч воинов из девятнадцати тысяч оставшихся в его армии, дабы он совместно с пятнадцатью тысячами хаомаваргов охранял почти двадцать тысяч пленённых, направился вместе с Дахаром на помощь к Турпану и Нургалу.

Преодолев реку, их объединённые войска, не задерживаясь, пройдя на полном скаку всё расстояние, что отделяло их от поля главного сражения, вступили в битву, предрешая её исход.

* * *

Ханглан, чьё настроение, несмотря на присущую ему природную сдержанность, значительно улучшилось от приближения свежих сил и скорого победоносного завершения этого похода, взглянув в очередной раз на стремительно приближавшуюся армию, уже не смог оторвать от неё глаз, впервые за свой долгий воинский путь поражаясь увиденному.

Помощь пришла, но не к нему.

Такого он не ожидал. Будучи истым полководцем, он сразу, в один миг оценил ситуацию и, не желая дальнейшего бессмысленного кровопролития, всегда дорожа жизнями простых воинов, отдал им приказ сдаваться, бросив свой меч на вязкую от крови побуревшую траву.

Сражение было остановлено. Тридцать тысяч хорезмийских войск были полностью окружены и тут же обезоружены. В этой битве каждая из сторон за такой, казалось бы, короткий срок потеряла почти половину своих воинов.

Всё было закончено с закатом. По всей огромной равнине запылали костры. Наступало время для желанного, как никогда, отдыха.

В разбитом лагере в главном шатре собрались верховные правители массагетов, тиграхаудов и хаомаваргов, до сих пор никогда не бывавшие союзниками ни в одной войне. Решалась судьба Хорезма. Здесь же пребывала и Далайя. Она молча сидела у очага, прикрыв веки, ни к чему не прислушиваясь, ни о чём не думая, просто отдыхая, почти расслабившись. Руса дремал, прислонившись спиной к мягкой кошме, свисавшей со стены войлочного шатра. Рядом с ним отдыхал племянник Дахара Патша.

* * *

С рассветом одни сотни саков доставляли на определённый участок тела погибших братьев, другие собирали оружие, третьи готовили место для огромного захоронения, четвёртые занимались охраной лагеря и всех пленённых.

Все находились при деле, но не забывали о главном, страшном трофее войны – волосах поверженных врагов, срезаемых вместе с кожей с их голов.

К полудню огромная по своим размерам прямоугольная яма глубиной в человеческий рост была готова. Всё её ровное днище было плотно утрамбовано и покрыто множеством шкур.

Началось погребение погибших. Тела всех рядовых воинов массагетов, тиграхAUDов и хаомаваргов ровными рядами укладывали на шкуры. Головы всех убиенных венчали островерхие кожаные шлемы. По бокам от каждого воина ложилось его оружие: справа – длинный меч и плётка, слева – акинак и колчан со стрелами, а на ноги клался щит. Между рядами были оставлены узкие проходы, по которым, прикрыв каждое тело накидкой из кожи или шкуры, потянулись длинные вереницы насыпщиков, несших землю. Тысячников и сотников хоронили отдельно, как велось издревле.

Вскоре, когда яма с телами была засыпана вровень с поверхностью, все три армии саков, следуя друг за другом, стали насыпать курган, занося землю в кожаных мешках. Вся эта церемония, ещё не успев начаться, была приостановлена с наступлением темноты, но возобновилась утром и продолжалась несколько последующих дней, пока возведение кургана не было завершено.

Последние воины занесли землю и уложили её на вершину.

Пленные стащили своих убитых в находящийся в отдалении овраг, где, лишь слегка присыпав землёй, оставили на волю дикой природы.

Подобное всему происходящему здесь совершалось и за Оксом.

Верховными правителями совместно было принято решение не идти пока на полное разорение Хорезма, а определить Ардаве единовременную выплату определённой дани в строго установленный срок, до истечения которого пленённые могли жить. В противном случае, казнив их всех до единого, саки должны были вступить в его земли. Гонцы с таким повелением были незамедлительно направлены в Кяту.

Вражеские военачальники всех рангов – от десятника до командующего Ханглана – были безотлагательно казнены.

* * *

Саваш, единственный раненый среди детей, быстро поправлялся. Далайя и Руса часто навещали его, окружая теплом и заботой.

Оставшиеся в живых остальные мальчики приходили в своё обычное состояние, и уже изредка был слышен их чистый, озорной смех.

Курган, насыпанный на месте захоронения их товарищей, все эти дни был наиболее навещаемым всеми воинами местом.

Завершив все необходимые церемонии и ритуалы, проведя в течение трёх дней поминки по погибшим, отправив детей и раненых под усиленной охраной в селение Далайи и в ставку Турпана, войска двинулись к Оксу, у берегов которого было решено дожидаться возвращения гонцов.

По другую сторону реки также разбили лагерь подошедшие от границ Хорезма объединённые войска массагетов и хаомаргов.

* * *

В назначенный верховными правителями саков день дозорные отряды сообщили им о продвижении очень большого обоза от центра Хорезма в их сторону. Дань в точности с их требованием была доставлена к ним. Около пятидесяти тысяч пеших пленённых воинов в сопровождении десяти тысяч всадников охранения, растянувшись на огромное расстояние, доведённые головными колоннами почти к стенам Кяты, были оставлены там конницей кочевников, тут же ушедшей обратно.

На общем совете, равно распределив между собой добычу, верховные властители уже обсуждали ставший главным вопрос о судьбе Согдианы. Решение было принято ими также единогласно.

Следовало надолго ослабить и этого сатрапа ненавистной Персии. К нему незамедлительно были направлены гонцы с требованием быть в их ставке во главе своего войска в строго указанный срок, при этом он должен был захватить с собой в виде дани всё, что будет изложено ему их вестовыми.

Хадыш был ни жив ни мёртв от условий саков, но поделаться ничего не мог. Вся его армия составляла тридцать тысяч воинов, причём лишь половина из них была конницей. Сейчас не это волновало его. Больше всего он был встревожен величиной требуемой дани. Он был разорён. В отличие от Ардавы, который всегда был гораздо богаче его и даже теперь, несмотря на отданный им выкуп в виде двух третей своей казны, продолжал вести безбедное существование, Хадыш становился нищим.

Страшным грузом давило на его плечи ещё и веление царя повесить размеры отправляемых ему богатств за счёт увеличения налогов.

Выхода не было.

В указанный срок Хадыш прибыл со всем своим войском и данью в стан к верховным правителям саков, где его армия была тут же разоружена и посрамлённо отправлена обратно.

Сам же сатрап Согдианы, не принятый ими, вернулся на оставленном ему коне в сопровождении уже пешей свиты в вечерний Мараканд, где, не сумев перенести позора, однажды утром был найден в своей опочивальне мёртвым. Он отравился.

Властители трёх сакских союзов племён, попрощавшись, уводили свои армии и крепко гружёные обозы в три стороны от берегов Окса, ставших за это время родными для них.

При расставании Дахар бережно передал Далайе её нож, отданный ему её гонцом-десятиником в знак подтверждения его полномочий и её особого, доверительного отношения. В этот раз меж ними не было слов, глаза выражали всё.

Массагеты, подойдя к месту сражения и захоронения детей и воинов, разбили лагерь, дабы здесь распределить добычу и отсюда всем вождям разойтись к своим племенам.

Из шестидесяти тысяч воинов в живых после двух сражений осталось тридцать пять тысяч, около трёх тысяч из кото-

рых совместно с двумя тысячами тиграхаудов, получив в бою ранения, в это время до полного выздоровления находились в селении Далайи и в ставке Турпана.

На военном совете верховный правитель Турпан довёл до сведения каждого из присутствующих обо всём сделанном Далайей и Русой для достижения этой победы.

Многие из них, до сих пор не взявшие в толк, откуда стало известно о готовящейся войне, о сроках начала похода врага и, наконец, о причинах неожиданной помощи царя хаомаваргов, лишь теперь поняли, какую роль во всём, что произошло, сыграли Далайя и Руса. Их восторгу и ликованию не было бы предела, если бы сама Далайя не остановила их словами благодарности, воздав почести погибшим и живым за мужество и отвагу, проявленные ими в сражениях.

Вскоре вожди уже уводили к кочевьям свои поредевшие войска вместе с обильно гружёными обозами и множеством лошадей.

Всю дорогу до родных очагов и они, и все их воины не переставали удивляться дарованиям необыкновенной женщины, в который раз спасшей свой народ и принесшей родной земле славу и небывалые блага. Ну а потери... К великой печали, войны без них не бывает.

* * *

Персидский правитель царь Дарий I, очень занятый своими западными рубежами, где всё чаще возникали обострения в отношениях с греческими городами-государствами, несмотря на потери, понесённые его восточными сатрапами, строго-настро-го повелел им больше не затевать конфликтов с кочевниками, отложив их наказание до лучших времён.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шли дни. Жаркое лето уступало место тёплой осени. Люди занимались обычными делами.

Далайя всё сильнее скучала по своему сыну, чаще видела его во сне и, пробуждаясь, пыталась продлить видение. Но всякий раз, к её сожалению и огорчению, ей не удавалось удержать его образ, он расплывался, оставляя в сознании общие черты маленького ребёнка.

В один из дней в шатёр вошёл улыбающийся Руса. Далайя ещё не успела спросить его о причине радости, лишь удивлённо взглянула, как он, упреждая её вопрос, вдруг откинул полог, пропуская кого-то. Это был Саваш. Он почти поправился. На его молодом теле раны заживали быстро. Женщина встала, и когда он приблизился к ней и замер, склонив голову, она шагнула к нему и нежно обняла. До самой ночи юноша гостил у этих радушных хозяев.

Руса не мешал его общению с Далайей, молча слушал их беседы, изредка поглядывая на неё. Она сильно изменилась. Перемены были не только в её внешности, но и в поведении. Всё больше времени она находилась здесь, в шатре, очень редко покидая его для посещения могилы Томирис, и пребывала в глубоких раздумьях.

Лазутчики царя Турпана, кому впервые она доверила свою тайну, озабоченные по её просьбе поиском детей царицы, сколько ни старались, а найти их следов не могли.

Однажды, когда Далайя готовилась ко сну, обычно молчаливый Руса, словно рассуждая вслух, тихо произнёс:

– Наверное, там, в крепости нас заждались. Ведь скоро зима. Ущелье надолго закроется снегами. Интересно, какими стали дети? Наверное, уже подросли? Что там творится? Удалось ли собрать урожай?

Он устало вздохнул, ковыряя веточкой в костре. Далайя взглянула на него. Ей хоть и стало грустно от его слов, но всё же было приятно. Именно это она желала от него услышать, но сама не решалась сказать первой. Он чувствовал её, знал, чего она хочет, и вот высказал именно то, что так совпадало с её душевными порывами. Она подошла к нему со спины, склонилась над ним, обвила его шею руками, прижимаясь щекой к его макушке. Он, слегка запрокинув голову, нежно провёл шершавыми ладонями по её рукам, бережно сжав её красивые длинные пальцы.

Через три дня они навестили верховного правителя, испросили у него одобрения, оставили ему все ценности, возложили главенство в селении на назначенного старшину и двинулись в путь. По настоянию Турпана пять сотен воинов сопровождали их до самого окончания земель Хорезма. Дальше они должны были следовать сами с охраной всего в двадцать человек. Окрепший Саваш, принявший с восторгом приглашение Далайи идти в поход, находился при ней вместе с друзьями погибшего Ремиза.

* * *

Отпустив усиленную охрану, они неспешно продвигались на запад. Направленная Русой вперёд дозорная тройка вскоре сообщила ему о приближении к ним большого отряда. Саки остановились, отведя в сторону гружёных лошадей. Руса, как прежде, разбил свои небольшие силы на равные три группы, затаив по сторонам от себя две из них, оставшись по центру, на невысоком пригорке. Вздывая пыль, неизвестные конники приблизились к его отряду на расстояние полёта стрелы и встали как вкопанные. От них быстро отделился один всадник, поднял руку и махнул ею над головой, тем самым обозначая

мирные намерения. Руса двинулся к нему навстречу. Это были хаомаварги, чьи земли простирались справа. Их сотник, сразу узнав Русу, был искренне обрадован ему, но тут же его приветственные слова сменились печальным известием. То, с чем он следовал к массагетам и тиграхаудам, поистине было горьким событием. Умер их верховный правитель царь Дахар.

Оставив при Далайе и Русе двоих воинов для их сопровождения в своё главное селение, сотник, попрощавшись с ними, продолжил дальше свой путь, спеша в ставки к Турпану и Нургалу.

Ещё не так давно не было бы таких гонцов в соседние кочевья. Теперь же, после совместного сражения против врага, когда всё, в том числе и смерть и победа, делилось поровну на всех их воинов, произошли такие значительные перемены в общении между родственными сакскими народами.

Далайя и Руса повернули коней на север.

* * *

Горе хаомаваргов было велико. Отовсюду, со всех окраин их земли, в сторону главного селения, ставку верховного правителя, молча тянулись группы всадников, продвигались обозы, перегонялись табуны лошадей и отары овец. Во всех их поселениях, что попадались на пути массагетов, царили скорбь и уныние. Женщины плакали. Мужчины сдержанно готовились к поминанию, выбирая скот, запалая костры на курганах.

На подступах к стану Дахара отряд Далайи был встречен Патшой. Его глаза, воспалённые от бессонницы, были полны печали. Сойдя с коней, Далайя и Руса обняли его.

От самой границы селения до просторной площадки перед главным шатром, окружая её, ровными рядами выстроились войска.

Дахар, в сияющих доспехах и одеяниях, при сверкающем вооружении, лежал посреди своего шатра на невысокой тахте, поверх ярко-красной ткани, сплошь расшитой золотыми бляшками и свисающей до пола. Он был облачён в такого же цвета кожаную куртку, обшитую, подобно доспехам, золотыми

пластинами. Голову венчал высокий островерхий кожаный колпак, обрамлённый серебристой пушшиной. Кожаные штаны, с боков по швам расшитые золотистыми узорами, были аккуратно заправлены в сапоги, голенища которых, как и всё одеяние, украшали золотые бляшки. Его лицо было спокойным и даже каким-то одухотворённым.

Погребение было назначено на следующий день.

Гостей разместили в установленных для них шатрах, невдалеке от центра селения.

Ближе к вечеру, проверив общую готовность к похоронам, к Далайе и Русе ненадолго заглянул Патша, поведавший о том, как скончался его дядя.

Всё произошло неожиданно и как-то буднично. На рассвете Дахар не покинул своего шатра, как поступал всегда. Вошедший к нему начальник охраны застал его лежащим на своём обычном месте. Не нарушая царского сна, он сразу сообщил об этом ему, Патше, и уже вместе с ним они установили, что верховный правитель скончался. Ничто не предвещало такой скоропостижной смерти. Накануне он был бодр и ничем не встревожил окружающих.

* * *

Седые полководцы, сменяя друг друга, несли траурную тахту с телом Дахара к долине смерти, где находилось великое множество курганов с погребёнными под ними его славными предками и другими родичами.

За ними следовали все вожди, среди которых шествовали и Патша с Далайей и Русой.

Далее в скорбном молчании продвигался весь остальной прибывший люд.

Сотники с войсками, спешившись, придерживая коней, выстроились по бокам на протяжении всего пути от селения до могилы.

По мере приближения траурной процессии, каждый воин опускался на правое колено, прижимая правую руку к груди, низко склоняя голову.

В одну из двух ям, соединённых в середине узким проходом, стены которых были выложены плиточным известняком, на разостланную поверх земли тонко выделанную белую подстилку из кожи было ровно растянута красное тканевое покрывало, такое же, каким была покрыта тахта. На него полководцы бережно опустили тело царя. У самого изголовья расположили седло, по бокам – оружие, а у ног – боевой щит. Затем всё было накрыто другим таким же покрывалом. В соседнюю яму опустили его любимого скакуна, заколов его здесь же, у могилы.

По всем углам были расставлены кувшины с яствами, множество различной посуды из дерева, глины, серебра и золота и другие предметы обихода, также накрытые покрывалом, теперь уже снятым с тахты. Каждое из приготовленных заранее брёвен очень точно легло на своё место, закрыв обе ямы. Поверх древесного ряда были уложены подогнанные одна к другой ровные каменные пластины.

Лишь после этих всех обрядовых работ стал насыпаться курган. Нескончаемый поток воинов и простолюдинов подносил в кожаных мешках землю и высыпал, с каждым разом поднимаясь всё выше и выше по растущим склонам.

Траурное поминание продолжалось семь дней. Под нож было пущено множество отборного скота.

На третий день после погребения Дахара прибыли Турпан с Нургалом, тоже воздавшие покойному все царские почести, добавляющие верховному правителю.

Вот так, спокойно и очень достойно закончил свой земной жизненный путь мудрый властитель хаомаваргов, при ком, благодаря его светлому уму и огромной душе, чистым помыслам и благородному сердцу, наладились добрые и надёжные отношения с родственными народами.

Далайя и Руса, дойдя до южных границ хаомаваргов в сопровождении Патши, сердечно попрощавшись и с ним, и с его людьми, душевно простясь и с верховными правителями Турпаном и Нургалом, направлявшимися в свои земли, продолжили путь на запад.

Лишь теперь женщина позволила себе расслабиться. Она горько плакала, вспоминая своего верного и преданного друга, воистину светлейшего мудреца и славного человека по имени Дахар. Ей было больно на душе. Она очень сожалела о том, что его уже нет на земле, ясно осознавая, что больше никогда они не увидятся в этом мире. Его облик и ставший таким родным его голос виделся и слышался ей, терзая её душу невосполнимой утратой и внезапно свершившимся горем.

«Почему не стало именно его? Почему не умер кто-то другой, а он? Я уже не могу выносить таких потерь! Кто так внезапно уводит от нас самых родных и дорогих людей? О, великое небо, если ты слышишь меня, забери тогда всех и сразу! Не мучай больше!» – рыдала уставшая женщина, припав к гриве оставившегося коня.

* * *

Навестив святое место, могилу вождя Дантала, где Далайя поделилась с его добрым духом всем произошедшим в её жизни за недолгий период отсутствия, отряд, благополучно пройдя ущелье, был встречен на выходе из него своим дозором.

На этот раз всё в крепости оставалось без особых перемен. Их возвращению все были несказанно рады. Маленький Дантал, так же как и Приана с Лариан, очень подрос. Счастью Далайи от долгожданной встречи с ними, особенно с сыном, не было предела.

Весь мир для неё наполнялся новым смыслом. Желание во что бы то ни стало жить и творить в окружении нужных её душе людей с новой силой овладевало всем её существом, отдаляя куда-то вглубь, быть может, даже вообще вытесняя из неё всю тяжесть мыслей и воспоминаний, накопившихся за эти чрезмерно насыщенные годы.

Сотник Даг, очень любивший такие моменты, когда Далайя и Руса живые и здоровые возвращались из дальнего опасного пути, устроил в крепости настоящие празднования, длившиеся три дня и три ночи.

Вкусные лепёшки из муки их первого урожая, намототой каменными жерновами, искусно сотворёнными тремя рабами из далёкого Египта, были самым желанным блюдом на столе.

Если первый день люди радовались встрече, то несколько следующих дней и ночей они, узнавшие о победе объединённых сакских сил, провели в ликовании, с гордостью прославляя своих братьев в далёкой, но родной земле, воздавая почести всем погибшим.

Рассказ о подвиге детей потряс всех до глубины души. С особенным волнением он был воспринят сыновьями Дага, знавшими всех погибших мальчиков. Саваш же, слушая этот рассказ, замыкался в себе, вновь мысленно переживая те ужасные мгновения. Теперь всем стало понятно, откуда у него появились и удивительной красоты скакун, и такие дорогие оружие, упряжь и седло. Всё это были подарки юному герою от трёх верховных правителей и от Далайи с Русой.

Отдельную историю о замечательном мудреце, воине и царе Дахаре все слушали с восхищением и печалью, выражая в душах искреннюю благодарность земле, воде, небесам и этому вождю за его великие поступки.

Во время одного из застолий, не увидев за прошедшие дни рыжего пса, Далайя поинтересовалась о нём у сотника. Тот, пожав плечами, поведал о его довольно странном поведении в последнее время, об исчезновении и безрезультатных поисках.

Зела и Мире, со дня рождения дочерей обосновавшиеся в отдельном помещении, с трудом уговорили Далайю не забирать от них маленького Дантала, при этом ссылаясь на сильную привязанность к нему и огромное желание заботиться о нём так же, как и о двух своих девочках. Она уступила их просьбам, понимая, что для детей так будет лучше и правильнее.

Внимательные и чуткие к людям, они успевали делать всё, и однажды обе обратились к Далайе с просьбой разрешить им одарить рабов одеждой, изготовленной ими. Она не возражала, и подозревая невольников, кому молодые женщины с радостью вручили одеяния, стала впервые рассматривать их.

Все они были разными: и по цвету кожи и волос, и по возрасту, и по поведению. Но в то же время в них было какое-то сходство между собой, на первый взгляд не столь уловимое. Лишь всмотревшись пристальнее в их глаза, Далайя поняла, что это

был страх, то самое древнее чувство, как считала она, что народилось вместе с человеком и навечно поселилось в его душе. Именно он, страх, жалким трепетом в телах и дрожащим испугом во взорах делал их одинаковыми.

С этого времени она стала уделять больше внимания наблюдению за ними, и это принесло ей много интересных открытий. Два темнокожих, высоких и очень худых эфиопа умели очень искусно выделывать шкуры. Вначале они подвешивали их и железными изогнутыми скребками вычищали внутреннюю часть. Затем, посыпав солью и мукой, выделяемой Дагом для этих нужд, на три дня замачивали их в кобыльем молоке. После этого, подсушив, выбивали их палками и лишь потом вновь, по сырому, принимались работать скребками, снимая остатки жира и утончая шкуры. Полученные в результате такой обработки шкуры были очень мягкими и лёгкими.

То, что она увидела, когда подошла поближе к трём египтянинам, услышав постоянные стуки, доносящиеся от места, где они находились, поразило её. Перед старшим из них лежал плоский камень, длиной почти в три локтя, шириной в один и толщиной в половину локтя. Верхняя часть камня была полукруглой. В одной руке у немого мастера был тонкий железный клин, в другой находилась небольшая деревянная колотушка, которой он и постукивал по шляпке клина. На поверхности камня уже проглядывались голова человека, его туловище и обе руки, сведённые к низу живота. Незаконченная ещё работа была удивительной. Такого Далайе не доводилось созерцать никогда.

Заметив её, они тут же встали, повернулись к ней и склонились. Она подошла к камню, молча присела над ним, осторожно коснулась пальцами невиданного доселе творения. То, что при этом она ощутила, было новым и неопишуемым для неё, словно исходило из другого, неизведанного мира.

По прошествии нескольких дней, около полудня, взволнованный чем-то Даг, ничего не объясняя, попросил Далаю и Русу последовать за ним. Они, спустившись вниз по дороге из крепости, повернули влево от неё и оказались у могильной насыпи Рушти. Там, чуть в стороне от неё стояли египтяне, возле

них находился бык с волокушей. В восточной части захоронения было установлено каменное изваяние, то, что сотворил немой раб. Зрелище вновь потрясло Далайю.

В эти мгновения в её душе переплелось множество разных чувств: и благодарность мастеру, и гордость за значимость всего происходящего, и безбрежная радость за оказанное памятное внимание к юноше, и сильное волнение от созерцания величавости творения.

«Вот чего не хватает на могилах наших людей. Они остаются всюду не отмеченными, а ведь пройдёт какое-то время, уйдут из жизни все, кто знал погребённых родичей, и тогда навсегда прервётся общение с их душами», – встревоженная таким открытием, она вздохнула с тоской, обуявшей всё её сознание.

Ещё много интересного было создано рабами.

Каждый из них, впервые за долгие годы ощутив истинно человеческое отношение к себе, желая оправдать оказанное ему доверие, хотел от всего сердца выразить свою благодарность.

Так, однажды невольник сириец, происходивший родом из далёкой персидской сатрапии Эбир-Нари, находящейся за рекой Евфрат, подведя Дага к складу, что-то лопоча на незнакомом финикийском языке, сильно жестикулируя, хоть и с огромным трудом, но сумел объяснить, что было нужно ему. В углу, где лежали брошенные вещи, он указал рукой на очень странный меч, который имел клинок гораздо тоньше, чем у всех обычных мечей. Его рукоять была изогнута, а по одной стороне полотна, по всей его длине имелись сплошные острые зазубрины. Сотнику стало любопытно. О предназначении этого предмета он не имел ни малейшего представления. Ведомый радостным рабом, он подошёл к лежащему у стены бревну и стал наблюдать за его действиями. Тот, обхватив жилистыми пальцами рукоять, низко присев, стал водить ребристым мечом по засохшей коре, всё больше углубляясь в древесину. Мелкая крошка с обеих сторон бревна ссыпалась на землю при каждом его движении. Вскоре оно было распилено пополам.

С этой поры в крепости появились доски, а вместе с ними деревянные столы, лавки и двери во всех помещениях.

Незадолго до наступления первых осенних холодов Далайя и Руса, от души наслаждаясь чистым и ароматным воздухом, посетили водопад, где, проверив тайник, провели с удовольствием половину дня. Обрато они возвращались также не спеша, созерцая округу, находя оставленные в своё первое посещение ориентиры. Несколько раз они сходили с коней у красивых величавых деревьев, отдыхая под их разлапистыми кронами. Навестили могилу Рушти, где молча посидели у каменного изваяния, мысленно общаясь с духом юноши. У родника испили студёной вкусной воды, освежили лица и руки.

Место, где прежде располагался лагерь, теперь уже почти не имело его следов, и лишь чёрные крути от костров напоминали о том, что здесь находился небольшой стан. Все воины давно были расселены в крепости, стены, ворота и строения которой были значительно усилены.

Две прямоугольные поляны темнели взрыхлённой землёй, из которой торчали короткие, тоненькие золотистые стебельки скошенной пшеницы и ячменя.

Четыре сменённых у выхода из ущелья дозорных воина, возвращавшиеся на отдых, приблизившись к ним, остановились, почтительно склонив головы, и вновь тронули коней, направляясь дальше, в крепость.

Кругом царили умиротворение и покой, своей звенящей тишиной не так давно переставшие быть для них чем-то знакомым и обычным и вот снова окружавшие их.

В долину опустился вечер, быстро переходя в ночь.

На высоте, чуть правее от выхода из ущелья, на посту маленьким маячком замелькал огонёк, обозреваемый лишь с этой стороны.

В крепости же отсюда, снизу, огней не было видно, но Далайя и Руса знали, что там всегда зажигались на ночь два костра.

* * *

На следующее утро Руса, взяв с собой десять воинов, отправился через долину в другой её конец, желая проверить горную тропу, по которой когда-то он прошёл к далёкому, бывшему сво-

ему селению. Следовало проверить её, так как она была вторым проходом сюда, к ним, и всякое могло случиться в такое тревожное время.

Далеко за полдень они приблизились к ней. Издали ничего приметного замечено не было.

– Ну-ка, кто среди вас зорче? Взгляните вон на те горы и скажите, что видите? – спросил Руса.

Воины внимательно оглядывали все ближайшие скалы, у подножья которых находились густые заросли оголённых кустарников. Лёгкий ветерок разгонял от них опавшую жёлто-красную листву.

– В той расщелине, – десятник ткнул плёткой, указывая место, – вроде тропа начинается.

Все стали пристальнее всматриваться туда, приподнимаясь в сёдлах.

– Верно, – довольный Руса похвалил его. – Нам нужно осмотреть её. Она и есть проход в нашу долину. Дальше находится земля персов.

Он тронулся сквозь кусты, постепенно поднимаясь всё выше и выше, оглядывая при этом тропу.

Не очень крутой подъём закончился. Теперь узкая дорожка бежала почти ровно, лишь местами виляя меж выступами скал. Горы были невысокими, но их ширина была весьма значительной.

Уже вечерело, когда перед Русой начался раздвигаться пологий спуск, открывая обширные, бесконечные просторы. Там всё имело причудливые цвета: и розоватые скалы, и золотистые равнины с блестящими синими озёрами, и бурые холмы, и густые тёмно-зелёные леса. Они были словно разбросаны кем-то, поражая своей восхитительной красотой всякого, кто их созерцал.

От представших взорам чарующих видений, к тому же дополненных цветом кроваво-красного заката, у многих перехватило дыхание.

– Все возвращаемся. Заночуем с нашей стороны. Завтра осмотрим это предгорье, – Руса развернул коня.

На следующий день поздно вечером они вернулись в крепость.

У костра Руса поделился своим впечатлением от увиденного с Далайей и Дагом.

– Думаю, до большого снега нам нужно держать там дозор, – первое, что высказал он.

– Ты находишь возможным проникновение оттуда врагов? Но ведь до сих пор нам никто не угрожал? – зная, что Руса ничего необдуманного не предложит, всё же для ясности спросила Далайя.

– Я не очень хорошо помню некоторые события из моей той, детской жизни, что я провёл в родном мне селении, но то, с какой периодичностью приходили они и творили зло: грабили, убивали и уводили навсегда таких как я, запомнил на всю жизнь. Через каждые три-четыре лета повторялось одно и то же. Видимо, они в эти сроки давали возможность подрасти детям и вновь обжиться взрослым. Боюсь, что эти места знакомы не только нам. Для всех нас будет лучше держать там караул из десятка сменных воинов. Сейчас мы можем позволить себе такой дозор, – Руса взглянул на женщину, затем посмотрел на сотника.

– Здесь, в этом месте, мы уже дожили до своей четвёртой зимовки. Да, пока никто ещё не беспокоил нас. Это верно. Но так, наверное, не может продолжаться вечно. Руса прав. Теперь нам всем есть что терять, и поэтому нужно быть готовыми ко всему, – поддержал его Даг.

– Что ж, так действительно будет надёжней и спокойней. Ни к чему нам подвергаться опасностям, когда есть возможность их предотвратить. Хватит пролитой крови. Будет очень жаль терять то, что послано небесами, и глупо не делать того, что явно сулит добро. Все дни, спокойно прожитые нами в этом краю, есть огромный дар для нас, дающий возможность начать нам новую жизнь. Сберечь всё это, значит, выразить свою благодарность небесам и быть достойными этих благ, – Далайя говорила не столько для собеседников, сколько размышляла вслух, вспомнив все недавние потери и утраты.

Уже через один день после этого разговора отряд из десяти воинов во главе с десятником, хорошо знавшим дорогу, захватив с собой на вьючных лошадях всё необходимое для длительного пребывания в дозоре, двинулся к дальнему проходу. Засидевшиеся в крепости молодые саки были рады тому, что наконец выбрались из-за стен и хоть ненадолго, но побудут среди дикой природы. Каждый из них ощутил свободу, вдохнув всей грудью чистый воздух простора.

Так, сменяя друг друга, до первого обильного снегопада несли службу на дальних подступах в долину два десятка сакских воинов.

Вскоре все дозоры были возвращены обратно в крепость, и люди без надобности уже не покидали её, проводя в ней всё своё время.

Лошади были выпущены на пастбища, но, в отличие от прежних зим, они не возвращались каждый вечер в крепость, а находились там, постоянно навещаемые выделенной охраной.

Наступившая зима была мягкой и тёплой. Она почти не беспокоила людей, лишь изредка заставляла их убирать со двора высокие сугробы, нанесённые ночами. Такая работа была больше забавой для этих сильных и сытых мужчин, нежели огорчительной обузой.

Иногда, держа на руках тепло закутанного Дантала, Далай вместе с Зелой и Мире от всей души смеялась над молодыми воинами, затевавшими безобидные потасовки и игры в снежки. В такие мгновения все обитатели крепости, даже бывшие рабы, были счастливы. От лучистых душ сияли открытые улыбки. Всюду звучал добрый, разноголосый смех, долгим эхом отражаясь от горных вершин.

* * *

В один из зимних дней молодая волчица принесла троих щенят.

Довольно просторное логово, подысканное её спутником – рыжим псом, было первым их обиталищем, ставшим с рождением малышей ещё теплее и уютнее.

Пёс в одиночку стал подолгу охотиться и всякий раз с добычей летел стремглав к своей семье. Будучи сызмальства очень сообразительным, он и сейчас не упускал случая воспользоваться таким даром.

Видя в небе старого друга, кружащего орла, он бежал туда, куда тот медленно опускался, и, опередив его, внезапно насккивал на зайца или какого-нибудь грызуна, вскоре унося его в сильной пасти. Порой казалось, что птица сама выводила его на дичь, тем самым оказывая ему услугу. Не было случая, чтобы он, подоспев к нужному месту, заставал её там. Она была над ним до самого завершения его охоты и, как будто бы довольная её итогом, поднималась всё выше и выше, пока не исчезала из виду.

Щенята быстро росли и однажды вышли на белый свет вслед за своей мамашей. Только теперь родители могли их рассмотреть. Они не были похожи на обычных волчат. Их шерсть была густой и имела странный бурый окрас. Широкие короткие полукруглые уши были в точности схожи с ушами отца, как, впрочем, и куцый хвост. Так или иначе, но это были их первенцы, и то, что они выглядели так необычно, лишь добавляло гордости молодому папаше.

* * *

Близилась к концу зима. Дни стали дольше и теплее. Снег, посерев, быстро оседал, становясь пористым и очень рыхлым. Из-под бывших сугробов, забирая их силу, зажурчали ручьи. Воздух становился всё более влажным.

Зела и Мире чаще находились во дворе, прогуливая детей. Несколько дней назад с небольшим опозданием от их девочек, сильно обрадовав всех, особенно мать и отца, сделал первые шаги и маленький Дантал. Ноги детей у самых ступней были подвязаны кожаными ремешками, дабы не разъезжались на скользком снегу, но в один из дней, когда снег почти сошёл, Далайя, подойдя к малышам, присев, своим красивым ножом перерезала эти детские путы. С этой поры такое действие стало обрядом, означавшим первый этап взросления ребёнка.

Однажды, когда она находилась у себя, неожиданно вошёл Руса. Он был свеж и бодр, от него несло сырой прохладой, заполняя всё помещение, но его глаза горели сильнее обычного.

– Выйди к воротам, Далайя. Посмотри. Ты будешь очень рада, – он пропустил её в дверях.

Во дворе все без исключения столпились в стороне ворот. Протиснувшись сквозь них, Далайя замерла от удивления. Посреди отворённых створок, высунув язык, стоял рыжий пёс. Она не поверила своим глазам. Он был огромен. Над его широкой грудью, бугрящейся мускулами даже под плотной шерстью, на сильной шее крепко сидела большая голова. Его толстые, длинные лапы напоминали собой вкопанные столбцы. Стоило появиться женщине, как вдруг, вильнув коротким хвостом, он сразу подошёл к ней, принялся и задрал голову. Она присела, погладила его по шее и очень нежно и тепло прижала голову к своей груди, ощущая его мощь. Он не противился, но быстро вырвавшись, побежал за ворота, легко и уверенно неся могучее тело. Люди замерли, не желая вспугнуть его и помня, как он однажды исчез, оставив их в замешательстве. Вскоре он вновь появился и остановился, оглядываясь назад. Все затаили дыхание, понимая, что он кого-то ожидает. То, что они увидели дальше, было поразительным. К рыжему, часто приносясь к земле, а затем и к створкам ворот, пугливо подошла волчица. Следом за ней, смешно раскачиваясь из стороны в сторону, бежали трое пузатых щенят-полукровок. Все они были столь диковинного забавного вида и окраса, что сразу восхитили людей.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

По велению Далайи египтяне изготовили камень, подобный тому, что был установлен на могиле Рушти, рельефно изобразив на нём человека-воина. Его с наступлением тёплых дней она намеревалась доставить к месту захоронения славного Дантала. Её изначальное желание подготовить здесь же, в крепости, такой же камень для кургана царицы Томирис и тем самым увековечить память о ней было резонно отвергнуто Русой. Отсюда, из такой дали, было почти невозможно доставить в сакские степи тяжёлое весом творение, и тогда было решено при летнем посещении кочевий взять с собой мастеров, дабы там, на месте, они могли его изваять.

В ущелье уже растаяли последние снега, и оно стало доступным для прохождения путниками. Как и прежде, там был выставлен сменный дозор.

В дальнюю расщелину, где осенью впервые находилась охрана, теперь также собирался отряд.

Руса решил лично отвести его туда и заодно осмотреть все пастбища и всю округу.

Наступало время посева.

Десять воинов были готовы выступить в путь и тщательно проверяли навьюченных лошадей.

Женщины с детьми стояли посреди двора. Руса, подойдя к ним, молча взглянул на Далайю, затем, присев перед малышами,

поочерёдно нежно прикоснулся широкой ладонью к изящным головкам девочек, подхватил на руки Дантала и поднялся.

– Ты смотри, какой тяжёлый стал! – улыбаясь, произнёс он, бережно подкинув его вверх и опустив на землю.

Сотник Даг, до самого последнего мгновения не выдававший даже малейшего желания идти вместе с ним, вдруг изменил своё решение и, быстро подготовившись, выступил с отрядом из крепости.

Земля, особенно в лесу, была ещё очень сырой, и, когда приходилось следовать по тенистой окраине, влага неприятно хлюпала под копытами лошадей. Дни уже были гораздо длиннее и суше. Тёплый ветерок изредка пробегал по долине, освежая воздух своим дуновением, бодря людей и животных. После долгой зимней жизни взаперти в крепостных стенах дорога среди расцветающей природы была, как никогда, желанной и радостной.

Вскоре на их пути показался табун. Встревожённые было его охранники, разглядев приближающихся к ним всадников, быстро успокоились и продолжили свою работу, разъехавшись по местам. Следуя мимо них и стараясь не беспокоить животных, Руса и Даг сразу увидели одиноко стоявшего в стороне жеребца. Он, высоко задрав гривастую голову, внимательно смотрел на них, при этом широко раздувая влажные ноздри. «Надо же! Ему всё нипочём. Совсем не изменился. Красавец!» – почти одинаково подумали о нём оба воина, искренне восхищаясь.

Прибыв к горному проходу, все спешили и, прежде чем приступить к обустройству, решили осмотреть тропу и окрестности.

Взяв с собой троих воинов, Руса и Даг стали подниматься в горы, внимательно оглядывая подножье.

Шедший впереди Руса уже в начале тропы увидел огромные медвежьи следы. Присев и потрогав их пальцами, он определил, что они были свежими. Судя по всему, зверь продвигался с их стороны. Пройдя чуть дальше, он увидел следы человеческих ног. Это сильно удивило всех и одновременно насторожило. Такого не могло быть, но и ошибки не было. Воины изготовили

луки. Теперь все они продвигались вдвойне тише и ещё осторожнее, зорко осматривая скалистые стороны.

– Похоже на то, что медведь и человек недавно повстречались на этой тропе, причём человек появился с другой стороны, – подметил Руса.

На одном участке, почти на самой середине тропы, было отчётливо натоптано, и здесь же, поверх следов, была кровь, что свидетельствовало об их столкновении. С этого места человеческие следы вели обратно. Зверь же не менял направления и следовал за ним.

Кому из них принадлежала пролитая кровь, сейчас определить было невозможно, но пятна виднелись повсюду и тянулись до самого конца тропы, туда, где она, расширяясь, вела вниз. Несильные сквозные ветра мешали слуху. Остановившись, Руса поднял руку. Все замерли. Приставив ладонь к уху, он стал прислушиваться. В том, что где-то рядом, у горного подножья, в лесу, находится медведь, теперь ни у кого сомнений не было. Его злобное рычание уловили все.

Стали медленно спускаться. Влажный густой лес подступал близко к скалам. Под кронами деревьев было очень темно, что затрудняло поиск по следам. Определяя направление по звукам, издаваемым зверем, они вскоре обнаружили его. Огромный чёрный медведь, сильно припадая на переднюю правую лапу, громко и часто рыча, медленно продвигался в глубь леса, изредка поднимая голову, при этом втягивая воздух подрагивающим вытянутым носом. Стало понятно, что он был ранен, но, несмотря на это, шёл, явно преследуя кого-то, так как ничто в его движениях не напоминало бегства.

Отстав от него на пару десятков шагов, Руса и Даг решили выяснить, что за человек пытался пройти в их долину. Через некоторое время им удалось увидеть преследуемого, а вернее, преследуемых. Трое мужчин, с трудом придерживая под руки ещё одного, сильно спеша, пытались уйти от зверя, но он постепенно настигал их. Теперь, пройдя за ними ещё пару сотен шагов, Руса, Даг и их воины видели, что отступавшие выдыхались, а расстояние между ними и зверем быстро сокращалось.

Медведь перешёл на быстрый бег. Его мощные мускулы при каждом движении перекачивались под густой шерстью. Медлить было нельзя. Приблизившись, Руся и Даг, оба лишь на мгновение замерев, выпустили по хищнику стрелы. С небольшим отставанием от них выстрелили и остальные воины. Зверь, словно подкошенный, не успев опуститься на передние лапы, огромной головой уткнулся в землю, колыхнулся всем телом и затих. Две стрелы, войдя очень глубоко, торчали между его лопатками. Три другие вошли в него чуть ниже.

Пробежав мимо него, все устремились за людьми и вскоре настигли их. Те обессилело лежали за деревом. Один из них, видимо тот, кого тащили, лежал лицом вниз. Руся присел возле него. Судя по всему, он был сильно ранен. Одежда на нём была разорвана во многих местах. Всё это вместе взятое: и его раны, и его внешний вид – указывало на то, что именно он был на горной тропе и повстречался с медведем. Взяв раненого за плечо и левую руку, Руся стал переворачивать его на спину. Тот был жив, но выглядел очень плохо. Едва уловимое дыхание свидетельствовало о его тяжёлом состоянии. Его заросшее лицо, шею и грудь покрывала запёкшаяся кровь.

Руся поднялся и взглянул на других чужаков. Все трое внешне были очень схожи между собой, и даже их облачение и обувь, сильно напоминавшие сакские, ничем не отличались, но здесь, в темноте затруднительно было рассмотреть их более тщательно. Измождённые, сильно обросшие, в изрядно изношенной одежде, они выглядели очень жалкими. Мечи, отобранные у них воинами, также были сакскими. У одного был лук, но стрел не было.

«Видимо, поэтому они не могли одолеть зверя», – догадался Руся.

Даг, как и все, молчал.

Нужно было уходить обратно до наступления ночи, и лишь потом всё прояснять.

Повелев одному из своих людей срочно привести из лагеря лошадей к окраине леса, а двум другим поднять и нести раненого, сотник взглянул на Русу, тот кивнул.

Двинулись обратно к тропе. У входа в расщелину их ожидали четверо воинов с лошадьми. Погрузив самого немощного на одну из них, предоставив остальных троем изнурённым незнакомцам, вытянувшись по тропе вереницей, они направились на другую сторону гор.

– Завтра поутру заберём тушу медведя и разберёмся с этими, – тихо произнёс Руса, обращаясь к подошедшему Дагу.

Два небольших костра тускло освещали небольшой лагерь.

Выставив охрану, доверив увечного его же товарищам и предоставив им войлочную подстилку, пару шерстяных накидок, воду и пищу, воины улеглись.

С первыми лучами солнца Руса подошёл к спящим чужакам и, присев у изголовья раненого, прислушался. Тот дышал. Тихо ступая, приблизился Даг.

– Послушай, Даг, этот человек кажется мне знакомым. Вот только пока не могу вспомнить, где я его видел? – прошептал Руса.

Сотник наклонился и стал пристально рассматривать лежащего, затем, взглянув в лицо товарища, пожал плечами, давая понять, что ему он не знаком.

Руса вновь склонился над раненым и, осенённый своим открытием, удивлённо произнёс:

– Это же Фардас! Тот самый карманиец, что когда-то встречался нам с Далайей! Помнишь, я говорил тебе о нём? Он наёмник.

– Так это тот воин, который сбежал зимой? – понял сотник. – Ну, дела! Откуда он здесь? Ты ведь говорил, что видел его в Кяте в рабстве?

– Если он выживет, то мы узнаем от него самого. Да и спутники его наверняка что-то прояснят, – твёрдо ответил Руса.

Взяв с собой четверых воинов, Даг отбыл за тушей медведя, чьё мясо было очень кстати оставляемому здесь отряду.

* * *

Фардас, хоть и пребывал вначале на грани жизни и смерти, всё же со временем с большим усилием пошёл на поправку. Как всегда, за ним чутко ухаживали сердобольные Зела и Мире.

Каждый из троих его спутников поведал о своём происхождении и о том, как они все попали в рабство и совершили побег. О раненом они рассказали лишь то, что им довелось услышать от него самого на долгом и тяжёлом пути после освобождения из плена. Его прошлой жизни они не знали. Осень и зиму они пережили в тех самых лесах за горами, где были обнаружены, куда и привела их дорога. Кормились они мясом лошадей, так как им ничего другого добыть не удавалось. Отчаянный Фардас, всегда решавший сам, что и как делать, тяготясь их ужасающим положением, в одиночку отправился на охоту и набрёл на медведя.

Случившееся дальше было известно.

Лишь через долгих десять дней и ночей Фардас стал приходить в себя. Он с трудом понимал происходящее, часто и надолго впадал в забытие.

Далайя интересовалась его состоянием, но к нему не подходила.

Остальные же трое греков: Бронт, Рупилий и Форкис – все находились в отведённом для них помещении, поначалу не покидая его, пока набирались сил и обретали человеческий вид. Понимая, что они попали не к врагам, однако не зная своих новых покровителей и, главное, своего будущего здесь, они держались настороже, хотя осознавали, что от них ничего уже не зависит. Им не запрещалось выходить во двор, осматривать крепость, вступать в беседы с людьми. Такое отношение к ним, как полагали они, было свидетельством либо глупой и излишней самоуверенности, либо настоящего, уже проверенного единства, царившего среди обитателей этого странного места.

В один из дней Фардас встал на ноги и с трудом, ощущая слабость во всём теле, опираясь на стены, вышел из строения. Заметив его появление, к нему тут же подбежали его товарищи, находившиеся в тени навеса. Он очень обрадовался им – настолько сильно, что и без того повлажневшие от ослепляющего света глаза ещё больше наполнились искрящейся слезой. Обессиленно опустившись на бревно, он долго не мог успокоиться, учащённо дыша и напряжённо осматривая своих спутников помутневшим взглядом.

- Где мы? – едва разлепив потрескавшиеся губы, спросил он.
- У своей спасительницы, – ответил Бронт.

По едва уловимой гримасе на лице Фардаса, видимо, изображавшей удивление, тот всё понял и пояснил:

- Её люди нашли нас пятнадцать дней назад и доставили в свою крепость.

- Сколько дней? – Фардасу не верилось в услышанное.

- Ты же умирал от увечий, полученных от медведя. Помнишь его? – старался объяснить Бронт.

Фардас слегка кивнул.

- Они убили его и нашли нас. Теперь мы и гости, и пленники, – Бронт удручённо окинул взором двор.

- Кто она? – тихо спросил Фардас.

- Её имя Далайя, – ответит тот.

- Далайя?! – Фардас подался вперёд, не отрывая глаз от Бронта.

Было видно, как ужас полыхнул в его взгляде.

- Да. Ты попал ко мне, – неожиданно раздался спокойный, но твёрдый женский голос.

Все тут же развернулись. Фардас поспешно поднялся с места. В двух шагах от них между Русой и сотником Дагом стояла Далайя. Её жёсткий, холодный взгляд был направлен на Фардаса. Она молчала.

Бронт, Рупилий и Форкис, до сих пор не видевшие её так близко, были поражены. Мгновенно всех троих охватили смешанные чувства. Восхищение красотой этой женщины, появившееся ещё при первом её созерцании, теперь переплелось с волнительным трепетом перед исходявшей от неё властью, который всё больше главенствовал в ощущениях, отчего кровь в их жилах заметно похолодела.

То, как она взидала на Фардаса, без лишних слов свидетельствовало о его огромном преступлении перед ней. На него было больно смотреть. Он вмиг стал каким-то маленьким, словно чем-то придавленным. Голова была опущена, руки безвольно свисали плетью. Таким его ещё никто из спутников не видел. Они были потрясены. Женщина продолжала молча смотреть на

него. Было заметно, что он всем своим существом чувствовал это. Собрав воедино остатки воли, огромным усилием сумев преодолеть невероятное давление, исходящее от её взора, он виновато поднял голову. Теперь весь его облик выражал лишь обречённость. Не выдержав дольше её взгляда, он медленно опустился перед ней на колени.

– Казнить, – голос Далайи был по-прежнему спокоен.

Она развернулась и с присущей ей грациозностью удалилась. Даг махнул рукой. Подбежавшие воины подхватили Фардаса под руки и поволокли за ворота, где в небольшом отдалении ударом меча отсекли ему голову. Его тело сбросили в пропасть, что находилась справа от крепости, в противоположной от захоронения Рушти стороне, дабы не осквернять его память.

Когда-то судьба наёмника Фардаса, не сумевшего однажды обуздать свою алчность, разменявшего жизнь простого сакского юноши по имени Ремиз на груды драгоценностей и возвысившего прихоть над искренним доверием, завела его в хорезмийское рабство. Затем она же, освободив его от оков, привела через голод и лишения в далёкую крепость, к обманутой женщине, где всё-таки покарала его, отняв у него самое дорогое – жизнь. Возмездие свершилось.

Часть четвертая

**«...И ВЗРАСТАЛА С ЛЕТАМИ
МОЛОДЬ»**

498 год до н. э.

Г Л А В А П Е Р В А Я

П

рошло двенадцать лет.

Памятные каменные изваяния, искусно изготовленные мастеровыми египтянами, уже давно были воздвигнуты на могилах царицы Томирис, славного вождя Дантала и мудрого Дахара – верховного правителя племён хаомаваргов.

Данталу в середине зимы исполнилось тринадцать лет.

Каждый год после окончания бурной весны, когда от снежных завалов освобождалось и открывалось ущелье, всюду подсыхала земля, а реки становились не столь полноводными, Далайя с Русой и сыном в строго установленные сроки посещали родные сакские кочевья. В отряд сопровождения, состоящий из двадцати человек, очень часто входили Саваш, двое сыновей сотника Дага и четверо старых товарищей давно погибшего десятника по имени Ремиз. Их появление в степи воспринималось с особым вниманием.

Её селение значительно расширилось. Осиротевших детей по-прежнему свозили туда и окружали заботой и лаской.

Изменившийся внешне, заметно обрюзгший верховный властитель массагетов царь Турпан всегда устраивал им пышные встречи, искренне радуясь возможности пообщаться с этой удивительной женщиной и её верным спутником.

Оповещённые заранее вожди всех племён к её прибытию в ставку уже находились там в ожидании встречи с ней.

Празднества длились три дня подряд, после чего жизнь вновь входила в прежнее русло, а Далайя с семьёй и свитой отправлялась к себе в селение.

По настоянию правителя Турпана уже с давних пор с ней в крепости постоянно находилась целая сотня воинов, которая при каждом посещении кочевий частью сменялась на других, дабы у молодых саков, входивших в её состав, была возможность обустроить личную жизнь.

В этот год, как обычно, завершив все необходимые весенние работы в крепости, они собрались в дальний путь.

Бронт, Рупилий и Форкис, поначалу испуганные казнью их спутника Фардаса и ожидавшие подобной по отношению к себе жестокой участи, были удивлены вполне человеческим отношением к ним. С каждым прожитым в крепости днём они всё больше втягивались в её спокойную жизнь, где главным для всех были общий добросовестный труд, взаимоуважение и дружелюбие.

Здесь никто никогда никого не притеснял и ничто не довле-ло ни над кем, кроме неожиданных случаев, требуемых быстро-го и волевого решения Далайи.

С самого утра каждый находил себе занятие по душе, чему увлечённо предавался до самой ночи.

Весёлые и очень звонкоголосые четырнадцатилетние девочки Приана и Лариан, унаследовавшие от своих матерей открытый нрав и сердечную доброту, были для всех замечательными помощницами.

Седовласый сотник Даг был по-прежнему крепок и бодр. Всякий в этом горном селении мог обратиться к нему, уверен-ный в том, что он всегда постарается понять его, справедливо рассудит любой спор и вдумчиво расценит любую ситуацию и, если в его силах и возможностях исполнить просьбу, никогда, что бы ни случилось, не откажет в этом никому, ссылаясь на занятость или иную причину.

Руся в последние два года заметно постарел и осунулся. Прежняя воинственная жизнь, очень насыщенная битвами, почти каждая из которых оставила памятные шрамы на его теле, теперь стала бурно проявляться болезненными отголосками,

всё больше главенствующими в соперничестве со здоровьем. Видя его состояние, не зная иных возможностей хоть как-то помочь ему, Далайя упорно продолжала предпринимать попытки уберечь его от проявившихся недугов, безустанно показывая его всем сведущим степным целителям и знахарям. Руса беспрекословно потакал её просьбам, при этом не скрывая от неё улыбки, понятливо и терпеливо исполняя её желания. Она видела и чувствовала его снисходительность, злясь на себя за бессилие и никчёмность предпринимаемых усилий.

Дантал почитал старших, но более всего любил свою мать. Он души не чаял в ней, улавливая детским наитием каждую малейшую перемену в её взгляде, жесте, интонации и поведении. Может быть, оттого, что в крепости, где он родился и рос, было мало женщин и много мужчин, он больше ценил то, в чём с малого детства было уютнее, теплее и как-то защищённее. В своём отце он чувствовал средоточие силы, причём какой-то дикой и всегда готовой вырваться наружу, и это очень пугало его, заставляя быть постоянно настороже. Хотя его страх и был беспричинным, но он в силу своего малолетства об этом попросту не мог знать, ошибочно принимая такое, казалось бы, обычное состояние родителя на свой счёт, думая, что оно направлено только по отношению к нему. Из всех мужчин он более всего выделял доброго Форкиса, к кому его сильно тянуло, с кем он всегда хотел общаться, за кем любил наблюдать.

Старый рыжий пёс, любимчик Далайи, чаще всего находился возле Форкиса, следовал за ним, отдыхал рядом с ним, и туда же подходило всё его огромное семейство вместе с его подругой старой волчицей.

Бывшие рабы уже давно забыли о своём страшном прошлом и были равноправными обитателями этого уединённого в горах селения. Благодарные судьбе и своим богам, они не покладая рук трудились для общего блага, которым и пользовались в равной степени наряду с другими.

Сама же Далайя внешне почти не изменилась, лишь волосы её осеребрились ещё сильнее, потеснив былую смоль. Но её внутренний мир расширился, и многое из того, что было для неё

когда-то таинственным и неизведанным, с годами прояснялось и становилось объяснимым, вызывая порой усмешку у неё же самой. Каждый человек, повстречавшийся на её жизненном пути, сам того не подозревая, вносил свой вклад в её познание мира, впрочем, как и любое событие, происходящее с ней, обогащало её житейский опыт, со временем накапливаясь и перерастая в нечто большее, чем просто ум, называемое среди старцев мудростью. Может быть, из-за того, что с возрастом всё меньше непонятного оставалось в этом ограниченном пространстве, в этой горной чаше, где она провела без малого шестнадцать лет, жизнь здесь становилась для неё не очень интересной и скучной, и её всё сильнее влекло в родные бескрайние степи.

* * *

Прошло шесть лет с той поры, как Персидская держава всецело завладела проливом Геллеспонт, соединяющим Эгейское и Мраморное моря, и завоевала острова Хиос и Самос.

В том числе минуло и два года со времени неудачного выступления против персов свободолюбивых греков-ионийцев, ставшего причиной для начала активных военных действий, развязанных царём Дарием I против их городов-государств.

Поддержка восставших Афинами послужила поводом для введения персидских войск в Грецию. Началась долгая, более чем полувековая, кровопролитная война.

* * *

О том, что теперь творилось в их стране, ни Бронт, ни Рупий, ни Форкис не знали. Мир, в котором они пребывали, был закрыт для проникновения в него каких-либо сведений извне.

Наступил день выступления в дальний путь.

Далайя, всегда ожидавшая его приближения с трепетным волнением, на этот раз была слегка раздражённой, но, несмотря на это, она ничем не выказывала своего нервного состояния, объясняя его, в первую очередь самой себе, сильными переживаниями за самочувствие Русы, заметно ухудшившееся в последнее время.

Он же, в свою очередь, всячески скрывал от всех окружающих свою нарастающую немощь, не желая видеть сочувствующие взгляды, особенно с её стороны.

Идти вместе с ними попросился и Форкис, чья душа истомилась в этом хоть и приятном, но заточении. Истинная и более весомая причина его просьбы таилась в другом. Она заключалась в обоюдной привязанности его и Дантала. Форкис не хотел надолго расставаться с ним, с этим удивительным мальчиком, кому был очень интересен мир, в который он, Форкис, когда-то пришел, в эту жизнь, мир бескрайнего морского простора, столь дорогого сердцу бывалого моряка. Этот совсем ещё юный человек проявил искренний интерес к его прошлой судьбе. Их влекло друг к другу как настоящих братьев. Форкису впервые очень хотелось заботиться о ком-то другом, и этим существом был маленький Дантал, чисто и всеобъемлюще овладевший его очерствевшей было душой.

* * *

Ранним утром небольшой отряд, состоящий всего из двадцати пяти всадников, спустившись в ущелье, быстро прошёл по нему до дальнего его выхода и выступил на открытые просторы.

К концу третьего дня пути он дошёл до святых мест, где находились могилы воинов саков и достославного Дантала. Почтив их память жертвоприношением, заколов коня, проведя ночь у невысоких курганов, значительно осевших за эти годы, отряд двинулся дальше.

Руса, как прежде, руководил воинами, направляя вперёд небольшие дозоры.

Через два дня, на протяжении которых совершались только короткие привалы, было решено остановиться на более длительный отдых. На этом под предлогом лёгкой усталости настояла сама Далайя, всю дорогу переживавшая за состояние Русы. Она понимала, что он не позволит себе такой слабости и что ей самой нужно сказываться немного утомлённой.

Расположились в небольшом урочище. Развьючив и расседлав лошадей, напоив их студёной водой в ручье, воздвигнули

навесы и разожгли костры. Выставив охрану, появился Руса. Он присел к огню, у которого разместились Далайя с сыном. Оставив родителей, Дантал вскоре убежал к Форкису. Вид у Русы был явно измождённый. Немного посидев,ковыряя веточкой в угольках, не притронувшись к еде, лишь испив воды, он молча прилёг.

Далайя наблюдала за ним. Её сердце сжималось от сострадания к нему. Душа в бессилии разрывалась, но помочь ему чем-либо она не могла. Он терял силы на глазах, даже не пытаясь восполнять их пищей. Скрывая подступавшие слёзы, она отворачивалась, украдкой вытирая глаза, стараясь не показывать предательски нарастающего отчаяния.

Наступила ночь. Небольшой лагерь погрузился в сон. Притомившийся за день Дантал, бережно принесённый Форкисом к родителям, сладко посапывал невдалеке от костра, лёжа на расстеленной мягкой шкуре.

Руса спал. Далайя, бесшумно ступая по мягкой траве, подошла к нему, тихо присела возле него, осторожно приподняла его голову и положила себе на колени. Бронзовая кожа на его похудевшем лице была испещрена множеством глубоких морщин. Она склонилась ниже, поправила слегка поддрагивающими пальцами его седые волнистые волосы и коснулась щекой его лба. Слёзы неожиданно и очень обильно покатились по её лицу. Она не успела их смахнуть, и несколько капель упали ему на веки. Он тут же открыл глаза и пристально посмотрел ей в лицо. Далайя замерла. Повернувшись на бок, упершись локтем в подстил, он приподнялся и нежно провел ладонью по её щеке, вытирая горячую влагу. Его добрый, полный тепла и невысказанных чувств волнительный взгляд в одно мгновение проник в её сердце, обогрев его своим жаром, плавно разливаясь по её душе потоками тысяч солнечных лучей. Далайя прижала его ладонь к лицу. Ей стало легче. Она прилегла рядом с ним, опустив голову на его вытянутую руку. Он бережно укрыл её, и через некоторое время они уснули.

Около полуночи Далайя проснулась. Русы возле неё не оказалось. Приподнявшись, она оглянулась. Он задумчиво сидел у ног спящего сына. Не показывая пробуждения, она повернулась на бок и прикрыла веки.

Ближе к утру ей стало трудно дышать. Она откинулась на спину и открыла глаза. Сердце бешено колотилось, будто что-то вспугнуло его. Приподнявшись, она посмотрела в сторону Дантала. Он безмятежно спал. Повернувшись к лежащему рядом Русе, потянувшись за откинутой накидкой, она невольно прислушалась. Не уловив его дыхания, она приложила ладонь к его лицу. Оно было холодным. Ещё не понимая того, что с ним случилось, Далайя присела на колени, низко склонилась над ним и приложила ухо к его устам, но он не дышал. Бережно приподняв его голову, она сильно прижала её к своей груди, потирая руками его щёки. Руса не подавал признаков жизни. Внезапно возникший ужас сковал её сердце. Лишь на миг замерев, она продолжила растирать его лицо, перейдя на шею и грудь, но всё было бесполезно. Руса был мёртв. Опустив его голову на колени, мгновенно утратив все силы, она тихо застонала. Услышав её, чуткий Форкис тут же вскочил на ноги и подбежал к ней. Он всё понял.

Вскоре все воины плотным кольцом скорбно стояли вокруг их костра, не смея потревожить даже малейшим шорохом звенящую тишину. Новый день, зарождаясь где-то далеко у горизонта, своим бледным отсветом уже оттеснял ночную темень небесного свода. В небольшом урочище только двое из всех продолжали лежать – сладко спящий сын и его отец, навсегда покинувший этот мир.

Словно окаменевшая, женщина ещё долго сидела возле тела супруга, продолжая обнимать его голову, будто пытаясь оградить его сон. Лишь к полудню её ослабевшие руки соскользнули с колен. Пробудившийся мальчик долго стоял за её спиной, касаясь её плеча, вглядываясь в неподвижное тело родителя, пока Форкис не отвёл его в сторону ручья. Невидящий взор Далайи был по-прежнему обращён к лицу Русы, пока не опустились отяжелевшие веки и не прикрыли её глаз.

* * *

К вечеру обмытое тело Русы было завернуто в ткань.

На почтительный тихий вопрос Саваша о дальнейшем направлении движения Далайя взглядом дала понять, что они возвращаются.

Продвигались очень быстро по ночной свежести, отыскивая на день тень, где можно было расположить тело в прохладе, при этом обкладывая его бурдюками с ледяной водой, постоянно сменяя её по мере потепления.

Лишь ненадолго в лунных сумерках остановились у могилы вождя Дантала. Далайя устало спешила, подошла к памятному камню и опустилась на землю.

Отряд в ожидании отошёл к ручью.

– Вот видишь, что произошло с нами? – женщина тихо начала своё общение с духом погребённого старого воина. – Я не смогла его уберечь. Ты, наверное, уже всё знаешь, и вы скоро встретитесь с Русой.

Она скорбно вздохнула и, задумавшись на мгновение, продолжила дрогнувшим голосом:

– В этом мире всё меньше и меньше остаётся близких мне людей. Вас сейчас там всё больше и больше, – она подняла голову, устремив взгляд в темное бездонное небо.

На её длинных ресницах дрожали тяжёлые капли.

– А я по-прежнему здесь, всё провожаю и провожаю вас туда, – она надолго замолчала, едва сдерживая плач и сильно прикусив нижнюю губу.

Посидев так какое-то время, она поднялась и, готовая вернуться, также тихо произнесла:

– Я так хочу к вам, но мне, похоже, пока нельзя. Думаю, не так много дел осталось здесь и для меня. Вот управлюсь с ними, и мы обязательно встретимся, ведь я не могу покинуть своих людей, живущих в такой дали, не позаботясь об их будущем. К тому же совсем ещё мал наш мальчик.

* * *

Ранним утром на перевале в конце ущелья их встретил дозор. Воины, обрадованные возвращением Далайи, вдруг, увидев чьё-то завернутое тело, но ещё не зная, кто завершил свой жизненный путь, молча расступились перед ней и идущим отрядом, внимательно всматриваясь в проходящих мимо людей, пытаясь понять, кто скончался.

Не увидев среди них Русу, они были потрясены.

Один из них, запрыгнув на своего скакуна, обойдя спускающихся в долину людей, помчался в крепость со страшной вестью.

* * *

Свою последнюю ночь покойный Руса провёл в крепости, на родной земле, ставшей когда-то после долгих скитаний и странствий ему и его спутникам добрым приютом. В крепости, где они с Далайей прожили пусть недолгую, порой очень трудную, но счастливую жизнь... В крепости, где на свет появился их сын...

Он лежал на изготовленном для него смертном одре посреди двора, ярко освещённого кострами и факелами.

Надетые поверх белых, искусно сшитых одежд начищенные до сияющего блеска доспехи, когда-то обнаруженные среди грузов в захваченном караване, были его последним земным облачением, одеянием настоящего воина, прожившего славную и достойную жизнь.

Справа от изголовья его ложа сидела Далайя, напротив неё находился сотник Даг, держа на коленях Дантала, дальше восседали Бурчэ, Габу, Дуару, Саваш, Зубар, Кудас, Рупилий, Форкис и ещё несколько воинов и бывших рабов, старших годами.

Остальные стояли вокруг.

Чуть в стороне, за спиной Далайи, замерли Зела и Мире, сжимая в своих ладонях ручонки дочерей. Они беззвучно рыдали, сотрясаясь хрупкими телами. Здесь никто не утешал никого, поскольку горе было общим для всех.

Старый рыжий пёс, медленно обойдя сидящих, прилёг у ног Далайи, гордо подняв голову, высунув алый язык, часто и тяжело дыша.

На рассвете восемь воинов подняли на плечи деревянные носилки с низко свисающей с них ярко-красной тканью, поверх которой покоилось тело Русы.

Сменяя их поочерёдно, остальные воины следовали за Далайей и старшими, спускаясь вниз из крепостных ворот и поворачивая влево, в сторону захоронения Рушти, где также

недавно обрели покой покинувший во сне этот мир Бронт, немой египтянин Опрус и ещё двое бывших рабов.

У всех могильных холмов с восточной стороны были воздвигнуты памятные камни.

На днище просторной могилы, аккуратно вырытой и выдолбленной в каменной земле, в три слоя были постелены тщательно выделанные конские и овечьи шкуры. Ровно посередине опустили носилки с телом. Слева от них, на уровне плеча покойного, положили меч, чуть ниже колчан со стрелами. Справа расположили лук, копьё и плётку. Тяжёлый щит разместили у самых ног, облачённых в простые, но искусно сшитые сакские сапоги, ниже которых находились его седло и конская упряжь. Лёгкий ветерок развеивал седые локоны его волос, выступающие из-под железного шлема. Густые серебристые усы и борода были тщательно расчёсаны. По углам захоронения в большом количестве расставили различную посуду с зерном, множеством еды и чистой родниковой водой. Там же возле них были уложены небольшие кожаные мешки, набитые золотыми украшениями и слитками серебра.

Воины, находившиеся внизу и готовые накрыть тело белой тканью, в нерешительности поглядывали на Далайю, стоявшую на самом краю могилы и не сводившую глаз с Русы. Все замерли в ожидании. В какой-то момент она прикрыла веки. Это послужило сигналом для начала погребения. Ткань скрыла под собой и тело Русы, и всё то, что, по мнению людей, должно было пригодиться ему при переходе в другой мир. Далайя не открывала глаз. Стоящий рядом с ней Даг вдруг заметил, как она пошатнулась, и тут же быстро подался к ней, протянув руку, готовый удержать её от падения. Но женщина, слегка откинув голову, всё ещё не поднимая век, отстранила его, отвергнув предложенную помощь едва уловимым движением пальцев.

Ровные, подогнанные одно к одному брёвна уже закрывали верх могилы. Теперь наступила очередь укладывать каменные пласты.

Далайя открыла глаза.

«Не-е-ет!» – словно молния блеснула в её сознании.

Теперь Русы не стало окончательно. Острая боль кольнула в самое сердце женщины. Она пыталась поднять руку и прижать её к груди, но та не подчинилась, словно была чужой. Перед её глазами всё стало медленно расплываться, теряя свои формы и чёткие очертания, и всего лишь через какой-то миг весь мир вокруг неё завертелся, закружился и куда-то стремительно понёсся, не оставляя ей никакой возможности удержать сознание и устоять на ногах. Она запрокинула голову и стала плавно опускаться на землю. Следивший за ней Даг подхватил её на руки, со страхом вглядываясь в её лицо.

* * *

Двое суток Далайя не приходила в себя.

Все в крепости с надеждой поглядывали на выходивших из её покоев Зелу и Мире. Но те, опустив головы, молча проходили по своим делам.

Даг не знал, что ему делать, как поступить, чтобы облегчить участь женщины, и от этого не находил себе места. Его сыновья подносили ему еду, когда он устало опускался за стол под навесом, но он к ней не притрагивался. По ночам сотник не спал, дожидаясь утра, всё больше сидя у стены у входа в строение, поглаживая лохматую голову рыжего, не покидавшего его ни на миг. Никто не решался подходить к нему. Такое происходило не по причине страха, а из понимания старого воина, друга Далайи. Он сильно осунулся и очень заметно постарел, но не сдавался перед навалившимся горем и чувствовал, что не подошло ещё время давать команду о подготовке к новым похоронам. От самой такой мысли он зло отмахивался, словно отгонял какую-то нечисть, вставая и вышагивая по двору, пока не успокаивался и вновь не приседал у двери.

Утром третьего дня, когда Даг на миг задремал, его коснулась чья-то рука. Это была Зела. Он сразу подался к ней, с тревогой всматриваясь в её покрасневшие от бессонницы глаза, но увидев в них подобие улыбки, откинулся к стене, не веря, что произошло чудо. Тут же вскочив на ноги, он направился за ней.

Далайя по-прежнему лежала, но её глаза были открыты и смотрели на Дага. Взгляд был спокойным и осознанным. Подой-

дя ближе, сотник опустился на колено и провёл пальцами по её руке. Они долго молча оглядывали друг друга, словно не виделись целую вечность.

– Помоги мне встать, – ослабшим голосам попросила она, приподняв голову и слегка повернувшись к нему.

Он бережно завёл одну руку ей за спину, другой придерживая её под локоть. Далайя присела. К её лицу, покрывшемуся бисеринками пота, прилипли волнистые белоснежные волосы. Лишь теперь старый воин понял то, что так сильно взволновало его при первом взгляде на женщину. На её голове не было ни единого тёмного волоска. Ещё совсем недавно красивые, густые, иссиня-черные локоны, чуть тронутые сединой, так украшали её. Сейчас же они полностью сменили свой цвет.

– Что? – уловив его удивлённый взгляд, еле слышно спросила Далайя.

– Как ты себя чувствуешь? – тихо произнёс Даг.

Далайя не ответила и, с усилием приподняв правую руку, провела ею от уха к груди, перебирая пальцами волосы и поднимая на ладони прядь.

– Ты удивлён этим? – она посмотрела ему в глаза.

Даг смутился, но тут же честно ответил:

– Да.

– Оно не стоит того. Не волнуйся. Волосы забирают усталость души, не давая ей слабеть. Ты тоже седой, – она, улыбнувшись уголками губ, окинула взглядом его голову.

– Тебе нужно на свет. Я помогу, – сотник перевёл разговор, понимая, что ей тяжело осознавать своё новое состояние, новый облик.

– Как мой сын? – спросила она.

– Не беспокойся, с ним всё хорошо.

– Ты иди. Я скоро выйду к вам. Мне нужно немного привести себя в порядок.

Даг кивнул, направился было к выходу, но на полушаге остановился и обернулся:

– Да, ты ведь голодна? Что бы ты хотела поесть?

Душа старого воина ликovala, он был счастлив и очень хотел хоть чем-то порадовать её.

– Всё, что ты сочтёшь вкусным, – Далайя вновь, но уже иначе, не так грустно, улыбнулась.

– Я позову Зелу и Мире, – сотник вновь повернулся к двери и, очень довольный настроением женщины, вышел из помещения.

* * *

В тот же день Далайя в сопровождении Дага впервые после похорон Русы спустилась к его могиле и долго сидела возле неё. Общение с ним почему-то не удавалось. Зная его благородную душу, Далайя понимала, что это он, по своему обыкновению, продолжал оберегать её, ограждая от утомления её сердце, давая ей возможность окрепнуть, откладывая своё появление в её мыслях до полного её выздоровления. Она, как всегда, была благодарна ему.

На седьмой день после погребения были устроены поминки.

Все эти дни, и особенно теперь, люди были, как никогда, задумчивы и очень учтивы и внимательны друг к другу. Повсюду царили степенность и покой, особо отражавшие значимость происходящего и истинное отношение к усопшему.

Дантал украдкой поглядывал на мать, видя разительные перемены в её облике и чувствуя их в её поведении. Он быстро выросл, и то, что он не задавал по этому поводу вопросов Форкису, свидетельствовало о его понимании всего случившегося за это время.

Через десять дней двое оставшихся египтян изготовили могильный камень. Вся глубина уважения к Русе, вся потаённая людская боль отразилась в нём, в этом удивительном творении, столь чисто и точно передавшем как искреннее почтение к нему, так и состояние его души, всегда бывшей широкой и благородной.

Шесть лет назад покинувший этот мир их немой учитель и наставник умело передал им все таинства мастерства, и теперь наверняка, думали люди, он был доволен изваянием, взирая с небес.

Камень установили в присутствии всех обитателей крепости.

Далайя в одиночестве осталась возле него. Лишь теперь в полной мере всем своим существом, всем разумом она осознала

постигшую её утрату, понесённую ею невосполнимую потерю. От одной только мысли, что её Русы больше нет и уже никогда не будет, безмерная горечь охватила её с новой силой. До сих пор она не ощущала такой невыносимой душевной боли и не так отчётливо воспринимала его смерть. Пережитое ею очень тяжёлое недомогание, словно прикрытая дверь, не давало заглянуть ей дальше и понять всё случившееся до конца. Только сейчас, когда у неё хватило сил толкнуть её, настежь отворив перед собой проход, она увидела всё, что таилось за ней. Вмиг в ней исчезла надежда на встречу с ним, где-то в глубине души светившаяся маленькой искоркой все эти дни. Она погасла, заполнив всё тоской и холодом. Мир в одно мгновение опустел, став чуждым и безразличным. Придя в себя телесным здоровьем, Далайя долго не могла оправиться от душевного недуга.

* * *

На следующее лето она впервые не затевала беседу с сотником Дагом о посещении родных степей. Он ждал, что однажды она всё-таки начнёт сборы в путь, но этого не происходило. Такое её непривычное поведение одновременно и настораживало, и успокаивало его. Если первое объяснялось беспокойством о её сильной усталости, то второе было связано с тем, что дальняя дорога, в которую она прежде отправлялась, всегда беспокоила и тревожила его, и ему не очень хотелось расставаться с ней, пусть даже ненадолго. Памятуя о том, что почти во всех её походах в кочевье обязательно случалось что-то необычное и опасное, он в душе был рад, что хоть в это лето ничего подобного не произойдёт.

Дантал старался лишний раз не беспокоить мать, присматривая за ней со стороны. Форкис понимал его юную и отзывчивую душу и всегда стремился быть рядом с ним. Великое множество изготовленных им игрушечных кораблей всецело захватывали внимание мальчика, отвлекая от ненужных и пагубных в этом возрасте мыслей о проблемах взрослой жизни.

Далайя внимательно следила за развитием своего ребёнка, всячески поощряя все его увлечения как в познании

других языков и обретении навыков в кораблестроении, прививаемых греками, так и в овладении воинским искусством, чему обучали его саки. Интересными были и ремёсла, секретами которых охотно делились с ним мастеровые. Дантал с лёгкостью и явным удовольствием вникал во все поучения, играючи усваивая их, тем самым вводя в неописуемый восторг своих учителей и наставников.

* * *

Однажды, как это уже случилось раз очень давно, сотник Даг сообщил Далайе приятную новость. Его сыновья Зубар и Кудас изъявили желание соединить свои судьбы с Прианой и Лариан. Пригласив родителей девочек, она убедилась во взаимности чувств и желаний.

Вскоре для проведения подобающей церемонии был назначен день. Выбрав для будущих жён самые лучшие подарки из всех имеющихся у неё драгоценностей, Далайя, по заведённому когда-то ею же совместно с Дагом обычаю, свершила обряд. В полдень через двор к воротам крепости Приана и Лариан вели под уздцы скакунов с восседавшими на них мужьями, облачёнными в новые, подаренные Дагом, доспехи. Ровные ряды сакских воинов с двух сторон безмолвно взирали на них. В эту ночь молодые пары были вольны сами избрать свой жизненный путь.

* * *

Ближе к середине лета, взяв с собой Дантала, в сопровождении Дага Далайя отправилась к водопаду, дабы показать сыну место, где хранятся дары царицы. Сотник согласился находиться рядом с ними, но при этом поставил одно условие: она должна была предупредить о приближении к тайнику и оставить его на подступах, следуя дальше с сыном. Далайя, зная характер Дага, не стала настаивать на своём решении и возражать ему, согласившись с его предложением.

Юноша с интересом оглядывал окрестности, запоминая приметы, на которые указывала ему мать, как когда-то прежде ей показывал Руса.

Она никогда не переставала восхищаться тем, что отец Дантала делал всё основательно, и сейчас вновь убеждалась в этом, видя, что приметы не изменились со временем и были выбраны очень точно на многие года.

На окраине леса она остановила лошадь, взглянув на Дага.

Тот всё понял, огляделся и спешился.

– Я буду здесь ожидать вас, – кивнул он спутникам.

Они тронулись дальше.

Оставив лошадей на том самом месте, где не раз так поступал Руса, Далайя, взяв оружие, повела сына дальше.

Старый добрый друг водопад был уже слышен. Спустившись к нему, она взглянула на сына, идущего рядом, подошла к воде, присела, зачерпнула её ладонями и тут же бросила пригоршнями себе в лицо. Здесь было свежо и прохладно.

– Дантал, внимательно осмотри всю округу, – предложила она сыну, присаживаясь на знакомый покрытый мхом валун.

– Мама, я должен найти какое-нибудь местечко, удобное для тайника? – спросил он, перекрикивая шум воды.

– Да, постарайся, – серьёзно ответила Далайя.

– Можно пройтись? – вновь спросил юноша.

– Делай всё, что считаешь нужным.

Дантал осмотрелся окрест, после чего направился к подножью горы, в сторону водопада. Не подходя слишком близко, он остановился, оглядел ниспадающий поток и вскоре вернулся к матери.

– Что надумал? – громко спросила она.

– Я не нашёл тайник, – он заглянул матери в глаза. – Но я, кажется, догадываюсь, где он.

Далайя вопросительно и с интересом смотрела на него.

– Если там, за потоком, есть сухое место, я бы там устроил его, – он указал рукой на водопад.

Она улыбнулась и одобрительно кивнула головой.

– Пойдём, я покажу тебе ещё кое-что, – она поднялась и направилась к зарослям кустарников, что буйно разрослись слева от того места, где был не так давно Дантал.

– Посмотри там, только осторожно, – она показала рукой в их гушу.

Юноша раздвинул высокие стебли и скрылся среди них. Через некоторое время он появился, подошёл поближе к матери и сообщил:

– Там что-то лежит. Я не очень-то и понял, что это. Или это странный камень, или толстое бревно. Больше ничего не увидел.

– Это бревно. Его перекидывают от того берега под водопад и по нему проходят туда. Так делали с давних пор все сородичи твоего отца. Это их родовой тайник, а теперь и твой, – Далайя, склонившись к сыну, помогая себе жестами, объясняла ему подробности.

– Но ведь можно и вплавь? Зачем такое сооружение? – удивился сын.

– Сбоку крутые, неприступные берега, обратно не выбраться, но напор слабее. Там, куда падает вода, глубокое дно и очень сильный поток. Это опасно. Не каждый пройдёт его, – она посмотрела ему в глаза, пытаясь понять, всё ли он правильно усвоил.

Он кивнул, соглашаясь с её доводами.

– Пойдём. Нам пора возвращаться, – она повернулась к спуску.

– Я не смогу поднять его, – Дантал растерянно показал рукой в кусты.

– Скоро ты всё уже сможешь, – оглянувшись, выкрикнула мать.

* * *

Даг находился на месте. Прислонившись к стволу дерева, он отдышал в его тени. Рядом пасся его конь.

Обратный путь показался юноше гораздо короче.

У могилы Русы они сошли с лошадей, отпустили их и присели возле камня. Даг, недолго постояв рядом с ними, направился в сторону крепости, не желая мешать жене и сыну покойного наедине пообщаться с его душой.

– Руса, я показала нашему сыну твой родовой тайник и все приметы, оставленные тобой. По ним Дантал всегда найдёт его. Отныне, как ты и хотел, он принадлежит ему, – прошептала дрогнувшим голосом Далайя.

Дантал взглянул на неё. Ему впервые стало жаль её. Только здесь и сейчас он осознал в полную силу, как они дороги ему и что они оба значат для него. В его юной душе что-то не столь важное вдруг оттеснилось, уступая место новому, слегка тревожному чувству, через которое он иначе стал понимать своих родителей. Он ещё не мог знать, что с этого дня, с этого места его детство уже закончилось.

* * *

Через день около полуночи Дага разбудил встревоженный Бурчэ.

– Что случилось? – сотник уже был на ногах.

– Из дальнего дозора прибыл воин. Там, по другую сторону гор, что-то творится. Множество костров полыхают с прошлого вечера, – доложил тот.

– Кто такие? Прошли к нам? – облачаясь в доспехи, спросил Даг.

– Они в отдалении, за лесом. К горам пока никто не приближался. Но это было до его ухода, – ответил Бурчэ.

– Где воин? – сотник поспешил к выходу.

Во дворе возле коня в окружении стражи стоял гонец. Он слово в слово повторил сказанное Бурчэ.

– Подними тридцать воинов. Сам оставайся здесь. Пусть все будут наготове, – распорядился Даг, направляясь в покои Далайи.

Она вышла навстречу. Объяснив ей происходящее, сотник замер в ожидании.

– Там могут быть только персы. Значит, они дошли сюда. Что ж, этого следовало ожидать. Руса говорил об их приходе каждые три-четыре года, а прошло уже целых шестнадцать лет, – Далайя взглянула в глаза своему старому другу, сделала к нему шаг и обняла его.

Во дворе при тусклом освещении огней в полной готовности стояли тридцать саков. Ворота были настежь открыты.

Запрыгнув на коня, развернувшись перед Далайей, Даг направился к выходу из крепости. У ворот остающиеся воины

подавали каждому из уходящих братьев дополнительные колчаны с туго набитыми стрелами. По камням звонко зацокали копыта. Вскоре вновь воцарилась тишина. Отряд скрылся в тёмном проёме.

Все, кроме детей, были на ногах.

– Проверь, чтобы все приготовились. Усиль ближний дозор, – Далайя обратилась к Бурчэ и скрылась за дверью.

Уже через несколько мгновений она вышла обратно. На ней было боевое одеяние.

* * *

Задолго до первых лучей светила отряд во главе с сотником Дагом прибыл к расположению дальнего дозора. Двое из девяти оставшихся в этом месте воинов встретили его возле затушенных костров. Остальные находились в расщелине.

– Что там? – спешившись, спросил сотник у подошедших дозорных, кивнув в сторону гор.

– Пока тихо. К тропе никто не приближался. Они по-прежнему по ту сторону леса, – ответил один из них.

– Вы оба пока оставайтесь здесь с лошадьми. Все остальные следуйте за мной, – сотник быстро протиснулся сквозь заросли кустарника.

Пробежав почти всю тропу, они вышли к своим.

Небо заметно посветлело. Вдали, за горной грядой, зарождался новый день.

– Ну, что тут у вас? – Даг присел, вглядываясь в огни, что горели во множестве за лесом.

– Наши двое ушли туда. Скоро должны вернуться, – ответил десятник.

– Габу и вы все, – Даг оглянулся, – быстро тащите отовсюду камни и перекрывайте середину тропы. Сильно не шумите.

– Похоже, наши лазутчики уже возвращаются, – десятник слегка приподнялся, рассматривая внизу перелесок.

Из-за ближнего дерева в их сторону метнулись две тени. Вскоре стали слышны их шаги. Посланные на разведку саки вернулись.

Отдышавшись, один из них поведал:

– Мы прошли весь лес до самых костров. Это персы. Две сотни или же около этого. Там слишком много мошкары, вот они и разожгли столько костров, спасаясь от них.

Было видно, что лица и руки воинов сплошь покрыты припухлостями от укусов мелких кровососов.

– Не могу понять, почему они здесь остановились? Местность ведь не подходящая для стана, – размышлял Даг, покусывая ус.

– С нашей стороны у них нет никакого охранения, – произнёс второй пришедший воин.

Такое было тем более удивительным.

– Хорошо. Ступайте к остальным, – Даг внимательно всмотрелся в лес и направился обратно, прислав на это место двух других дозорных.

Работа продвигалась быстро. Камни уже были уложены почти в человеческий рост, но этого было недостаточно. Трудились до самого полудня. Сменив дозор, все спустились в лагерь, где приняли пищу и немного отдохнули. Вернувшись в расщелину, вновь взялись за работу. К вечеру тропа была перекрыта вдвое выше.

Осмотрев с двух сторон горные склоны, обнаружив в них скрытные ниши, Даг распределил по ним лучников. Теперь им не страшны были конные враги. Пешие становились также не столь опасны. Позиция была удобной для длительной обороны.

* * *

Верховный правитель массагетов Турпан, не дождавшись прихода Далайи и Русы, был удивлён и взволнован. Вызвав к себе одного из десятников, кому довелось в последнее время нести службу при них в далёкой горной крепости, он поручил ему собрать отряд из молодых воинов, что бывали там, и приказал ему быть готовым к скорому выступлению.

Прождав ещё пять дней и ночей с того дня, когда обычно прибывала Далайя, он повелел сотнику Коблану возглавить две сотни воинов, взять себе в помощники десятника по имени Ва-

лид, погрузить всё необходимое для дальней дороги и выступить на рассвете в поход.

* * *

Прошло два дня, но персы так и не появились в лесу, куда Даг не раз посылал своих лазутчиков.

Костры по-прежнему разжигались на их стороне.

На утро третьего дня направленные туда двое дозорных к полудню не вернулись.

Прождав их до самого заката, Даг понял, что с ними что-то случилось и, наверное, как он догадывался, самое худшее в такой ситуации.

* * *

Пробравшись почти до дальней окраины леса, двое молодых сакских лазутчиков уже отчётливо слышали голоса персов. Забравшись на дерево, они стали с высоты внимательно наблюдать за происходящим в их лагере. Решив, что им уже пора возвращаться в ущелье, они тихо спустились на землю и тут же были схвачены противником, незаметно обошедшим их сзади. Так внезапно навалившиеся на них воины не дали им возможности сражаться и, крепко связав верёвками, повели в свой стан.

Командующий их войсками статный чернобородый перс находился у своего шатра в окружении нескольких сотников. Рядом с ними, несмотря на жаркий день, горели большие костры. Подведя к нему пленных, ударами копий сбив их на колени, воины отступили, склонив головы. Саки молча взирали ему в лицо.

– Где их захватили? – спросил он.

– Здесь, рядом, в лесу. Они разглядывали лагерь, – слегка приподняв голову, ответил один из воинов.

– Откуда кочевники появились в этих краях? – вновь поинтересовался тот.

Все молчали.

– Узнайте, – приказал военачальник, развернулся и удалился в шатёр.

Пожилой перс, подойдя ближе к задержанным и задав им несколько вопросов на разных языках, так и не добившись ответов, виновато отошёл в сторону.

Начались пытки. Пленным были переломаны все пальцы рук, но они упорно молчали, до жуткого скрежета стиснув зубы. Теперь к их лицам и телам стали прикладываться раскалённые добела наконечники копий. Воздух наполнился запахом палёной плоти. Но и это не дало желаемых результатов. Вскоре у одного из саков не выдержало сердце. Резко дёрнувшись, он затих. Второму факелом выжгли глаз, но он продолжал молчать. Боль, захватившая всё его сознание ещё при первой пытке, мгновенно достигнув предела, уже не могла быть сильнее, что бы ни делали и как бы ни изошрялись захватчики. Все, кто присутствовал при этих ужасных действиях, были поражены невероятной выдержкой молодого воина.

Палачи, видя бесполезность всех своих усилий, уже не имели особого желания продолжать своё жуткое изуверское ремесло. Лишь только страх перед командующим заставлял их довести начатое дело до конца. Придерживая за ноги и туловище, они с хрустом вывернули ему обе руки, но и на этот раз он не проронил ни слова, даже стоном не выказывая страшных мук. Уставшие персы, тяжело дыша, стали отходить в сторону, стараясь не смотреть друг другу в глаза. В этот момент до них донёсся странный булькающий звук, издаваемый изуверенным пленником. Они тут же бросились к нему. То, что они увидели, вновь потрясло их. Он лежал на спине. Из его рта, пульсируя, обильно вытекала тёмная кровь, заливая нижнюю часть лица и шею, а прямо посреди обожжённой груди лежал откушенный и выплюнутый язык.

– Эх, жаль. Не успели мы. Он боялся, что не выдержит дольше, – с досадой махнув рукой, произнёс сотник.

И он отчасти был прав, так как сакский воин был ещё очень юн и дожил лишь до своего восемнадцатого лета. Больше к нему никто не притронулся. Вскоре он умер.

О таком завершении допроса было доложено командующему. Вопреки ожиданию, он не стал гневаться. Задумавшись на

мгновение, он повелел скрытно осмотреть лес и особенно подножье гор, расположенное за ним.

* * *

На следующее утро Дагу сообщили, что в лесу появились персидские воины, продвигающиеся в эту сторону. Прибыв к дальней окраине тропы, затаившись вместе с дозорными за валунами, он стал пристально всматриваться в заросли. То, что персы не знают об этой расщелине, стало понятно после того, как он увидел нескольких из них на довольно большом расстоянии от этого места.

«Мои люди предпочтут предательству смерть. Иного не дано. Персы ничего не смогли добиться от них. Поэтому, наверняка, уже казнили их, иначе привели бы их сюда. Только по этой причине они решили осмотреть предгорье. Теперь нам следует не проявить себя преждевременно», – думал Даг, где-то в душе надеясь на их скорый уход.

Через некоторое время персы появились и у ближних деревьев, скрываясь за их стволами, рассматривая скалы, зорко оглядывая каждую трещинку. Даг увидел, как один из них показал рукой в его сторону. Персы всё-таки обнаружили подъём в расщелину.

– Уходим за завал, – шепнул он, продолжая разглядывать пришельцев.

Те не выходили, видимо, боясь идти малым числом, ожидая подхода остальных. Больше не теряя времени, саки, низко пригибаясь, стали бесшумно отступать к каменному завалу. Перебравшись через него, Даг рукой подал предупреждающий сигнал лучникам, затаившимся наверху с обеих сторон. Одного из находящихся рядом воинов он послал в лагерь за всеми остальными.

Ждать пришлось недолго. Снизу слышались шаркающие шаги. Персы осторожно поднимались в расщелину, видимо, как понял Даг, уже заметив тропу. Медленно ступая, держа наготове мечи, оглядываясь по сторонам, они приближались к завалу. Дагу пока невозможно было определить, сколько их поднима-

лось сюда, но этих, что подходили, было десятка полтора. До завала оставалось несколько шагов. Почувствовав опасность, исходившую от него, они остановились. Даг взглянул вверх, но команды стрелять пока не подавал. Ещё столько же персов присоединилось к первым. Дольше выжидать не следовало.

Сотник оглянулся, увидел вдали своих людей, идущих из лагеря, и жестом запретил им приближаться. Те тут же скрылись. Вновь вскинув голову, он махнул рукой. В одно мгновение два десятка стрел, выпущенных с высоты с обеих сторон, со свистом впились в тела персов, опрокидывая их на землю. Не дав им опомниться, саки быстро выпустили ещё по одной стреле. Даг, обнажив меч, взобрался на завал. Добивать было некого.

– Посмотрите, нет ли других у подъёма, – повелел он, спускаясь к поверженному врагу.

Несколько воинов, огибая лежащих, устремились к дальней окраине ущелья. Вдруг кто-то из раненых персов пронзительно заорал, предупреждая собратьев. Обнаружив его, метнувшись к нему, наступая на тела, один из саков коротким ударом отсек ему голову. Воцарилась тишина. Даг быстро побежал дальше по тропе. Добежав до направленных туда людей, он увидел внизу двоих персов, лежащих на траве с торчащими в спинах стрелами, так и не достигнувших спасительного леса. Остальным всё же удалось скрыться среди деревьев.

– Останьтесь здесь, – приказал сотник, направляясь обратно.

Подоспевшие из лагеря воины уже собирали оружие.

– Тела сбросьте вон туда, – он показал рукой за спину. – Габу, пусть принесут побольше воды. Подай её со стрелами им наверх. Отправь гонца к Далайе. Скоро начнётся.

К полудню через лес продвигались войска противника. Их было не меньше сотни.

* * *

Далайя в ожидании вестей сидела за столом под навесом. Семейство рыжего, как бывало прежде, возлегало у колодца. Целая свора, состоящая из тринадцати взрослых щенят-полукровок, высунув языки, вертела головами в разные стороны, отгоняя

надоедливых мух. Сам же рыжий лежал у ног женщины. Он постарел, но был ещё довольно силён. Она смотрела на него. Рыжим его окрас уже нельзя было назвать. Он был каким-то светло-серым, словно выцветшим.

«Ты тоже поседел», – грустно подумала Далайя, невольно сравнив его с собой.

У него за эти годы было множество потомков, но большинство из них почему-то не выжило.

– Похоже, прибыл гонец от Дага, – громко произнёс Бурчэ, стоявший у раскрытых ворот.

Далайя встрепелась. На душе стало ещё тревожнее. Она поднялась и подошла к нему. Гонец быстро приблизился, склонил перед ней голову и поведал обо всём, что происходило в дальнем ущелье.

– Отдохни с дороги, – выслушав его, спокойно повелела она, после чего вернулась под навес, присела и задумалась.

Бурчэ стоял перед ней в ожидании.

– Вот что, Бурчэ, – Далайя взглянула ему в глаза. – Двадцать воинов немедленно направь Дагу в помощь. Он сам никогда не попросит. Потом, через пять дней, если ничего плохого не произойдёт раньше этого срока, подготовь столько же воинов в дальнюю дорогу, в наши степи. Они будут сопровождать Зелу, Мире, Приану, Лариан и Дантала. Сыновья Дага и Саваш тоже пусть будут среди них. От Дага верни Габу, он тоже пойдёт. Каждому вели взять как можно больше лошадей, оружия, еды и воды. Погрузи всё, что есть ценного здесь. Всё. Ничего не оставляй.

Она ненадолго замолчала, собрала с мыслями и продолжила:

– Ты сам поведёшь их. Дуару пойдёт вместе с тобой. Да, захвати и греков.

– А как же ты? – осторожно спросил Бурчэ.

– За меня не беспокойся. Я знаю, что делаю. Иди. Нужно спешить.

Пять дней был тот срок, в течение которого всё уже должно было проясниться. Именно столько дней то количество саков, что имел при себе сотник Даг, могло продержаться в узкой расщелине против любого врага.

Персы, не меняя тактики, врываются в ущелье, стараясь как можно быстрее добраться до завала. Обнаружив затаившихся на скалах лучников противника, они стали дружно обстреливать их, выделив для этой цели сорок воинов-стрелков, прикрываемых щитами всех остальных, создавших собой живой коридор, постепенно сдвигавшийся вперед.

Не добившись преимущества, к вечеру они отступили, оставляя тела сраженных собратьев.

Из двадцати саков, что находились наверху на склонах, пятеро были убиты и трое ранены. Здесь, за завалом, потерь пока не было.

В наступивших сумерках Даг повелел всем спуститься вниз, немного отдохнуть и подкрепиться едой, сам же остался с Габу охранять завал, уверенный в том, что ночью персы не решатся на битву. К его удивлению, из крепости прибыло два десятка подкрепления и вместе с ними веление Далайи срочно направить к ней Габу. Попрощавшись с ним, Даг вернулся к завалу.

Отдохнувшие и прибывшие воины уже расположились по местам. С рассветом противник яростно атаковал. Весь день неся потери, обе стороны дрались на расстоянии, выпуская тьму стрел, перебрасываясь короткими копьями, не уступая друг другу. И на этот раз персы отступили с темнотой, не сумев приблизиться к сакам, засевшим за камнями.

За два дня сражения из шестидесяти воинов, имевшихся у Дага, в живых осталось сорок два. Враги же лишились почти половины своей сотни, но Даг знал, что они могли получить помощь в любой момент.

Ночь прошла спокойно, предоставив сакам возможность забрать тела погибших собратьев и немного отдохнуть. На другой стороне леса по-прежнему пылали костры.

Утром, к удивлению защитников ущелья, противник не появился. Выждав некоторое время, недоумевающий Даг направил в сторону врага двоих лазутчиков с целью разведать обстановку. Те вернулись, сообщив, что персов нет.

– Странно всё это, – размышлял сотник. – Обойти они нас не могут. Уйти тоже. Всю ночь горели их костры. Сил для битвы у них достаточно. Ничего не понимаю.

– Даг, позволь, я попробую что-нибудь разузнать, – попросился один из десятников.

– Сейчас нельзя. Если они не появятся до вечера, то тогда обязательно пойдёшь. Днём они видят весь этот склон. Ты не сможешь спуститься по нему незамеченным, – решил Даг.

С наступлением сумерек десятник ушёл. Вернулся он к полуночи, принесёв ещё более странную новость. У разожжённых костров никого не было. Персы ушли. Старому, многоопытному воину Дагу что-то подсказывало, что они задумали хитрость.

«Не могли они, потеряв столько своих воинов, отказаться от затеи проникнуть в долину. К тому же, кто-то ведь разжигает и поддерживает костры. Значит, не все они отошли. Наверняка, их войска находятся где-то рядом, рассчитывая выманить меня из ущелья», – думал он. Теперь ему оставалось только ждать.

* * *

Пропрощавшись со всеми отбывающими людьми, Далайя подвела к Данталу его скакуна. Юноша молча стоял перед ней, не сводя настороженного взгляда с её лица.

– Очень скоро я нагоню вас. Дождусь Дага, и мы вместе с ним придём следом за вами, – она провела ладонью по щеке сына, чутко вглядываясь в его глаза. – Возьми себе вот это, ты знаешь, кому он принадлежал и кто передал его мне. Теперь он твой по праву.

В руке Далайи лежал нож, подарок Томирис. Сделав шаг, он прижался к её груди, совсем по-детски обняв её.

– Пора, сынок, – погладив его по голове, тихо произнесла она.

– Хорошо, мама, – он отстранился, развернулся, не оглядываясь, ловко запрыгнул на коня.

Забрезжил рассвет. Все двинулись за ворота. Очень скоро вереница конных людей, груженных мулов и лошадей, выбираясь из тумана, что густо стелился по низине, уже поднималась к ущелью, где на перевале одиноко горел костёр дозорного отряда.

Двор опустел. Четырнадцать воинов и двенадцать бывших рабов, оставшихся в крепости, как-то сиротливо стояли вокруг Далайи, не отрывая глаз от удаляющегося каравана, вместе с которым убежало всё потомство рыжего пса, оставив с ним свою мать.

– Вот и всё. Так будет лучше для всех. Прощай, сынок. Да хранят тебя небеса, – прошептала Далайя.

* * *

Две сотни Коблана продвигались на запад по чужой земле, в точности исполняя приказ верховного правителя, осматривая каждый холм, каждое урочище, дабы не упустить ни единого следа, свидетельствовавшего о возможном пребывании там отряда Далайи и Русы, который до сих пор не появился в родной степи, как это было всегда, каждое лето.

* * *

Почти полторы сотни персов, оставившие десяток своих воинов для поддержания костров в бывшем лагере, таким образом пытаясь обмануть защитников ущелья, спешно следовали вдоль горной гряды, окаймляющей долину, в которую им так и не удалось пройти с южной стороны. Словно голодные звери, уловившие запах добычи, они, понимая, что просто так никто не станет оборонять проход, рыскали по подножьям гор в надежде обнаружить другой вход в долину, продвигаясь на северо-восток, с каждым днём всё быстрее приближаясь к главному ущелью.

Военачальник, кому было поручено найти и уничтожить грабителей караванов, так нагло и безнаказанно действовавших в последнее время, теперь был уверен, что именно там, за этими горами, находится главный лагерь разбойников. Он чувствовал это всем нутром. То, что ему в такой дали от степи попались кочевники, лишний раз убеждало его в собственной правоте. Ведь среди этих распоясавшихся грабителей был всякий сброд, и они, кочевники, по его мнению, не были исключением.

Незадолго до рассвета пятого дня пути, ведущего их вдоль подножий сплошных скал, сотник, старший передового дозор-

ного десятка, доложил ему, что невдалеке обнаружено глубокое ущелье, по его мнению, ведущее сквозь эти горы. Обрадованный таким известием, командующий тут же направил с ним полусотенный отряд. Теперь он был абсолютно уверен в ожидавшем его успехе и неспешно продолжил движение следом за ним.

Прибыв с подмогой к своим дозорным, сотник вскоре приблизился к ущелью. В это же время из него показались какие-то всадники. Увидев их издали, не зная, кто они такие, он остановил свой отряд. Бурчэ, шедший во главе каравана, заметил чьих-то вооружённых конников и, почувствовав исходящую от них опасность, тут же скомандовал своим людям быстрее выбирать-ся из ущелья. Оставив при себе несколько воинов, он встал с ними между караваном и неизвестным отрядом.

Густой предутренний туман не давал возможности как тем, так и другим лучше рассмотреть друг друга, но в этот раз он помогал сакам, чьи последние мулы, подгоняемые воинами, уже выскочили из теснины на простор.

Персы стояли неподвижно, утопая по грудь лошадей в вязкой, мутной кисее, пока не решаясь двинуться вперёд, не зная истинного количества возможного противника.

Саки же уходили всё дальше на восток, пользуясь замешательством неизвестно откуда взявшейся конницы непонятно чьих войск.

Дантал, внезапно осознавший, что появившиеся чужаки могут оказаться врагами и, пройдя межгорье, вторгнуться в крепость, где находится его мать, быстро развернул коня и помчался обратно. Находящиеся рядом с ним Форкис и Рупилий, заметив это, быстро осадили скакунов, развернули их к ущелью, лишь на миг отстав от мальчика, и понеслись следом за ним.

Не заметивший их исчезновения Бурчэ очень спешно уводил караван, стараясь оказаться как можно дальше от этого места.

Увидев проскочивших к расщелине троих всадников, персы поняли такой манёвр по-своему, полагая, что те устремились за помощью, и, не выжидая дольше, двинулись вперёд.

Послав следом за этой промелькнувшей троицей десять своих воинов, сотник персидского отряда повернул остальную

полусотню в восточную сторону, пытаясь догнать уходящих туда людей.

К Бурчэ, следовавшему во главе каравана, на полном скаку подлетел один из его воинов и сообщил, что их настигает конница чужаков. Повелев Габу взять Дантала, Дуару, Саваша и сыновей Дага и во что бы то ни стало увести караван подальше отсюда, он устремился обратно.

Пятнадцать саков с привычным для них диким воем с ходу врзались в самую гущу превосходящих сил персов, тут же опрокинув их и внеся в их ряды сумятицу. Завязалась битва. Растерявшиеся преследователи под ударами сакских акинаков один за другим валились с лошадей на землю. Вскоре они дрогнули и стали отступать.

* * *

Дантал спешил. Он видел, что за ним мчатся Форкис и Рупилий. Звонкий стук копыт, многократно усиленный эхом межгорья, вдруг стал ещё громче.

Чужаки ворвались за ними в ущелье. Поскольку оно с давних пор было очень знакомым и по-настоящему родным для гонимых, оно впервые служило им, став защитой для них, обретая иное спасительное значение, настораживая и сдерживая гонителей, сковывая их своим жутким и грозным величием, вселяя в них страх. Они отставали. Дантал влетел на перевал. Шестеро дозорных, понимая, что что-то произошло, вмиг окружили его. Они ещё не успели ничего спросить, как следом за ним появились Рупилий и Форкис.

– Там уже враги, – с трудом переводя дыхание, утирая пот, показывая рукой себе за спину, произнёс запыхавшийся юноша.

Площадка на перевале была очень тесной, отчего конным воинам не представлялось возможности развернуться на ней для битвы. Дозорные, быстро оценив ситуацию, бросились к скальным выступам и изготовились для стрельбы, зорко всматриваясь в тёмное днище ущелья. Один из них запалил костёр, подавая сигнал в крепость.

Появившиеся внизу преследователи в нерешительности остановились у самого подножья подъёма, выделяясь чёрными

силуэтами. Саки выжидали. Ближний к ним всадник стал медленно подниматься. За ним потянулись остальные. Выпущенные дозорными стрелы сразили первых троих, когда те были уже на середине пути. Повалившись на идущих за ними всадников, они сильно напугали их лошадей, сразу попятившихся по склону. Развернуться на узкой и крутой тропе персы не могли. Было видно, как они, оглядываясь по сторонам, с трудом сдерживали коней от опрокидывания.

Дантал, больше не медля, тревожно вглядываясь в сторону крепости, стал спускаться в долину, желая поскорее предупредить мать о нависшей над ней угрозе. Двое его спутников остались с дозорными. Почти на половине пути к крепости навстречу юноше на окраину леса выскочили стремительно мчащиеся воины.

Десятник, поравнявшись с ним, резко осадил своего скакуна и коротко спросил:

– Кто напавшие? Сколько их?

– За нами гналось с десятков, но там, за ущельем, их много. Откуда и кто они, я не знаю.

Десятник яростно хлестнул плёткой коня и заспешил на помощь к защитникам перевала. Когда Дантал преодолел подъём к крепостным воротам и оказался перед ними, они вдруг отворились, пропуская его, и вновь закрылись за его спиной. Далайя стояла посреди двора, словно и не покидала этого места с момента их расставания. Дантал, отпустив поводья, молча остановился перед ней. Четверо воинов находились по сторонам от ворот, остальные же люди полукругом стояли за её спиной.

– Мама, вам всем нужно уходить, – тихо произнёс он, не сводя с неё глаз.

– Что с караваном? – понимая его состояние, как можно сдержаннее спросила она.

– Мне кажется, что там, за ущельем, идёт сражение. Больше я ничего не знаю, – юноша виновато опустил голову.

– Подойди ко мне, – Далайя понимающе улыбнулась.

Дантал взглянул ей в глаза, быстро шагнул и встал ещё ближе к ней, судорожно сжимая в руке плетль. Далайя, слегка склонив голову на бок, внимательно рассматривала его лицо, нежно

прикасаясь пальцами к его волосам, выбившимся локонами из-под шлема в точности, как когда-то у его отца. Он был очень похож на Русу, лишь глаза были её, материнские.

– Ты не устал? – ласково спросила она.

– Нет, мама.

– Знаешь дорогу к Дагу?

– Да.

– Тогда спеши к нему и сообщи обо всём.

– Хорошо, – Дантал отстранился от матери, склонил перед ней голову, подхватил поводья своего коня, развернулся и направился к воротам, тут же распахнувшимся перед ним.

Далайя вышла за ворота и долго провожала его взглядом, убеждаясь в том, что он повёл своего скакуна в правильном направлении. Особой необходимости направлять сына к сотнику не было. Сейчас для неё важнее всего было увести его подальше отсюда, от этого места, где, возможно, очень скоро появится враг, и тогда шансов на его спасение уже может и не быть. Она поняла, что за противник напал на караван и появился в ущелье, отрезав выход из долины.

* * *

Подоспевшая персидская сотня без особых усилий окружила остатки небольшого сакского отряда. Раненый Бурчэ продолжал сражаться и вскоре остался один. Персы плотным кольцом обступили его, молча взирая издали. Его разгорячённый конь неустанно вертелся, испуганно тараща по сторонам влажные блестящие глаза. Бурчэ, озираясь, прыгнул на землю, держа одной рукой накоротке скользкие поводья, другой крепко сжимая липкую рукоять акинака. Стоя именно так под прикрытием скакуна, он мог избежать пленения брошенным арканом. Персы не приближались. У некоторых из них были снаряжённые луки.

Очень медленно, дабы не ускорять событий, Бурчэ стал шаг за шагом продвигаться по узкому кругу, почти на месте зорко вглядываясь в лица персов. В какой-то момент, почувствовав, что их терпению наступает конец, он резким ударом

вонзил меч прямо в грудь своего жеребца, отпустив поводья. От неожиданности скакун вздыбился, и в этот самый миг Бурчэ что есть сил обеими руками, крепко сжав акинак, ударил острым клинком себя в живот и ещё раз коротким толчком вонзил его как можно глубже. Конь, пошатнувшись, стал падать в сторону от него, но вдруг, сильно мотнув головой, разбрасывая кровавые слюни, он опустился на широко расставленные колени и через миг, коснувшись влажной мордой лица хозяина, упал возле него. Их глаза потускнели почти одновременно. Персы, не задерживаясь, двинулись к ущелью. Караван удалялся всё дальше и дальше. Спасительное время, вырванное у судьбы ценою жизни пятнадцати воинов, уводило его в недостижимую даль.

* * *

Сотник Даг, оставив десять воинов для охраны расщелины, спешил в крепость. Одинокого всадника он увидел ещё издали, но пока не мог разобрать, кто он. Вглядевшись внимательнее, он узнал в нём Дантала и сразу остановил своего коня, стараясь отдышаться и успокоить сердце, внезапно и дробно заколотившееся в груди. Подлетевший к нему юноша сообщил страшную весть. Сотник, привыкший за эти дни к невероятному напряжению всех сил, к своему удивлению, воспринял сказанное им так, словно уже знал это.

Не услышав того, чего он опасался больше всего, Даг почувствовал явное облегчение. Тревожное ощущение мгновенно покинуло его, будто тяжкая ноша свалилась с его плеч. Далайя была жива, а это было самым важным для него.

Следовало спешить. Половина дороги от крепости до дальнего дозора на момент встречи с Данталом была уже позади. Теперь такое же расстояние нужно было пройти как можно быстрее. Отряд летел что есть мочи, не смея больше медлить ни единого мига.

* * *

Четверо персов из тех десяти, что были ещё живы, не принимали больше попыток взобраться на перевал, охраняемый шестнадцатью саками и двумя греками.

Вскоре ущелье наполнилось грохотом ворвавшейся в неё персидской сотни. Сырое тёмное днище межгорья сразу обволокло её воинов заунывным, могильным холодом.

Получив примерные сведения о защитниках перевала, военачальник отдал приказ трём передовым десяткам штурмовать его в пешем порядке, прикрываясь щитами.

Начался подъём.

Вслед за ними были направлены ещё двадцать воинов.

Захватить этот переход персам следовало как можно быстрее, дабы ещё задолго до сумерек оказаться по другую сторону гор.

Пущенные саками стрелы всё чаще застревали во вражеских щитах, не причиняя им урона.

Персы стремительно поднимались вверх. Вскоре начался ближний бой с защитниками перевала.

* * *

Сотник Коблан получил донесение о том, что навстречу ему движется небольшой караван. Станным было другое. Его дозорные не заметили какой-либо охраны у этого каравана. Только приблизившись к нему, он увидел пятерых воинов, что вели коней в его головной части. Несколько приотстав от них, двигались четыре женщины. Больше никого не было.

Габу поднятой рукой остановил своих людей, ускорил бег скакуна и оказался перед Кобланом.

– Я послан верховным правителем Турпаном на поиски отряда Далайи и Русы. Моё имя Коблан, – рассматривая воина, произнёс сотник. Чуть помедлив, он удивлённо добавил: – Что случилось? Где Далайя и Руса? Где ваша охрана?

– Меня зовут Габу. А Русы больше нет. Он умер. Сейчас я исполняю волю Далайи, – Габу замолчал и оглянулся. Окинув уставшим взором караван, до сих пор недоумевая, куда исчез Дантал, тяжело вздохнув, он завершил: – Персы подошли к ущелью и напали на нас. Что там творится, я не знаю. Если ты выделишь охрану каравану, то я вернусь обратно.

– В таком случае нам нужно спешить, – понял его Коблан и тут же повелел десятнику взять двадцать пять воинов и сопроводить караван в ставку к царю.

Габу, Дуару, Зубар, Кудас и Саваш, все, попрощавшись с женщинами, вместе с отрядом Коблана помчались в сторону ущелья.

Караван продолжил свой путь на восток. По бокам от него, сторонясь лошадей, боясь удара их копыт, бежала свора полукровок – полусобак, полуволков.

* * *

С огромным усилием сдерживая натиск превосходящего врага, саки и двое греков яростно сражались на небольшой площадке перевала.

Персы, не желая оставаться на ночлег в этом страшном ущелье, что находилось за ними, напировали с удвоенной силой, но, даже преобладая числом, пока не могли сбросить защитников с этого клочка земли.

* * *

Наступал вечер. Даг с отрядом приближался к окраине леса, откуда ближе всего было до места сражения на перевале. Остановив коня, он прислушался. Оттуда отчётливо доносились звуки битвы.

– Дантал, следуй в крепость, сообщи о нашем приходе. Мы идём на подмогу туда, – он кивнул в сторону ущелья. – Да, ещё передай матери, что там, – он вновь кивнул, но уже в ту сторону, откуда пришёл с отрядом, – находятся десять наших воинов. Если здесь станет очень тяжело, уходите к ним. Ты всё понял, сынок?

– Да.

– Ну, тогда прощай, – развернув гарцующего скакуна, держав на миг внимательный взгляд на лице юноши, он тут же рванул с места.

Почти три десятка воинов устремились за ним.

Дантал второй раз за день возвращался в крепость.

* * *

Подоспевшая помощь была как нельзя кстати. Перевал защищали Рупий, Форкис и пятеро оставшихся саков. Вступившие сразу в сражение сотник Даг и его воины очень быстро вытеснили персов с перевала и опрокинули их обратно вниз, в ущелье, дав возможность отдохнуть изнемогавшим от усталости её защитникам.

Здесь, на небольшой высоте, было ещё по-дневному светло, но там внизу, в долине, уже начали сгущаться сумерки.

Площадку постарались очистить. Тела саков сложили по её сторонам, а убитых и раненых персов сбросили вниз, следом за их отступившими собратьями.

Даг понимал, что персы не останутся в ущелье на ночлег и не уйдут из него, а это означало лишь одно – они будут атаковать. Присев на камень, сотник подозвал к себе греков. Те молча опустились рядом с ним.

– Вот что я вам скажу, братья мои. Оба возвращайтесь в крепость. И что бы ни случилось на этом перевале, оберегайте Далайю и Дантала. Это моя последняя просьба к вам. Постарайтесь увести их к дальнему проходу, – вздохнув, произнёс он и замолчал.

– Позволь спросить. Почему мы?

– Вы не обязаны погибать за нас. Это был наш выбор. Спешите же. Прощайте, – Даг поднялся.

Греки тоже вскочили на ноги. Он обнял каждого из них. Вскоре персы вновь появились на перевале. Поток за потоком непрерывно прорывался наверх. Для саков наступали самые тяжёлые мгновения.

* * *

Далайя, встретив греков, поняла поступок старого друга Дага. В свою очередь, оставив из двенадцати бывших рабов лишь четверых, самых престарелых, остальных восьмерых вместе с четырьмя воинами она направила в помощь к нему, зная, что там они гораздо нужнее сейчас. Здесь уже ничего от них не зависело. Когда последний её резерв удалился, она обратилась к сыну и двум грекам:

– Вы все вместе немедленно уходите к дальней расщелине. Эти персы были там и не сумели пройти Дага. Обойдя горы, они пытаются через это ущелье войти в нашу долину, но вновь славный Даг встал на их пути. Я буду ждать его. В крепость не возвращайтесь. Прощайте.

Дантал, зная свою мать, видя с какой решительностью она высказала повеление, слыша стальные звуки в её голосе, понимал, что возражать либо предлагать что-то иное бессмысленно. Склонив перед ней головы, Рупилий, Форкис и юноша удалились. За воротами ещё отчётливо был различим лес, каждое его дерево. День пока оставлял свой свет, словно сочувствовал женщине, одиноко стоящей средь распахнутых ворот.

С замиранием сердца она пристально и поочерёдно вглядывалась то в спины удаляющейся тройки всадников, то в сторону перевала, откуда в любой момент мог выскочить вражеский отряд.

«Даг не всесильный. Он уже совершил гораздо больше, чем смог бы сделать простой смертный человек. Как жаль, что я его больше не увижу», – пронеслось у неё в голове.

Напряжённый взор Далайи слегка заволокло влажной пеленой. Она прикрыла глаза, избавляясь от слабости, и глубоко вздохнула. Подошедшие к ней с двух сторон рыжий пёс и старая волчица, будто желая отвлечь её от тяжких дум, слегка коснулись её и присели рядом. Склонившись, она погладила их по головам, развернулась и вошла во двор. Четверо старцев стали с трудом закрывать ворота.

– Оставьте их. Не нужно этого делать, – Далайя тронула египтянина за плечо. – Отдыхайте.

Они удивлённо посмотрели на неё, но ворота не стали закрывать. Старый камнетёс понятиливо кивнул, погладил по привычке бритую голову и, пошаркивая, направился к своему излюбленному месту, откуда вскоре стало доноситься тихое постукивание. Во дворе, как прежде, горело множество костров и факелов.

Присев за стол под навесом, женщина задумалась. Рыжий, лёжа у колодца, смотрел на женщину и видел, как она то, склонив голову, поглаживала ладонью столешницу, при этом улыбаясь, то вздыхала, сжимая пальцы в кулак. Он не мог знать того,

что всё это время её посещали разные думы и воспоминания, проносясь перед её глазами множеством событий, бередя её душу, трепетно волнуя её сердце.

* * *

Даг был поражён при виде подоспевшего к нему из крепости отряда, направленного Далайей. Он знал, что эти люди были последней её помощью, но свято верил в то, что с ней не должно случиться ничего плохого и её не коснётся беда, так как подле неё уже были греки, прошедшие множество дорог, умевшие выживать в самых сложных условиях и ситуациях. Только по этой причине он направил к ней именно их, а не саков, не знавших земель за горами. Теперь, в эти последние мгновения жизни, для него самыми главными оставались лишь три сокровенных желания: дольше продержаться, больше сразить врагов и дать возможность Далайе уйти к южному ущелью.

Персы одолевали числом. Кем-то из них нанесённый удар пришёлся сотнику в левое бедро. Он опустился на колено. Раненая нога больше не держала его. Отбиваясь длинным мечом, он сумел сразить ещё двоих противников, но вдруг чьё-то копьё прямо и очень сильно ударило ему в грудь. Оно пробило его доспехи и ледяным остриём наконечника вошло ему в самое сердце. Всего на миг Даг ощутил невероятное облегчение, но тут же его силы иссякли, и на него сразу навалилась темнота, быстро заволакивая его сознание. Покачнувшись, он рухнул под ноги сражающихся.

Вскоре персы завладели перевалом, ни один из защитников которого не покинул его. Потеряв убитыми и ранеными две трети своих воинов, они во главе с военачальником, спустившись обратно в ущелье и вскочив на лошадей, стали с опаской перебираться в долину, где уже царила ночь.

* * *

Очнувшись от дум, Далайя вдруг остро ощутила тревогу, внезапно захватившую всё её нутро. Оглянувшись по сторонам, она поднялась и направилась к своему скакуну. Похоже, и он

был встревожен. Ещё издали она заметила, как он часто перебирал передними ногами, с цокотом ударял копытами по камню, всхрапывал и вскидывал голову. Взяв его под уздцы, она вышла за ворота, ещё не зная, куда и зачем направляется.

Рыжий с волчицей шли рядом, тяжело ступая мягкими широкими лапами, так же, как и она, отбрасывая причудливые тени по склону.

Спустившись вниз, только здесь Далайя поняла, куда её потянуло и к кому захотелось ей приблизиться. Взглянув наверх, она увидела ярко освещённый кострами и факелами проём ворот, по бокам от которого начиналась густая темень. Ночь не была помехой. Могила Русы была не так далеко. Подойдя к ней, женщина опустилась на землю у черневшего силуэта камня.

Рыжий со своей спутницей прилёг чуть в стороне. Лишь частым дыханием они напоминали о себе. Конь заметно успокоился и стал пощипывать траву.

* * *

Увидев среди кромешной темноты огни в крепости, персы, осторожно петляя между деревьями, направили туда своих скакунов. Подобравшись к основанию подъёма, ведущего к воротам, они в нерешительности остановились. Им стало понятно, что верхом на конях туда не забраться. Ведя же их с собой на поводу, о стремительной атаке им не следовало даже и помышлять, так как по такой крутизне ничего у них попросту не получилось бы. К тому же открытые настежь ворота пугали воинов, заманивая в свой жуткий яркий проём, заставляя их невольно то сотрясаться от нервного озноба, что дрожью отдавался в руках и ногах, то сжиматься в комок от судорог, сводивших натруженные за день тела. Привыкшие везде и всюду устрашать всех и вся, сейчас они из-за нахлынувшей на них боязни не знали, как вести себя. Но, несмотря на это, пятерым из них по указанию их военачальника пришлось всё-таки взбираться наверх, оставив внизу своих скакунов.

По наступившей тишине Далайя догадалась, что там, на перевале, всё закончилось, причём не в пользу Дага, иначе, как она полагала, уже давно от него прибыл бы гонец. Оставалось ожидать прихода вражеских воинов. Она внимательно всматривалась в сторону подъёма к воротам. В какой-то момент она увидела их, крадущихся наверх. Тут же поднявшись, шепнув духу Русы: «Жди, я скоро вернусь», ловко взобравшись на коня, описав круг, она направилась туда, стараясь продвигаться как можно тише. Скрытно приблизившись к крепости, она остановилась.

Отсюда, снизу, ей было отчётливо видно, как пятеро персидских воинов, чрезмерно осторожничая, с опаской, медленно приближаются к распахнутым воротам. Скинув лук и быстро заложив стрелу, Далайя, долго не прицеливаясь, выпустила её в голову первого перса, затем в одно мгновение ею были сражены ещё двое задних воинов. Оставшиеся в живых плотно прижались к земле, скрывшись за густой порослью травы. Не выдержав напряжения, один из них стал разворачиваться, пытаясь ползком вернуться вниз к своим, но его неловких движений хватило для её меткого выстрела. Стрела вонзилась ему в бок. Пятого не было видно. Он мог отползти к дальней стороне и благополучно спуститься.

Вскоре Далайя поняла, что именно так он и поступил. Несколько стрел просвистели в воздухе возле неё. Заметить её они не могли, но по тому, откуда были убиты их воины, персы правильно определили место её расположения.

Рыжий и волчица находились рядом с ней, стараясь не попасть под копыта её коня. Они явно нервничали, всё чаще приносясь и бросая взгляды в сторону неприятеля.

Внезапно, словно кем-то ужаленный, взбрыкнул её скакун. Резким толчком он бросил мощное тело вперёд, да так, что всадница едва удержалась в седле. Она спрыгнула на землю и стала оглаживать его. Стрела торчала из его левого бедра, прямо в его середине. Мышцы в этом месте судорожно подрагивали, выжимая из-под кожи капли горячей крови. Рывком надломив стрелу у самого наконечника, она прижала к ране ладонь.

Пёс и волчица дружно зарычали, обошли коня, вздыбив воинственно на холках шерсть, оскалились и выступили вперёд. Далайя вновь запрыгнула в седло. Послышался приглушённый конский топот. Трое персов приблизились к ней на опасное расстояние. Почти одновременно с выпущенной ею стрелой рыжий и волчица в сильном прыжке вцепились в ноги двум крайним всадникам, стащив их на землю. Тот, что был в середине, схватившись руками за шею, куда и вошла стрела, издав булькающий хрип, также упал. Их кони, почуявшие ужасающий волчий запах, умчались в разные стороны, подальше от этого страшно-го места.

Далайя вновь спрыгнула на землю, выхватила свой меч и бросилась к дерущимся. В темноте она отчётливо расслышала какую-то возню, лязг железа и прерывистое звериное рычание. Кто-то пыхтел и стонал. Склонившись ниже над одним из огромных вертящихся клубков, она всё же не могла разобрать, где тело животного и где человек. В такой неразберихе, очень боясь причинить увечье псу или волчице, она медлила с ударом. Вскоре всё само по себе затихло, причём наступившая вдруг тишина была воистину мёртвой.

В том, что персы были убиты, она нисколько не сомневалась, но то, что случилось с рыжим и волчицей, она поняла несколько позже, когда на ощупь обнаружила в их телах торчащие мечи.

Теперь она осталась совсем одна. Медлить было нельзя. Подойдя к своему коню и погладив его рану, она взяла его под уздцы и повела обратно, к могиле Русы.

Прошло не так много времени, а семеро вражеских воинов были уже сражены ею и её двумя преданными друзьями – рыжим псом и его верной спутницей волчицей, каждый из которых так славно завершил свой долгий жизненный путь.

До самого рассвета персы не решались войти в крепость. Если бы они могли прознать, что в ней находится всего лишь какая-то беззащитная горстка немощных стариков, бывших рабов, а войну против них ведёт одинокая пятидесятилетняя сакская женщина, то они только от стыда из-за своего жалкого позорного положения немедленно ворвались бы внутрь.

Лишь только посветлел небосвод, персы, по-прежнему боясь западни в крепости, решили осмотреть всю округу, особенно ту сторону, где, по их мнению, находились вражеские лучники. То, что предстало их взорам в первую очередь, потрясло даже самого военачальника. В ночной схватке с ними приняли участие странного вида пёс и самая настоящая волчица. Такого им не доводилось видеть никогда. Вновь страх стал сковывать жутким холодком их дрогнувшие сердца. Всё, что творилось здесь, в этой долине и у этой крепости, с самого начала для персов было странным и непонятным. Одно то, что её защищали кочевники, неизвестно откуда взявшиеся в этих местах, уже свидетельствовало о необычности всего происходящего в этом уединённом мрачном краю.

Намереваясь скорее завладеть крепостью и захватить все ценности, хранящиеся в ней, полководец уже собрался отдать приказ на её штурм, как вдруг увидел в стороне от себя, в небольшом отдалении, у невысоких холмов, одинокого всадника, зорко наблюдавшего за ними. В том, что это именно он под покровом ночи убил столько его воинов, у персидского военачальника не было ни малейшего сомнения, более того, он был абсолютно уверен в этом.

– Взять его, – почти прошипел раздражённый перс.

Четверо воинов, не спеша, направились к нему. Выпущенные молниеносно одна за другой две стрелы опрокинули двоих из них. Оставшиеся двое замерли, оглядываясь на своего командующего. Тот ещё не успел произнести и слова, как две стрелы сразили наповал этих замешкавшихся воинов, с грохотом упавших в траву.

Очнувшийся от оцепенения полководец выхватил меч и с истеричным криком бросился в атаку. Следом за ним помчались и остальные. Далай потянулась за стрелами, но колчан был пуст. Отбросив его далеко в сторону, обойдя ещё раз вокруг могилы Русы, она прошептала ему напоследок:

– Жди меня. Я скоро приду к тебе.

Вытянув из ножен меч, она медленно двинулась навстречу врагу, не желая подпускать его к самому святому для неё месту.

Налетевший на неё военачальник, стремясь одним ударом покончить с ненавистным противником, вдруг промахнулся и, напоровшись животом на выставленное остриё её меча, проскочил мимо неё. Застонав, он подался вперёд, но тут же, опомнившись, оглянулся и натужно выкрикнул:

– Окружить. Не трогать. Я сам.

Пятнадцать персов охватили Далайю плотным кольцом. Её конь, потеряв за ночь много крови, был очень слаб и только чудом держался на ногах. Военачальник, приложив к животу ладонь, поднёс её к лицу. Она была вся в крови. Жить ему оставалось недолго. Он развернул скакуна и стал приближаться к ней. Далайя выжидала. Когда тот решился на удар, она отклонилась и что есть сил, со всего замаха, в ответ нанесла удар. Его голова, гулко ударившись о землю, откатилась под копыта одного из воинов, чей конь, напугавшись, вздыбился.

Вновь воспользовавшись замешательством, возникшим среди персов, Далайя промчалась между ними, приблизилась к могиле Русы и спрыгнула на землю. Обхватив голову своего скакуна, она прижалась к ней щекой, вдыхая его терпкий запах.

– Ты самый лучший конь на всей земле. Я всегда буду помнить о тебе, – отстранившись от него, она нежно похлопала по его шее и оттолкнула. – Теперь беги отсюда. Тебе не нужно видеть остального.

Тот, фыркнув, прихрамывая, медленно побрёл в сторону.

Первые две стрелы вошли прямо в сердце женщины одна за другой. Остальные она уже не чувствовала. Персы, доведённые страхом почти до отчаяния, не приближались к ней, продолжая опорожнять колчаны на расстоянии, вымещая трусливую месть на мёртвом теле.

Далайя лежала у самого подножья небольшого кургана, под которым покоился её муж. Один за другим попрыгав на землю с лошадей, с опаской оглядываясь по сторонам, персы, с явным усилием преодолевая охвативший их ужас, очень осторожно приблизились к телу поверженного ими врага.

– Так это женщина! – воскликнул один из них, отшатнувшись назад.

Все замерли. Шлем Далайи находился недалеко от неё, откатившись под склон могильного холма. Голова женщины была запрокинута. Седые пряди её волос под лёгким дуновением свежего ветерка мягко шевелились, прикрывая локонами нижнюю половину лица. Красивые глаза тускло смотрели в небо.

* * *

Стараясь как можно быстрее покинуть эту дикую местность, остатки персидского отряда ворвались в крепость. Изрубить четверых стариков для них не составило большого труда. Поиски несметных богатств, как они ни старались, результатов не дали и не оправдали их надежд. Всюду, во всех помещениях, царили уныние и пустота.

* * *

Достигнув места самого первого сражения, где пали смертью храбрых пятнадцать защитников каравана во главе с Бурчэ, Коблан, оставив там два десятка воинов для свершения погребения, двинулся дальше. При входе в ущелье он выставил заслон из тридцати всадников. Перейдя его с остальными воинами, он стал преодолевать перевал. На его площадке среди множества убитых воинов, как сакских, так и персидских, нашли тело сотника Дага. Оставив и здесь тридцать воинов, Коблан ворвался в долину. Пройдя скорым ходом ближнюю окраину леса, он оказался у подъёма в крепость. Персы были захвачены врасплох. С ними было покончено.

Габу, Дуару, Саваш, Забур и Кудас тщательно осмотрели всю крепость, но ни Далайю, ни Дантала так и не нашли.

– Идите сюда! – вдруг выкрикнул Габу.

Все подошли к нему. Он стоял возле убитого камнетёса-египтянина. Тот лежал на животе, вытянув в стороны руки, сжимая в них свои нехитрые инструменты, и прикрывал собою свою последнюю работу. Сильный удар меча пришёлся ему прямо по темени, раскроив череп.

Пригнувшись к нему и осторожно приподняв его почти невесомое тело, воины увидели лежащий под ним камень, наполовину испачканный кровью.

На нём был выбит барельеф женщины.

Последнее творение бывшего раба посвящалось самому доброму и удивительному человеку, которого ему довелось повстречать задолго до заката своей однообразной и трудной жизни, властительнице, подарившей ему ровно столько свободы, сколько имела сама, вольнолюбивой, гордой массагетской женщине с прекрасным именем Далайя.

Лишь дважды ему довелось ваять нечто подобное: однажды по её просьбе для царицы Томирис, теперь по своей воле для неё самой.

Он спешил успеть завершить начатое, пока ещё были силы, но не мог знать, что переживёт её всего на несколько мгновений.

Э П И Л О Г

Тело Далайи было предано земле по всем сакским обычаям. Она обрела покой в далёкой, но ставшей для неё родной земле, возле самого дорогого ей человека. Теперь на кладбище было захоронено гораздо больше людей, нежели осталось в живых, когда-то пришедших сюда. Все, кого она пыталась и сумела спасти, уходили в земли предков. Все, кроме одного, её сына Дантала. Никто о нём ничего не знал. Мать и славный сотник Даг унесли с собой эту тайну.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
Пролог.....	7

Часть первая
«...И В МИРАХ ВСЁ СТРЕМИЛОСЬ КУДА-ТО»
523 год до н.э.

Глава первая.....	11
Глава вторая.....	40
Глава третья	56

Часть вторая
«...И БЫЛА ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ»
514 год до н.э.

Глава первая.....	87
Глава вторая.....	160
Глава третья.....	178
Глава четвёртая.....	264
Глава пятая	298

Часть третья
«...И СУДЬБА ОСТАВЛЯЛА ВЫБОР»
511 год до н.э.

Глава первая.....	313
Глава вторая	384
Глава третья.....	399

Часть четвёртая
«...И ВЗРАСТАЛА С ЛЕТАМИ МОЛОДЬ»
498 год до н.э.

Глава первая.....	409
Эпилог.....	454

Абай Тынибеков

ИСПОЛИНЫ

Исторический роман

Книга первая

ДАЛАЙЯ

Редактор Елена Шаихова
Художественный редактор Женис Казанкапов
Технический редактор Эльмира Заманбек
Корректор Маргарита Клебанова
Компьютерная верстка Акмарал Кадикеновой

Подписано к печати 01.08.2018.
Формат 60х90 $\frac{1}{16}$ Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п.л. 34,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 192.

Издательство «Фолиант»
010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13

Отпечатано в типографии «РЕГИС-СТ Полиграф»
010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13

События романа-трилогии «Исполыны» развиваются с середины VI века до нашей эры по I век до нашей эры на обширном пространстве, включающем в себя территорию и древней Персии, и античной Греции, и древнего Египта, но в большей степени они касаются земли кочевых племён саков, обитавших на территории нынешнего Казахстана, куда впоследствии вступают войска народа хуннов.

Книга первая «Далайя» повествует о почти двадцати пяти годах жизни сакской женщины Далайи, бывшей воспитанницы царицы Томирис, на протяжении которых происходят всевозможные перипетии в её судьбе, в результате которых она встречает своего будущего супруга – урартского наёмника в персидских войсках Русу, попавшего к ней в плен, от которого появляется на свет их единственный сын Дантал. Далайя спасает наследника, доверив его судьбу своему другу, греку Форкису.

ISBN 978-601-338-076-6

